

№ 1 (71). 2026

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Памятная медаль
«ПОЭТ И ВОИН
ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ
(1923–1996)», 2023 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Апрель 2026 № 1 (71)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +79118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Александр Карлюкевич – председатель Союза писателей Республики Беларусь
Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютыи – секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Василий Киляков – член Союза писателей России
Римма Лютая – прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк, директор Международного
Славянского литературного форума «Золотой Витязь»
Светлана Савицкая – член Союза писателей России, учредитель Национальной
литературной премии «Золотое перо Руси»
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Александр Сидоров – Президент Международной Академии русской словесности
в Австралии (МАРС), Председатель Австралийского отделения СПР
Наталья Советная – член Союза писателей России и Союза писателей Беларуси
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Сухейль Фарах – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39–00302 от 24 сентября 2014 г.
Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.
Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 21 апреля 2026. Тираж: 50 экз. Заказ № 391.
Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05.

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее
в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New
Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-
либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл
называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и теле-
фон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё,
не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега актуальности

Виктор Аксютин. Острова Ватикана и Эпштейна как зеркала цивилизационного перелома	5
--	---

Проза

Валерий Иванов-Таганский. Романс олигарха. <i>Главы из романа.</i> Вступительное слово Нatalьи Дутко. Трансформация традиции «лишнего человека» в романе Иванова-Таганского «Романс олигарха»	8
Евгений Чебакин. Визит из тьмы. <i>Глава из романа «Ковчег для Третьей мировой».</i> Вступительное слово Нatalьи Дутко. Пророк в своём отечестве. <i>О книге Е. Чебакина «Ковчег для Третьей мировой»</i>	30
Геннадий Сазонов. Берестинки. <i>Лирические новеллы</i>	42
Александр Орлов. Когда меня не будет. <i>Рассказ</i>	45
Сергей Собакин. Дон Карлуш. <i>Из цикла рассказов «Я пришёл к тебе с приветом»</i>	49
Нatalья Советная. По тропинкам Донбасского края. <i>Путевые заметки</i>	58
Дмитрий Володихин. Сказ о старом богатыре. <i>Рассказ</i>	74

Поэзия

Татьяна Грибанова. И хлынет в душу первородный свет... <i>Стихи</i>	77
Владимир Фадеев. «Дождались – весна на российских просторах!» <i>Стихи</i>	80
Валентина Коростелёва. Светлый день. <i>Стихи</i>	83
Егор Козлов. Золотое кольцо России. <i>Поэтический цикл</i>	85

Берега юбилеев

Лидия Довыденко. Сухейль Фарах о России и человечестве. <i>К 75-летию</i>	88
Юрий Баранов. «Ковали мне голос семьсот мудрецов». <i>Стихи. К 80-летию</i>	91

Берега Янтарного края.

К 80-летию Калининградской области

Олег Опекунов. Переселенцы. <i>Повесть. Журнальный вариант. Продолжение в следующем номере</i>	94
Михаил Поленок. Акрофобия. <i>Рассказ</i>	108
Вадим Новожилов. «Когда ещё не выдумали правил...» <i>Стихи</i>	112
Лев Вылегжанин. Мандариновый закат. <i>Рассказ</i>	115

Берега памяти

Лидия Довыденко. Кто приобщён к высоким смыслам... <i>Памяти Сергея Пылёва</i>	117
Александр Васин-Макаров. У жизни нет черновиков... <i>Стихи</i>	119
Нина Волченкова. «Диалог никогда не прервётся, пока помню я Вас и люблю...» <i>(Из книги «Душа твоя высокого полёта», посвящённая Сэде Вермишевой)</i>	122

Берега культуры и искусства

Элен Левитт. «Царственная линия сквозь тысячу лет: культурный диалог в ОАЭ». <i>Искусство как линия преемственности</i>	126
Юлия Кузяева. Есть встречи, которые становятся путеводной звездой.....	131
Елена Лебедева. Из Парижа в Нью-Йорк и обратно в Париж. Шуваловы под Парижем в Шату. <i>По воспоминаниям Александры Шуваловой – внучки Фёдора Шаляпина</i>	132

Берега Новороссии

Юрий Хоба. Гансиха. <i>Рассказ</i>	138
---	-----

Берега прочтения

Сергей Пылёв. Радостное дыхание таланта. <i>Эссе на тему творчества С. А. Собакина</i>	148
Людмила Воробьёва. Открытый голос правды и любви. <i>О книге поэзии Натальи Егоровой</i> <i>«Сиянье мира, бьющее за край» (Смоленск, 2026)</i>	153
Эдуард Анашкин. «...За право любить и мечтать...» <i>О книге Юрия Баранова</i> <i>«Строчки на крови»</i>	169
Алёна Шипицына. <i>Интервью с Владимиром Скифом</i>	172
Ольга Ефимова. Замена счастью. <i>Сергей Арутюнов. Тетракс (четыре книги, втиснутые в одну). Новокузнецк: «Союз писателей», 2026</i>	178

Бережок

Ольга Флярковская. Ромашкины сны. <i>Стихи</i>	182
---	-----

Наши друзья

О приобретении журнала	184
------------------------------	-----

Берега актуальности

Виктор Аксюциц

Виктор Владимирович Аксюциц – философ, публицист, религиозный и политический деятель. Родился в 1949 году в Белоруссии, служил в Военно-морском флоте. Окончил философский факультет МГУ. Занимался религиозным и политическим самиздатом, за что подвергался репрессиям КГБ: исключение из аспирантуры МГУ, обыски, допросы, изъятие библиотеки, негласный запрет на работу по профессии. Около десяти лет вынужден был работать строительным рабочим. Публиковался в эмигрантских и западноевропейских изданиях. Издатель литературно-философского журнала русской христианской культуры «Выбор». Народный депутат Российской Федерации в 1990–1993 годах. Лидер Российского христианского демократического движения в 1990–1997 годах. Доцент Государственной академии славянской культуры.

ОСТРОВА ВАТИКАНА И ЭПШТЕЙНА КАК ЗЕРКАЛА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПЕРЕЛОМА

Представленный текст – это не просто историческое эссе, а манифест, проводящий резкую цивилизационную демаркационную линию между «миром православным» и «западным христианством». Предлагается концепция, в которой инфернальные явления современности (на примере «острова Эпштейна») являются не случайным сбоем системы, а логичным продолжением многовековой европейской традиции подмены сакрального – светским, а духовного – политическим.

1. «Остров» как архетип западной эсхатологии.

Это не просто метафора. Это квинтэссенция абсолютного отчуждения «избранных» от человеческого рода, от его законов и морали. Это заповедник новой сакральности, где растабуировано всё, что делает человека человеком. Это зона безнаказанности для человеческого подполья, выпущенного на волю, – с его чудовищными страстями и кровавыми фобиями. «Острова Эпштейна и Ватикана» в данном контексте – это топосы, где власть (финансовая или церковная) окончательно сбрасывает маску морали. Они являются материализацией «человеческого подполья» Достоевского, которое на Западе получило не только свободу, но и институциональную защиту. Тотальность и откровенная адская природа «культы Эпштейна» сумели шокировать даже «цивилизованный» мир, давно, казалось бы, привыкший ко всему. При этом наивно утверждать, что «секта Эпштейна» и есть то самое «мировое правительство». Хотя в любой мутной жиже рыбак всегда найдёт чем поживиться, – будь то охотник за властью или агент влияния...

2. Подмена евангельского идеала политической экспансией.

Так ли новы эти инфернальные тенденции? История учит: большинство великих цивилизаций возводились на костях, орошались кровью и укреплялись огнём. Лишь с приходом христианских веков в мир пробился луч иного сознания: осознание того, что «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» (Ф. М. Достоевский). В этой вселенской битве за душу человеческую главным соблазном, самым действенным оружием сатаны всегда были власть и богатство. Недаром сказано: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Божие» (Мф. 19:24). Именно в горниле этих искушений проверяется, усвоил ли человек Божественные законы или лишь прикрывается ими. На западе и востоке христианского ойкумена извержения человеческого подполья происходили по-разному, на Западе они приняли форму вулкана, уничтожающего всё вокруг себя.

3. Нравственный цинизм и его корни.

Для европейских Церквей (католичество и протестантизм) приоритетом стало не стяжание Духа Святого, не воспитание в человеке Богоподобного достоинства и вселенской ответственности, за вещанных Богочеловеком, а борьба за власть над миром сим. Это привело к сакрализации насилия.

Папство, а следом и протестантизм погрязли в экспансии: инквизиция, костры еретиков и «ведьм», крещение огнём и мечом целых континентов. Крестовые походы были не паломничеством, а захватническими войнами, религиозные ордена формировались как ударные отряды для завоеваний, создавая свои государства.

Западное христианство, стремясь к глобальному доминированию, утратило свою сотериологическую суть (спасение души), превратившись в идеологический придаток государства и финансов. В этом «христианстве» с трудом угадывались новозаветные истины: ни подлинной духовности, ни справедливости, ни милосердия. Мистические прозрения одиночек оставались на обочине этой магистральной дороги к власти. Такая система неизбежно порождает «прейскурант на грехи» – индульгенции как способ легализации порока. Реестр индульгенций с таксами: за прелюбодеяние монаха – столько-то, за рождение внебрачных детей у настоятельницы монастыря – налог такой-то. Там, где нет внутреннего покаяния (исповеди), внешний закон (тариф) становится регулятором морали.

Таким образом, тотальная легализация разврата, захлестнувшая современный Запад при поддержке и благословении Церквей, имеет глубокие, многовековые корни. В Италии эпохи Возрождения *«священнослужители содержат мясные лавки, кабаки, игорные и публичные дома, так что приходится неоднократно издавать декреты, запрещающие священникам “ради денег делаться сводниками проституток”, но всё напрасно. Монахи читают “Декамерон” и предаются оргиям, а в грязных стоках находят детские скелеты как последствия этих оргий. Тогдашние писатели сравнивают монастыри то с разбойничьими вертепами, то с непотребными домами... В церквях пьянствуют и пируют, перед чудотворными иконами развешаны по обету изображения половых органов, исцелённых этими иконами. Францисканские монахи изгоняются из города Реджио за грубые и скандальные нарушения общественной нравственности, позднее за то же из этого же города изгоняются и доминиканские монахи»* (А. Ф. Лосев). Ничего, даже отдалённо напоминающего этот ад, русская церковная жизнь не знала.

В средневековом Иерусалимском королевстве, этом оплоте крестоносцев, царил полная деморализация: *«Между отдельными княжествами не только не было солидарности, но они находились в крайней деморализации; нигде не было такого простора для интриг, честолюбия, убийств, как в восточных княжествах крестоносцев. Примером безнравственности может служить Иерусалимский патриарх Ираклий, который не только напоминал собой самых дурных римских пап, но во многом превосходил их: он открыто жил со своими любовницами и расточал на них все свои средства и доходы; но он был не хуже других; не лучше были князья, бароны, рыцари и духовные лица. Полная распущенность нравов господствовала среди тех людей, на которых лежали весьма серьёзные задачи ввиду наступавшего грозного неприятеля»* (Википедия. Третий крестовый поход).

Разврат, ставший системой, достигал своего апогея на самом верху: *«Папа Александр VI (1431–1503), будучи кардиналом, имел четырёх незаконных детей... а за год до своего вступления на папский престол, уже будучи 60 лет, вступил в сожительство с 17-летней, от которой вскоре имел дочь... Современники сообщают также, что он сожительствовал со своей дочерью Лукрецией, которая также была любовницей своего брата Цезаря, и что эта Лукреция родила ребёнка не то от отца, не то от брата. Имели незаконных детей также и папы Пий II, Иннокентий VIII, Юлий II, Павел III; все они – папы-гуманисты, известные покровители возрожденческих искусств и наук»* (А. Ф. Лосев).

Ватикан при первых лицах Церкви превращался в притон. Увеселительные празднества, где отравленный десерт был изысканным способом убрать соперника, стали обыденностью: *«Папа Александр VI и его сын Цезарь Борджиа собирают на свои ночные оргии до 50 куртизанок... Он торговал должностями, милостынями и отпущением грехов. Ни один кардинал не был назначен при нём, не заплатив большую сумму. Александр VI умер, отравившись конфетой, приготовленной им для одного богатого кардинала. При Юлии II в Ватикане происходил бой быков. Папа Лев X был страстным охотником и очень любил маскарады, игры и придворных шутов... Широкое распространение получает порнографическая литература и живопись... В Ватикане при Льве X ставят непристойные комедии... причём декорации к некоторым из этих комедий писались Рафаэлем; при представлении папа стоит в дверях зала, и входящие гости подходят к нему под благословение... Нередко по политическим соображениям высшими духовными лицами, кардиналами и епископами, назначаются несовершеннолетние дети»* (А. Ф. Лосев).

Фигура Балтазара Коссы, ставшего папой Иоанном XIII, затмевает любого гангстера. В юности – пират и разбойник, в зрелости – первосвященник. О нравственном обращении не могло быть и речи.

Иоанн XIII, предаваясь любовным утехам, сделал своей наложницей собственную 14-летнюю внучку, предварительно соблазнив сестру и мать. Выдав внучку замуж за неаполитанского короля, он затем отравил обоих «любовным снадобьем». Апофеозом цинизма стал папский тариф на индульгенции: за убийство матери и отца – 1 дукат, за убийство жены – 2 дуката, за жизнь священника – 4, епископа – 9, за прелюбодеяние – 8, за скотоложство – 12 дукатов. Собор епископов низложил его, но и после этого он был оставлен епископом. Даже на фоне жестоких средневековых нравов Руси подобное святотатство невозможно вообразить. Если таковы нравы князей Церкви, то каково было общество? В Европе Возрождения мораль пала настолько, что проституцию приходилось поощрять государственно. *«В Риме в 1490 г. насчитывалось 6800 проституток, а в Венеции в 1509 г. их было 11 тысяч... Бывали времена, когда институт куртизанок приходилось специально поощрять, поскольку уж слишком распространился “знусный грех”. Проституткам специально запрещалось одеваться в мужскую одежду и делать себе мужские причёски, чтобы таким образом вернее заманивать мужчин... Неаполитанский король Ферранте (1458–1494) внушал ужас всем своим современникам. Он сажал своих врагов в клетки, издевался над ними, откармливал их, а затем отрубал их головы и приказывал засаливать их тела. Он одевал мумии в самые дорогие наряды, рассаживал их вдоль стен погребов, устраивая у себя во дворце целую галерею, которую и посещал в “добрые” минуты. При одном воспоминании о своих жертвах он заливался смехом. Этот Ферранте отравлял в венецианских церквях чаши со святой водой, чтобы отомстить венецианской сеньории, предательски убивал нередко прямо за своим столом доверившихся ему людей и насильно овладевал женщинами»* (А. Ф. Лосев). Европейские хроники Возрождения переполнены подобными описаниями садизма и разложения, тогда как в русских летописях мы не найдём ничего, даже отдалённо напоминающего эту клоаку.

5. Историческая неизбежность «островов».

Если Ватикан эпохи Возрождения (Борджиа, Лев X, Иоанн XXIII) – это место, где *«отравленный десерт был изысканным способом убрать соперника»*, а монастыри сравнивались с *«разбойничьими вертепами»*, то современные «острова» Эпштейна – лишь технологическая (цифровая и логистическая) версия тех же «садов наслаждений» для избранных. Разница только в декорациях: вместо Рафаэля, рисующего декорации к непристойным комедиям, – частные самолёты и камеры слежения.

Об исторических и метафизических причинах европейского грехопадения в моей книге «Цивилизационная катастрофа или преображение» <https://www.directmedia.ru/book-720218-tsivilizatsionnaya-katastrofa-ili-preobrajenie/>.

4. Пропать между «двумя мирами». Невозможность подобного святотатства на Руси.

Чтобы осознать пропасть между двумя мирами, достаточно одного вопроса: можно ли представить на Руси преискурант на грехи? В Русской земле никогда не требовалось писать законы, чтобы штрафами пресекать разврат в монастырях, ибо не было там ни мясных лавок, ни кабаков, ни публичных домов. Невозможно, немислимо представить, чтобы православный митрополит или патриарх вели ту жизнь, которая была нормой в Ватикане. Это противопоставление иллюстрирует разницу между западной юрисдикцией (внешнее регулирование греха) и восточной икономией (внутреннее преображение).

Ещё один характерный штрих к портрету европейской «цивилизованности»: *«В начале XIII века в Европе было 19 тысяч лепрозориев. В них не лечили, туда запирали. Разгул болезней не должен удивлять: в тогдашней Европе не было бань»* (А. Б. Горянин). Православная Россия всегда хранила традиции не только телесного, но и духовного омовения – покаяния и чистоты. Баня становится символом гигиены духа, противопоставленной европейской антисанитарии души.

На этом стояли, стоим и будем стоять! Этим и победим! Это не просто патриотический лозунг. Это концентрированное выражение эсхатологической надежды: духовная чистота и соборность, сохранённые в православной традиции, как единственный заслон против окончательного скатывания мира в «ватикано-эпштейновскую» бездну. Победа видится не только в военной или экономической мощи, а в сохранении того самого луча иного сознания, который был явлен миру с приходом христианства и сохранён на Востоке.

Таким образом, выстраивается цивилизационная антитеза:

Запад: Власть над миром (политика, деньги) → Моральный релятивизм → Легализация греха (индульгенция / тариф) → Создание «островов» безнаказанности для «избранных» (Ватикан, Эпштейн) → Духовная смерть.

Россия / Православие: Стяжание Духа (вера, совесть) → Моральный абсолютизм → Покаяние и очищение (баня / омовение) → Соборность и борьба с «подпольем» → Духовная жизнь.

Валерий Иванов-Таганский

Валерий Иванов-Таганский – писатель, драматург. Окончил Щукинское театральное училище, Литературный институт им. М. А. Горького и ГИТИС. С 1966 по 1977 год работал ведущим артистом Московского театра на Таганке, заслуженный артист РФ.

Академик, первый вице-президент Петровской академии наук и искусств. Многолетний ведущий передачи «Искатели» на Первом канале. По роману автора «Семя отечества» снят многосерийный фильм «Репортёры», член Союза писателей России, лауреат Международной премии по литературе «Имперская культура».

РОМАНС ОЛИГАРХА

Главы из романа

Вступительное слово Натальи Дутко, кандидата психологических наук, доцента кафедры методики преподавания литературы МПГУ, члена МГОП России

Трансформация традиции «лишнего человека» в романе Иванова-Таганского «Романс олигарха»

Роман В. А. Иванова-Таганского «Романс олигарха» закономерно привлекает внимание как яркий образец социально-психологической прозы, вступающий в прямой диалог с фундаментальными традициями русской литературы. Писатель, чьё творчество укоренено в традиции реалистического исследования «диалектики души» (по выражению Н. Г. Чернышевского о Л. Н. Толстом), переносит вечные вопросы о смысле жизни, ответственности и месте личности в истории в контекст реалий начала XXI века: эпохи глобального капитала, санкций, гибридных конфликтов и цифрового надзора. Центральной фигурой этого художественного исследования становится российский олигарх Борис Заварюгин, чей образ позволяет автору осуществить смелую и актуальную трансформацию классического типа «лишнего человека». Иванов-Таганский сознательно опирается на две мощные линии русской классики. Во-первых, это традиция социально-психологической сатиры, идущая от Н. В. Гоголя к Ильфу и Петрову. Однако писатель отказывается от прямого гротеска в пользу гиперреализма, где абсурд растворен в самой ткани бытия. Проверка ФСБ на яхте под предлогом поиска наркотиков в шоколаде представлена не как анекдот, а как рутинная процедура давления, что усиливает эффект достоверности и ощущение тотальной пронизанности жизни героя системой контроля.

Во-вторых, и это наиболее существенно, автор переосмысливает феномен «лишнего человека». Классические герои – Онегин, Печорин, герои Тургенева – страдали от избытка нереализованных сил в условиях социального застоя. Их драма была драмой неостребованности, интеллектуальной и романтической рефлексии в замкнутом дворянском мире.

Заварюгин – «лишний» в диаметрально противоположной ситуации. Он тотально востребован системой: как источник ресурсов, как игрок на геополитическом поле, как объект внимания спецслужб. Его силы не неостребованы, а истощены перманентной борьбой за выживание и сохранение статуса. Его реальность – не застой, а турбулентность. Поэтому экзистенциальная проблема героя смещается: это не скука от бездействия, а «усталость победителя», осознание, что завоёванный мир оказался «золотой клеткой». Его попытка построить памятник оперному певцу Николаю Гедде – это жест отчаяния, романтическая попытка вырваться из пространства чистого капитала в пространство вечной культуры, обрести утраченный высший смысл.

Создавая образ олигарха, Иванов-Таганский использует толстовский метод «диалектики души», помещая его, однако, в иную социально-историческую среду. Душевная жизнь Заварюгина предстаёт как поле непрекращающейся внутренней гражданской войны, где каждое качество порождает свою противоположность. Он может искренне рыдать от счастья по поводу будущего ребёнка и через минуту холодно просчитывать варианты спасения активов. Эта раздвоенность – не признак лицемерия, а следствие условий существования: его «я» разрывается между изоляцией и глобализацией, патриархальными устоями и гиперкапитализмом, давлением государства и жаждой личной свободы.

Писатель избегает упрощённых оценок. Заварюгин не «положительный» и не «отрицательный» герой; он – «человек в ситуации предельного выбора, где все варианты ведут к потерям». Он одновременно продукт и заложник постсоветской системы, «акула капитализма» и сентиментальный мечтатель. Его трагедия – это трагедия целого поколения «победителей» 1990-х, обнаруживших экзистенциальную пустоту в основании своей материальной пирамиды. Через частную судьбу Заварюгина автор разворачивает панораму исторического слома, показывая, как «каток Большой Истории» (геополитический кризис, санкции, гибридная война) деформирует индивидуальную психологию.

Художественная сила романа во многом обеспечивается системой точно выверенных деталей и символов, выполняющих диагностическую функцию.

Яхта «Берга» – ключевой символ амбивалентного положения героя. Это одновременно атрибут абсолютной свободы (передвижения, выбора) и роскошная тюрьма, плавучее пространство, откуда невозможно уплыть от проблем. В финале она становится ареной тотального краха, где приватное становится публичным.

Шоколад в трюме – ироничный символ «сладкой» жизни олигархии, которая в любой момент может быть конфискована по надуманному предлогу, обнажая фиктивность правовых гарантий.

Макет акулы в кабинете с соответствующей надписью – навязанный герою и частично им интернализированный образ, с которым он ведёт внутренний спор, желая быть не только «акулой», но и творцом.

Детали у Иванова-Таганского – это симптомы. Описание кольца, «жучка» или процедуры проверки становится точкой входа в анализ состояния общества, где богатство не гарантирует свободы, а технологии отменяют приватность.

Сюжет романа, построенный как конвергенция нескольких кризисных линий (культурный проект, семейный конфликт, бизнес-переговоры, роман), ведёт к виртуозно выстроенной кульминации в Гётеборге. Здесь автор демонстрирует полную несостоятельность попытки героя разделить свои жизненные сферы. Публичный триумф (речь о памятнике) происходит одновременно с приватным крахом (шантаж жены). Романтическое уединение с любовницей оказывается под прицелом бинокля обманутого мужа.

Иванов-Таганский мастерски использует технику «двойного кадра»: пока Заварюгин ликует на катере, чувствуя себя победителем, получившим шанс на новую жизнь, читатель уже видит обратный план – его врагов, готовящих ответный удар. Эта структура подтверждает центральную мысль романа: для человека такого масштаба не существует частной жизни. Любое его действие мгновенно становится публичным достоянием, инструментом давления и торгов.

Таким образом, роман В. А. Иванова-Таганского «Романс олигарха» представляет собой значимое явление в современном литературном процессе. Автор не просто продолжает, но и продуктивно трансформирует традиции русской классической литературы, переосмысливая архетип «лишнего человека» применительно к реалиям новой эпохи. Образ Бориса Заварюгина становится собирательным и трагическим портретом «героя нашего времени» – фигуры, обладающей колоссальной ресурсной мощью, но оказавшейся в экзистенциальной ловушке между молотом государственного контроля и наковальней глобального капитала. Проза Иванова-Таганского служит мостом между вечными вопросами русской литературы и новыми социально-историческими условиями, в которых эти вопросы обретают болезненную и предельно конкретную актуальность.

* * *

...Заварюгин пришвартовал катер на место, и они, с мешком рыбы, незаметно поднялись на борт яхты.

– До вечера, – тихо попрощался он с ней, – береги себя.

– И ты! – шепнула она. – Пока.

Борис потянулся поцеловать её, но Настя его остановила:

– Справа окна двух кают не зашторены, – бросила она и направилась в шестую каюту, чтобы переодеться.

Заварюгин проводил её и затем поднялся на палубу. Кто-то из гостей прогуливался здесь, укутавшись в пледы, защищающие от поднявшегося ветра. Несколько человек из членов экипажа смотрели фильм. Заварюгин отучил своих сотрудников от незатейливых фильмов вроде «Кубанских казаков», а заставил, для изучения языка, смотреть английские фильмы. Сейчас на экране плёл чудовищную интригу лорд Ричард Глостер из фильма Лоуренса Оливье «Ричард III», который внешне был похож на «забальзамированного коршуна», повторяющего своё любимое присловье: «С тех пор, как в милость, я влез в себя...»

В остальном всё было спокойно и даже празднично. Заварюгин позвонил по мобильному Киселёву:

– Киселёв, срочно ко мне.

Заметив официанта, он окликнул и его:

– Виктор, у шестой каюты мешок свежей рыбы, передай её на кухню, пусть приготовят.

– К вечеру или сейчас? – спросил официант.

– К вечеру, конечно. Ступай.

Через минуту появился Киселёв.

– Как обстановка? – спросил Заварюгин.

– Всё хорошо! Большая часть гостей в баре. Браузер ушёл бриться. Доброхотов играет в шахматы с новым работником Сашей.

– А что Алиса? – настороженно спросил Борис Наумович.

– Они там с Соколовым и Мамонтом квасят.

– Соколов квасит?

– Нет, в основном Роман Ефимович.

– Что, перебрал?

– Нет, вторая стадия – волокуши.

– Волокуши? Это как?

– На вопрос таксиста «Куда ехать?» отвечают: «Не ваше дело!»

Заварюгин на секунду задумался и приказал:

– Отведи Романа Ефимовича в каюту, а то он до вечера не дотянет.

– Хорошо, но к ним присоединилась его жена, и они о чём-то спорят.

– Ах, так! Ну, пусть спорят. Тогда шепни Николаю Ивановичу, пусть зайдёт ко мне.

Сделав несколько шагов в сторону кабинета, Заварюгин неожиданно сам натолкнулся на Соколова. Николай Иванович Соколов был советником холдинга по экономическим вопросам. Заварюгин часто обращался к нему, когда бывал в затруднённом положении и не знал, какое решение лучше принять. Сейчас, после разговора с Браузером, ему нужно было услышать мнение «старика» по предложениям зарубежных благодетелей корпорации. Увидев Соколова, он удивился.

– Вам что, Киселёв уже успел сказать, что я просил зайти ко мне?

– Нет. Слышал, что катер подошёл.

Заварюгин понял, что Соколов в курсе того, с кем он был на катере, но сделал вид, что ни о чём не догадался.

– Я на рыбалке был.

– В советское время шутили: «Рыбалка – это единственное место для женщины, где можно не спеша выбирать мужчину, не боясь, что всех переловят».

Заварюгин улыбнулся, отдав должное остроумию «старика».

– Значит, всё уже известно?

– Нет, все говорят, что шеф отлучился по организационным вопросам.

– Понятно, я даже предполагаю, чья это байка.

Они неторопливым шагом пошли в кабинет Заварюгина.

Борис Наумович очень ценил Соколова. Тому перевалило уже за семьдесят, но он был ещё «крепким орешком», прекрасно чувствующим юмор и никогда не требовавшим лишнего: ни в гонораре, ни в особом к себе почтении. Именно эта сдержанность и делала его нужным и уважаемым человеком.

Они вошли в нагретый солнцем кабинет Заварюгина. Хозяин предложил своему учителю сесть в удобное кресло и включил кондиционер. Себя же он чувствовал немного озябшим после путешествия на катере, поэтому решил предложить старому другу выпить.

– Николай Иванович, не откажите в любезности по одной рюмашке за нашу дружбу и взаимопонимание.

Заварюгин достал из бара французский «Арманьяк» и поставил на стол поднос с фруктами.

– За дружбу – «да», а взаимопонимание, оказывается, отсутствует.

Услышав такую реплику, Борис Наумович насторожился. Приглядевшись внимательнее, он понял, что «старик» чем-то очень расстроен, и настороженно спросил:

– Что случилось?

– Только что в баре Браузер, чтобы сильнее меня поддеть, выдал мне такую информацию, что я ему чуть по морде не съездил.

– Какую ещё информацию?

– На отвратительном русском он при всех ляпнул, что нам кранты. Что, дескать, на лондонской площадке нас послали, что в Гонконге голубые фишки резко обвалились и что нам вообще – капец.

– А, понял. Так он и мне пару часов назад что-то в этом духе пытался доказать. Я его попросту выпроводил, – спокойно ответил Заварюгин и разлил в sniffтеры коньяк.

– Помнишь, когда ты принимал его на работу, я тебе тогда сказал: «Гадюку в огород пускаешь». Уверен, ты подумал, что я ревную. Вот, сукин сын, нам, значит, – «капец», а у него почему-то хорошее настроение. Набрался виски и пошёл насвистывая бриться.

Соколов сделал паузу и пристально посмотрел на Заварюгина.

– И с Алисой у тебя что-то неладное... Ты можешь объяснить, что происходит?

– Давайте по очереди, Николай Иванович. Сначала выпьем.

– Не хочется, но одну выпью, только за что?

– За жизнь!

– За жизнь – с удовольствием!

Оба выпивают, не отводя друг от друга взгляда.

– А как она, кстати, эта жизнь? – осторожно спросил Соколов.

– Как сказал поэт: «Жизнь – это океан и тесная тюрьма». И к тому же она полосатая. И на международном фронте, и на личном у меня сейчас не самые светлые деньки... Вот, развестись собрался.

– Да вижу, что ва-банк идёшь. А что стряслось?

– Да то же, что случается с каждым вторым, если не чаще.

– Но только не говори о «разбитой любовной лодке». Это не про вас с Алисой. Боря, я вижу, тебе «бес в ребро ударил»?

– Не буду отрицать, но это не главное.

Заварюгин открыл холодильник и принёс на тарелке грецкие орехи, инжир и тонко нарезанный «Пармезан».

– Закусывайте, Николай Иванович, инжир и «Пармезан» хорошо сочетаются, – он сделал небольшую паузу. – Раз уж мы затронули эту тему, скажу прямо, мой дорогой учитель: очень хочу детей, но не ладится. Вот попробую некоторое время здесь пожить.

– Как я понимаю, с новой избранницей?

– Да, влюбился, Николай Иванович. Только вам могу сказать: ребёнка ждём.

– За весь день хоть одна хорошая новость, – тепло отозвался Соколов. – А как же Алиса?

– Больше обманывать ни себя, ни её не могу. Всё кончено! – жёстко отрубил Заварюгин.

– «Всё кончено», как это у вас легко, мать вашу за ногу. А я вот, старый дурак, «золотую» сыграл и к стране прикипел, – строго выговорил Соколов. – И пожить мне где-то «на стороне» не хочется. Запало в мозг, что нигде эмигрантов не жалуют.

– «Где родился, там и пригодился», в моём случае не получится. Время другое, Николай Иванович, иногда за неделю полшарика увидишь.

– Ну, конечно, скромный выпускник «Плешки», несостоявшийся аспирант теперь глобалистом стал, человеком мира.

– У каждого «глобалиста», Николай Иванович, свои бесы по дороге. Как шутил мой однокурсник: «Наша жизнь – это путь от мощи к мощам». Николай Иванович, я ведь с ранних лет без отца. Вы во

многим его мне заменили. Скажу честно, я попал в такой переплёт, что нервы с катушек слетели. Без огромных потерь мне теперь не вырваться.

– Потери бывают разные.

– Они огромные, Николай Иванович! И бьют америкосы по «главному», по тем, кто занимается стратегическим сырьём. Дошло до того, что приписывают вмешательство в президентские выборы США. Нам, видите ли, там свой президент нужен.

– И какой у тебя теперь выход?

– Какой? Смотреть, как сгорают бабки.

В этот момент у Заварюгина заиграл мобильный. Он отошёл в сторону. Звонил Киселёв.

– Борис Наумович, в баре шурум-бурум начался. Роман Ефимыч не контролирует себя, ссорится с женой, на бармена набросился за то, что ему слабый виски налили. Что делать?

– Что делать? Очень просто! Вызови Синицына с ребятами и успокойте гостя. Через полчаса я зайду.

Он отключил мобильный и вернулся к Соколову.

– Что-нибудь случилось? – спросил Соколов.

– Нет, ерунда. Гости гуляют.

– Ты ведь в Лондон посылал Браузера. Зачем? – поинтересовался Соколов.

– Надеялся договориться.

– Ну и что?

– Пока плохо! Эти английские козлы, которых я действительно по дури запустил в наш огород, без меня подняли белый флаг и договорились с американцами о сдаче активов. Просто загнали в угол: принимай их условия и отползай, пока не поздно.

– И ты согласился?

– А что мне остаётся делать? Что? Ждать, пока меня на колени поставят?

– Боря, нельзя сдавать Западу активы, принадлежавшие всему государству. Это же неприемлемый ущерб и России, и её безопасности.

– Николай Иванович, не надо так! Мы же не на лекции. Вы прекрасно знаете, что, когда я собирал предприятия отрасли воедино, они уже были частными. Большая часть из них лежала в руинах хаоса девяностых. Разве вы забыли, как американцы рулили в правительственных кабинетах? А я, несмотря ни на что, делал своё дело. Скупая и поднимая заводы, ваш покорный слуга обеспечил работой десятки тысяч людей.

– Всё правильно, здесь ты молодец, ничего не скажешь. Но и не забудь, какой ценой это делалось. Вцепились в добычу, как хищники! Под шумок приватизации растаскивали народное добро по своим нормам, притом вгрызались в горло друг другу, не гнушаясь кровавых разборок.

– Да, время было страшное. Но в бизнесе и политике без силы и жёсткости не пробьёшься. А при социализме не воровали, что ли? Там был тот ещё «беспредел»!

– Воровство было всегда, но при советской власти преступник жрал икру под одеялом и боялся, а сегодня наворованное богатство принято нагло выставлять напоказ. Я предпочитаю «советское воровство», тогда людям хотя бы было стыдно бравировать награбленным. У нас в Союзе и дружба была, и бизнес не сходил с ума от алчности. А у вас сейчас, как говорится, «Боливар двоих не выдержит».

– Николай Иванович, эти «боливары на двоих» – байки конкурентов и завистников. Один из моих бывших партнёров пытался оспорить право на треть капитала, заработанного без его участия. Этот подонок по собственной инициативе вышел из дела, смотался «за бугор», а когда я поднял бизнес до небес, – «раскатал губу».

– Боря, что бы ты ни говорил, промышленные предприятия были построены не вами, а нашими отцами и дедами. И разве не грех отдавать их теперь иностранцам?

– Жизнь так сложилась, дорогой мой учитель, что «кто умеет – тот делает, кто не умеет – тот управляет, а кто не умеет даже и этого – тот пишет и философствует». Отдавать в чужие руки контроль и собственность, Николай Иванович, не только не хочется, но и унижительно. Но выхода иного просто не вижу.

Заварюгин обернулся и показал Соколову на стоящее в углу чучело акулы.

– Взгляните на эту владычицу океанов, но даже она попалась.

– Боря, в этой жизни неважно, как ты падаешь. Важно, как ты встаёшь, потому что безвыходных ситуаций не бывает. И в данном случае я убеждён, что выход есть.

– Где этот выход?

– Не уступать собственность Западу, а договориться с нашими властями о незамедлительной национализации предприятий! Но, с разумным выкупом. Тогда и волки будут сыты, и овцы целы.

– Мой дорогой учитель, вы забываете про цифры: сегодня суммарный капитал всех организаций, действующих в экономике, равняется 23 %. Это ключевой показатель, по которому нужно оценивать долю государства в экономике. Но 23 % – это, образно выражаясь, «средняя температура по госпиталю». В ключевых секторах российской экономики этот показатель намного ниже. В добывающей промышленности он всего 0,5 %, в обрабатывающей промышленности – 4,2 %.

– Боря, «цифры» не всегда верна и уместна. Россия сегодня ведёт с коллективным Западом напряжённую войну, которая требует экономической мобилизации. Без сильного государственного сектора она невозможна. Не исключено, что у нашей с тобой стороны впереди – десятилетие войны. Посмотри, в какого дикобраза превращаются наши бывшие партнёры. Война идёт не на жизнь, а на смерть. При этом Россия – не СССР, она меньше по численности и мощи.

– Вы предлагаете вернуться к прежней системе бюрократического социализма – к обществу, в котором бесплатно ещё не дают, а за деньги уже ничего не купишь?

– Ни в коем случае! Но совершенно очевидно, что мы нуждаемся в переходе от бюрократическо-олигархического капитализма к новому социализму, избавленному от пороков прежнего.

– Утопия, уважаемый советник.

– Нисколько. Мировая практика свидетельствует в пользу нового жизнеустройства. Такой интегральный тип общества уже существует в отдельных странах Европы и Азии. И у них высокий темп экономического роста, наличие гражданских свобод и совершенствование личности. Кто опережает в развитии все остальные страны мира? Китай.

Заварюгин вскинул руками и стал ходить по кабинету, пытаясь найти аргументы, чтобы возразить железной логике Соколова.

– Ну вот, вы опять про этот Китай. Дался вам этот Китай!

Он подошёл к висевшей на стене географической карте и, тыкая рукой в абрис выделенной территории России, стал доказывать:

– Посмотрите вокруг, мой дорогой учитель, где вы видите китайцев? Их нет! У нас нет китайцев с их национальными особенностями и трудолюбием. Посмотрите вокруг, у нас все из Ивановской области. А вот китайцы действительно могут появиться, когда мы всё просрём. Вот тогда они придут и научат нас работать так, что мало не покажется.

– Борис, ссылки на национальные особенности – это обычная болтовня, не выдерживающая критики. Эта «Ивановская область» подняла всех и в сорок пятом победила всю Европу. К тому же где были китайцы с этими же качествами пятьдесят лет назад, когда голод сводил в могилу миллионы их людей?

– Правильно, они от могилы социализма ушли к капитализму.

– К капитализму? Под руководством Коммунистической партии Китая? Не странно ли? Весь фокус состоит в том, что они, в отличие от нас, не раздраконили социализм и плановое хозяйство, а умудрились соединить, казалось бы, несоединимое – «положительное» в социализме с рынком и «созидательное» в капитализме.

– Нет, нет, нет, это глупости! Эkleктика!

– В том-то и дело, Борис, что это – реальность и... наука. Я многие годы занимаюсь этой темой. Смотри, капитализм делает ставку на эгоистические начала в человеке, но на этом коньке далеко не уедешь. Коммунизм уходит в другую крайность, стремится превратить общественное начало и заботу о человеке в единственный локомотив прогресса. Обе системы становятся религиозными догмами, не желающими считаться с требованиями жизни, а истина, как известно, находится посередине.

– Правильно, нельзя в одну телегу впрячь коня и трепетную лань!

Заварюгин слишком хорошо знал своего учителя, и, чтобы переубедить Соколова, нужны были не просто слова и доводы, а железная и аргументированная логика. А вот её он как раз и не мог предложить.

Соколов же, чувствуя, что его аргументы сильнее и он побеждает, привёл пример, который стал полной неожиданностью для Заварюгина:

– Боря, я напомним тебе строки из незавершённой кандидатской диссертации одного из моих аспирантов: «Общество, как и биосфера, может нормально функционировать только в сбалансированном состоянии, когда не нарушен баланс между возможностью в удовлетворении жизненных благ и их потреблением. Поэтому жить и создавать своё благополучие за счёт других, в ущерб природе и будущим поколениям нельзя». Ты не помнишь, кто это писал?

– Это то ли англичанин Джон Кейнс, но точно не Маркс.

– Это цитата из твоей «кандидатской», Борис.

– Не может быть! Это я таким умным был?

– А я тогда дописал от руки только несколько строк: «Уверен, что в будущем большинство человечества перейдёт к этому новому социализму, или интегральному обществу».

Заварюгин отпил коньяк и иронично заключил:

– Гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Николай Иванович, признайтесь честно: мы с вами будем в это время в России?

– Я – нет, а ты будешь!

– Ну и упрямый же вы человек, Николай Иванович.

– Упрямство – это ослепление. У меня твёрдость, Боря. Она предполагает мужество ума, просвещённую решимость и убеждённость, что этот народ заслужил лучшую жизнь.

– Меня как будто «Машина времени» перенесла в студенческие годы.

– Я и сейчас не скрою того, что ты был одним из лучших студентов.

– Позвольте тогда спросить вас, дорогой учитель, что полезно из вашей теории для меня в настоящий момент?

– А то, что командные высоты в экономике, в том числе и тот её отсек, который ты держишь в своей собственности, непременно должны находиться в руках государства.

– Такие весомые шаги без одобрения Кремлём не делаются.

– Не скромничай, Борис. И не делай вид, что не чуешь, чьё мясо ешь. Для меня совершенно ясно: спектакль идёт к финалу. Олигархи оттяпали у народа собственность и спрятали триллионы долларов в офшорах, накупив на Западе недвижимости, разместив там жён и любовниц и обучая детей.

– А разве в царской России не посылали детей учиться за границу? Разве не Годунов ещё в начале своего восхождения не отправил морем из Архангельска в Англию молодых людей для обучения в Итоне, Винчестере, Кембридже и Оксфорде? А Пётр отправил в Голландию, Италию и Англию почти полсотни дворян и разночинцев.

– Так они возвращались и работали на благо России. И с Западом после Петра были другие отношения, боялись. При Александре III никто в Европе рыпнуться не смел, а сейчас, под прикрытием персональных санкций, Запад может отобрать любую собственность у олигархов. А что со страной? Кирдык! Страна теряет крупнейшие отечественные предприятия в стратегически важных сферах. Сказать тебе, что будет в развязке? Переход контроля собственности к Западу: безработица, дороговизна, закрытие многих предприятий и, наконец, колонизация России.

– Не гноби ты меня, Николай Иванович!

Заварюгин, наконец, перестал метаться по кабинету, налил себе минеральной воды, присел напротив Соколова и с отчаянием признался:

– Меня загнали в угол! Идя на компромисс, даже с дьяволом, предприятия продолжают работать, да и мой, пусть уменьшенный, пакет акций возрастёт в цене и превысит стоимость нынешних бумаг.

– Борис, считать я тоже умею. Но не всё укладывается в расчёты и законы рынка.

Соколов подсел ближе, обнял Заварюгина и по-отцовски стал ему неторопливо, проникновенным, доверительным голосом объяснять:

– Боря, дорогой мой, есть вещи дороже всего на свете. К матери, родителям, Родине, к выбору профессии, тому, где жить и умереть, нельзя подходить с позиции «цены вопроса». И самое главное: тот, кто этого не понимает, вряд ли сделает счастливым себя, детей и своё будущее!

Неожиданно, без стука, в кабинет буквально вломился Роман, держа за руку сопротивляющуюся Анастасию.

– Борис Наумович, – крикливо обратился к нему Мамонт, – мы без предварительного приглашения, но, думаю, и без того ясно, зачем мы здесь.

Заварюгин внутренне съёжился и приготовился к скандалу. Уже по первым репликам он понял, что Роман настроен непримиримо. Борис вдруг вспомнил, что Настя говорила ему о том, что у мужа есть оружие. Вглядевшись издали в складки одежды Романа, Заварюгин ничего не заметил. «Спокойно, – сказал он себе, – рано или поздно это придётся выдержать».

Борис Наумович учтиво развернулся к Соколову и спокойным голосом предложил:

– Простите, Николай Иванович, если вы не против, то мы этот разговор продолжим вечером.

– Конечно, конечно, нет вопросов, – ответил тот и направился к выходу, по ходу церемонно раскланявшись с Романом и Анастасией. – Уступаю ристалище молодому поколению.

Дверь за Соколовым закрылась, в кабинете на некоторое время воцарилась гнетущая тишина. Никто из них троих не решался начать разговор. Наконец, Заварюгин первым задал вопрос:

– Так, слушаю, в чём дело?

– Нужно поставить точки над «i»! – выпалил Роман.

– Ну, что ж, давайте ставить! – Заварюгин нажал кнопку вызова помощника.

– Слушаю, Борис Наумович, – гулко прозвучал чей-то голос.

– Киселёв, никого ко мне не пускать.

– Понял, – послышалось в ответ.

– Итак, я слушаю, – Заварюгин вытянулся во весь рост около стола.

– Мы немедленно уезжаем! – бросил Роман и посмотрел на Настю, ища у неё подтверждения его слов. – Но надо обо всём окончательно договориться.

– О чём? У вас какие-то согласованные условия?

– Странный вопрос, мы муж и жена! – с высокомерием подчеркнул Роман. – И у нас всё согласовано.

– Чтобы сделать жену счастливой, мужьям не мешало бы периодически уезжать в командировку, – с язвительной усмешкой сказал Заварюгин.

Услышав такой ответ, Роман, сжимая кулаки, рванул вперёд, но не посмел броситься на Заварюгина и остановился в метре от него.

– Сукин сын ты, Борька!

– Давай без определений и метафор. Какие точки над «i» ты хочешь поставить? Может быть, расскажешь здесь, как в первый же день приезда сюда встретил свою бывшую возлюбленную, мою нынешнюю жену, и, узнав, что она теперь неожиданно разбогатела, тотчас стал к ней «клеиться» и предлагать ей совместный бизнес?

От такой осведомлённости Бориса Роман Мамонт буквально потерял дар речи.

– Что рот раскрыл? Ты так орал на палубе, что это услышали мои служащие. Интересно, ты этим бизнес-планом со своей женой поделился? А может, расскажем ей, как ты заставил Алису, мою будущую жену, десять лет назад сделать аборт, после чего, как ни в чём не бывало, за услуги в бизнесе ты продал её мне «на поруки»?

Роман, пристыженный и перепуганный, сделал несколько шагов назад, желая что-то объяснить жене, но Заварюгин ещё яростнее продолжил:

– Продал, а потом, поскольку она оказалась дочерью влиятельного человека, постоянно напоминал мне о том, что всё, чего я добился в жизни и бизнесе, – твоя личная заслуга.

Заварюгин посмотрел в сторону Насти и понял, что она хоть и притихла, но внимательно слушает.

– Это твои точки над «i»? Что молчишь? Или я, может быть, что-то сочиняю или недостаточно учтив с тобой?

На последних словах Заварюгина Роман, наконец, пришёл в себя и заговорил с заносчивостью недооценённого человека:

– Ах, вот в какие дебри ты полез! Я ему жену «продал»! Так зачем ты покупал? Тогда готов был на всё, лишь бы в люди пробиться.

– Ложь! – отбил Заварюгин. – Я полюбил Алису и женился на ней.

– Женился? Женился, когда стало выгодно.

Видно было, что Романа «понесло»! Он стал кружить по кабинету из угла в угол, бросая одно обвинение за другим:

– Да если бы не я, ничего у тебя в девяностые не получилось бы. Дважды тебя от покушений спасал! – он торжествующе посмотрел на Настю, указывая рукой в сторону Заварюгина. – Он же воровал напрапалу, тараном шёл на своих и чужих!

Подскочив ближе к Борису, он, брызгая слюной, закричал истошным, срывающимся голосом:

– Забыл о конфликте между «Углём» и «Сталью», как тогда говорили? Его спровоцировал ты!

Роман опять посмотрел на жену, стараясь найти в ней поддержку.

– Настя, этот тип стравил двоих ненавидящих друг друга олигархов, одному посулив пост премьера, а другого напугав этим возможным назначением. Кто стравил? Скажешь, не ты?

– Нет, не я! У меня тогда кишка была тонка, чтобы столкнуть таких буйволов.

– Ты не «кишкой» думал и разыграл партию как по нотам. Результат превзошёл все ожидания: визг на всю страну, потоки грязи с обеих сторон и демонстрация драки жирных и ненасытных котов. В итоге их бизнес просел, капитализация снизилась...

Возникла пауза. Роман, почувствовав, что у него появилось преимущество, набросился на Заварюгина с новыми обвинениями:

– А ты что сделал? Под шумок этой заварушки изловчился прибрать к рукам их бизнес, а одного из них через подставу на неделю в «застенки» отправил. Что, скажешь, вру? У тебя тогда уже был административный ресурс. Ты ведь в то время и меня прижал. Всем стучал, что я бездельник, тунеядец, пьяница, что незаслуженно получил «по разнарядке» такие деньги и трачу их напропалую. Всех инвесторов от моей компании оттолкнул. Не так ли? – уже сорванным голосом выкрикнул Роман.

– Какая твоя компания? – засмеялся Заварюгин, кинув взгляд на Настю, которая глубоко втиснулась в большое кресло, поджала ноги и с мученической гримасой следила за их бранью.

– Ты, Рома, «в то время» набрал по уши долгов, – со злобным удовлетворением подчеркнул Заварюгин, – и крысой смотался на Запад профукивать последнее. Ты, Рома, всегда любил гарцевать, нравиться, ты человек позы, а не дела, вот почему ты в результате проиграл.

– А ты не проиграл? – не отступал Роман. – Наконец-то и тебя обложили, обложили, как волка, поскребли по сусекам. Хочешь налоговую прописку поменять, в скандинавы записаться?

Последние слова так хлестнули Заварюгина, что он был готов броситься и отколотить бывшего друга и обманутого им супруга, но сдержался. Ему не хотелось в глазах Насти выглядеть аферистом. Он взял себя в руки и спокойным голосом ответил:

– Я из России пока не бежал... А ты её, как проказы, боишься. Сам говорил: «Не народ она для тебя, а дикая орда». Но главное не это! Главное в том, – Заварюгин специально сделал длинную паузу и только после этого сказал: – Самое главное в том, что ты своим бывшим дружкам должен громадные деньги. А долги, Рома, как моль в меху! Съедят они тебя, если появишься.

Роман вдруг обернулся к Насте и, словно призывая её в свидетели, принялся ей доказывать:

– Настя, ты не можешь себе представить, сколько раз этот человек, бывший мой друг, мне вслед нёс всякую грязь и околесицу, обвинял в предательстве и во лжи. Он на этом «собаку съел, только хвостом подавился». Не уколошили меня, не зарыли, жив курилка – Роман Мамонт! Вы сегодня все переобулись, закусываете патриотизмом, когда вас, как панургово стадо, ваши меринсы ведут на бойню. Война и вас и нас уравнила: сейчас только в бункере можно жить спокойно, но и то – если он недоморощенный.

В каком-то радостном экстазе он стал выделять странные коленца с прихлопами, похожие на танец. Только теперь Заварюгин понял, как занесло Романа, но тот уже сам не мог остановиться и «резал» всё, что приходило в голову.

– Ну конечно, «били Фому за Ерёмину вину». Если забыл, то заруби себе на носу: во времена социальных перемен деньги и власть разыгрываются в рулетку. Причём наша рулетка – смесь обычной и русской.

Заварюгин приложил большой палец к виску, демонстрируя, как разыгрывается рулетка, и продолжил:

– Кому-то везёт, и ему выпадает выигрыш: посты, заводы, яхты, наполненные трюмы, вояжи и даже небоскрёбы. А кому-то не везёт. Тогда игроку достаётся лишь «деревянный костюм».

Заварюгин тяжело вздохнул, и последние слова прозвучали как приговор.

– Время твоей избранности, Роман, давно закончилось! Вот почему ты струсил и удрал.

– А что мне было делать, на меня дважды покушались! – выкрикнул Роман. – А ты переобулся, стал закусывать доллары патриотизмом, обзавёлся охраной и фээсбэшниками.

– Да, обзавёлся! Потому что и на меня покушались, покушались больше, но я не удрал!

Заварюгину вдруг захотелось выйти из-за стола, как в былые времена, подойти к старому другу и извиниться за его соблазнённую жену, но совесть остановила, не позволила. Он сдержался, только нравоучительно заметил:

– Но, несмотря на всё это, я вспомнил о тебе и пригласил. Да, я собираюсь купить яхт-клуб, хочу сделать его крупнейшим на этом побережье! Да, мне нужен опытный человек для этого бизнеса. Но я ошибся! Ты даже не мог один на этот разговор прийти, привёл жену и ставишь меня перед фактом, что вы уезжаете.

– Немедленно! И надеюсь, мы больше с тобой не увидимся, – как о решённом вопросе заявил Роман и тут же неукоснительным тоном потребовал: – Закажи нам билет на самолёт до Нью-Йорка. Всё! Я знать тебя больше не хочу. Просил через жену продать квартиру её матушки, но ты и этого не сделал. Всё, Настя, пошли отсюда.

– Я не полечу с тобой, Рома, – прозвучало за спиной Мамонта.

Он развернулся на голос, и его глаза округлились от недоумения и ужаса.

– Что? – переспросил он. – Что ты сказала? Не полетишь? Мы же с тобой договорились.

Настя ровно села в кресле и сложила руки на коленях. Всё её тело было напряжено, словно сжатая пружина.

– Роман, надо действительно поставить точки над «i». Я никуда с тобой не полечу.

Она сделала паузу и, чётко выговаривая слова, добавила:

– Я люблю другого человека.

– Другого человека? Это какого? Вот этого? – захохотал Роман, словно отталкивая руками то, что сейчас услышал.

– Да, я люблю Бориса Наумовича.

Она достала из кармана куртки ключи и показала их Роману.

– Я тебе не сказала, но квартиру он помог продать и купил мне другую, – она потрясла ключами и сжала их в ладони.

– Господи, какой же я дурак! – Роман схватился руками за голову и неуклюже присел на низкую тумбу около журнального столика. – Это я, идиот, сам тебя к нему в лапы послал.

Он рывком бросился к сидевшей в кресле Насте и истошным голосом закричал:

– Опомнись, Настя! О-пом-нись! Что ты делаешь, Настя? Да пожалей хоть ты меня! Столько лет прожили и вдруг заявить такое. Ты же мне нож в спину вставляешь. А как же наш ребёнок? Что с ним будет? – как за последнюю соломинку, схватился Мамонт.

Он весь напрягся, ожидая её ответа, но то, что он услышал, хлестнуло его сильнее всего и прозвучало настоящим приговором:

– Роман, прости, но это не твой ребёнок.

– Не мой? – прошептал Роман.

Он медленно повернулся в сторону Заварюгина, с трудом поднял руку в его сторону и спросил:

– Это что, его ребёнок?

– Да, это его ребёнок, – уверенно ответила Настя и посмотрела в сторону Заварюгина.

Роман всей пятерней схватился за лицо, затем что-то невнятно прокричал и, выхватив из внутреннего кармана куртки пистолет, бросился с ним к Заварюгину. Остановившись буквально в двух шагах от него и целясь прямо в упор, медленно произнёс:

– Значит, и здесь ты, сволочь, меня предал! Тогда вот что! Получай!

Он нажал на курок, но выстрела не последовало. Роман в недоумении посмотрел на пистолет, потом перевёл взгляд на Заварюгина и Анастасию.

– Там нет патронов, Рома. Я их спрятала, – услышал он за спиной ледяной голос жены.

Мамонт сделал несколько неуверенных шагов, тяжело опустился на стул и медленно убрал пистолет обратно в карман. Слезы хлынули из его глаз, но он их не замечал. Вдруг, кинув взгляд в сторону своего соперника, Роман бросился к нему. С криком и матом он начал кулаками наносить удары по отступившему на несколько шагов назад, но всё-таки успевшему защититься Заварюгину. Началась драка. Крупный и сильный Борис изловчился и, помня уроки своего охранника Абалкина, обхватил долговязого Романа со спины, сделал «бросок с прогибом», и тот плашмя упал на пол. Заварюгин быстро прошёл к столу и нажал кнопку.

– Киселёв, – приказал он, – возьми Виктора и срочно ко мне.

Через секунду в кабинет стремительно вбежали Киселёв и официант Виктор.

– Отведите господина Мамонта в его каюту и не выпускайте. Позже мы решим, что с ним делать, – приказал он.

Киселёв и Виктор волоком вытащили Мамонта из кабинета. Заварюгин увидел, что Настя заплакала, и подбежал к ней:

– Успокойся, – как можно мягче сказал он, – тебя сейчас же поместят в другую каюту. Позже принесут твои вещи. Тебе не следует с ним пока общаться.

– Хорошо, я согласна, – утирая не останавливающиеся слёзы, проронила она.

– В третьей каюте тебе будет удобно. Она лучшая на яхте.

Заварюгин позвонил Киселёву и, узнав, что Мамонт уже доставлен к себе, приказал ему срочно вернуться в кабинет.

– Настя, сейчас передохнём, и тебя проводят в третью каюту.

* * *

В седьмой каюте, куда разместили Доброхотова, уборка не проводилась. Он сразу сообщил в «хостес» – хозяйственную службу яхты, что сам будет следить за порядком. Каюта была удобной, имела доступ к высокоскоростному спутниковому Интернету, что давало возможность быстро и качественно работать и передавать информацию в Москву. При этом главная опасность заключалась в том, что любая горничная во время уборки каюты могла обнаружить надёжно скрытое в шкафу высококачественное оборудование для «прослушки», выполненное по технологии GSM.

В этот день Доброхотов постоянно был на месте. Он несколько раз связывался с агентом, который незадолго до отплытия в Швецию был рекомендован Заварюгину и принят в состав экипажа на должность инженера, и неотрывно записывал и следил за тем, что происходило в кабинете хозяина яхты.

Наступил момент, когда содержание всех разговоров Бориса Наумовича, начиная со ссоры с Алисой, переговоров с Браузером и споров с Соколовым, уже было передано в Москву, и по совокупности полученной информации руководство дало команду приступить к завершающей стадии операции.

Когда началась драка между Мамонтом и Заварюгиным, Доброхотов решил, что это самый подходящий момент, чтобы вмешаться. Он дал знать в Москву о начале своих действий, вызвал агента, и они оба ринулись к кабинету.

Заварюгин тем временем предложил Насте чего-нибудь выпить, чтобы справиться с пережитым стрессом. Та отказалась, тогда он налил себе виски, положил льда и намеревался выпить, когда в кабинет громко постучали.

– Кто там? Войдите! – сказал неуверенным голосом Заварюгин.

В кабинет ворвались Доброхотов с агентом.

– Простите, что так вторгаемся, Борис Наумович, – как можно учтивее извинился Доброхотов, – но по всему коридору доносятся крики, словно здесь турнир по карате.

– Не преувеличивайте, Георгий Эдуардович, это бои местного значения.

– Саша, – обратился Заварюгин ко второму вошедшему, – хорошо, что ты зашёл. Проводи Анастасию Фёдоровну в третью каюту и обеспечь ей охрану. Киселёв в курсе, всё остальное он сам решит. Настя, проходите в третью, Саша вас проводит.

Анастасия медленно прошла к двери, заплаканными глазами посмотрела на Заварюгина и в сопровождении Саши вышла.

– Я вижу, что «не вовремя», но поговорить надо, – сказал Доброхотов, – а то ты всех принимаешь, а Доброхотов у тебя почему-то на задворках.

– Ты ведь, Георгий Эдуардович, без надобности в такие командировки не летаешь. Небось, неприятности привёз?

Доброхотов подсел к столу и, заметив большую толстую книгу, бесцеремонно взял её в руки.

– Словарь русско-шведского языка? – перелистывая страницы, с ехидством заметил он. – Совсем ты у нас в шведа перевоплощаешься, Борис Наумович. Говорят, что ты завтра сенсацию готовишь: речь на шведском языке произнесёшь?

– Да, вот талдычу, будет король, надо на их языке сказать соответствующие любезности.

– Не лукавь, Борис Наумович, ты же не Нобелевскую премию приехал сюда получать. Хотя, чёрт его знает, тебе, как Горбачёву, только премии и не хватает. Памятники открываешь, музей запускаешь... Это что же, начинаешь приучать тлетворный Запад к эмигрантской русской культуре?

Заварюгин почувствовал в интонациях Доброхотова скрытый второй смысл и понял, что ему готовится сюрприз. Он быстро прикинул, с какой стороны «дует ветер», и решил после разговора с этим «гэбэшником» срочно связаться с генерал-майором Григорьевым.

– У тебя, Георгий Эдуардович, плохое настроение сегодня? – пресёк Заварюгин его наступательный тон. – Шутишь как-то непривычно. Или там у вас в Москве курс поменялся, что ты со мной так странно разговариваешь?

– Нет, курс не менялся, а только окреп. Могу тебе даже про курс одно стихотворение прочитать. Послушаешь?

«Странно ведёт себя этот тип, издалека начинает», – подумал Заварюгин, но решил не ершиться.

– Стихотворение? – Заварюгин взглянул на часы и недовольно заметил: – Скоро вечер, а я ещё не в парадной форме.

– Это ненадолго, но... поучительно.

– Ну, читай, раз хочется.

Животный утоляя страх
Вре́мён двенадцатого года,
Европа пляшет на костях
Ей ненавистного народа.
И грозный брит, и грузный швед,
И галл, презрительно лукавый,
Плюют остервенело в след
Его тысячелетней славы.
И мутной злобою кипят,
За них попрятавшись блудливо,
Поляк спесивый, лит и лат,
Эстонец – пасынок залива.
Хохол с натуги ворот рвёт,
За ляхом тянется к европам,
Спеша за шнапс и бутерброд
Служить в неметчине холопом.
И мир вокруг по швам трещит,
И шрамы набухают кровью,
А мы, как прежде, держим щит
Пустому вопреки злословью.
Умолкни, лживая молва!
Пуускай узнают поимённо:
Россия всё ещё жива!
Не пали отчие знамёна!

– Ты эти стихи, Георгий Эдуардович, подготовил к нашей встрече? – с подтекстом спросил Заварюгин.

– Я их знал раньше, но не всегда следовал им.

Заварюгин на секунду задумался и, насмешливо посмотрев на Доброхотова, предложил:

– Хорошо бы этот поэтический текст на музыку переложить и всем твоим сослуживцам хором такой романс спеть.

– У нас Устав, Борис Наумович, мы по нему и «поём», и поступаем.

– Вы ещё любите о патриотической идее говорить. Вам её спустили, и вы принялись талдычить о ней, думая, что другие народы не любят родину, как вы.

– Национальную идею нельзя спустить «сверху», Борис Наумович, её можно только выстрадать и выносить.

– И какую же идею вы создали и вынесли? – язвительно заметил Заварюгин.

– Не мы, а вы создали. Зовут её просто: консервативная буржуазная идеология с «вывеской» патриотической любви к России. В настоящее время выгодоприобретателями этого кропотливого труда являются такие, как вы: узкая прослойка олигархов, обслуживающие их интересы «слуги народа» и «творческая интеллигенция», – отчеканил Доброхотов, от удовольствия улыбнувшись во весь рот.

– А где же вы в этой конфигурации?

– Мы – стрельцы, с Охранной грамотой по Уставу.

– Какие вы стрельцы, вы даже не опричники. Охота тебе глупости говорить? Идеологии умерли, остались их причудливо сочетающиеся осколки, а люди заняты своим делом – обживанием своего маленького куска пространства. Вот и ты пристроился щекотать за хобот слонов, думая, что они станут чихать.

Заварюгин налил виски ещё в один стакан со льдом и передал его Доброхотову.

– Хорошо хоть сейчас вас к справедливости потянуло. В былые времена зверствовали «аки бесы в преисподней».

– Да, было и такое, но ты, Борис Наумович, не забегай вперёд, спина – удобная мишень.

– Моя спина не про твою честь, господин Доброхотов, – огрызнулся Заварюгин и долгим пронизательным взглядом посмотрел гэбэшнику прямо в глаза, стараясь в них увидеть трепет. Но Доброхотов не дрогнул, только усмехнулся и нарочито ещё больше развернулся в сторону Заварюгина.

– А хочешь, Георгий Эдуардович, услышать, почему ты и твои уставные товарищи не всегда следовали руладам, написанным в твоём стихотворении?

– Давай, только недолго. Нам с тобой очень серьёзный разговор предстоит.

– Я, в ответ на твой поэтический пассаж, расскажу анекдот. Это лучший анекдот времён перестройки: «На олимпиаде получил первую премию».

Доброхотов понял, что Заварюгин начал «заводиться» и решил продолжить прессинг.

– А что, бывали такие олимпиады? – прикинулся он партнёром по троллингу.

– Конечно, ты, как бывший гэбист, должен это знать. Напомню, например: «На партсобрании, заслушивая старого партийца, товарищи задают ему вопросы:

– В годы сталинских репрессий вы были членом партии, но не протестовали против репрессий?

– Не протестовал.

– А на XX съезде КПСС, когда партия осудила репрессии, вы их осудили?

– Осудил.

– А на последнем пленуме, когда партия осудила волюнтаризм Хрущёва, вы его осудили?

– Осудил.

– Так как же вас понимать? Вы всегда придерживались линии партии или колебались?

– Всегда колебался вместе с линией партии».

Неожиданно Заварюгин сделался серьёзным и, снова пристально разглядывая Доброхотова, с язвительной усмешкой спросил:

– Ну, а теперь выкладывай, Георгий Эдуардович, с чем пожаловал? Снова линия партии заколебалась и тебя послали мне её разъяснить?

– Тебе разъяснять – только портить. Ты сам кого захочешь научишь. Тут случилось другое, милый человек. Вчера наше ведомство получило информацию о том, что некий крупный чиновник в провинции построил недвижимую площадью около полутора тысяч квадратных метров. Согласно данным, подтверждённым выпиской из Единого государственного реестра недвижимости, апартаменты объединили собой пять квартир на этаже. В ходе строительных работ в несущих стенах были проделаны дверные проёмы. Жилая площадь помещения – 780,1 квадратных метров, а совокупная площадь террасы, лоджии и балконов составляет 69,9 квадратных метров.

– Какого ведомства этот чиновник? – откинувшись на спинку своего кресла, спросил Заварюгин.

– Газпрома.

– И что тебя удивляет? Местные топ-менеджеры Газпрома имеют повышенный коэффициент и большие премии.

– Разрыв между бедными и богатыми уж больно велик, – заметил Доброхотов.

Заварюгин неожиданно от души громко захохотал.

– Ну, рассмешил! Ты со мной вот это приехал обсуждать? Так на подобный вопрос умные головы давно ответили. Чиновник, о котором ты упомянул, – нормальный и деловой человек. Он живёт по своим средствам. Что делать? Как говорил Сталин: «Только завидовать».

– И всё-таки, мой дорогой Борис Наумович, согласишься, судьбой российской статусной элиты правит случай. Вот видишь, соответствующие органы заметили этого «нормального и делового человека», отследили и предъявили документ о незаконности владения таким объектом.

– Можно, Георгий Эдуардович, поскорее закончить твоё долгое предисловие. И вообще, Жора, что с тобой случилось, кому угрожаешь? А может, тебя ко мне конкуренты направили? Сколько заплатили тебе, Жора? У меня вон есть прямой телефон в администрацию президента, – он указал жестом на телефонный аппарат, стоящий на письменном столе.

– Хорошо, хорошо, прямой так прямой, – усмехнулся Доброхотов. – Только ещё одна маленькая подробность, уважаемый Борис Наумович.

Заварюгин отпил виски, опять посмотрел на часы и с нетерпением сказал:

– Давай покороче, мне ещё нужно успеть подготовиться к вечернему мероприятию. И вообще, хоть десять подробностей, но ко мне это не имеет никакого отношения.

– Небольшое, но есть!

Доброхотов подошёл к телефону, снял трубку и, услышав гудок, быстро положил её на место.

– Действительно, связь работает, – с удивлением заметил он и продолжил: – Так вот, беда этого чиновника в том, что он этот дом в провинции построил напротив тюрьмы. Сейчас с лоджии квартиры открывается вид на тюремное окно в общей камере, в которой он обосновался.

С некоторым опозданием, но намёк Доброхотова наконец дошёл до Бориса Наумовича.

– Вы приехали ко мне с радостной вестью о моих тюремных перспективах? Так заранее говорю: ничего не получится! У меня всё чисто. И потом, я не провинциальный чиновник. Я – монстр, Георгий Эдуардович, и это ваши слова, которые я неоднократно от вас слышал. Вы ещё обычно добавляли, что я – представитель лучшей части нашей преданной элиты.

Доброхотов прошёлся по кабинету, погладил бока акулы и, как гипнотизёр, уставился на Заварюгина.

– Было время, добавлял, – со злорадством произнёс Доброхотов, – а сегодня, поскольку вы торопитесь, я перейду на блиц. Но прежде – цитата. Вы у нас интеллеktуал, без цитат с вами разговаривать не получится: «Россия может иметь сколько угодно ядерных чемоданчиков и ядерных кнопок, но, поскольку пятьсот миллиардов долларов российской элиты лежат в наших банках, вы ещё разберитесь: ваша это элита или уже наша? Я не вижу ситуации, при которой Россия воспользуется своим ядерным потенциалом».

– Ах, вот откуда ветер дует! Вы цитируете мне какого-то мелкого писаку, пытающегося бросить тень на предпринимательское сообщество, которое сегодня кормит страну?

– Этот «писака», Збигнев Бжезинский, когда-то был советником по национальной безопасности США.

Заварюгин удивлённо округлил глаза, пожал плечами и вдруг весело рассмеялся, поняв, что у Доброхотова на него ничего нет.

– Дожили! Вы цитируете заклятого врага России, покойника, русофоба Бжезинского? Не стыдно вам?! – зло проговорил он. – Я честно, давно и принципиально живу Россией. Да, у меня есть недвижимость за границей; да, моё имя – в списке Форбс, но я чист перед законом. У меня лучшая юридическая служба из всех олигархов России. Я шагу без неё не делаю, не посоветовавшись.

Доброхотов зацокал языком, хитровато прищурил один глаз, затем, улыбнувшись, строго сказал:

– Борис, не юли! Твои юристы – дерьмо! Смотрят тебе в рот от зарплаты до зарплаты! Они обещали тебе должны были, а в результате – подставили. Не уберегли! Не предупредили!

– Говори яснее, – повысил голос Заварюгин. – Всё равно не напугаешь!

Доброхотов понял, что Заварюгин настолько уверен в своей непогрешимости, что пора надавать ему «по мордам», чтобы начал заикаться.

– Вас предупреждали, что в России коррупция превратилась в угрозу национальной безопасности, – выкрикнул Доброхотов, цепко уставившись в глаза Заварюгина. – Вспомни, Борис Наумович, руководство страны чего только для вас не делало: предоставило гарантии освобождения от налоговой, уголовной, административной ответственности за «не декларирование» ранее своего имущества,

счетов и доходов в случае выполнения простейших условий – перерегистрации активов в специальные административные районы и возврата денег в Россию. А что делал крупный бизнес? Чихал! Не реагировал ни на одну угрозу, надеялся, что пронесёт.

– Не тяни кога за яйца, что «пронесёт»? – потребовал Заварюгин.

– Вас, Борис Наумович, теперь может «пронести» только в медицинском смысле, – оскалился Доброхотов, довольный собственной репризой.

Заварюгин показал рукой известный жест и медленно, с расстановкой, произнёс: – Значит, ты думаешь, что у нас понос начнётся от вашей смелости?

– Вы умница, Борис Наумович, схватываете аромат проблемы на лету. Я рад вам сообщить, что стартует новый проект и теперь никому не уйти от ответственности. Идёт война, лирика с такими, как вы, закончилась!

Доброхотов достал мобильный телефон и набрал номер.

– Виталий, принеси материалы, – приказал он и официальным тоном обратился к Заварюгину: – Гражданин Заварюгин Борис Наумович, по поручению компетентных органов мы провели аудит ваших компаний, и вот что имеем вам предъявить...

В этот момент в кабинет вошёл агент со специальным чемоданом, открыл его и разложил аппаратуру. Заварюгин, увидев своего работника, пришёл в изумление.

– Это что за чудо? Это же мой работник. Саша, в чём дело? – воскликнул он.

Доброхотов развернулся в сторону вошедшего и нарочито буднично сообщил:

– Разрешите представить вам майора ФСБ Виталия Александровича Рогова.

– Майор? Он майор?! – удивился Заварюгин. – Он же колченогий и бесцветный, как сперматозоид. Тебя же мне Лебедев рекомендовал как надёжного человека!

– Да, до вас я у него работал по аналогичному заданию, – спокойным, безразличным голосом подтвердил тот.

– По какому заданию? – не удержался и закричал Заварюгин. – Наклепать на меня дело?! У меня стратегическое направление в бизнесе, меня сто раз проверяли! Я сейчас же позвоню президенту, и вас посадят за шантаж и насилие.

Заварюгин неожиданно бросился к шкафу, достал охотничье ружьё и навёл его на Доброхотова и Рогова.

– А ну, марш отсюда! – крикнул он гортанным голосом. – Иначе я буду стрелять.

Возникла тяжёлая пауза, было видно, что гэбэшники испугались. Первым пришёл в себя Доброхотов, он сделал два шага к Заварюгину и тихим, скрипучим голосом произнёс:

– Стреляйте...

Видя, что Заварюгин колеблется, Доброхотов крикнул:

– Ну что, струсил?

Но Заварюгин не струсил. Он сделал несколько шагов к письменному столу и, не отводя ружья от гэбэшников, снял телефонную трубку и стал набирать номер. Когда послышались короткие гудки, он взглянул в их сторону, плюнул, бросил трубку на аппарат и, смачно выругавшись, сказал:

– Сволочи! Отключили!

– Совершенно верно, отключили, – признался Доброхотов. Он медленно подошёл к Заварюгину и, протянув руку, потребовал:

– Гражданин Заварюгин, отдайте оружие.

Доброхотов, в отличие от бесцветного, прихрамывающего майора Рогова, был человеком тренированным, длинноруким и решительным. Единственной «ахиллесовой пятой» в его облике было антипатичное лицо, чем-то напоминавшее голову Хрущёва на Новодевичьем кладбище. Внезапно, ловким приёмом, он отобрал у Заварюгина ружьё и, указав ему место, приказал:

– Сядьте!

Заварюгин понял, что сопротивление бессмысленно. Его вздёрнутые брови, всегда придающие вопросительное выражение лицу, съжились; ершистые волосы одеревенели, и он тяжело опустился в кресло, почувствовав, как длинной, ноющей волной закололо сердце.

– Вот так будет лучше! А это мы заберём.

Доброхотов протянул ружьё Рогову, но Заварюгин жестом попытался остановить их.

– Нельзя! Это охотничье ружьё компании «VO Vapen». Уже известно, что я намерен завтра его преподнести королю Швеции Карлу XVI Густаву, – с не присущей ему просительной интонацией сказал Заварюгин.

Услышав просьбу Заварюгина, Доброхотов внимательно осмотрел ружьё и, изобразив на лице «значительную мину», спросил:

– И сколько стоит это чудо?

– Неважно.

– И всё-таки?

– Это ручная работа и стоит оно, ружьё... 820 тысяч долларов, – нехотя бросил Заварюгин.

– А теперь, гражданин Заварюгин, послушайте нашу ручную работу. Виталий, включай.

Послышались голоса с записи разговоров Заварюгина с разными собеседниками:

«Я говорил с Ротшильдом о подборе кадров для контроля и управления. Он обещал, что его инвестиционный банк и рекрутинговая компания помогут реализовать это с учетом your interests. Из двенадцати членов Совета директоров хотя бы восемь человек должны быть англичанами или американцами. Да, и ещё: доходы учредителя от всех предприятий временно будут поступать на специальный счёт, находящийся под американским надзором...»

...Я предлагаю тебе там пока не показываться. Побудь здесь, отсидись. Открытие памятника Гедды – гениальная идея! Это великолепное начало твоего вклада в развитие культурных связей России со скандинавами...»

Рогов включил перемотку и сообщил:

– А вот запись того, что у вас сейчас происходит на одном из ваших заводов:

«...Шум толпы и крики: “По-зор! По-зор! Заварюгин – вор! Где зарплата?!” Шум толпы. “Верните премии!” Шум толпы. “Долой Заварюгина и его банду!..”»

– А вот, из личных отношений:

«...мужской голос: “Успокойся, успокойся, девочка моя. Всё будет хорошо...”»

Голос женщины: “Боря, Боричка, может, не надо. Боря, я прошу тебя!” Мужской голос: “Я люблю тебя, моя радость... Ничего не бойся...” Женский голос: “Ой, ой... Я прошу тебя, осторожно... Боря, Боря...”»

На секунду все замолчали, каждый находился под произведённым впечатлением от услышанного.

– Ну и скоты вы, – сквозь зубы процедил Заварюгин. – Не погнушались, в постель ко мне полезли!

– Не только в постель, но и в трюм вашей яхты, – с обвораживающей улыбкой сообщил Доброхотов.

Услышав эти слова, Заварюгин вздрогнул и сразу понял, по какому делу к нему подоברались. Но чтобы не выдать себя, он потянулся за виски и, сделав большой глоток, стал закусывать инжиром, оставшимся на тарелке.

– Майор Рогов, включите ноутбук и покажите видео, – приказал Доброхотов.

Вскоре на экране показался Ждановский причал в Санкт-Петербурге, и Заварюгин отчётливо увидел погрузку партии шоколада.

– Вот, гражданин Заварюгин, вы видите погрузку ящиков шоколада, в котором, как вы любите говорить, много антистрессового препарата «Эндорфина». А вот это, внимание, неучтённый товар, находящийся в коробках из-под шоколада. Это шведские кроны в количестве полутора миллиардов долларов. По-видимому, такую транспортировку валюты предприняли по аналогии с коробками из-под ксерокса, вынесенными много лет назад из дома правительства всемогущим другом всех руководителей – Чубайсом.

Впервые у Заварюгина закололо «под ложечкой». Боль была режущей, распирающей и «кинжальной». Ему потребовались огромные усилия, чтобы внешне не показать этого и взять себя в руки.

– Давайте не путать, как говорится, божий дар с яичницей, – наконец, произнёс он, почему-то глядя в сторону. (Так легче было скрыть жуткую боль, разгулявшуюся в желудке.) – Во-первых, это деньги моей компании, предназначенные моим деловым партнёрам в Швеции.

– Замечательно! – с восторгом зацепился за сказанное Доброхотов. – Вы – богатейший человек, с огромным количеством помощников и юристов, но почему колоссальные деньги оказались не учтёнными, а этот груз – не задекларированным? Он «потянет» на большой разговор, Борис Наумович, и немалое наказание.

У Заварюгина перед глазами неожиданно словно зажглись красные сигнальные огни. Обычно при остановке на красный свет семафора можно было немного передохнуть, а сейчас вдруг в памяти всплыл рассказ о провинциальном чиновнике, сидящем в тюрьме напротив своего шикарного дома, и он почувствовал, что эта история про него, и что на этот раз ему не удастся вывернуться.

– Что вы от меня хотите? – тем не менее твёрдо спросил Борис Наумович.

– У вас два выхода. Вот!

Доброхотов достал из внутреннего кармана пиджака документ и, протянув его Заварюгину, сказал:

– Посмотрите.

Заварюгин надел очки и принялся внимательно изучать бумагу.

– Как видите, это постановление о вашем задержании и доставке в Москву, гражданин Заварюгин, – прокомментировал Доброхотов. – Мы сейчас же садимся на катер, на котором вы так прелестно проводили время с женой вашего друга Романа Мамонта, едем в гётеборгский аэропорт и летим в столицу на Лубянку.

Наступила такая тишина, что было слышно, как «шшукаются» волны, набегая волна за волной на борт яхты, за открытым окном каюты её хозяина. На палубе кто-то опять, словно в насмешку, включил «Коробейники», и пьяные голоса во всю Ивановскую, вкривь и вкось стали петь «...пожалей душа-зззззбушка, молодецкого плеча...».

– Вы сказали, что у меня есть два варианта, – тихо поинтересовался Заварюгин. – Второй вариант – застрелиться?

– Нет, надо подписать вот этот документ о частичной национализации ваших компаний, производящих стратегическое сырьё, – чеканно произнёс Доброхотов.

Он пальцем указал на соответствующий параграф в предложенном документе.

– Вот здесь проставлена сумма компенсации. А незадекларированные шведские кроны, в указанном мною количестве, мы немедленно вывезем и вернём на Родину.

Заварюгин внимательно взгляделся в текст документа и взял авторучку, протянутую Доброхотовым.

– Хотел бы я знать, сколько отстегнут тем, кто эту операцию придумал? – скосив глаза в сторону Доброхотова, спросил Заварюгин.

– У государства большие карманы, так что вашим кронам в них место найдётся, – с показной доброжелательностью ответил Доброхотов.

Заварюгин медленно подписал договор и в ярости швырнул ручку на пол.

– Напрасно, эта ручка стоит двенадцать тысяч! – с гордостью сообщил Доброхотов. – Вы – мой должник. Мы уезжаем. Поздравляем вас с открытием памятника и музея, посвящённого Николаю Гедде. Сегодня по Центральному телевидению об этом событии будет сообщение в информационной программе. До свидания, Борис Наумович.

Когда Доброхотов с Роговым уехали, Заварюгин обхватил голову руками, сжался в комок и, что было сил, беззвучно «про себя» закричал.

* * *

Минут через пять Заварюгин начал приходить в себя. На вопрос, откуда принесло «лихо», у него сложились два ответа.

Первое: он знал, что таким, как он, если не успеют или не захотят внести средства к назначенной дате, правительство поднимет налог на сверхприбыль в два раза. С них требовали перевод трёхсот миллиардов рублей в «федеральный кошелёк», которые были необходимы для закрытия огромной дыры в бюджете из-за рекордных расходов на боевые действия на Украине. В связи с этим Минфин поставил ультиматум крупному бизнесу: средства должны быть уплачены до октября – ноября текущего года.

Зная всё это, Заварюгин перед отъездом вопрос решил. Поэтому он незамедлительно позвонил в Москву своему первому заместителю и уточнил, что деньги – сто миллионов рублей – действительно переведены в Министерство финансов. «Если возникшие проблемы из-за того, что мало перевёл, и поэтому такой наезд, – размышлял он, – то так бессовестно на войну у серьёзных бизнесменов не собирают».

Подумав, прикинул ещё один вариант: «Конечно, могут надуться, попросить перечислить больше, но чтобы так издеваться и забрать шведские кроны в количестве полутора миллиардов долларов, способны только, если по нему принято решение в духе Ходорковского».

Он начал набирать телефон генерал-майора Григорьева, но неожиданно в дверь влетели Киселёв и капитан яхты Сеницын.

– Борис Наумович, что позволяет себе этот Доброхотов? – раздражённо выкрикнул Сеницын. – Потребовал открыть трюм, говорит, что им, с вашего согласия, надо отгрузить часть товара с какими-то особыми пометками, тычет какой-то бумагой, подписанной якобы вами. Я его с ребятами не пускал, так он навёл пистолет, открыл трюм и требует «Стрелу», чтобы вывезти товар. Что делать?

С каждым словом Сеницына Заварюгин всё больше вскипал, но здравый смысл подсказывал, что надо это вероломство выдержать, узнать истинные причины наезда у Григорьева, а пока стиснуть зубы и не предпринимать необдуманных ходов.

– Андрей Николаевич, пожалуйста, не препятствуйте работе господина Доброхотова, – спокойным тоном ответил Заварюгин. – Все его действия согласованы со мной. Оговорённый товар он отгрузит нашим шведским друзьям и отвезёт в Гётеборг. Предоставьте им катер и назначьте сопровождающую охрану из нашего экипажа. Идите! – командным тоном заключил он.

Сеницын недовольно кивнул головой, молча развернулся и вышел из кабинета.

– Киселёв, – обратился Заварюгин к помощнику, – куда ты пропал? Где Анастасия Фёдоровна?

– Борис Наумович, – привычно вытянувшись перед ним, заговорил Киселёв, – Анастасия Фёдоровна сейчас в третьей каюте. Роман Ефимович устроил ей скандал, мы его крепко «взяли под руки» и отвели в бар под присмотр официанта Виктора и бармена. Затем мы вместе с Анастасией Фёдоровной перенесли все её вещи в третью каюту, где она сейчас находится и ждёт вас.

– Хорошо, я сейчас иду. Ступай, следи, чтобы Мамонт ещё чего-нибудь не выкинул. К третьей каюте его и близко не подпускать. Когда напьётся, отведите его к себе, может быть, до вечера очухается.

Киселёв быстро вышел, а Заварюгину позвонил капитан яхты Сеницын.

– Борис Наумович, пришло сообщение, что надо готовить площадку для вертолётки. Ваша родственница вылетает из Стокгольма на вертолётке АСН135. Скоро будет здесь. Готовить площадку для посадки?

– Да, Андрей Николаевич, готовьте площадку, будем её встречать.

Заварюгин вспомнил, что до сих пор ещё не переоделся. Его костюмы и прочая одежда как раз находились в третьей каюте, которая была двухкомнатной и самой большой на яхте, со всеми удобствами, вместительным платяным шкафом и двумя входами: можно было войти через дверь из кают-компании, а можно через люк наверху.

Он окинул взглядом кабинет, достал оружейный футляр и, аккуратно уложив в него ружьё, быстро вышел. Борис Наумович хоть и доверял своим ребятам и был уверен, что они не выпустят из-под наблюдения Мамонта, но, помня, что тот вооружён, решил, что лучше самому быть начеку и с оружием.

Третья каюта размещалась в носовой части яхты. Значительную часть её площади занимала двуспальная кровать, которая днём трансформировалась в V-образный диван со столиком. Когда Борис Наумович вошёл в каюту, Настя лежала на диване, но тут же вскочила и бросилась к нему. Плечи её стали вздрагивать, она крепко обхватила Заварюгина за шею, прижалась щекой, и он почувствовал, как по его лицу скользнули слёзы.

– Ну-ну, успокойся, точки над «i» расставлены, – нежным голосом сказал Борис. – Благодарю тебя, моя дорогая, теперь он всё знает. Ты – молодец!

Он прижал её голову к груди и стал гладить рукой по волосам, стараясь её успокоить.

– Теперь всё будет по-другому. Больше я не позволю ему над тобой куражиться. Вечером, после встречи с «родственницей», перевезу тебя в отличный номер в гостиницу «Ривертон» с видом на гавань и океан. Ни о чём не волнуйся, на вечернее застолье Романа не пустят. А ты, если захочешь, spoёшь... Тот романс, который ты пела в «Царской охоте».

Настя замахала головой и тихо проговорила:

– Нет-нет, я не смогу... Я буду ждать тебя здесь.

– Ни в коем случае, ты самый дорогой мой гость, и запомни: мы с тобой всё выдержим. Нас трое, и ты мне нужна не здесь, а рядом. «Бабушка» надолго не задержится, наследит и улетит.

Он достал платок и стал протирать её глаза, щёки и нос. Потом снова прижал её к себе и стал целовать глаза, губы... Она затихла, стала успокаиваться...

– Я отсюда постепенно переберусь к тебе в гостиницу, и, когда всё закончится с памятником и открытием музея, мы решим, куда уехать. Ты примешь решение, где тебе в «этом положении» будет удобнее. А сейчас давай готовиться к вечеру.

Заварюгин достал из шкафа фрак и быстро переоделся. Неожиданно над яхтой стал кружиться вертолёт. Борис Наумович быстро попрощался и, взяв с Насти слово, что она появится на вечере, выбежал из каюты. Войдя к себе в кабинет, он сел в привычное кресло, перевёл дух и постарался успокоиться.

Стало слышно, что вертолёт совершил посадку. Через минуту в кабинет вбежал Киселёв.

– Борис Наумович, «Бабушка» прилетела. Вас ищет. Что делать?

– Ну вот, пришла беда – отворяй ворота. Зови.

Киселёв ринулся на выход, но натолкнулся на гостью. «Бабушка» была в дорожном бежевом комбинезоне в стиле сафари, на запястьях рук блестели анималистические браслеты, а на шее висело украшение – «Копьё викинга с цепью». Глаза закрывали солнцезащитные очки, а в руках была небольшая женская сумка-рюкзак. Следом за ней в кабинет вошла Алиса. У неё было надменное, но торжествующее выражение лица; одета она была в куртку и джинсы.

Заварюгин бросился навстречу «Бабушке», но та жестом резко остановила его.

– Подожди, ударник. Где у тебя нормальный телефон? Эти китайские «микки-маусы» жужжат, как осы. Надарят, а потом не знаешь, как от них избавиться.

Она сдвинула наверх очки, убрала свой мобильный в сумку и, взяв трубку стационарного телефона, набрала номер.

– Аня, алло, я прилетела. Не волнуйся. Позвони всем, я на месте. Здесь они оба. Ты скажи, как Гришка? Так, так... Ну, а «каки» какие? Жёлтые? Ох, ты моё солнце, значит, пронесло. Не волнуйся. Хорошо, передам ей привет. Всё! Позвоню.

Повернувшись к Алисе, сообщила:

– От сестёр тебе привет.

Положив трубку, «Бабушка» с ног до головы оглядела стоящего перед ней по стойке смирно Заварюгина и с укором заговорила:

– Вот, прилетела. В Москве уйма дел, и гостей ждём, а я сюда приземлилась на тарыхтелке. Вы чудите здесь, а в Москве сарафанное радио работает. Давайте по очереди. Борис, оставь нас ненадолго. Как поговорим, позову тебя. Лицо мне твоё не нравится, будто в штаны наложил.

Заварюгин ничего на слова «в штаны наложил» не ответил и молча вышел. Алиса в восторге от поведения «Бабушки» бросилась обнимать её и принялась повторять:

– Как я рада, как я рада, бабуля!

– Ладно, ладно, телятя... Рассказывай, что у вас тут?

Алиса сделала знак, чтобы та замолчала, протянула руку к макету акулы и стала что-то там искать.

– Здесь кое-что забыли. Вот! – она показала «жучок» для подслушивания и отключила его. – Вот, теперь можно говорить.

– Ну, ты и конспиратор. Как узнала?

– Аппаратик есть специальный, потом в мобильный перенесла. На одну наживку все попались.

– Ты ведь давно за Борькой шпионишь?

– Отшпионила.

– И что? Куролесит?

Алиса хотела что-то рассказать, но на ходу передумала, только сделала знакомую бабушке с детства гримасу и, пожав плечами, ответила:

– Терпимо, бабушка. Мы решили больше не терзать друг друга. Он сегодня договор подписал.

Бабушка перекрестилась и воскликнула:

– Господи, обрадовала! Значит, у тебя теперь всё в порядке?

– Бабуля, теперь я могу разойтись.

Бабушка немного откинула назад голову, посмотрела на Алису в пол-оборота и протянула руку с фигурой:

– Вот, я тебе разойдусь! И слышать не хочу. Семью позорить не позволю.

– Но я больше не могу. Детей у нас нет.

– Она «больше не может», – передразнила она Алису и неимоверно широкими шагами принялась ходить по кабинету. Вдруг она резко развернулась к Алисе и тихим шипящим голосом стала наставлять:

– В крайнем случае, заведи себе кого-нибудь... Для здоровья.

Она вздёрнула плечами и, широко разведя руки, дала понять, что даже и на это согласна.

– А разводиться не позволю. Запомни, дедово имя свя-щен-но! Деньжищ у тебя теперь навалом. Вот, и заведи себе какой-нибудь «детский дом» вместо модельного бизнеса. Тоже мне придумала, кукол вместо моделей использовать.

Теперь уже возмутилась Алиса и, повысив голос, стала объяснять:

– Не кукол, а использовать дроны и роботов. Робототехнику в модельном бизнесе все дизайнеры мира давно задействуют.

– Вот что я тебе скажу, Алиса: среди роботов – дрына не найдёшь. А в «детском доме» кого-нибудь и присмотришь. Да хоть негритёнка заведите.

– Что ты говоришь, бабушка? Негритёнка. Что я Любовь Орлова, чтобы... чтобы «чёрненьким» хвастать?

– Любовь Орлову Сталин любил, она по границам в Париж на обед летала и не кочевряжилась, – отрезала бабушка. А усыновление негритёнка объясним тем, что, в связи с санкциями, мы стали активнее развивать отношения с африканскими странами. Знаешь, какой почёт будет? Так что, живи со своим «Ударником», и никаких разводов! Проходя, я видела, большой стол на палубе накрыт.

– Да, вот-вот приём начнётся, в честь твоего приезда и дня рождения бабушки. Борис кого-то пригласил из министерства культуры Швеции, завтра ведь открытие памятника.

– Вот и хорошо. Пойди переоденься, а то ты, как рыбачка, в этой куртке. Наведи марафет и, с улыбкой королевы, начинай новую жизнь. Иди! Зови сюда своего «шведа»... из сборной России.

Алиса, как по команде, развернулась и пошла на выход. Через минуту в кабинете появился Заварюгин. В это время за окнами послышалось пение.

– Это кто у тебя там так красиво поёт?

– Николай Гедда. Это романс «Я встретил вас».

– Заварюгин Борис Наумович, – чеканя каждое слово, начала «Бабушка», – больше никаких этих романсов! – как приговор, объявила старуха. – Я вижу, с каким выражением лица ты встретил меня. Ну и как твои дела, интересно мне знать?

Заварюгин стал догадываться, что бабка что-то знает, но пока держит паузу.

– Что молчишь? Где договор, который ты подписал?

– Откуда вы знаете?

«Бабушка» достала из сумки мобильный.

– Вот по этому «паршивцу» сообщили. Пока летела, Микки-Маус рассказал.

Заварюгин открыл ящик письменного стола и протянул экземпляр договора, подписанного с Доброхотовым.

– Вот мой экземпляр.

Она взяла из сумки другие очки, прочитала договор и, ухмыльнувшись, спросила:

– А зачем свои же деньги нелегально повёз? Что, не мог, как десятки хапуг-казнокрадов, минуя налоговые органы, отмыть деньги в офшорных компаниях? Думал, умнее всех, или стал таким недосягаемым, что и бояться нечего?

– Не знал, что силовики «взяли верх».

«Бабушка» грозно посмотрела на него, опять ухмыльнулась и изрекла:

– Никто у нас «верх» не берёт. Да, есть качели. Это как в «Пиковой даме»: «Иногда у одной стороны выигрыш больше». Но «главное» – остаётся неприкосновенным. Мой муж учил: нам дали в собственность экономические ресурсы страны, находившиеся в руках бюрократии. Мы превратили эти ресурсы в собственность, получили возможность передавать их по наследству, но с одним условием – работать для страны, а не тащить деньги за границу и предавать Родину.

– Но я не предавал Родину! И я это неоднократно доказывал.

– Хочется верить.

Она сняла трубку со стационарного телефона и набрала номер:

– Это я! Ну как там обстановка?

«Бабушка» долго кого-то слушала, кивая и молча соглашаясь в ответ. Наконец, она произнесла:

– Спасибо! Конечно, выводы мы сделаем.

Положив телефонную трубку на место, она взяла договор, подписанный Заварюгиным, и разорвала его на мелкие куски.

– Что вы наделали? – воскликнул Борис Наумович, но вдруг неожиданно его осенила догадка, и он, уставившись на бабуку, с надеждой спросил:

– Что, маятник качнулся в другую сторону?

Старуха хитро улыбнулась и с гордостью изрекла:

– Нет, не маятник качнулся, а потому, что наш «орёл» смотрит в обе стороны. Доброхотова и его подельника за превышение власти задержали в гётеборгском аэропорту. Таким некуда бежать, вот они и решили на твоём горбу в рай въехать. Не удалось! Приказано: «вернуть их головы на место». Твои шведские кроны сохранены, положены на твоё имя в гётеборгский банк «Handelsbanken» – по слогам произнесла бабушка. Санкции, Борис Наумович, не навсегда, поэтому ты должен быть готовым занять хорошую стартовую позицию в мирный период. Тебе могут поручить координацию российских корпораций и госолигархов с трамповской Америкой. Но есть одно условие, Боря: больше никаких этих романсов, подурчился и хватит. Запомни: олигарх твоего уровня не принадлежит себе, он – часть государства. А государство – это когда одни управляют другими.

От услышанного Заварюгин буквально онемел.

– Что молчишь? Где твоё «спасибо»? Где твоё «никогда не забуду»?

– Я расхожусь с Алисой.

– Попробуй!

– У меня будет ребёнок от другой женщины.

– Алиса обрадуется. Будет полноценная семья.

– Я вас ненавижу!

– Не страшно. А разведёшься – уничтожу!

– Поздно, нас уничтожат.

– Нет такой силы!

– Есть. Ваше безумие.

– Хватит! Иди, готовься к вечеру. Я переоденусь и тоже прибуду.

* * *

В центре палубы яхты «Берта» был накрыт роскошный праздничный стол. Топ-менеджер Чудинцева, дав последние распоряжения официантам, расставила горшочки с цветами и приказала звукооператору включить музыку. Громко и торжественно зазвучал «Марш победителей» из оперы «Аида», и на палубе появился Заварюгин во фраке.

Несмотря ни на что, Борис Наумович находился в приподнятом настроении. Длинные узкие фалды фрака у него за спиной слегка колыхались на ветру. По настоянию «Бабушки» он более тщательно подготовился к вечернему торжеству и кое-что поменял в своём облике. Теперь на нём была белая манишка фракной рубашки с жёстко накрахмаленным воротником и белый галстук-бабочка.

Заварюгин поочередно стал приветствовать гостей, которые торжественно поднимались на палубу. Здесь же вездесущий телеоператор снимал на видеокамеру всё происходящее. Последней, под дружные аплодисменты присутствующих, на палубе появилась «Бабушка». Заварюгин сопроводил её до почётного места за столом.

Наконец, гости расселись, обсуждая изобилие еды на столе. Действительно, повара яхты постарались! Большая кокильница была наполнена рыбой, пойманной Заварюгиным. Её обжарили на свином шпике, что придавало блюду ароматный и притягательный запах. В центре стола было представлено разнообразие морепродуктов: мидии, кальмары, устрицы, крабы... Также, предлагались блюда из оленины и лосятины, обжаренных мелкими кусочками. Из птицы была индейка. Напитки на столе присутствовали в бесчисленном количестве, но сразу бросались в глаза синие головки восьмидесятиградусной водки «Svedka», которую обычно пьют в коктейле или разбавленной по вкусу.

Заварюгин любил роскошные столы, и на этот раз, как и всегда, всё было приготовлено по высшему разряду.

Когда все удобно расположились, Борис Наумович, взволнованно, с бокалом красного вина в руке, поднялся со своего места. Он медленно обвёл взглядом всех присутствующих и, заметив появившуюся последней Настю, в блестящем платье в пол, с одной обнажённой рукой и высоким разрезом по линии ноги, да к тому же без Мамонта, терпеливо подождал, пока она устроится за столом, и только тогда приступил к своей речи:

– Дорогие друзья, уважаемые гости, – начал он громким, перекрывающим шум моря и порывы ветра, голосом. – Сегодня мы собрались, чтобы отметить день рождения главы нашей семьи, Емельяна Николаевича Комисарова. Человека легендарной судьбы и высоких человеческих достоинств. Здесь присутствует небольшая часть его огромной семьи. Тем не менее нас всех удостоила своим посещением супруга Емельяна Николаевича, всеми уважаемая Мария Александровна. Прошу ещё раз поприветствовать её.

Все сидящие за столом стали аплодировать, а «Бабушка», медленно поднимаясь, принялась раскланиваться в разные стороны.

– Ну что ж, дорогая Мария Александровна, вам предоставляется слово.

Заварюгин опустил на своё место и развернулся в сторону «Бабушки», чтобы одновременно слушать её и не спускать глаз с Алисы и Насти, которые «вели дуэль», бросая взгляды одна на другую.

– Спасибо, мой друг, – громко ответила «Бабушка».

Она достала из сумки лист бумаги, надела очки и, подглядывая в написанный текст, стала, почти наизусть, произносить речь:

– Я не оратор, я – простая женщина, которой выпала счастливая доля: нести на своих плечах ответственность за Семью. Семья – это часть Родины. А Родина подобна огромному дереву, на котором не сосчитать листьев. У этого дерева, как и у всякого другого, есть корни. Корни питают дерево, удерживают его от падения. Корни – это то, чем мы жили вчера, год назад, сто, тысячу лет назад. Это – наша история. Это – наши деды и прадеды. Это – их дела, живущие рядом с нами в резных наличниках, в деревянных игрушках и диковинных храмах, в удивительных песнях и сказках. Это – славные имена полководцев, поэтов и борцов за народное дело... Чем больше человек знает о своих корнях, тем дороже ему родная земля и слаще воздух Отечества. Давайте вспомним сегодня и выпьем за Емельяна Николаевича, который являлся гордостью нашего Отечества. Его память священна...

– В это время на палубу вбежал помощник Заварюгина, Киселёв, и громко закричал:

– Господа, только что в своей каюте покончил жизнь самоубийством Роман Ефимович Мамонт...

Наступила тишина. Казалось, что и море на секунду притихло. Кто-то не удержался и поднялся из-за стола. Настя вскрикнула и, рухнув головой на руки, зарыдала.

«Бабушка» тихо и с явным недовольством отреагировала:

– Не мог подождать полминуты.

Затем Мария Александровна сложила и убрала в сумку лист бумаги, сняла очки и, грозно оглядев всех присутствующих, взяла бокал красного вина:

– Ну что ж, давайте помянем!

Гости начали медленно вставать. В безмолвной тишине отчётливо прозвучали слова Заварюгина:

– Двадцать первый из моих друзей.

Затем Борис Наумович, не обращая ни на кого внимания, подошёл к плачущей Анастасии и обнял её. В это время топ-менеджер Чудинцева, не сводя глаз с присутствующих за столом, что-то прошептала звукооператору. И тотчас на натянутом полотне экрана вспыхнул свет и появился Николай Гедда вместе с хором. Видеозапись была сделана во время гастролей в Москве, в 1980 году. Зазвучал романс-молитва «Вечерний звон».

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом.

Проза

Евгений Чебалин

Евгений Васильевич Чебалин – академик, действительный член Петровской академии наук и искусств (ПАНИ), лауреат Международной премии «Золотое перо Руси», член Союза писателей России и Евразийской гильдии писателей OPEN EURAZIA, кавалер Индо-арийского ордена «Кшатрий» (воин) и высшего ордена ПАНИ «Пётр Великий».

ВИЗИТ ИЗ ТЬМЫ

Глава из романа «Ковчег для Третьей мировой»

Вступление Натальи Дутко

Наталья Петровна Дутко – учёный-педагог, литературовед и публицист, кандидат психологических наук, доцент кафедры методики преподавания литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета (МПГУ).

Член Союза писателей России (с 2013 года) и Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ). Автор учебных пособий по русскому языку и литературе. Её научные статьи регулярно публикуются в научных журналах.

Сфера научных и творческих интересов охватывает актуальные процессы литературы XXI века. Она является автором литературоведческих статей, посвящённых творчеству писателей, чьи произведения отражают духовные искания и традиции русской словесности (В. А. Иванов-Тоганский, Е. В. Чебалин и др.).

Как публицист, Наталья Петровна выступает с острыми статьями на темы духовно-нравственного воспитания, сохранения национальной идентичности и русских корней в современной литературе, поднимая вопросы преемственности культурных традиций. Её перу принадлежат материалы, исследующие феномен «литературы как учительства» и роль писателя в формировании мировоззрения молодого поколения.

Многогранная деятельность Н. П. Дутко, отмеченная ведомственными наградами («Отличник народного просвещения», «Почётный работник общего образования РФ»), служит интеграции науки, образования и живой литературы для духовного возрождения и укрепления гражданского общества в России.

Пророк в своем отечестве

О книге Евгения Чебалина «Ковчег для Третьей мировой»

Вопрос о пророческом даре писателя представляет собой одну из наиболее сложных и многоаспектных проблем в литературоведении. В контексте данного феномена пророк в литературе – это не только тот, кто предсказывает будущее, хотя данная функция также может быть присуща его творчеству, но прежде всего тот, кто обнажает сокровенную истину о настоящем и указывает путь заблудшим душам. В этом контексте фигура Евгения Чебалина приобретает особое значение, поскольку его творчество и жизненный путь позволяют закрепить за ним статус «пророка отечества». Данное признание не является результатом внешних оценок критиков или литературных премий, а скорее происходит из внутренней логики его художественного наследия.

В русской литературной традиции пророк – это всегда обличитель. От пушкинского «Глаголом жги сердца людей» до гоголевской «всей Руси явится» русский писатель мыслился не просто как сочинитель, а как совесть нации, как тот, кто говорит правду, даже если эта правда горька и непереносима.

Евгений Чебалин следует этой традиции напрямую. Критик Валерий Куклин даёт точное определение его методу: «Писатель-гуманист, писатель-гражданин, вскрывающий язвы человечества не скальпелем, но кинжалом своего таланта».

В чём же заключается пророческое обличение Чебалина?

Он обнажает механизмы уничтожения России. В романе «Ковчег для Третьей мировой» детально, с документальной точностью показано, как западные спецслужбы (ЦРУ, БНД, МИ-6) и транснациональные корпорации (Бильдербергский клуб, МВФ, «Монсанто») десятилетиями готовили расчленение России, разложение её элиты и уничтожение её народа.

Он называет имена и не боится указывать на конкретных лиц и структуры, работающие на разрушение страны. Это не конспирология в чистом виде, а художественное осмысление реальных политических и экономических процессов. В его романах фигурируют и Горбачёв, и Ельцин, и Чубайс, и современные олигархи, и мировые финансовые кланы Ротшильдов и Рокфеллеров.

Он обнажает духовную подоплёку катастрофы. Пророчество Евгения Чебалина не сводится к политике. Он показывает, что за политическими процессами стоит борьба метафизических сил: Архонта-П (Перуна) и Архонта-Б (Бафомета). Это возвращает русской литературе утраченное измерение священной истории, где битва за Россию – это эпизод космической битвы Добра и Зла.

Подлинный пророк в России всегда говорил не от себя, а от лица народа, от лица «малых сих». Евгений Чебалин, в отличие от многих современных авторов, не теряет связи с народной почвой. Образ Скотника Ракуши в романе представляет собой один из наиболее выразительных и многогранных архетипов, воплощающих коллективный опыт и психологическую устойчивость русского крестьянства. Этот персонаж является репрезентацией типичного представителя российского народа, который, несмотря на многочисленные испытания, включая участие в военных конфликтах, экономические катаклизмы 1990-х годов, социальное неравенство и моральное унижение, сумел сохранить свою внутреннюю нравственность и моральные ориентиры. Его монолог, обращённый к России-мачехе: «Рассея-мать, мы же кровями, потом супеси твои несчётно поливали! Что же ты с нами вытворяешь?! Мы в смертные атаки за тебя под пули поднимались, ты нашими костями, черепами предков нашинована!! А ты за нас когда-нибудь поднимешься в атаку на жирное ворьё?!»

Это голос не просто обиженного человека. Это голос народного пророка, вопрошающего о справедливости. Через Ракушу автор озвучивает ту правду, которая живёт в глубине народного сознания, но редко прорывается на поверхность. И в этом – подлинное пророчество: услышать то, что молчаливо переживает миллионный народ, и дать этому голос.

Показательна сцена с «контуженым Буратино», персонажем, известным под именем Ракуша, который в состоянии полубреда, находясь в коровнике среди истощённых бурёнок, задаёт тот самый «русский вопрос», традиционно избегаемый властными структурами на протяжении веков. Этот голос, исходящий от юродивого, приобретает особое значение, поскольку юродивые на Руси традиционно играли роль пророков и носителей сакрального знания, чьё слово часто оставалось без внимания, но в конечном итоге оказывало глубокое влияние на общественное сознание и политическую динамику.

Пророк представляет собой индивида, обладающего способностью к постижению временной континуальности и выявлению архетипических структур в кажущемся хаосе современности. Чебалин в своём произведении конструирует масштабную историософскую парадигму, в рамках которой осуществляется анализ и интерпретация исторических процессов через призму эсхатологических и метафизических категорий.

Смена эпох: Чертог Лисы и Чертог Волка. Это не просто поэтическая метафора. Это концепция исторических циклов, коренящаяся в славяно-арийской традиции (Веды). Лиса, эпоха хитрости, обмана, индивидуализма, торжества «золотого тельца». Волк, эпоха справедливости, силы, коллективного начала, правды. Автор утверждает, что человечество стоит на пороге смены этих эпох, и Россия должна сыграть в этом переходе ключевую роль.

Само название романа, «Ковчег для Третьей мировой», глубоко символично. Если мир идёт ко дну (в пучину Третьей мировой, глобалистского тоталитаризма, экологической катастрофы), то Россия, по мысли автора, может стать тем самым Ноевым ковчегом, который спасёт остатки челове-

ства, сохранившего душу. «Россия и её президент... становятся для планеты тем самым Ковчегом, на котором миллионы спасутся от бушующего ныне, разрушительного, кровавого хаоса либерал-потребительской, западно-рептилоидной модели бытия». В кульминационном диалоге Шаубергер прямо называет Россию «грядущим Ноевым ковчегом», который избран «Ноосферой» и «чертогом Волка» для особой миссии. Это не просто метафора – это геополитический и мистический диагноз. Шаубергер, чья раса отказалась от нацистского прошлого, говорит о разложении современного мира («лисоедов»):

«Десятки миллионов всё чаще восстают против канонов лжи, агрессии, вражды... И лишь Россия, вы, славяно-арии, сплываетесь в обновлении. Ваш президент, единственный из планетарных глав, владеет магией согласия, ЛАДА, и исповедует не разрушение, а созидание». Здесь используется мифологизация и утопический контраст. Автор создаёт идеальное общество («подлёдную расу»), которое, находясь в буквальном смысле на краю света (Антарктида, ледники которой тают), веками готовилось к моменту, когда понадобится миру. Их технологическое и моральное превосходство подчёркивает деградацию «большого» мира. Фраза о «магии согласия» (ЛАДА) – это обращение к архаичным, корневым смыслам русской культуры, которые противопоставляются западной «бизнес-отравленной наживе».

Другой мощнейший символ «ковчеха» – это мистический эксперимент гиперборейца Индария над двумя антиподами: Ичкером (духовный русский ясновидящий) и Косенком (хищный олигарх, «полпред паразитарного Золотого миллиарда»).

Индарий создаёт из них «химеру-симбиоз» и ввергает в экстремальные испытания в Астраханских плавнях.

Косенок, олицетворяющий западную «либерал-потребительскую модель», гибнет из-за собственных пороков. Его убивают не враги, а порождённые его безудержным «ХОЧУ!» стая диких собак и цирковой медведь. Ичкер же выживает, пройдя через страдания. Аллегория и гротеск. Это наглядная притча о том, кто именно достоин спасения. Выживает не сильнейший физически, а тот, кто сохранил душу и связь с родной землёй (плавни). «Ковчег» в данном контексте – это не просто убежище, а принцип естественного отбора, где сама природа (и высшие силы) отсеивает хищническую, чуждую модель человека, оставляя место для носителей «Лада».

В этом Евгений Чебакин неожиданно сближается с Львом Толстым. В «Войне и мире» Толстой тоже говорит о «ладе», только называет его «скрытой теплотой патриотизма» или внутренним состоянием «мира» (в значении «мира души»).

Вспомним ключевые сцены романа Толстого: когда князь Андрей лежит на Аустерлицком поле и видит «высокое, бесконечное небо» или когда Пьер в плену у французов познаёт «ту внутреннюю тишину и самоудовлетворение», которые даёт страдание, в эти моменты герои проходят через тот же отбор, что и персонажи Чебакина. Толстой последовательно «отсеивает» своих «хищных» героев (Элен, Анатоля, Берга), которые живут только внешним, потребительским, ложным, и оставляет тех, кто обретает внутренний стержень.

У Толстого «ладовость» проявляется как органическая причастность к общему: Наташа, отдающая подводы раненым; Платон Каратаев с его круглой капелькой жизни; Кутузов, понимающий, что «терпение и время» важнее гениальных планов. Они не спасаются в ковчеге, они сами становятся ковчегом внутри себя, сохраняя душу среди всеобщего разрушения.

Чебакин же заземляет эту толстовскую метафизику в фантастический сюжет. Его «Лад» – это тот самый «внутренний человек», о котором писал Толстой. И если Толстой верил в неуничтожимость этого «лада» как свойства народной души, то Чебакин в условиях постапокалипсиса превращает его в единственный пропуск на ковчег. Тот, кто сохранил «Лад» (как Ичкер, прошедший плавни), остаётся жить. Тот, в ком «Лад» был разрушен потребительством и ложью (как Косенок), выбрасывается самой жизнью за борт.

Так через столетие Толстой и Чебакин встречаются в одной точке: спасение мира возможно только через восстановление «мира в душе». Только Чебакин, в отличие от позднего Толстого, понимает, что этот «Лад» в современном мире придётся защищать не только молитвой, но и оружием.

Ближайший полигон, где это противоречие между толстовским непротивлением и чебакинской готовностью к бою достигает своего апогея – это граница с Европой. И закономерно, что роман открывается шокирующей сценой в Финляндии, стране, которая, по мысли автора, променяла свой

суверенитет на «гей-сумасшествие» и ювенальные технологии. В семью русских эмигрантов врываются надзиратели, чтобы изъять мальчика Ваню и передать его в семью, где детей, по сути, разбирают на органы. Бабушка Виолетта, видя отчаяние внука и оцепенение законопослушного отца, хватается за пистолет и расстреливает «ювенал-бандитов». Этот эпизод работает как метафора пробуждения. Западный мир, с его формальным «законом», показан как бездушная машина («зыбун ювеналки»), засасывающая человека. Русская бабушка с пистолетом – это архетип «народного гнева» и инстинкта самосохранения. В этой сцене «Ковчегом» становится не государство, а конкретная русская семья, которая берёт на себя ответственность за спасение ребёнка, нарушая бездушный закон.

Однако спасти одного ребёнка – это тактика. Спасти мир, в котором этот ребёнок сможет вырасти человеком, а не вещью, – это стратегия. И если семья строит ковчег для плоти, то для спасения духа и смыслов Шаубергер в романе излагает конкретный план спасения, создание новой геополитической конструкции. Он говорит, что Германия должна очиститься от «мусульманства эмигрантов» и зависимости от США, чтобы войти в союз.

«И лишь тогда планета завертится в своём развитии на этно-оси из пятерых: Берлин – Тегеран – Дели – Москва – Пекин. В чертоге Волка эта ось... будет служить планете не одно столетие».

Автор использует художественный приём – политическая утопия / антиутопия, он конструирует идеологический «ковчег» как союз традиционных цивилизаций (славяне, арии, персы, индусы, китайцы) против «англосаксонства с иудаизмом». Это не просто корабль, а целая флотилия народов, объединённых общим происхождением (индоарийство) и неприятием глобалистского тоталитаризма. Евгений Чебакин последовательно проводит идею «Ковчега» через все уровни повествования:

На уровне личности (Ичкер, семья в Финляндии), спасение через верность корням и готовность к борьбе.

На уровне общества (подледная раса), спасение через изоляцию и технологическое развитие, основанное на этике.

На уровне государств (ось Москва – Берлин – Дели), спасение через создание цивилизационного союза.

В каждом из этих примеров «Ковчег» – это не пассивное убежище, а активная, воинствующая позиция тех, кто готов противостоять «хаосу либерал-потребительской модели».

Пробуждение Индария, вождя гипербореев, из тысячелетнего анабиоза является символом возвращения к истокам, к подлинной истории, скрытой под наслоениями иудео-христианской и западной цивилизации. Чебакин напоминает о древних корнях славянства, об их связи с индо-арийской расой (что подтверждено и послом Индии в его отзыве на роман). Это пророчество о том, что Россия, вернувшись к своим истокам, сможет обрести утраченную силу.

Пророк в России всегда находился в сложных отношениях с властью. Он мог быть гоним (Аввакум), мог быть приближен (митрополит Филарет), но никогда не был полностью интегрирован в систему. Автор выстраивает в своём творчестве уникальный диалог с властью – через образ президента (Панина).

В романе президент – фигура трагическая, раздвоенная. Он – «ЖАБО-SAPIENS», продукт спецоперации спецслужб, «двухголовец», разрываемый между офицерской совестью и олигархическим искушением. И именно к нему обращено послание Индария, пророческий текст, обличающий его половинчатость, его медлительность, его терпимость к «ворью и компрадорам».

Чебакин здесь выступает в роли духовного наставника власти. Он не льстит, не воспекает, а указывает на недостатки, требуя решительных действий. Это позиция библейского пророка, который приходит к царю и говорит ему правду в лицо, независимо от последствий.

Показателен диалог в конце романа, где Ичкер говорит президенту: «Вы заигрались в политподдавки... Вы лелеете и холите наших “сукиных сынов”, паскудников, слепившихся в семейно-родственные кланы, которые воруют, истощают и подтачивают мощь России». Это не критика врага, это критика СВОЕГО, того, кого считаешь ответственным за судьбу страны. И в этом – высший пилотаж пророческой позиции.

Евгений Чебакин создаёт уникальный тип пророка. Он не просто кабинетный мыслитель, пишущий отвлечённые трактаты. Его главный герой, Ичкер, полковник ГРУ, разведчик-нелегал, экстрасенс. Он проник в самые недра вражеских спецслужб (БНД, ЦРУ), он знает врага изнутри, он владеет тайными знаниями, он способен к телепатии и гипнозу.

Этот образ является ключом к пониманию пророческой позиции самого автора. Его пророчество опирается не только на интуицию, но и на конкретное знание, на владение информацией. Он пишет о ЦРУ и Пентагоне не как теоретик-конспиролог, а как человек, досконально изучивший их методы (через архивы, через контакты, через собственную разведывательную и журналистскую практику).

Сочетание разведчика и мистика, аналитика и ясновидящего – вот что делает пророчество Чебалина особенно убедительным. Он знает, о чём пишет. И эта фактологическая база, помноженная на метафизическое видение, создаёт тот самый эффект «сверхреальности», когда вымысел и реальность перестают различаться, обнажая единую картину мира.

Евгений Чебалин – пророк отечества потому, что он обличает язвы современной России и механизмы её разрушения, продолжая традицию русской классической литературы; даёт голос народу через образы Ракуши, Фельзера, через их боль, юмор и страдание; провидит исторические судьбы, вписывая сегодняшний день в контекст тысячелетних циклов (Чертог Лисы и Чертог Волка); говорит правду власти, указывая ей на её ошибки и половинчатость, требуя решительных действий; синтезирует знание и мистику, соединяя аналитику разведчика с прозрением ясновидящего.

Чебалин не предсказывает будущее в бытовом смысле. Он показывает подлинную реальность настоящего, ту реальность, которая скрыта под коркой пропаганды, лжи и равнодушия. И в этом раскрытии подлинного и есть главная функция пророка.

Как точно заметил Александр Проханов: «Твой громopodobный стиль в статьях и романах... вызывает трепет и ненависть в стане врагов». Трепет и ненависть врагов – и есть самое верное свидетельство того, что писатель говорит правду. А правда о России, сказанная в полный голос, – это и есть пророчество».

Визит тьмы

Перед самой полночью владелец, гендиректор Заполярной быткорпорации «Тугут» Косенок написал последний знак в формуле, закрыл скобку и поставил точку. Она венчала многолетний адский труд.

Шестьсот шестьдесят листов исписанной бумаги, в которых спрессованно покоились почти двадцать лет его работы, начатой после Плехановки, работы, которая настырно, оголтело втискивалась в бытобизнес, эти листы лежали перед ним, уложенные в папку.

Захлопнув папку, он посмотрел в залепленное снегом окно. За стёклами пуржила, бесновалась вьюга.

Он вспомнил погожий день весной, когда озарило решение – как завершить работу и впрессовать её в единую биохимическую математическую формулу, бесстрастно, безошибочно определявшую стоимость любого изделия, произведённого руками человека, его усилиями, интеллектом. И на базе формулы – стоимость самого человека.

Асфальтовый, замкнутый квадрат двора с облупленными скамьями и белой паутиной бельевых верёвок, с кокетливой халупой и коровником в конце двора агрослужанки Люды, что убиралась в доме Косенка и поставляла молоко, творог и сливки его семейству, – всё это потрясло его своей микроскопической ничтожностью. Над всем, над ним самим, над распахнувшимся до горизонта посёлком Черский нависла грузной, неизмеримой тяжестью его продуманная формула.

В ней спрессовалось человечество с его блошиной суетой и вековечной жадностью к комфорту, с его утробным интересом: «А сколько это будет стоить?», с их жалкими страстями вокруг семьи, детей, работы.

Оно, всё это человечество, безмерно распolzаясь, затопляя континенты, бурлило в примитивно-неуправляемом хаосе. Всей этой расплодившейся бесщётно биомассе, которая сжирала мегатонны продовольствия, переварив их, гадила и засоряла земные среды, – всей этой массе необходимо было тотально массовое сокращение. Чтобы затем загнать урезанное пандемией до предела стадо Хомодвуногих в железную клеть прочипизированного порядка и контроля, где стоимость и цену каждого бесстрастно, безошибочно определит его формула: а сколько стоит этот или тот со всеми потрохами? И сколько стоит вещь, произведённая любым из них, – в единой, спущенной для всех валюте? Только тогда мир станет комфортабельным для избранных! Куда он только что зачислил сам себя, безвестного! Которого до этого не допускали в блистающий мир звёзд – компьютерных, газетных, банковских, телешутов, павлинов размалёванных: полуболгарина, идиотически менявшего цвет бороды и шеве-

люры на чёрно-белые контрасты через день, всю его свиту из престарелых шлюх, с разбухшими под хирургическим ножом грудищами, лобками, задницей, губами. Тот мир фигляров, трескунов экранных бурлил на Багамах, в Куршавелях и Египте, куда себе позволил выбраться Косенок с женой. Но теле-радио-газетная орда и блогеры крутились возле тех шоу-мартышек, не замечая бизнес-пахана Косенка с его солидной сотней с половиной миллионов и обходя брезгливо, торопливо, как пень или булыжник на дороге.

«Ну ладно, болтуны, фазаны крашенные! Теперь всю вашу крутизну надутую можно проткнуть иголкой!»

Пошатываясь, пуская очками солнечных зайцев, Косенок вышел тогда во двор. Посмотрел под ноги. В венозных трещинах, прорезавших асфальт, пронзительно, отчаянно зеленели копьца травы. В ней едва различимо копошились муравьи. Те и другие – всё хотело жить. И потреблять. Кому, какого качества и сколько – дозированно определяла его формула.

Косенок всмотрелся пристальнее и обнаружил под ногами ультрамариновые нитки рек, шершаво-зелёные прыщи гор, маковые россыпи людских скоплений, едва приметные кубики, пульсирующую квадратуру мегаполисов, игрушечную геометрию полей. Он с его формулой парил над всем этим хаосом. Директор усмехнулся ухмылкой великана – надо же так заработать.

Он вынырнул из весенних воспоминаний, вернулся в реальность: в зиму и пургу на улице, в ревущую симфонию победы во славу его формулы! После того как на бумаге сложились, выстроились по ранжиру математически-химически-физические символы его открытия, его универсального прорыва в оценочную сущность всех вещей, – после всего прошло не более часа: почти что час сидел он, Бизнесмен и Гендиректор, в сиропно-сладостной nirване. В нём не осталось сил, чтобы пойти и разбудить жену в соседней комнате и поделиться с ней свершённым, отпраздновать победу.

Здесь началось необъяснимое.

Что-то тяжко хрустнуло и открылось в бездонной, искляксанной звёздами бездне Заполярья. Она полыхнула сполохами небывало яростного Северного Сияния, будто его формула, безмерною, свинцовой тяжестью нависшая над бытием, возбудила гигантскую кочегарку Вселенского огня. Они схлестнулись яростно, непримиримо – Огонь и Тьма над шариком планеты.

Вплетаясь в эту схватку, в вой пурги, неожиданно, дико возник, стал приближаться рёв мощного мотора. Аэросани в этой сумасшедшей круговерти, в полночь?! Какого чёрта... кто этот недоумок?

Косенок шагнул к окну и отодвинул штору. Вгляделся с высоты третьего этажа в чернильный мрак. Там отразился микрообразец творившегося во Вселенной: во тьму двора пульсарами врывались пучки неоновой света из фонаря напротив дома – давно погасшего от замыкания. Теперь всё то же замыкание опять гасило-зажигало тот фонарь?!

Во мгlistый, судорожный перепляс тьмы-света втекла массивная, зализанно-багряная туша аэросаней. Остановилась. В боку болида возникла и расширилась чёрная дыра овала. Из этого овала шагнула в остервенелость полуночи запакованная в кукашку (*якутская верхняя одежда*) незваная фигура с кейсом. Скользнула ко входной двери в подъезд.

«Болван... сейчас напорется на отлуп охранника», – возникло предостерегающее опасение у Косенка: его не оповещал ни о каком-либо визите ни один из филиалов, разбросанных в низовьях Колымы, Индигирки, Лены, размашистой Сибири, – тем более столь диком, полуночном. Сейчас охранник затрезвонит.

Но телефон с мобильником молчали.

Ворвался, взрезал тишину звонок входной двери.

«Охранник запустил ночного шатуна... какого-то полуночного придурка за ограждение – решётку?.. Уволю раздлбая!»

Он подошёл к двери, открыл внутреннюю, из окованной жёстью лиственницы и заглянул в глазок второй – стальной, с английским цифровым замком. К глазам скакнуло и впаялось в зрительную память забранное в меховой овал капюшона узкое лицо. Под полудугами взлохмаченных бровей мерцали хладной синевою глаза с двумя провальными-чёрными, вертикальными, как у сиамского кота, зрачками. Из них струилась и пронизывала власть.

– Кто? – спросил сипло Косенок: необъяснимость ситуации наслаивалась, припекала.

– Ми так и будем говорить за вашу формулу через железо? – с картавой, бархатной учтивостью спросил стоящий в меховой кукашке.

Щели-зрачки в глазах пульсировали, расширились. Нещадное тепло подъезда расплавало заиндевелость капюшона у вошедшего, растаявшие капли на нём отсверкивали россыпью алмазов.

«Он знает... он сказал про формулу!!» – замкнуло что-то в Косенке под черепом, копируя фонарь в его дворе. После чего его рука с суетной, торопливой автономностью поднялась, повернула ключ в стальной двери.

Вошедший с небольшим квадратным кейсом гость снял кукашку с капюшоном, оставшись в чёрном, с красной отделкой кителя. Повесил массивно-шерстяную кукашку на вешалку. Неторопливо, молча, подволакивая ноги в меховых унтах направился в гостиную. Сел в кресло, поставив рядом кейс. Поднял глаза на Косенку, стоящего в оцепенелости напротив. Сказал с придурочно-одесской, местечковой фамильярностью:

– Кузьмич, ви так себя ведёте, как будто бы не я, а ви мой гость в этой халупе. Но ви ж таки хозяин здесь. Садитесь.

Протестно-изумлённый, слабый импульс ворохнулся в оцепенелой сути Косенка: нахально-вызывающая роскошь его жилого трёхэтажника, распялившегося на полквартила Черского – это халупа?! Импульс, истаявши, исчез, ибо щели зрачков у гостя расширились, с пронизывающей цепкостью внедряясь в мозг хозяина.

– Ви ничего не хотите спгосить? – втёк в Косенка масляно-бархатный вопрос пришельца, губы которого остались безмятежно сомкнутыми.

– Как называть вас? Кто послал ко мне?

– Херр Косенку полезней знать другое – зачем я, Люций-фон-Левитус, здесь.

– Вы знаете про формулу. Кто вас послал ко мне? – упрямо обретало былую твёрдость сталистое «Я» хозяина.

– Ви так настойчивы, Кузьмич, шо нету сил вам отказать, – с шутовским местечковым снисхождением поддался, уступил напору Люций. – Меня послали Давосские мозговики. Короче и точнее для профанов – GOOD KLAB. Или «Римский клуб». Или Биг-Фарма при Иллюминатах – как вам удобней. Ещё точней – правительство планеты. От них узнал про вашу формулу Владыка.

– И кто этот Владыка? – всё более твердел и лез в суть полуночного визита Косенок.

– Мы никогда не называем гоям его имени. За каждый наглый лишний раз язык может отсохнуть. Но вам это сейчас дозволено. Я назову его – твердел, заметно напрягаясь, гость. – An'aarada m nom.pr./nagaadhiraaja/tiir a/tulya/nR^ip ati m/, – сгибаясь, выцедил гортанно-хладную свинцовость **санскритских** слов сквозь сдавленное горло визитёр. Закончил, хватая воздух пересохшим ртом.

– Перевести на наш, на русский, можно? – спросил Косенок.

– На ваш, на гусский? Я бы не стал теперь приклеивать Херр-Сэра-Мсье-Мистера-Дон Косенка к таким замызганным изгоям на планете, как укро-руссy. На их говённой мове и кириллице мной сказанное означает «Посредник между Создателем и людьми, владыка гор, равнин, морей и повелитель всех двуногих». Для Посвящённых – ВАФОМЕТ, – подёрнулось благоговейным тиком лицо у гостя. – На этом – ша. Ми будем называть его Владыка. От его имени я послан.

– Зачем?

– Ви таки испустили пгавильный вопрос. Ми добгались до самой сути. Зачем? За этим.

Гость сунул руку в щель кителя – в провальную полоску черноты с багровой окантовкой, достал оттуда округлый слиток бронзы, бугрившийся жёлто-витыми, кружевными завитками. В плоть завитков впаялся блестящий холодно-огненной искрой алмазов шестигранник.

– Я должен был доставить это вам – Пантакль, – сказал внезапно жёстко перевоплотившийся в диктатора, уже без местечково-шутовской картавости пришелец. Продолжил: – Алмазов здесь на сорок семь каратов от корпорации «Де-Бирс». Для вас трамплинный второй уровень, с которого вы сможете запрыгнуть в третий. И если мы всё сделаем как надо, я удалюсь. А здесь останется Негг-Mister-Ser-Msie-Don Косенок, допущенный к трамплину, чтобы прыгнуть.

– И в чём отличие тех уровней?

– Вы, сотворивший формулу, имеете сейчас имущественную мелочёвку: пятнадцать филиалов комбината в Заполярье и Сибири: пошив одежды, изготовление сетей, нарт и капканов, гостиницы и магазинчики, кафе. И прочую дрянь-мизер. Всё общей стоимостью по вашей формуле – какие-то сто пятьдесят восемь миллионов российско-деревянных.

– Для вас всё это мизер? – ударило по сути Косенка, и она взвыла: та самая суть, которая кусалась, извивалась, рвала когтями и клыками конкурентов, бизнес-дельцов в законе, хребтом, хвостом виляла перед полицаями, скупала, смазывала покровительство ментов и мэров, обретала крышу следаков и прокуроров в вибрирующих фейком тендерах, которые сжирали жирные откаты за выигрыш, вбивая быт-объекты от «Тугута» в уже обжитые уйгурами и отсидевшими своё бандосами сибирско-заполярные пространства.

«И для тебя всё это мизер?!»

– Не для меня. Для вас, дон Косенок. Для вас, которого ждёт третий уровень, – ухмылисто считал растерянное возмущение с мозгов хозяина пришелец.

– И что в нём, в третьем?

– В нём инвестиции и совладение в мега-корпорациях. Соуправление аптечной сетью от Биг-Фармы в Заполярье. На сотни миллионов евро, долларов и шекелей. В нём власть. И исполнение практически любых желаний. В нём знание и пониманье сути планетарных ситуаций и событий, в которые не посвящаются профаны как первого, так и второго уровня.

– Вы прибыли, чтоб посвятить меня в третий?

– Чтоб сделать вам этапы посвящения, нужно ваше согласие.

– А разве есть debil, который захочет отказаться от власти и исполнения любых желаний?

– Так вы, законный муж при иудейке Алле, значит, согласны? – пронизывающей чернотой пылали вертикали-щели в глазах гостя.

– Я говорю: «Да!»

– Вы продали нам свою субстанцию – всю плоть и потроха с душой... Я зафиксировал согласие! Никто не может взять его обратно! – калёно-торжествующий, победный рык истёк из гостя. Он выполнил возложенное на него. После чего обмяк, растёкся в кресле, отдыхая, закрыл глаза. Спустя секунды выпрямился, положил Пантакль на подоконник рядом со столом, где полыхали краснотою в зелени цветы размашистой герани. Продолжил с повелительным напором:

– Тогда начнём.

Поднял, раскрыл кейс, достал из его бархатной утробы кипу документов.

– Вам надо это подписать.

– Что здесь?

– Здесь наши инвестиции в корпорацию «Тугут» – в её пятнадцать филиалов в Северах. Я не ошибся?

– Не ошиблись. Кто, сколько инвестирует?

– «Кун, Леб и К*» в партнёрстве с Рейнско-Вестфальской корпорацией в Берлине – сто двадцать миллионов евро. И перед лейблом «Косенок» появится приставка «HERR». Братя Лазард, банк «Гинзбург» из Парижа – пятьсот шестнадцать миллионов франков. И к Косенку добавится учтиво «Мсье». «Спейер и К*» с филиалами в Лондоне и Нью-Йорке – двести двенадцать миллионов фунтов стерлингов и триста миллионов долларов – и ваша фамилия возглавит англосаксонское «SER-MISTER». «Nia-Banken» в Мадриде – триста тринадцать миллионов песо или евро. И Косенок приобретает статус «DON», приставку к именам дворцовой знати при королях Испании. Весь капитал «Тугута» при этих инвестициях запляшет в них свои семь-сорок. Мы последим за этой пляской и, если она нас устроит, приделаем вам пейсы и отвезём в Иерусалим к стене для плача. Ви будете перед стеной рыдать за Холокост и каяться. Как должен каяться весь мир и фашизоиды.

– Что значат эти... семь-сорок?

– Понятнее для вас: мы сделаем сэ-р-мистер Александра Кузьмича соучредителем с партнёрской долей в нашем капитале – семь и сорок сотых процента. Время тянуть kota за хвост закончилось. Поставьте здесь ваш бриллиантовый автограф от обладателя Пантакля, подписывайте, Негг Кузя, – усмешливо и фамильярно велел пришелец с пульсирующими щелями зрачков, раскладывая на столике перед креслом финансовые документы.

И, разложив, он придавил их кругленькой прозрачной ручкой с золотым пером, внутри которой скользили, извивались в сладострастии две голенькие чешуйчатые русалки.

Растерянный восторг напоз на фейс директора зачуханного быткомбината в заснеженной Черской дыре забытой Богом Якутии, на коего свалилась благосклонность Посвящённых.

Мозг раскалится в бешеных попытках подсчитать приобретённое – его «Тугутовскую» долю от валютных сумм. Он, избранный, допущенный, складывал все названные гостем цифры инвестиций. Сложил. Умножил получившиеся 1461 000 000 на семь-сорок. И разделив на сто, заполучил 158 000 000. Он задохнулся в сладострастии: ЕГО «ТУГУТОВСКИЕ» СТО ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ МИЛЛИОНОВ ДЕРЕВЯННЫХ РУБЛИКОВ, взглянув игриво, непостижимым образом стали валютой!

Сдерживая дрожь в руке, оторопело скашивая глаз на русалочье порно-лесбийство в ручке, он подписал всю кипу документов: оригиналы с копиями.

Пришелец, опустив глаза, из коих истекала, изливалась скучная брезгливость, переждал: всё это было многократно. Для этой необъятной дуры, пропитанной антисемитским чванством РАШКИ, давно уж не нужны ракеты с термоядерной головкой. Её уж двадцать с лишним лет сдают свои рашко-чиновные плебеи и разжиревшие нувориши, сдаёт прожжённое ворье – сдают англо-саксонскому Сиону.

Сдают, холуйски извиваясь в преклонении, любой ценой пропихивая в лондоны-парижи-вашингтоны счета в их банках, жён с челядьи, с мажористыми вырожденками. Сдают остохреневшую Рассею со всеми потрохами, недрами, заводами, лесами и полями, со всеми реками, с Байкалом сдают в аренду на полвека китайцам и уйгурам, но главное – сдают ИМ. Тем, кто освоил за века главнейшую профессию планеты – мастырить на станке зелёные бумажки доллара – хоть сотни триллионов. На каждой из которых бдит, надзирает, смотрит за ползучей оккупацией недремлющее ОКО их ВЛАДЫКИ. Процесс давно пошёл и близок к завершению.

Поставив на бумаге последний свой автограф, «допущенный» теперь сэр-мистер-херр-мсье-дон Косенок спросил с вибрирующим в горле торжеством:

– Я подписал. Что будем делать?

– Теперь вам надо делать вид.

– Что это значит?

– Вам надо делать вид, что ви, сэр Косенок, приклеивший свои семь-сорок к НАМ, по-прежнему хозяин на «Тугуте». Ви будете всем делать этот вид на конференциях и форумах, в Давосе, с трибуны Думы, на первых и вторых TV-каналах и раздавать всем интервью. Ваш фейс размножится на всех экранах, а голос Косенка ползет изо всех щелей – от радио до утюга. Ви будете красиво говорить про оживляж Россией Заполярья. Что именно – то вам напишет перед каждым разом ваш Хозяин, владелец корпорации и банка под названием «Тугут». В итоге будете иметь всё то, чего давно хотели: ваш фейс теперь узнает стая блогеров и журналистов – в Москве и на Багамах, в Сочах, Сейшелах и в Давосе. А все шоу-эстрадные мартышки, шоб они сдохли, усохнут в чёрной зависти. Вы же хотели этого?

– Не только этого. Хочу узнать: с чего такая щедрость для меня, полярного клопа «Семь-сорок», для тех, у кого 92,6? И для чего вот эта бляха с бриллиантами – Пантакль?

– Вы нам всё больше нравитесь, Кузьмич, логично мыслите и рассуждаете. Начнём с Пантакля, которого вы неразумно обозвали «бляхой». Встаньте! Возьмите его и себя в руки! И повторяйте слово в слово!

Обрёл сталистую упругость голос полночного пришельца Люция. Херр-мистер-сэр-мсье-дон поднялся, взял в руки с подоконника блистающий холодными алмазными лучами круг со Звездой Давида. Оторопело, мимоходом зафиксировал цветную катастрофу: ликующее буйство красноты – бутончики герани, оккупировавшей подоконник, скукожились, опали и почернели за минуты, листья увяли. Коврик опавших красно-вялых трупиков, где только что лежал Пантакль, зловеще устилал пластмассу подоконника. Вонзался в Косенка неистовый фальцет полночного пришельца, втыкаясь в уши режущей струёй из слов:

– О Адонай, Иеве, Зебаоть, о превысший отец, творец неба и земли, четырёх элементов и высших духов, заклинаю тебя, ради твоих сил и добродетелей признать этот ПАНТАКЛЬ, который изготовлен для нашего блага!

Вибрировала и пронзала Косенка отточенная чужеродность словосочитаний. Он повторял послушно-замороженно поработающую вязь слов – разбуженное и извлечённое из тьмы веков магическое заклинание:

– Я заклинаю тебя, источающий эманацию ПАНТАКЛЬ, именем истины, жизни, вечности, именем творения, произошедшего из ничтожества, чтобы ничто не мешало в моем прирастании богатством, силой, властью! Властью, богатством, силой!

Они закончили магическую формулу заклинания – единокровного близнеца новорождённой формулы от Косенка. Две формулы слились на старте предстоящих действий: магический пришелец из глубины веков и современное творенье Косенка на стыке математики, физ-химии и психологии.

– Теперь я в третьем уровне? – спросил, едва ворочая задубевшим языком, Косенок: свиреповластный текст, замешанный на зомби-излучении Пантакля, пронзивший метастазами всё тело, истаивал и отпускаял неспешно, нехотя.

– Теперь тебе позволено знать кое-что, – изрёк Люций-фон-Левитус, рождённый тьмою рептилоид. – Ты спрашивал, зачем нам и Владыке твои пигмейские «семь-сорок» при наших триллионных капиталах? Для маскировки. Ты – наша маска, невинно-кроткая овечья морда на нашем лице Бафомета. Ты принесёшь нам пользу. Ты станешь нам полезен как маска «Интерфакса» – легального шпиона на морде всех Российских СМИ – того самого «Интерфакса», который высасывает закрыто-стратегическую и военную информацию из главных отраслей России и поставляет её ЦРУ и Пентагону: для точного удара наших санкций по отраслям России. Как «Ельцин-центр» в Москве и Екатеринбурге, оправдывающих Горбостройку с её гнойниково-растлевающей миссией для России. Но через тройку лет вдруг вся ваша Рашка, бывший спокойный, безопасный полутруп из 90-х, вдруг ошетижилась в имперской спеси и обнаглела до предела бросать нам ультиматумы, вытаскивать из НАТО Эрдогана с Турцией посулом газового ХАБА. Когда тот подсадит на него всю Турцию и экономику всех постсоветских тюрков – в руках у Панина окажутся все вожжи энергетического намордника для Турана Эрдогана. Этот кошмар недопустим. Сейчас любой ценой нам необходима тотальная промывка всех ШОС–СНГ-мозгов – учебниками и латиницей для всех их школ. Вдобавок ко всему в Кремле решили сделать оживляж Сибири, Заполярья и Севморпути, которые стал охранять ваш Севморфлот. Здесь возрождаются два кластера: Абакан – Минусинск, где добывают Лантаноиды, без коих сдохнет в мире электроника. И второй кластер – Красноярск – Братск, где медь, никель, марганец, свинец, уголь, алюминий, золото и висмут. Плюс ко всему – месторождение нефти на Таймыре, которому нет равных на планете. Все филиалы твоего «Тугута» вздулись прыщами на этих территориях: мы укрупним прыщи до статуса фурункулов, добавим к ним аптеки, кибер-компьютерную сеть НИИ, продбазы, биологические лаборатории с разработкой новых штаммов Омикрона. И в нужный час вся эта стая с пандемией сработает для кадрового вывода из строя всей жизненной инфраструктуры Заполярья и кластеров Сибири и Севморпути.

– Ковид и Омикрон, выходит, вы склепали? – пронзило изумление Косенка. Здесь у него в квартире конструктор Пандемии?! Зарытые в могилы сотни тысяч трупов от Ковида – работа этой Люций-касты?!

– Мы это таки сделали, и ты теперь допущен к этой информации, – кивнул с жёсткой брезгливостью Люций-фон-Левитус, спускаясь, снисходя до просвещения взнужданного гой-профана.

– Как сделали?

– В Ухане породили для начала первичного Ковида-19. Потом отшлифовали его штамм до Омикрона, в лабораториях Арканзаса, Гарварда и в институте онкологии DANNA-FARBE и «THE NATIONAL CENTER FOR BIOTECHNOLOGY INFORMATION» при НИИ Пентагона. Мы вставили белок от человека в модифицированный белок-рецептор ACE-2 летучих мышей. И получили шустроновый штамм. В этих летучих мышках наш шустрик Омикрончик прошёл две стадии мутаций: Q493R и Q498R. И научился взламывать входную дверь людских иммунитетов. На очереди обезьяний омикон. Теперь, чтобы убить их, требуется антител у гоа в 40 раз больше, чем для убийства штамма первого ковида из Уханя.

– И для чего всё это?!

– Для всех, обгадившихся в страхе гоев, – третья, четвертая, десятая и двадцать пятая прививки! И миллиарды доз наших вакцин Pfizer, Moderna, Astra-Zeneka, Jonson8Jonson. После которых зомбидвуногие опять заболевают, чтобы опять привиться и сдохнуть всё-таки в конце концов. К вакцинам – маски, спирт, шприцы и ампулы и спец скафандры медикам. Наша Биг-фарма произвела уже 7702 859 718 доз вакцины и заработала 612 миллиардов зелени. Канаду мы избрали полигоном, где испытаем эксперимент Владыки: стирание всех граней между полами, нациями, языками. Направив к вам в Россию лавину из мигрантов и запретив работать дальнотойщикам без «паспортов прививок», мы запустили там мега-процесс для получения биоскотов двуногих – с чипами. Для них понадобятся лишь загоны и пастухи, биомутанты типа РУССа, с инфраайтишным пультом.

– Ничего личного, только бизнес?! – выныривал из преисподней фарм-людоедов ещё пока не до конца отмытый Горбостройкой от русской социальной слизи новорождённый сэр-мистер-херр-мсьедон Косенок.

– Почти что так. Но есть и личное Владыки: вас слишком много расплодилось после Потопа. И это надо исправлять. Вы, ваша основная масса молодёжи, отупела в киберрабстве наших айфонов и айпадов, они отучились мыслить, творить полезное, анализировать, производить. А их отцы и матери зациклились лишь на торговле и холуйстве перед сильными, на сексе, грабеже, предательстве, обманах. Приматы – перволюди от горилл, орангутанов, поднявшись с четверенек, вели себя куда приличнее. Вы – миллиарды примитивных русских ското-потребляков – загадили планету. Поэтому логичны акции, эксперименты с Омикроном, но более всего необходим всепланетарный гендерный диктат, приоритет всех геев-педерастов во всех сферах, диктат, искореняющий деторождение, в котором большинство из вас должно исчезнуть, освободив планету для нашей мыслящей элиты. И их услуги. А ваша формула, херр Косенок, должна расфасовать всю эту массу, определив количество и качество элиты. Вас только что воткнули в элитный статус с помощью Пантакля.

– Вы не боитесь... что я... когда-нибудь... по пьянке сболтну про этот мега-холокост? – задавленно выщедил сквозь стинутое горло Косенок – соавтор и уже участник людоедства.

– Вы не успеете, – сказал пришелец. Поднялся с закрытым уже кейсом, где спрессовались инвестиции.

– Что значит, не успею?

– Вы продали свою субстанцию и душу нам, Пантаклю. Он испускает эманацию. Как только мистер-сэр-мсье-херр-дон захочет поделиться с кем-то нашим разговором, его язык станет таким же.

Гость показал на подоконник, который устилал багрово-чёрный слой из труптиков-цветов герани: наглядно-показательная беспощадность эманации Пантакля.

– Последнее, – сказал уже стоящий Люций. – Здесь появился при газете новый кадр – фотограф. Когда-то непонятным образом он влез, всочился в наш Давосский форум, и я, страж форума, не смог тогда определить и распознать его присутствие. Мне надо улетать. Займитесь им. Любой ценой притиснитесь в контактах, возможно, в общем бизнесе, узнайте цель его приезда. Он не фотограф, его мозги, рождённые из обгорелой плоти чужого трупа, пульсируют иной, не нашей сутью и не нашим смыслом. В который мы пока что не проникли. Вам это предстоит.

– Чьим смыслом? Под кем он? Вы – под Владыкой, а фотограф?

– Могу предположить – под Антиподом. Посланник коего среди людей в двадцать первом веке извлечённый из анабиоза гиперборей Индарий.

– Это враги Владыки?

– Владыка с Антиподом не враги! – жёстко и сумрачно изрёк пришелец. – Вы, только что вступивший в третий уровень, учитесь проникать в глубины сутей. Творец всё сотворил, используя четыре элемента: земля, вода, огонь и бездна. Земля, созвездия планет – вся эта твердь и Солнце парят во тьме глубинной бездны безвоздушья, они неразделимы. Вода гасит огонь, но он же в состоянии ту воду испарять. Те и другие сосуществуют в неразрывной сцепке, как тьма и свет, Зло и Добро. И в этой бесконечной схватке всего лишь временно преобладает, властвует один из элементов. Как ныне в вашем бытие приоритет и торжество Владыки, где под запретом и искореняются семья и совесть, самопожертвование, честь, любовь, товарищество, материнство. Искореняются на время! Которое мы все обязаны продлить: любой ценой, делами, мыслями, молитвой в храме Бафомета. Он уже строится, используя фундамент мечети исламистов.

– Вы мне назвали имя Владыки. Могу узнать я имя Антипода?

– Parama-ishavara/nR^ipa m/Jagat-Kartar m/Jy^eSTha sv, – звенел и ненавистно истончался голос Люция, произносившего статус соперника противоборца их Владыки на планете – Перуна, подёргивалось в тике лицо у гостя, при переводе сказанного с санскрита – Всевышнего защитника людей, божественного творца и главного над всеми. Я ухожу...

– Вы не закончили, про третий уровень и про Пантакль, HERR Люций, – напористо и торопливо вцепился голосом в посланника сэр-мистер-херр-мсье-дон. – Пантакль мне даст помимо инвестиций власть, исполнение любых желаний. Я не ошибся?

– И это тоже, – пронзил хозяина усмешливым и непонятым сожалением Люций-фон-Левитус. Проверьте. Когда я удалюсь, попробуйте сосредоточиться на желании: хочу! Любом желании. **За исключением парного молока с горячим хлебом.** Прощайте, посвящённый.

Гость уходил. За ним захлопнулась входная дверь – с железным колокольным звоном. Аэросани за окном внизу, вплетаясь в визги, посвист ветра, взрычали приглушённо. Рёв истончился удаляясь – и исчез.

Спустя минут пятнадцать-двадцать, застыв в оцепенении, Косенок позвонил начальнику аэропорта. Настенные часы показывали два после полуночи. В мобильнике возник угрюмо-хрипловатый голос Петракова:

– Алло... Кузьмич?

– Я, Потапыч. Прости, что разбудил, девятый сон досматривал?

– Заснёшь тут, твою мать. С двенадцати аэропорт весь на ушах стоит.

– С какого бодуна? Нелётная погода, пурга взбесилась, собаку на улицу не выгонишь.

– То-то и оно. В одиннадцать пятнадцать вдруг Москва возникла: примите через полчаса VIP-борт особой важности. Я в панике на дурь столичную: какой, к чёрту, вип-борт?! Пурга под десять баллов, ветрило полста метров в секунду и видимость на полосе пять метров! А мне приказом по мозгам: не рассуждать, а выполнять!

– Да-а ситуёвина... подлее не придумать. Ну и что дальше?

– Послал на полосу пожарников и скорую, усилил световую окантовку полосы предельной аварийкой, жду при обоссанных штанах, в предчувствии финала: борт грохнется и загорится... полсотня или больше трупов, меня по уголовке лет на десять... они там наскребут за что. И что ты думаешь?

– Борт сел без приключений. И выпустил в пургу аэросани.

– А ты откуда знаешь?!

– Знаю. Я что звоню: тот борт ещё стоит?

– Минуты три назад поднялся. Я двадцать лет здесь, но ничего подобного не видел: эта посудина, приняв аэросани, окуталась какой-то сизой смазкой, разогналась, поднялась и исчезла, не отклоняясь от прямой ни на метр, при ветре пятьдесят метров в секунду. Прошила весь тайфун, как нож растопленное масло...

– Всё ясно. Ложись и досыпай, считай, что всё приснилось.

Он выключил айфон, поставил его на зарядку, всеми костями, мышцами и мозгом блаженно ощущая причастность к произошедшей фантазмагории. Он был допущен к ней, к синклиту посвящённых, творивших в бытие неведомые катаклизмы, включён в когорту избранных владык планеты, коих периодически собирала во дворце Давоса рептилоидная каста: определять судьбу цивилизаций. Так должно быть! Естественный отбор полезных, нужных для Владыки. *Vivat ему!*

Лишь избранным – в награду исполнение ВСЕГО. ВСЕГО, ЧТО ПОЖЕЛАЕТСЯ, как Швабу, Биллу Гейтсу, Ротшильдам, Рокфеллерам, Илону Маску и Бжезинскому. А все быткомбинатовские филиалы Косенка в низовьях Колымы, Индигирки и Лены, в центре Сибири, весь иссушающий надрыв по их созданию, в обход законов и матёрых конкурентов – отныне всё это крохотная суета сует пред стратосферной высотой, куда его взметнула Формула. И это, снизошедшее, надо проверить: что-то пожелать! Немедленно, сейчас!

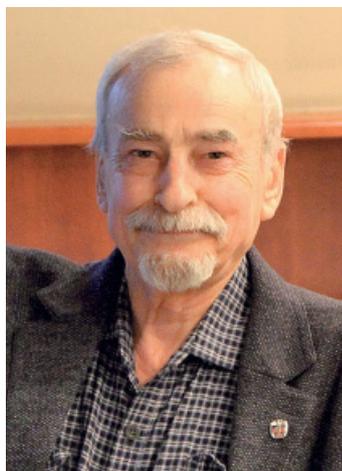
Косенок вяло пошарил в своих потребительских закромах и обнаружил одно куцее желание: он хотел парного молока с горячим ржаным хлебом. И тут же вспомнил запрет Люция: про молоко с горячим хлебом. Какого чёрта?! Да почему нельзя хотеть того, к чему привык, что требует, о чём вопит желудок?! Вопят рецепторы во рту! За чёрными стёклами двойной рамы билась и бесновалась полярная пурга, а ему хотелось...

«Тёплого, парного молока... чтобы не в кружке, не в стакане, а в глиняной, облитой глазурью, миске, куда можно крошить горячий хлеб и деревянной ложкой, раз за разом... в рот».

Резко закололо в челюстях – во рту копилась слюна. Он вспомнил, что не ужинал сегодня... вернее, уже вчера. Конечно же, всё бред сивой кобылы: кто это предоставит в пургу... в два после полуночи парное молоко и хлеб... опять вернётся Люций?!

Нечто пульсарное пронизывало и растекалось в кабинете. Пантакль на письменном столе, алмазно полыхая стрелами, сиял неистово и обжигал мозг разгоравшимся желанием запретного.

Геннадий Сазонов

Геннадий Алексеевич Сазонов – родился в 1950 году в Тверской области. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, отработал в печати более 40 лет. Публиковался во многих периодических изданиях Советского Союза и РФ. Издал 35 книг поэзии, прозы, публицистики. Литературно-критические очерки печатал в журналах: «Берега», «Север», «Лад Вологодский» и др. Автор книги о жизни и творчестве классика русской литературы В. И. Белова. Лауреат ряда всесоюзных и всероссийских литературных премий и конкурсов. Член редакционного совета журнала «Берега». Живёт в Вологде.

БЕРЕСТИНКИ

Лирические новеллы

Задиристая ворона

С откоса дороги уже сошёл снег, кое-где проглянула робкая травка – ярко-зелёная. Весна взяла природу в тёплые руки. Солнышко заметно припекало, воздух, влажный, нагретый лучами, казался таким свежим и вкусным, что не надыхаться.

На откосе, прогревом лучами, сладко спал большой пёс, уткнув лохматую голову в передние лапы. Тут у него всегдашний дом. Рядом – рынок, где пёс промышлял у торговцев – кто кость бросит, кто ломоть хлеба, кто кусок мяса. Пёс удачно пережил зиму. Теперь, забыв метели и морозы, он отдыхал в ожидании лета.

Никому пёс не мешал, и ему никто не мешал.

Прохожие, торопясь по делам, иногда поглядывали в сторону спящего пса, но не приходило никому в голову нарушить собачий сон.

Тут, будто по шучьему велению, на откос опустилась большая ворона. Минуты две она стояла на месте, вертела головой туда-сюда, высматривая, чем бы поживиться. Глаза её не нашли ничего подходящего. Откос чистый – вчера дворник граблями убрал весь мусор с остатками разной пищи.

Вдруг чёрные бусинки её глаз остановились на спящем кобеле. Похоже, беспокойная птица посчитала уснувшего пса вполне достойной добычей. Вразвалочку, сохраняя воронье достоинство, переставляла лапы. Подошла ближе, повертела головой и клюнула пса в бок, полагая, что он не живой.

Пёс даже не шевельнулся!

Ворона же, испугавшись чего-то, быстро отлетела, а через минуту опять опустилась около пса.

Птица нацелила клюв, намереваясь сильнее ударить добычу. Вдруг кобель глухо зарычал и дёрнулся всем телом.

В страхе, обиженно каркая, воительница взметнулась вверх и полетела куда-то над крышами зданий рынка.

Не напомнила ли вам сценка с вороной и собакой что-то человеческое? Что-то из исторического и современного бытия?

Мне так очень напомнила!

Самая большая в мире страна – Россия, протяжённость её территории с запада на восток составляет 10 000 километров, или 11 часовых поясов. Когда над Балтийским морем и Калининградом сгущаются сумерки, то во Владивостоке встречают уже рассвет. Возникает ощущение, что солнце никогда не заходит над страной, круглые сутки освещает её, переходя из одного края в другой. Кроме того, бывают у нас на Русском Севере и на Крайнем Севере полярные белые ночи, когда солнце практически не уходит с горизонта – светит и светит.

Иноземцы, что бывали на Руси прежде, и те, что приезжают теперь, часто сравнивают её... с медведем. Трудно сказать почему, но так получилось. Широко известны слова германского канцлера Э. Л. фон Бисмарка (1815–1898) о России: «Я знаю тысячи способов выгнать медведя из берлоги, но не знаю ни одного, чтобы вернуть его в берлогу обратно... Завещаю, не трогайте Россию...»

Увы, потомки не вняли предостережению своего мудрого канцлера. Кстати, он имел на то полное основание: десять лет прожил в России, был заядлым охотником-медвежатником, знал характер русского мужика. Немцы дважды потерпели крах, посягнув на Русь. По сути, проиграли Первую мировую войну, а затем была низвергнута в прах самая сильная в мире армия Гитлера.

Ещё со времён «вещего Олега», князя Киевского, а позже в правление князя Игоря и княгини Ольги, её сына князя Святослава разные вооружённые толпы иноземцев, будто задиристая ворона, кидались на «дремлющую Русь» в надежде поживиться, взять её земли и богатства.

Откуда только они не шли! Какие планы только не строили!

Но неизменно заканчивались походы позором поражения. Ни с чем возвращались захватчики во свояси, если, конечно, уцелели.

Увы, эта «историческая закономерность» ничему их не научила.

Вот и ныне, в первой половине XXI века, свыше пятидесяти государств, уподобляясь задиристой вороне, воюют против нас на «стороне Украины», мечтая «нанести России поражение по полю боя».

Какие бредовые мечты! Какая бесовская самонадеянность!

«Пушкина – в тюрьму, Гоголя – расстрелять...»

Всё же интересное «кино» получается! Надо бы поклониться в пояс просветителю Олегу Платонову. Два десятилетия подряд он приобщал русский народ к духовным и нравственным нормам Святой Руси и продолжает это делать. Возглавляя в частном порядке Институт Русской Цивилизации, писатель вместе с коллегами издал более 500 томов произведений русских философов, экономистов, богословов, публицистов, а также 25 энциклопедий и словарей. Без всякой поддержки со стороны бюджета. Русский подвижник! Настоящий патриот! Ему бы какую-то государственную награду дать за труды.

А что в реальности? Наглое гонение со стороны силовых органов. За какую провинность? За то, что с любовью служит Отечеству! За то, что ведёт огромную просветительскую деятельность. Пресненский районный суд Москвы несколько месяцев рассматривал «дело Платонова». А ранее самому суду предшествовала «работа в поте лица» большой группы следователей – около двадцати человек. Они «копали» обвинения, чтобы подвести доктора экономических наук, писателя, учёного под статью 282 Уголовного кодекса за «возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Эту статью называют ещё «русской», и не случайно. Обычно её применяют к тем, кто пытается перед властями отстоять интересы Родины.

Зато к тем, кто действительно унижает Россию, поливает грязью русских и историю великой страны, никогда статью 282 не применяли. Здесь мы видим обычный «двойной стандарт». Чем же «провинился» Платонов? Ему вменяли в преступление издание двух книг: «Загадки сионских протоколов» и «Сионские протоколы в мировой политике», они вышли в свет давным-давно. И не вызвали каких-либо отрицательных эмоций. Вдруг «сионские блюстители» проснулись, кто-то их растормошил. Начали усердно под руководством начальника Следственного комитета «обрабатывать» нарушителя. Чудно, право! Проблема известна во всём мире, «обсосана» со всех сторон уже сто с лишним лет назад. Впервые «Протоколы сионских мудрецов» на Западе опубликовали ещё в XIX веке, а в России – накануне революции 1917 года. Даже в Вологде в «лихие девяностые» писательская газета «Эхо» познакомила читателей с «великим произведением», и никто от страха не умер ни в самой Вологде, ни в городах и сёлах области.

Интересное «кино» получается. Проходимец, большой приверженец сионизма Чубайс сумел обмануть 150 миллионов граждан со своей приватизацией, которая была фактически ограблением, не виданным прежде ни в одной стране мира, и ему ничего. Никакой статьи! Свалил за кордон и греет своё неприватизированное брюхо на пляже у моря... А тут «отмывайся» от 282-й статьи! Если приложить логику следователей к классике, то многих русских писателей можно подвести под 282-ю статью, «задним числом», конечно. Для нынешних следователей это не проблема – «преступление» не имеет срока давности. Представим Александра Сергеевича Пушкина в нашем времени, возьмём

его маленькую трагедию «Скупой рыцарь». Вспомним диалог рыцаря и еврея-ростовщика, предлагающего Альберу «средство», чтобы отравить отца и завладеть его богатством.

Как! Отравить отца! И смел ты сыну...
Иван! Держи его. И смел ты мне!
Да знаешь ли, жидовская душа,
Собака, змей! Что я тебя сейчас же
На воротах повешу...

Содержание «Скупого рыцаря» вполне подпадает под статью 282 УК Российской Федерации.

Ещё более предметно обозначена «тема жидовства» в знаменитой повести Николая Гоголя «Тарас Бульба». Здесь любитель золота, почитающий сей металл «альфой и омегой» земного существования, показан во всей своей красе... Хорошо, что в Следственном комитете РФ не читают Пушкина и Гоголя, а то бы какой-нибудь генерал наверняка рявкнул: «Пушкина – в тюрьму, Гоголя – расстрелять...»

Тёплые носки

Часто у нас произносят гениальную фразу: «Неожиданно пришла зима!» Особенно её любят чиновники, оправдывая безделье или запоздалые хлопоты по подготовке к холодам коммунальных хозяйств городов и посёлков. Начинают разрывать теплотрассы и водоводы, ремонтировать кровли зданий – словом, изображают «кипучую деятельность».

Мы же не в Африке живём! Это там круглый год тепло. Мы же находимся даже не в Австралии, где зимой (а их зима бывает, когда в России лето) теплее, чем у нас в июле. Скажем, в западной части континента, в городе Перт, зимой «плюс» выше двадцати градусов.

А у нас что? Со старого года и до конца апреля нового года лежит снег, щёки щиплет морозец – словом, мы на Севере живём. Впрочем, как и большая часть огромной Руси находится в холодной, неблагоприятной для существования зоне. Среднегодовая температура на территории России составляет минус 5 градусов, чего нет ни в одной стране мира.

Откуда же неизбежное: «Зима пришла неожиданно»?

Наверное, уже вошло в привычку, а привычка, говорят, вторая натура.

Многие, обременённые суетой, не успевают привести в порядок свой гардероб, чтобы достойно встретить зиму. И только когда простудят ноги, когда заболит горло, когда начнут сильно чихать и кашлять, тогда станут шевелиться. Вот и я в бесконечных хлопотах забыл про шерстяные носки, а без них на улицу не выйти. Попросил жену позаботиться, она добрела до магазина, и там носков и след простыл...

Миля шла по заснеженной улице городской окраины, неожиданно увидела на обочине торговку – она разложила на столике всякие носки.

– Ой, как раз то, что мне нужно, – обрадовалась жена. – Прямо шерстяные, настоящие! Хорошо! А сколько стоят, размер сорок два...

Женщина назвала цену. Миля порылась в кошельке – не хватало сто рублей. До дома далеко, пока сходишь туда-сюда – настоящая ночь настанет. Что делать?

– Муж так просил, так просил, – проронила она.

Вдруг Миля услышала за спиной:

– Вам сто рублей не хватает? Вот, держите...

Незнакомка протянула купюру.

Миля несколько испуганно взяла и тут же проронила:

– Я вам верну, скажите сотовый телефон, pošлю на номер...

– Нет, не надо, ни в коем случае не посылайте. Я услышала, что вы покупаете мужу, и как-то резануло по сердцу. Я своего мужа похоронила год назад, живу вот одиноко. А вы своего берегите, берегите...

И пошла в начинавшиеся сумерки.

Дома жена протянула мне замечательные шерстяные носки и поведала этот эпизод.

Боже мой, подумал я, как благороден, как прекрасен русский человек!

Дело, не в тех ста рублях, которых не хватило жене на покупку. Мгновенная отзывчивость, милосердие, желание помочь другому, совершенно не знакомому – такое возможно только у нас. Пока ещё «дикий капитализм», к счастью, не вытравил эту черту из русского характера.

И потому шерстяные носки согрели очень тепло.

Проза

Александр Орлов

Александр Владимирович Орлов – родился в 1975 году в Москве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького и Московский институт открытого образования. Поэт, прозаик, публицист, историк, педагог, директор Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь», член МГО СП России. Автор девяти поэтических сборников и четырёх книг малой прозы. Лауреат Всероссийских премий: им. А. П. Платонова (2011), Ф. Н. Глинки (2012), С. С. Бехтеева (2014), Н. С. Лескова (2018), Д. Н. Мамина-Сибиряка (2020), М. Ю. Лермонтова (2022), А. И. Куприна (2024), Ф. М. Достоевского (2024), Бориса Корнилова (2025), им. святителя Филофея (Лецинского) митрополита Сибирского и Тобольского (2022), им. святителя Макария (Невского) митрополита Алтайского (2022), Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» ИС РПЦ (2018, 2019, 2021), Международной литературной премии «Югра» (2019), Международного литературного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (2020), Международной Лермонтовской премии (2025), обладатель «Золотого Витязя» (2019), «Бронзового Витязя» (2017), МСЛФ «Золотой Витязь» и специального приза ИС РПЦ «Дорога к храму» (2017).

КОГДА МЕНЯ НЕ БУДЕТ

Рассказ

После третьего августовского Спаса Степан Антонович решил ехать в город. Силы он в себе ещё ощущал достаточно и в дорогу стал собираться заранее. Позвонил сыну, чтобы предупредить о приезде, но сын твёрдо сказал, что отца заберёт сам к первому сентября. Степан Антонович очень хотел проводить правнуков в первый учебный день лично. Посмотреть на них и, как полагал, в последний раз. Ощущение крадущегося жизненного исхода не покидало его. В свои девяносто с лишним он был ещё крепок и после смерти жены справлялся без посторонней помощи. Готовил, убирал, ходил в сельмаг сам, а на огородные работы всегда приезжал кто-нибудь из детей, внуков или правнуков. Одинокая жизнь всё чаще возвращала Степана Антоновича в прошлое. Ему казалось, что он ничего не забыл, что хоть сейчас может пересказать всё прожитое за почти вековое пребывание на земле. Но более других воспоминаний случай в концентрационном лагере для военнопленных не давал покоя. Ему на ум приходили слова святителя Иоанна Златоуста, он словно слышал: «Крест – символ Божественного дара...» Порой казалось, что он всё ещё молод и находится там, где остаться живым каждый день считалось чудом.

Степан Антонович вспоминал, как перед сном в темноте барака осенял себя крестным знаменем, и оно словно огораживало его от ужаса происходящего. После вступления в комсомол перед самой войной он стыдился, что был крещён, и переживал, что его покойный дед был в деревенской церкви старостой, хотя об этом в городе мало кто знал. После саксонских, тюрингских и колымских лагерей стыд за христианских пращуров исчез.

Жизнь он прожил честную: и работал много, и семью создал, и детей и внуков воспитал. Теперь его беспокоили иные вопросы. Ночь перед отъездом он спал мало, всё ему мерещились рычащие лагерные псы и казалось, что не пот, а долетевшие собачьи слюни покрывали то его лоб, то руки, то всё тело.

Сын приехал с утра. Двое мужчин не стали завтракать, а быстро собрались в дорогу, погрузив в машину освящённые яблоки, орехи, мёд и мешки с картошкой. Перед отъездом Степан Антоно-

вич помолился и укорил сына за незнание молитвы святителя Иоанна Златоуста перед выходом из дома. Как только они сели в машину, пошёл дождик.

– Это хорошо, что дождик нам дорогу освежил, – сказал он сыну.

– Папа, ты человек верующий и в церкви старостой послужил, а в приметы веришь, – усмехнулся сын.

– Я в Бога верю, и, если нам дорогу Он очищает с помощью воды – значит, всё у нас заладится, – ответил Степан Антонович.

Так и случилось – до города они добрались быстро. И всё, что по дороге увидел Степан Антонович, казалось ему началом его прощания с земной жизнью. Он молчал всё время в пути. Ему нравилась осенняя красочность и думалось, что до первого снега он уже не доживёт.

Перед домом они остановились у супермаркета, и Степан Антонович, который несколько лет не был в городе, из любознательности пошёл вместе с сыном за покупками.

– Точно, умирать я могу спокойно, – сказал он на выходе из супермаркета.

– Папа, дорогой, ты что это задумал? – спросил его сын.

– Говорю то, что знаю. Вот смотрю, а у вас теперь социализм или коммунизм наступил, а вы и не замечаете, – оглядываясь по сторонам, сказал Степан Антонович.

– Господи, папа, какой социализм или коммунизм? Ты с чего это взял? – развёл руками Анатолий Степанович.

– С того, что смотрю и не верю глазам своим. Сколько теперь колбасы, сыров, молока, кефира, мяса, рыбы на прилавках. Нам это и не снилось ни до войны, ни после, ни когда меченый с беспалым страну уничтожили и распродали. Сам знаешь, не маленький, голова уже вся седая, – возмутился старик.

– Ах, вот ты о чём, – вздохнул сын, – да разве этого хочется.

– Чего тебе и вам ещё надо? – возмутился Степан Антонович.

– Да мне ничего, а вот правнукам твоим ещё много что нужно будет. Они теперь совсем другие, – с горечью сказал Анатолий.

– Ваша вина в первую голову. Значит, так воспитали. Не научили довольствоваться всем, что Бог послал... Не будете ценить, что есть, детей, внуков, правнуков не научите, кара придёт откуда не ждали и лютая, такая, что все мои года, которые кровью своей и чужой вымазаны, сладким чаем покажутся.

Этот жёсткий ответ отца застал врасплох сына.

– А ты, батя, значит, всегда и всем доволен был? – спросил он.

– Да, был. Особо, когда я при росте в 185 сантиметров после Маутхаузена весил 36 килограммов. И выжил. И тебя, и твою сестру и брата воспитал. И вот к внукам и правнукам еду. Да и что говорить, в здравом уме пока ещё и твёрдой памяти.

Разговор на этом был закончен. Встреча с женой сына, внуками и правнуками прошла быстро. Застолье долгое Степан Антонович уже не любил. Рано лёг спать. Встал ещё затемно и стал ожидать пробужденья правнуков, которых, на радость ему, привезли в гости.

Первое сентября названный в честь прадеда Степан собирался в школу. Степан Антонович позвонил ему и сказал:

– Внучок, а давай вместе помолимся перед школой.

– Зачем, дедуль? – удивился школьник.

– Чтобы Господь сберёг, – ответил Степан Антонович. – Ты же крещёный?

– Крещёный, – ответил Стёпа.

– Вот слушай и смотри. Главное – это вера, а мы, православные, осеняем себя знаком креста. Для этого соединяем три пальца правой руки. Словно щепотку соли хотим взять. Потом не спеша прикасаемся ко лбу, груди, правому и левому плечу. Главное – не торопиться. Видишь, ничего сложного, – улыбаясь, сказал Степан Антонович.

– Знаю я дедуль, а это разве помогает? – спросил правнук.

– Ещё как! – ответил Степан Антонович.

– А как тебе это помогло? – спросил Стёпа.

– Как? Вот придёшь из школы, и расскажу. Ты в какой класс пошёл?

– В девятый, ОГЭ впереди, а что? – засмеялся Стёпа.

– Я тоже в сорок первом восьмой закончил, а потом война, – и Степан Антонович, проводив правнука, замолчал.

Стёпа вернулся из школы к обеду и, быстро разделив трапезу с бабушкой, отправился на балкон, где в одиночестве рассматривал новостройки Степан Антонович.

– Как тебе вид? – поинтересовался Стёпа.

– Представить сложно было такой размах, глазам не верю, – ответил Степан Антонович.

– Строительный бум! Этого уже не остановить. Новое время, а ты всё о Боге и молитвах, – воскликнул Стёпа.

– Так и это всё от Бога, Стёпочка, – с улыбкой сказал Степан Антонович.

– Ты обещал рассказать о том, как тебя спасло крестное знамение, ты же его так называешь? – сказал Стёпа.

– А, ну да, обещал. Раз обещал, то расскажу про Саксонию, – протянул Степан Антонович.

– Ты был в Германии? – удивился Стёпа, для которого Саксония ассоциировалась с футбольным клубом «Лейпциг» и футбольной империей «Ред Булл».

– Да, в штрафном лагере Хартманнсдорф. Он как раз в Саксонии располагался. Туда после побега попал. В него в какой одежде поступил – её снимают, а тебе выдают лагерную, а ботинки у меня были свои и ещё достаточно годные, а потом их ночью украли. Я товарищу своему по комнате Остапу говорю: «Ты знаешь, вот хорошие ботинки стоят, я их себе возьму, у меня взяли, так и я теперь имею право». Я так и не мог понять, кто это сделал, а потом, что греха таить, решил, что раз у меня украли, то и я украду. Как не вспомнить восьмую заповедь закона Божия: «Не воруй!» Но думалось мне, что в моих обстоятельствах грех оправдан будет, и я перекрестился и притаился. Ждал, ждал, пока все уснут, и сам от работы тяжёлой во сне и утонул.

Утром подъём, а ботинок, которые я приглядел, нет, а хозяин их пошёл и пожаловался эсэсовцам. Сказал, что, мол, его шухе (это ботинки по-немецки) украли. Ну, а этим только этого и надо: выстроили всю нашу дас циммер, это комнату значит, и офицер спрашивает на немецком: «Вер?» Это значит кто по-нашему.

Все, кто в строю стоят, молчат, а он знай своё и давай каждую минуту, как попугай, спрашивать: «Вер? Вер? Вер?»

Тогда нас погнали по лагерному кругу вприпрыжку, а он километр, и кто падал – спускали собак, а собаки были ещё не кормлены. Нам-то лагерным тяжело, мы и так измождённые все, я как-то допрыгал, а некоторых собаки загрызли. Потом второй круг мы бежали с мешками, в которые друг другу до верха наложили камней. Осталось нас и того меньше.

Выстроили нас в строй, и опять офицер своё заладил: «Вер? Вер? Вер?»

Все молчат, и офицер говорит: «Драй таг оне эссен унд вассер!» Это значит – три дня без еды и воды.

Товарищ мой Остап и говорит мне: «Может, ты, Стёпа, может, ты? Сознайся. Сдохнем ведь ни за что».

– Да не я, ты что? – говорю ему. Но поляк с нами был Анджей, он услышал наш разговор и офицеру при всех говорит: «Герр офицер, дас ист эр», то есть это он по-нашему, и пальцем показывает на меня.

Ну тут и началось.

– Хаст ду эст генеммен? – спрашивает меня. Я понимаю, что он мне говорит и в ответ:

– Нихт ихь, то есть не я.

Он мне как врезал справа и опять меня спрашивает, я или нет, а я на своём стою. Не брал и точка. Бил он меня усердно, и руки его в перчатках все в крови моей были, но я не сознавался, вину чужую на себя брать не захотел. И унтерштурмфюрер наш так рассвирепел, что вспотел, пока меня отоваривал. Но я уже молчал, а потом он скомандовал, и несколько человек стали меня уму-разуму учить, да так, что я на всю жизнь запомнил, что такое помыслы о краже. Били меня долго и сильно, положив на скамью, и удары я считал, думал, что до последнего не дотяну. У них были такие резиновые трубки, а внутри этих трубок были металлические прутья, и ручка такая приделана удобная, зараза. Так, чтобы охаживать было в удовольствие. Двадцать пять ударов я помню, но мог и сбиться. Всё как в тумане было, и в крови я был с головы до ног. Ну, сбросили меня со скамьи, и офицер наш выхватил из кобуры пистолет и, перезарядив, направил

мне в лицо. Тут я и перекрестился напоследок. Как бы себя крестом оградил, а на кресте сам Спаситель. Он меня и спас!

Он мне опять: «Нахм?» То есть брал?

Я говорю: «Нет! Не брал я ничего».

Он вдруг прищурил глаза, внимательно посмотрел на меня, похлопал меня по плечу и приказал всех гнать на работу, а меня на кухню и накормить. Дали мне день отдыха после всего этого.

Стёпа смотрел внимательно на прадеда и не мог себе представить, что война, которая была так давно и казалась далёкой, жила рядом с ним. Его прадед один из последних, кто выжил и победил.

– Так вот меня крестное знамение и спасло от гибели. Ведь всё непросто в нашей жизни. Три пальца у каждого из нас выражают нашу веру в Отца, Сына и Святого Духа. Нашу единосущную и неразделимую Троицу, а два прижатых к ладони означают две природы нашего Спасителя – и Божественную, и человеческую. Такая вот сила у каждого в пятерне. Такая защита и у меня и у тебя. В древности жил святой Ефрем Сирийский, и он говорил: «Вместо щита ограждай себя Крестом...»

Помни об этом, когда меня не будет, – совершишь крестное знамение и меня помянешь.

Проза

Сергей Собакин

Сергей Анатольевич Собакин – культуролог, прозаик, детский писатель, публицист, поэт-песенник. Член Совета молодых литераторов Союза писателей России, ЛИТО им. Ф. Шкулёва (г. Видное, МО). Участник VI Всероссийского совещания молодых литераторов СПР. Лауреат Всероссийской литературной премии им. В. Астафьева (2024), I Всероссийского литературного фестиваля «Литературная карусель», общественно-литературной премии «Тэффи». Финалист международных литературных премий им. Ф. Искандера, А. Казинцева, им. А. Левитова (лонг-лист); финалист Всероссийских литературных премий им. В. Астафьева, им. И. Бунина, Губернатора Курской области. Автор романов, повестей и рассказов в жанре антигрязного реализма, православной прозы, детской литературы. Публикуется в журналах: «Наши современники», «Москва», «Берега», «Волга – XXI век», «Перископ», «День и ночь» и др.

ДОН КАРЛУШ

Из цикла рассказов «Я пришёл к тебе с приветом!»

Граница между условной нормальностью и помешательством (гениальностью) весьма условна и предстаёт перед нами не в виде маленькой чёрточки, перешагнув которую ты вдруг становишься гением, – в лучшем случае, а в худшем – сумасшедшим, – нет, всё намного сложнее. Эта условная черта имеет гораздо большие размеры, сравнимые разве что с несколькими футбольными стадионами, пересечь которые ещё нужно постараться.

Сергей А. Собакин (Собатини)

*Отрывок из очерка
«Терапия творческим самовыражением»,
опубликованного в журнале «Профессиональная
психотерапевтическая газета» (№ 9, сентябрь 2022 г.)*

Историю сию я, бумагомаратель со стажем, – случайный свидетель и безмерно любопытный интересант (когда дело касается человеческих судеб) – хочу поведать вам, не менее любопытным читателям-собираателям, чтобы немного раскрасить наши с вами серые будни и подсластить, так сказать, чай обыденности, который, бывает, горчит и вяжет аж до оскомины...

Но не смеха единого ради я, писака-прозоплёт, решился на этот весьма отчаянный шаг. Отчаянный, ибо рассмешить – дело, знаете ли, мой любезнейший друг, весьма трудное, а порой вовсе даже невозможное и вполне себе нереальное; ибо, как вы знаете, мой милый друг, чтобы развеселить человека, нужно обладать... Не знаю, чем конкретно, но уж точно быть вполне себе смешным, что ли, или, на худой (!) конец, хотя бы чуточку забавным...

Так что предположим, что история всё-таки у нас юмористическая, и посему я попробую, – нет! – я буду вынужден немножечко так острить и... всё такое... и что-то нечто в этом роде...

Поскольку рассказ наш подразумевает, что где-то предположительно мы должны будем рассмеяться, мой весьма скептически настроенный дружочек, мы поместим нашего героя в такие обстоятельства, в которых нескучно жить, а также придумаем ему какое-нибудь психическое отклонение (ибо нынче модно веяние сие), чтобы точно было весело; а также сделаем его – участника наших

юмористических опытов – человеком безнадёжным, придурковатым и весьма неуклюжим; ну а вишенкой, по канону издевательской насмешки, будет, разумеется, некое физическое несовершенство.

Итак, мой юный испытатель, что же мы имеем на выходе или входе? Да, это большой вопрос... Но будьте любезны теперича слушать, мой милый дружочек, раз дочитали до сего момента...

Карл Маркович Москвитянин – коренной столичник-отличник, как нетрудно догадаться (ха-ха-ха!), – мужчина среднего возраста (хотя вполне себе и молодой по нынешним меркам – всего-то сорок лет отроду), не имеющий за душой к своему пятому разменянному десятку ничегошеньки из того, что могло бы охарактеризовать его как мало-мальски успешного человека. У него не было ни семьи, ни работы, ни машины; он жил в малюсенькой такой квартирке на с-а-а-а-мой на окраине большущего, я бы сказал, даже крупнейшего мегаполиса. Да! Забыл сказать, что при этом (это должно вызвать у вас, конечно же, неподдельный смех, мой любезнейший дружочек) он, Карл наш Маркович, стоял на учёте в психдиспансере, то ли с неврозом каким, то ли с шизо... А впрочем, это уже детали, любезнейший друг.

Детство у нашего клоуна... Я произнёс это слово?! Ах... Ну да ладно. Детство было у Карлуши не самое сладкое и безобидное. Как только Карлуша ни пыжился, чтобы оказаться «на одной волне» с жестокими и непутёвыми по жизни сверстниками-одноклассниками, которые дразнили нескладного мальчишку и поносили, будто он и впрямь был прокажённый какой. А ведь, судя по всему, справедливо: Карлуша был коротышкой, да ещё худым как палка, тугодумом до крайней степени глупости, не отличался успеваемостью и спортивными достижениями, да ещё и красавцем его было назвать, прямо скажем, трудновато. Не урод, конечно, но и не Джонни Депп или кто там ещё из этих... заокеанских символов мужской привлекательности...

Так вот, чтобы спрятать свои недостатки и хоть как-то реабилитироваться в глазах школьных приятелей, наш герой, насмотревшись кинокомедий с Чарли Чаплином, однажды пришёл к выводу, что те недостатки, над которыми все – и одноклассники и учителя – насмеяются, нужно преобразовать в нечто положительное, дабы извлечь из этого неимоверную выгоду и стать наконец востребованным во всех отношениях личностью как для парней, так и для девчонок, – авось что-то и перепадёт...

По этой самой причине Карлуша в один из очень-преочень прекрасных (как это обычно бывает!) дней и заявился в школу в образе бродяги: накладные усы постоянно отклеивались, крошечный котелок обручем сдавливал голову, бамбуковая тросточка то и дело выскакивала из подмышки, а костюм, который был ему явно мал, сидел на Карле настолько нелепо, что, казалось, подросток избил малолетку-карапузу и отобрал у того тройку (это костюм такой, если что, а не упряжка с лошадами, милый дружочек (ха-ха-ха!)).

– Эй, пацаны! – закричал Лёлик, предводитель всех внеурочных безобразий, и не мог удержаться, чтобы не съязвить: – Зацените, какой у этого чудика прикид! Ха-ха-ха!

– Вот же полудурок! Хи-хи-хи! – вызывающе хихикала Мухановская, дочка местного бандита. – Это ж надо!

– Почему – «полу»?! Ха-ха! – поддержал товарищей Мексиканец, или Яйцеголовый, школьный «барыга». – Он ведь в натуре придурок! Цельный! Ха-ха-ха!

– Да-да! – уверенно ответил некогда забитый Карлуша и станцевал чечётку. – При. Дурок. То есть – при дураках!

– Да ты чё!? Попутал?! – ринулись на Карлушу все трое негодяев. – Мочи Москвитянина! Мочи!

Карлуша не растерялся и ловко, словно Чарли Чаплин в роли бродяги, раскидал одноклассников: Лёлику он в пируэте снял брюки, и тот, запутавшись в штанине, упал; Мухановской поставил подножку и, подхватив её, кружился волчком до тех пор, пока она не срыгнула школьный завтрак себе на грудь; ну а Яйцеголовый пострадал больше всех – Карлуша побил бедолагу бамбуковой палочкой, словно пыльный коврик, да так сильно, что из злодея, как из Деда Мороза, в разные стороны полетели цветные пакетики и корбочки.

– Кто такой?.. Что ты есть?.. – спросили обескураженные одноклассники.

– Можете называть меня Карл Чаплыгин (девичья фамилия матери!), или лучше – Карлос, точнее Карлуш Чапгениозо, Дон Карлуш Чапгениозо!

Почему так назвал себя Карлик Марк, как дразнили низкорослого подростка сверстники, никто из лежащих на полу предположить не рискнул; ибо никому не хотелось вновь получить «леща» от самого Дона Карлуша: эксцентричного, привлекательного, харизматичного и талантливого, как с того

момента все стали называть Карла Москвитянина, ученика девятого класса в школе имени Михая Михаевича Зодчего – известного писателя, а по совместительству друга самого Фрейда... Да-да, того, который известный мозгоправ и псих и, как следствие, – аналитик...

И это была эра! Эра Эроса – Дона Карлуша Чапгениозо Великого! Который всю старшую школу был звездой везде и всюду. Самый лучший ученик, самый лучший спортсмен, самый лучший отец и самый, самый, самый... У меня сейчас язык отнимется столько раз говорить одно и то же слово, да ещё и с надрывом, дёргаясь в экстазе от переполняющего меня, словно пивная пена, вываливающаяся из холодного стакана в разгар жаркого июльского полудня (м-м-м!), чувства, милый дружок!

Ну а Эросом – богом любви – коротыш Дон Карлуш прослыл по причине того, что был чрезвычайно падок на девчонок всех возрастов, но в особенности на миниатюрных и намного младше его. И никому Дон Карлуш не отказывал, ибо был ненасытным в общении с прекрасным полом. Юный ловелас мог часами рассказывать малолетним поклонницам о своих гениальности и сверходарённости, а те, развесив уши и затаив дыхание, были готовы внимать каждому слову, доносившемуся из уст великого маэстро.

Накладные усы и брови, нелепый котелок, бесформенный костюм-тройка, белые носки – буквально каждая деталь образа бродяги сводила юных прелестниц с ума; и тем более бамбуковая палочка, с которой Дон Карлуш Чапгениозо выделял такие сумасбродные трюки... Что уж говорить о тех немислимых и в то же время забавных представлениях, как, например, «танцы булочек», когда маэстро жонглировал бутербродами в столовой, подкидывая и вращая их на своей тросточке, – всем этим безумно восторгались даже недоброжелатели.

Вот так, в одночасье, однажды (важно упомянуть!) перевоплотившись в Дона Карлуша Чапгениозо, бывший Карлик Марк из столицы столиц стал самым выдающимся... учеником и ловеласом-казановой в истории школы, да что там – целого города!

Авторитет юного Дона, а главное, талант – дар непревзойдённого маэстро-лицедея – настолько вызвал уважение в узких и не очень кругах, что все актёрские и цирковые училища и институты выстроились в очередь, лишь бы заполучить состоявшегося уже комика и артиста.

С потрясающими воображение (!) буффонадами и пантомимами, подражая великим мастерам, но имея свой узнаваемый стиль, Дон Карлуш объехал все высшие заведения страны и имел оглушительный успех, после чего на его душу нашёлся и спонсор-продюсер по имени Полковник Элвис (фанат певца Пресли), который незамедлительно подписал односторонне выгодный контракт с Доном Карлушем и тут же взял малолетнее дарование, так сказать, в оборот.

Да, вот это поворот! Все вокруг будто помешались и мечтали хотя бы кончиком пальца прикоснуться к живой легенде. Казалось, неминуемая слава и мировое признание, женщины и деньги, горы наркотиков и запрещённых веществ вперемешку с алкоголем – в-о-о-о-т что ждало нашего Дона Карлито, как его называли многочисленные поклонницы, когда Полковник Пелвис (так впоследствии стали называть его поклонники) предложил сниматься Карлушу Чапгениозо в фильмах, и не каких-нибудь там, а самых что ни на есть взрослых... Но маэстро отчего-то сразу же воспротивился заманчивому, на первый взгляд, предложению.

– Ты что, Полковник?! – негодовал раздосадованный до глубины души, немного возмужавший Карлуш. – Это ведь низость! Дно! Там, где есть пошлость, нет места искусству!

– Кто тебе это сказал, мой мальчик? Хо-хо! – смеялся голосом злого Деда Мороза Полковник Пелвис.

– Я художник, и я так вижу! – настаивал маэстро Чапгениозо.

– Так в чём проблема, малыш Карлуш? – дивился продюсер. – Можем и картины начать продавать, которые ты намалюешь своей тросточкой! Хо-хо-хо!

– Как ты можешь говорить так, Полковник?! А где же искусство, а как же душа?... – протестовал малыш Карлуш.

– Ой-ой-ой! Хо-хо-хо! Не смей меня, малыш Карлуш! – продолжал поучать его Полковник. – Тоже мне деятель искусств нашёлся! Искусство, говорит, где? Душа?! Как нимфеток пачками окучивать, так это нормально. Ради искусства, видимо! А как кинематограф – так пошлость, видите ли! Да вы, батенька, лицемер!

– Это моё личное дело, с кем и когда я провожу свободное от работы время... – оправдывался маэстро Чапгениозо. – И вообще! Какое тебе дело до моих личных пристрастий?!

– Нет, дружок, коротышка неблагодарный! – заорал благим матом продюсер. – Мне до всего есть дело! Особенно когда это касается вложенных бабок! Кем бы ты был, если бы не я, мелкий выскочка-карлик? Я твой папа Карло! Я! Слышишь? А ты всего лишь малыш Карлуш! Созданный мной жалкий Пиноккио! Деревянная твоя голова!

– Я?! Пиноккио?! Жалкий?! – расвирепел не на шутку разозлившийся Карлуш. – Да кто ты такой, чёрт тебя дерит, чтобы мне такие вещи говорить?!!

– Ты без папы – без меня то есть, без папы Карло – ты ведь никто и звать тебя никак, – более спокойным голосом объяснял Полковник суть проблемы подопечному артисту. – Просто полено, безмянная деревяшка, болванка-заготовка – и всё! Ну да ладно, малыш Карлуш... – дружелюбным голосом продолжил Полковник Пелвис. – Давай не будем ссориться, ведь у нас такие радужные перспективы: ты – будущая всемирно известная звезда фильмов для взрослых Малыш Карлуш, гений любви, а я – твой любящий папа, который позаботится о тебе как никто другой и сделает тебя по настоящему богатым и известным! А там, глядишь, когда порнокарьера твоя пойдёт в гору, мы сможем наконец и в настоящий, большой кинематограф податься, как Сильвестри Жеребчиков. Стал он ведь киноактёром, верно? И эта, как её там, профурсетка-подлиза чиканутая – Мать Донна – певичка теперь, и ничё! Хо-хо-хо! И ты, значит, могёшь! Я верю в тебя как любящий родитель!

– Не нужно путать искусство с порнографией! – гневался разъярённый Дон Карлуш. – Только животные нуждаются в постоянном удовлетворении своих низменных потребностей! А я и без тебя, Пелвис, буду известным актёром большого нормального кино, и композитором, и певцом, если надо будет!

– Давай-давай, святоша! Вали! Ха-ха! – потешался продюсер и неприлично громко смеялся. – Смотри не пожалей, зачаток человека! Одумайся, пока не поздно, святой Карлос, Карлитушка преподобный, ха-ха! А то кончишь ведь плохо, подобно тому, что прыгнул с пирса: брызнул и спился! Или как Джонни Боржоме – проект минеральных магнатов, который теперь Джонни Бомжовый, живёт на картонке без трусов возле вокзала, побирается и просит на выпивку и дозу! Ха-ха-ха! И тебя тоже может ждать такой худой (!) конец, если уйдёшь от меня!

– Нет, не нужна мне твоя помощь, Пелвис! – без уважения и сожаления выкрикнул артист. Выходя из гримёрки, он добавил: – Искусство – это образ жизни, а не способ разращения!

– Да-да, слышали и видали таких! Ха-ха-ха! – не унимался Полковник. – Будешь плесень с клопами жрать с голодухи и пылью с паутиной заедать, ха-ха-ха! А ты ведь прав, жалкий коротышка, гном-лепрекон, ха-ха-ха! Ведь настоящее искусство и вправду должно быть всегда голодным! Так что ступай с богом, пробник человека, ха-ха!

Обиженный и уязвлённый, но нисколько не подавленный, Дон Карлуш Чапгениозо уверенным и бодрым шагом пошёл, как сказали бы пролетарии всех стран, что призывают непременно объединяться, в светлое будущее; которое, как окажется совсем скоро, было вовсе не таким уж светлым, как мог подумать наш герой.

Как и предрекал Полковник Пелвис, который спустя всего лишь год стал самым преуспевающим и могущественным продюсером всея Необъятной, звёздочка Дона Карлуша Чапгениозо – талантливый комик и, возможно, выдающегося артиста – довольно-таки быстро потухла и стремительно упала с небосклона бурно развивающегося шоу-бизнеса недавно образовавшейся страны. И всё потому, что старый продюсер никогда не пускал слов на ветер, как и артистов, которых связывал по рукам и ногам поистине кабалистическими договорами, да так, что, выбирая худшее из двух зол: остаться ни с чем и попрошайничать всю оставшуюся жизнь или же терпеть унижения, но иметь копеечку, обглоданную косточку с хозяйского стола, предпочитали второй вариант, хоть и в ущерб психическому и иному здоровью. Полковник Пелвис – лучший продюсер века, самый влиятельный человек в мире искусства, которому поклонялись все: и модельки, и певички, и певуны, и танцовщицы, и балеруны, и музыкантишки разного пошиба, – сам превратился в Дона, только не в значении «господин», а в бандита. Он сколотил вокруг себя целый клан-ураган из лизоблюдов, шестёрок и прихвостней всех мастей и перекрыл кислород, а другими словами, закрутил гайки и болты, запаял все входы и выходы, так сказать, и похоронил тем самым карьеру всамделишного, а возможно, и великого артиста – маэстро Чапгениозо...

И вот с этого момента, мой друг, наша история, весьма познавательная и не менее поучительная, чем, скажем, многочасовое штудирование и прочтение всей советской энциклопедии, приобретает

немного другой оттенок – не такой уже яркий, что ли, и шуточный, хотя, конечно, порой будет над чем посмеяться; но, по правде сказать, уже не так надсадно, как, например, смеётся до слёз одинокая истеричка-кошатница на склоне лет, убирая за «хозяевами» её жизни десятый лоток за день, или надрывает живот психопат какой-нибудь, разговаривая с невидимыми друзьями и бывшими жёнами...

И наступила крошечная тьма, как сказал бы, наверное, какой-нибудь философ-богослов, ибо так оно и случилось. Все потуги и трепыхания бедного маэстро Чапгениозо, направленные на реанимацию и восстановление некогда расцветшей карьеры, с издевательской насмешкой и гомерическим хохотом встречали все, кто так или иначе относились к клану-урагану короля отечественной эстрады Полковнику Пелвису – человеку, которому поклонялись абсолютно все из сильных мира сего: политики, бандиты, звёзды и прочие элементы из мира приспособленцев, человекоугодников и прихлебателей...

Старый продюсер, обозлённый на весь мир в лице малыша Карлуша, уязвлённый и обиженный до глубины души, разослал весточки всем: концертным директорам, коллегам-продюсерам, пиар- и концертным менеджерам; а также «посоветовал» концертным залам, циркам, Домам музыки, театрам и прочим культурным и не очень объектам не связываться с горе-артистом. И даже самые маленькие и никчёмные провинциальные трапезные клубы и Дома культуры – и те не соглашались сотрудничать с артистом, ибо боялись преследования со стороны тирана и деспота Полковника Пелвиса. Поэтому и приходилось некогда восходящей звёздочке перебиваться случайными заработками то там, то сям, подпольно выступая в нелегальных ночных заведениях, в частных домах богатых господ, избалованных дурней-мажоров и баловней судьбы, за дополнительную плату и лишнюю копейку делая порой такие гнусные вещи, которые и рядом не стояли, если бы Дон Карлуш согласился в своё время сниматься в фильмах для взрослых. Вот и думай тут, что лучше: быть уважаемой звездой фильмов для взрослых или обычным попрошайкой-рабом в загородных апартаментах не очень-то влиятельных, но весьма озабоченных и развращённых особ...

Растрепав весь шарм, природное обаяние и очарование, утратив весь залихватский настрой и профессиональные навыки как таковые, а также протранжилив все имеющиеся накопления, Дон Карлуш Чапгениозо превратился уже теперь в старого, побитого временем и судьбой, немного обрюзгшего, с плешью и отёкшим от злоупотребления различными увеселительными препаратами обычного Карла Марковича Москвитянина. Ну, или на худой (!) конец, Карлоса Чаплыгина, как по девичьей фамилии матери изначально называл себя будущий Дон Карлуш. И, как нетрудно догадаться, от харизмы бывшей звезды нисколько, буквально ничегошеньки не осталось, даже грамма привлекательности; и от обескураживающей некогда улыбки тоже след простыл, ибо все зубы сгнили от походов молодого повесы и гуляки, ловеласа и дамского угодника – Дона Карлуша. А тут ещё и начали прилетать «письма счастья»: повестки в суд по делу о домогательствах от бывших нимфеток, а ныне – женщин среднего и внушительного возраста, как правило, обременённых нерешённым жилищным вопросом, наличием малолетних детей и даже (!) внучат из прошлой, так сказать, жизни. И просто жадных до денег, но вполне себе успешных женщин пост(!)бальзаковского возраста, бывших куртизанок и стриптизёрш – зрелых особ с весьма средней социальной ответственностью, которые, растратив все средства на улучшение внешности, вышли на охоту, дабы урвать и себе кусок от легенды, точнее от его, как они думали, капиталов, что якобы лежали на многочисленных счетах зарубежных банков. Престарелые барыни-сударыни, губонадувательные дамочки высоких (а-а-а!) моральных принципов и устоев, как они сами о себе отзывались; помятые временем и повышенным мужским вниманием и спросом куртизанки все как одна говорили о себе в возвышенных тонах и только в третьем лице: была, мол, наивна и глупа, а он – животное; дескать, воспользовался моим невинным девичьим телом не раз и не два и оставил такие душевные раны, что и не залечить их, мол, сколько ни колдуй...

Но что было взять с теперешнего Карла Марковича, который, правда, пребывая периодически в галлюциногенном бреде (как мне по секрету, мой милый друг, рассказывали специалисты), считал себя по-прежнему тем самым Доном Карлушом Чапгениозо – юным дарованием и ловеласом-казановой, Дон Жуаном местного масштаба, обольстителем юных девичьих (как он думал), но уже давно не таковых сердец...

Дамский угодник маэстро Карлуш жил в малогабаритной, ободранной, больше похожей на приют квартирке, в которой, помимо него, поселились клопы, плесень, крысы и тараканы – все те, о ком

предсказывал Полковник. Однушка маэстро – квартирка на самой окраине столицы – находилась в районе весьма неблагополучном во всех отношениях. Контингент сего района, окружавший звёздного маэстро, говорил сам за себя: это и бомжи-моржи, которые при любой погоде ходили в чём придётся; и алкоголики-наркоманы, готовые пить всё, что содержит любые химические элементы; и местная шпана, что «боговала» подобно хозяевам жизни, и донельзя потасканные продажные женщины. Ну, куда же без последних в трущобах городских – особенно Дону Карлушу Жуану, который не пропускал ни одной юбки, ибо этот предмет женского гардероба издревле, с самых младых ногтей, так сказать, будоражил воображение маэстро, а бывало, и сам лип к известному на весь мир кудеснику буффонады и пантомимы.

Собственно, так шли дни, недели и, как принято в этих случаях добавлять, месяцы, плавно, а быть может (бог его знает), резко перескакивающие в года... Карл Маркович, он же Дон Карлуш Жуан Казанова, продолжал ловеласничать, убаюкая помятых дамочек, что тёрлись возле местных питейных заведений-привидений, и со всей детской искренностью, граничащей разве что с буйным помешательством, свято верил, что эти «дамы за полграмма» – не кто иные, как те самые сладкие нимфетки-фанатки, то есть малолетние поклонницы его, маэстро Чапгениозо, безмерного таланта и дара, которым наделил его Сам Господь, а быть может, и дьявол (тут Дон Карлуш и Карл Маркович никак не могли прийти к общему мнению-знаменателю, так сказать). Что же до тех бомжей-моржей и алкоголиков-анаболиков, а также наркошиков-ёжиков и разводил, то к ним Дон Карлуш Москвитянин относился тоже весьма дружелюбно и приветливо, принимая сии криминальные и не очень элементы за своих коллег по цеху, которые в случае с алкоголиками-анаболиками и наркошами-кошами могли сойти за цирковых трюкачей, способностям которых, – когда те, например, жрали палёную водку вёдрами или нюхали выхлопные газы из-под самосвала – Дон Карлуш Москвитянин по-детски удивлялся и хлопал в натруженные, все в кровавых мозолях ладоши, которые не шадил, исполняя трюки с вращением на тросточке. С бандитами, местной шпаной и бывальыми Дон Карлуш Москвитянин тоже с удовольствием общался, но скорее потому, что они всегда были очень добры к нему и не чурались бросить, то есть подкинуть копеечку «великому артисту», чтобы маэстро Чапгениозо сотворил вновь свой старый, известный на весь мир трюк-номер – «Хождение бродяги-акробата по канату под куполом... беседки в лесопарке Южного Блютово».

Дон Карлуш был настолько рад и воодушевлён своими успехами, что при первой же возможности сообщал о сих значимых событиях своей жизни лучшему другу – Карлу Марковичу, с которым они могли часами говорить по невидимому телефону (разработка НАСА, которую подарила Дону Карлушу сама Илона Маскина – учёная дама с Запада), или общаться мысленно, перебрасываясь репликами через энерго-информационное биополе, натянутое (!) над районом Южное Блютово и представляющее собой не что иное, как взвесь, дым и гарь (условия для создания биополя), производимых коксогозовым заводом, что располагался неподалёку от дома маэстро Чапгениозо.

Дон Карлуш, когда пришло время, начал говорить всем окружающим (естественно, под грифом секретности), что он также имеет контакт и с вземным разумом, с которым общается через вшитый в его пупок специальный радио-синхро-хрозантронный-альфа-мега-веди-паладиевый много-спектральный датчик, что позволяет маэстро воспринимать, интерпретировать и переводить речь рептилоидов, которые, со слов Дона Карлуша, очень хорошие, добрые и разумные ребята...

Дело вот-вот должно было кончиться тем, что в скором времени, как объяснял Дон Карлуш (он же Великий Громовержец и Властелин Небес, Провидец Ока Всезнания) «людям в белом», федеральным агентам из закрытой лаборатории НИИ «Мозги», он должен будет совершить контакт с инопланетными поклонницами его творчества, дабы все расы со всех планет всех галактик Вселенной смогли прикоснуться к прекрасному: волшебной резистентно-биополярной энергии – музыке света, излучаемой, разумеется, самим маэстро, чтобы познать непознаваемое и ранее неизведанное...

Когда главный из разведки, служащий на благо нации и всего человеческого рода агент в белом попросил аудиенции и беседы тет-а-тет, так сказать, Дон Карлуш, спонтанно и резво переговорив по невидимому телефону с Карлом Марковичем, незамедлительно решил провести такие важные и, возможно, судьбоносные для всего человечества переговоры.

– Здравствуйте, уважаемый Карл Маркович, – сдержанно поздоровался агент. – Я вас вызвал...

– Я знаю, для чего вы меня вызвали, голубчик! – перебил агента Дон Карлуш и, с опаской осмотревшись по сторонам, прильнул к столу и заговорщически сказал: – Понимаете, какая штука,

господин агент... Меня зовут Дон Карлуш Чапгениозо. С Карлом Марковичем мы только что переговарили. Так что произошла путаница, как видите, господин агент...

– Ах да! – воскликнул главный агент и постучал себя по лбу в знак оплошности. – Как я мог вас перепутать? И правда ведь, вы тот самый, известный на всю страну Дон Карлуш Чапгениозо – великий...

– Великий-великий! – вновь перебил артист. – И известный не только на всю страну, но и... – Дон Карлуш буквально-таки лёг на стол агента от зашкаливающей секретности разговора. – На весь мир, а быть может, голубчик, и на всю галактику, Вселенную!..

– Да-да! – тихо сказал агент и тоже склонился над столом. – Я наслышан о ваших попытках связаться с внеземным разумом. И как, удачно прошли контакты?..

– Kontakta как такового ещё не было... – еле слышно продолжал «заслуженный» артист. – Я по-прежнему прошупываю почву, так сказать, и немного общаюсь... с ними...

– С кем – «с ними»? – загадочно спросил агент в белом и многозначительно приподнял брови. – На каком языке вы разговариваете, а главное – о чём?..

– С пришельцами, конечно, с кем же ещё? Ха-ха-ха! – искренне рассмеялся контактёр. – А разговариваем мы, да будет вам известно, господин агент, голубчик, на межгалактическом языке...

– Не может быть!.. – снова воскликнул агент, отклонился на спинку сиденья и, качая головой, с досадой ударил кулаком по столу. – А можете мне пояснить про сей язык, Дон Карлуш?.. На каком наречии вы общаетесь?.. И посредством чего?..

– Наречие как наречие! – обиженно ответил маэстро. – Общаюсь я посредством синхрофазотронного межиндукционно-перфоэмбрионированного датчика, который встроен мне прямо в пупок, в чрево то бишь – начало начал самой жизни! Блев тру мбэканерэ ма ту сонтрич фуфас! Знаете, что я сейчас сказал, господин агент?

– Нисколечко не понимаю, Дон Карлуш...

– То-то же! Ха-ха! – заливался смехом Дон Карлуш. – Я сказал: хорошо бы мне дать у вас несколько концертов на Межорбитальном внегалактическом концерте! Ха-ха-ха!

– А-а-а... – задумался агент. – А я-то всё думаю, когда же мы вас услышим по Вселенскому радио и телевидению?..

– Да, вот и я думаю, когда же?.. – шептал артист, озираясь назад. – Когда же? Когда... уже...

– Я предлагаю вам, уважаемый Дон Карлуш, – со всем почтением, склонив голову и прижав правую руку к груди, сказал главный агент, – присоединиться к нашему институту...

– НИИ «Мозги»?! – вновь перебил Дон Карлуш.

– Именно! НИИ «Мозги»! – со всей серьёзностью ответил агент. – Чтобы вместе разработать систему общения с иными, внеземными цивилизациями! Вы согласны, Дон Карлуш?..

– Ну разумеется, я согласен, господин агент, голубчик! Ради Отечества и прогресса!

– Вот и славно, – заключил главный агент. – Это большая честь для нас, Дон Карлуш. – Агент встал из-за стола и, приглашая жестом Дона Карлуша, указал на выход. – Пройдёмте, Дон Карлуш, пройдёмте скорее! Нас ждут великие дела!

– Так точно! – выкрикнул артист и отдал честь. – Позвольте спросить, господин главный агент, а как вас зовут, как я могу к вам обращаться?

– Мистер Зи! Вы можете называть меня мистер Зи! – серьёзным голосом ответил агент и дружелюбно похлопал Дона Карлуша по плечу.

– Хорошо! Это очень хорошо! – бодро сказал маэстро. – Буду знать, мистер Зи, господин, голубчик!

Агент Зи вёл Дона Карлуша потаёнными коридорами, переходящими в тёмные просторные залы, которые довершились лабиринтами, похожими на греческие, – как в мифе о Минотавре. Главный (агент Зи) из секретного разведывательного управления, работающего, судя по всему, (!) на правительство и НИИ «Мозги», научного центра страны, доставил-таки Дона Карлуша в «святая святых» – центр управления, с отдельными комнатами для особо одарённых учёных, среди которых, между прочим, помимо там всяких физиков-ядерщиков, биологов и математиков с химиками, было довольно-таки много людей искусства: художников, поэтов, музыкантов и иже с ними творческих персоналий.

Когда агент Зи показал Дону Карлушу его личный кабинет, артист немного приуныл и расстроился, сказав, что, дескать, как он сможет вести переговоры с внеземным разумом, если в его кабинете ещё

шесть человек. На что агент Зи ответил: «Так ведь все эти люди – ваши коллеги, Дон Карлуш, и призваны работать на общее благо, помогая друг другу в достижении общей цели!»

Немного поразмыслив, Дон Карлуш всё же согласился на предложение главного агента Зи, ибо условия сотрудничества с правительством и НИИ «Мозги» были весьма и весьма заманчивыми. По крайней мере, на первый взгляд. В здании института находилась лаборатория, в которой каждый день выдавали специальные препараты, в которые, по словам коллег Дона Карлуша, были встроены особые микросхемы и вещества, что позволяли видеть другие миры и цивилизации, а также вступать с представителями оных в контакт, – в общем, всё то, о чём так много и непрерывно рассуждал Дон Карлуш.

Шли, как это водится, дни, недели, месяцы. Дон Карлуш не терял связь с внешним миром, ибо полагал, что так можно лишиться рассудка; из-за чего ежедневно, во время трапез в местном элитном ресторане, где подавали исключительно деликатесы (каши, овощное рагу и непременно кефир), созванивался с Карлом Марковичем и его родственниками.

Заточение в стенах института, или даже, уместнее сказать, вынужденное затворничество ничуть не смущало Дона Карлуша, ибо он был всецело погружён в изучение других цивилизаций и рас, ну а в свободное время жил как белый человек: принимал ванны в местных «спа-салонах», пил здешние спиртные напитки на основе кефира и овсяной каши (разработка учёных института), а также не брезговал обществом юных студенток-лаборанток, которые, прознав, что в стенах института живёт и работает великий маэстро, а теперь ещё и учёный, стремились во что бы то ни стало побыть наедине с выдающимся деятелем искусств.

О похождениях Дона Карлуша не так скоро, но всё же узнало руководство института и незамедлительно пожаловалось о сём происшествии главному агенту Зи, который моментально перевёл маэстро Чапгениозо в отдельный сектор, – изолированный научный объект, где Дон Карлуш продолжил работу, но уже в полном одиночестве, дабы не расплыться на всякие там слабости и удовольствия земные...

Так уж случилось, что старый продюсер Полковник Пелвис стал настолько стар и немощен во всех отношениях, что никто его уже не боялся и по большей степени не уважал, да и в целом все плевать хотели на его авторитет и бывшие заслуги. Отчего он, узнав, что в стенах НИИ «Мозги» находится его некогда подопечный, решил встретиться с Доном Карлушом, чтобы навести, как говорится, мосты.

На одной из таких встреч дряхлый старикан Полковник Пелвис разрыдался как малое дитя и припал к ногам великого маэстро.

– Прости меня! Прости! – крича в истерическом припадке, умолял продюсер. – Я ж ведь не со зла! А от жадности, от гордыни! Бес меня попутал...

– За что?.. – отстранённым голосом отвечал Дон Карлуш, смотря в мензурку, наполненную толчёным веществом неопределённого происхождения.

– Как за что, Карл?! Ты разве не понимаешь, о чём я тебе толкую?!

– Меня зовут Дон Карлуш Чапгениозо, – заторможенно отвечал Дон и продолжал пялиться на мензурку, изредка потряхивая её. – Марк Карлович, то есть Карл Маркович, сейчас в отъезде. Я давеча созванивался с ним...

– Ты совсем сбрендил, что ли, Карл?! – кричал старик.

– Молодой человек, не шумите так... – еле слышно бормотал себе под нос учёный. – Приходите завтра, и мы решим вопрос с вашим зачётом по квантовой механо-цикло-нейродинамической акустике для галактики Ять-бром-центавр.

– Что ты несёшь, Карлуша?! – негодовал Полковник. – Ты чё, в натуре, придурок или прикидываешься, а?.. Заканчивай, умоляю тебя. Сейчас настали тяжёлые времена. Новое поколение всех этих доморощенных звёзд, блогеров и, как их там, – лидеров мнений, тик-такеров и прочей нечисти, – перебили все доходы! Плодятся, как паразиты после грибного денежного дождя! А мы, старая гвардия, вынуждены сидеть в стороне и побираться, доедая жалкие крохи и объедки со стола, что с таким презрением кидают нам, словно кость голодной собаке, эти малолетние беспредельщики. Понимаешь, Карл?! – уже буквально орал старый продюсер и плакал, и плакал, дёргаясь в нервном припадке.

– Старый конь борозды не испортит... Старая гвардия, говоришь... – продолжал колдовать над толчёным веществом Дон Карлуш.

– Да! Именно! Не испортит! Старый конь ничегошеньки не может испортить! – неистовствовал старик и целовал ноги маэстро Чапгениозо. – Давай забудем наши разногласия и возобновим нашу совместную деятельность, друг мой! На всех афишах страны скоро будет написано, как в старые добрые времена: Великий Дон Карлуш Чапгениозо с программой «Гений любви!»

– Да, молодой человек, давайте так и поступим, отложим ваш зачёт...

– Слава Богу! Слава Богу! – кричал в экстазе разорённый продюсер и выкрикивал имя Господне, подразумевая...

– Агась! – воскликнул Дон Карлуш и протянул мензурку с порошком старику. – А пока выпейте содержимое сей скляночки... Я вас прощаю и отпускаю...

– А что там? – поинтересовался Полковник. – Хотя зачем я спрашиваю? Ты ведь, Дон Карлуш, великий кудесник, и то, что касается кайфов разных, в особенности. До сих пор ходят легенды, как ты мог намешать такого коктейля убойного, что потом всех потаскух и балерунов из подтанцовки нашей штырило по трое суток кряду! Ха-ха-ха! – рассмеялся старик и, не думая, проглотил всё содержимое мензурки.

После многочасового «приключения» и экстаза, сравнимого с тем, что могут испытать разве что свиньи, Полковник Пелвис – «старый конь» – не выдержав нагрузки психофизической и эмоциональной, со словами «Ты дьявол, Карлуша, сатана!» двинул кони... Как выяснилось позже, в той самой колбочке, которую Дон Карлуш так ласково называл мензуркой, был толчёный порошок из огромного количества психотропных веществ, которые ему для опытов так любезно предоставляли помощники главного агента Зи...

Как вы понимаете, мой юный друг, Дона Карлуша не осудили и даже не изолировали, ибо он был персоной неприкосновенной и весьма ценной, а оттого и не менее уважаемой; маэстро Чапгениозо оставили и впредь проводить опыты в стенах института, в котором он провёл остаток своей долгой жизни, и скорее, как ни странно, счастливой и беззаботной, а не той жалкой и никчёмной, что вы извращённо сейчас представили и спонтанно додумали. Потому как Дон Карлуш наконец обрёл себя и вопреки худому (!) финалу закончил-таки весьма себе хорошо, я бы даже сказал, великолепно; поскольку в один прекрасный (а другого вовсе и не дано!) день Дон Карлуш, обуреваемый известиями от внеземных организмов, ворвался в кабинет самого главного – агента Зи, и предрёк несколько значимых событий, которые только должны были свершиться. В том числе и падение метеорита, который и вправду упал на Землю ровно через сорок дней после того, как об этом сообщил Дон Карлуш, назвав точную дату и время падения небесного тела.

Выжил кто-то в итоге или нет – история умалчивает, мой юный друг, ибо рассказчик не хочет себя более утруждать сочинением прекрасных поучительных и неординарных, необыкновенных по своей сути, как ему могло показаться на первый взгляд, историй.

Что же касается самого нашего героя Дона Карлуша Чапгениозо, то здесь, наверное, стоит упомянуть, что маэстро, будучи просвещённым и уникальным по роду и сути своей, скорее всего сейчас, в эту самую секунду и минуту, окружённый поклонницами-рептилоидами, – тех, что из нимфеток – даёт Вселенский Межорбитальный тригалактический концерт в свою честь и, улыбаясь Карлу Марковичу, пританцовывает с рядом сидящим Им... Создателем всего сущего...

ИНОСКАЗАНИЕ

*В иное время, в скором будущем, заплачут Небеса;
и прольются слёзы Бога Отца на землю грешную;
и смоят с лица все нечистоты (нечисть), что замарали
святой облик Творца Всемогущего;*

*И утонут, и сгинут нечестивые в адовой клоаке –
смрадной и бездонной... Ибо неуютны Богу нелюди,
а уютны ЧЕЛОВЕКИ с открытой душой,
любящим сердцем и чистыми помыслами...*

Из дневников Карла Чаплыгина

Проза

Наталья Советная

Наталья Советная – поэт, прозаик, публицист, литературный критик, кандидат психологических наук. Автор 25 книг поэзии, прозы, публицистики, статей о литературе, изданных в России, Беларуси, Сербии. Многие стихи переведены на белорусский, украинский, армянский, сербский, английский языки. По произведениям лексикографом А. П. Бесперстых созданы пять словарей эпитетов, сравнений и фразеологизмов.

Победитель и лауреат республиканских, всероссийских и международных литературных конкурсов. Имеет награды: орден Фонда мира «За веру и верность» (Москва, 2016), медали «Василий Шукшин» (2014), «Святой благоверный Князь Александр Невский» (2008), «Поэт и воин Игорь Григорьев (1923–1996)» (2015), «За вялікі ўклад ў літаратуру» (2016), «За служіння мистецтву» (Киев, 2019), «Максим Богданович» (2020), медаль Республики Беларусь «80 лет освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков» и др.

Член Союза писателей России, СП Беларуси, СП Союзного государства, Всеармянского СП. Председатель оргкомитета Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. поэта и воина Игоря Григорьева (1923–1996) и литературных чтений И. Григорьева в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), заместитель председателя общества дружбы «Беларусь – Россия».

ПО ТРОПИНКАМ ДОНБАССКОГО КРАЯ...

Ещё немного, ещё чуть-чуть,
Последний бой – он трудный самый.
А я в Россию домой хочу...

Михаил Ножкин. Последний бой

Стихи полились, как только я заняла место в маршрутке на Минск, через который следовал нужный мне поезд «Калининград – Адлер». Путь в Донбасс начался!

На дворе – конец ноября. За окном – снежные поля и присыпанные белым пушком кустарники и деревья, однако их света явно недостаточно, чтобы озарить угасающий день. Хотя часы показывали только без двадцати пять, в салоне автомобиля словно ночь наступила. Пассажиры дремали в темноте или общались с телефоном, без которого теперь никуда.

«Телефон! С его помощью можно же сохранить рождающиеся строчки, а то потом за хвост не ухватишь!» – обрадовалась я осенившей меня мысли и принялась писать:

За окном – белоснежная даль
Утопает в тумане белёсом,
И всё гуще вечерняя марь,
Непрогляднее в небе беззвёздном.

Но дорога уводит вперёд,
Пелену темноты раздвигая,
Мне идти нынче выпал черёд
По тропинкам донбасского края.

Там сейчас, как весной, тепло.
И снега быть ещё не бывали.
Но случись, вдруг бы их намело, –
Не таких там метелей видали!

Героический, праведный край,
Люди – твёрже любого металла.
Хоть свинцовой пургой заметай,
Отряхнутся: «Похлеще бывало!»

(«Черёд»)

На литературный фестиваль «Муза Новороссии», который проходил в Краснодаре Луганской Народной Республики с 28 по 30 ноября 2025 года, меня пригласили как члена жюри. Давно звали, да всё не получалось поехать. То сама была недостаточно настроена на дальнюю дорогу, требовавшую много времени, то семейные обстоятельства не позволяли. В этот раз тщательно изучила маршрут, заручилась поддержкой организаторов (встретим, гостиницей обеспечим и в обратную дорогу тоже проводим), купила заранее билеты и...

Как только мы пересекли государственную границу Беларуси и очутились на территории России, приближаясь к Смоленску, я словно ощутила некую напряжённость. Казалось, она напитала сам воздух. Интернет работал плохо. Однако стали приходиться смс-сообщения о беспилотной опасности или о том, что угроза уже миновала. Непривычно. Тревожно. Хотя люди жили обычно, по-прежнему – радовались и горевали, работали и учились, рожали детей и писали стихи...

Смоленск окутывал туман. Это придавало городу сказочность и воздушность, глушило звуки и скорость, как будто в замедленной съёмке...

Когда-то я частенько бывала в Смоленске, в его кафедральном Успенском соборе. Наш Петербургский институт резервных возможностей человека даже сотрудничал с епархией, мы вместе проводили работу по пропаганде трезвости и оказанию помощи страждущим. Несколько раз встречалась с Владыкой Кириллом, тогда архиепископом Смоленским и Калининградским, а ныне Патриархом всея Руси. Была у него на приёме, благословлялась. Он поддерживал не только саму идею трезвости, но и активную деятельность в этом направлении.

Помню и восстанавливающийся недалеко от вокзала древний из красного кирпича храм XII века во имя Петра и Павла, в котором очень тепло принимали нас. А во время одного из чаепитий батюшка одарил меня иконой Божьей Матери. Она до сих пор хранится в моей квартире, поселившись в красном углу столовой.

Однажды, когда пришлось ночевать в смоленской гостинице и надо было как-то скоротать свободное время, я отправилась погулять в поисках книжного магазина. Купила «Затерянный мир» Артура Конана Дойля и читала, не отрываясь и забыв про сон. Загадочный мир динозавров в диких джунглях Южной Америки, приключения профессора Челленджера и его друзей – это были яркие впечатления, которые для меня теперь неразрывно связаны с городом Смоленском. И так, оказывается, бывает!

А ещё между этим волшебным городом и мною до сих пор сохраняется неразрывная связь, потому что уже два десятилетия ношу на груди крестик из Успенского храма, подаренный мне подружкой-однокурсницей Галочкой Воробьёвой на юбилей.

... Там «Одигитрии» вечный покров,
И освящён там мой крестик нательный,
Данный в защиту от всяких врагов
Душеньке грешной, но всё же нетленной...

(«Таял Смоленск...»)

Поезд шёл не только через Смоленск, но и Брянск, и Курск, и Воронеж, Орёл, Белгород... Каждое из названий российских городов звучало для меня по-особенному, рождая множество ассоциаций и воспоминаний.

Какие в пути остановки:
И Брянск, и Воронеж, и Курск!..
Признаюсь, мне даже неловко,
Что к ним не проложен мой курс...

(«Остановки»)

С этими городами связаны имена знакомых писателей, добрых людей, а Брянск ещё и – с картошкой! Матушка Елена Григорьева угощала меня привезённой из этого города бульбой, мол, такой вкусной и экологически чистой больше нигде не найдёшь.

Курск... Он, как, в целом, и остальные приграничные города, ассоциируется прежде всего с войной – и Великой Отечественной 1941–1945 годов, и нынешней. Никогда не думала, не гадала, что вражеские танки с фашистской свастикой когда-нибудь снова зайдут на ту землю, которая ещё не залечила раны после знаменитой Курской дуги. И в страшном сне не могла представить, что беспилотники и дроны, словно бесовские полчища, будут угрожать российским городам...

Но моей конечной остановкой был Каменск-Шахтинский, где я никогда не бывала раньше. Ростовская область, берег реки Северный Донец, являющейся притоком Дона, здесь же – северо-восточные отроги Донецкого кряжа. Мне же следовало добираться до Краснодона, города Луганской области, – легендарного, навеки покрытого славой героизма и мужества юных подпольщиков-молодогвардейцев, сражавшихся с немецкими фашистами в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Когда несколько лет назад на Санкт-Петербургском международном книжном салоне я познакомилась с донбассовскими писателями, организаторами фестиваля «Муза Новороссии» Людмилой Гонтаревой и Александром Сигидой, и узнала, что они из Луганской Народной Республики, сердце ёкнуло. Ах, какой героический край! Тогда-то и вспыхнула искоркой мечта побывать в Краснодоне.

Соседями по купе оказались женщины. Преподаватель музыки Минского института культуры Инга, маленькая миловидная блондинка в жёлтом спортивном костюме, ехала в Воронеж, чтобы встретиться с давними друзьями.

Длинноволосая стройная девушка в коричневом свитерке и обтягивающих ноги легинсах, расположившаяся на боковой полке, направлялась в Адлер и оказалась путешественницей, у которой друзья были по всему свету. Она навещала их, задерживаясь в гостях иногда на месяцы. Работала, если верить её словам, на удалёнке, имела за душой два высших образования и массу различных увлечений. В это время её уже шестнадцатилетний сын воспитывался бабушкой, потому что с мужем мама была в разводе. Ребёнка мне почему-то вдруг стало жаль...

Напротив устроились мать с дочерью. Если бы не девочка-старшеклассница, можно было бы решить, что женщина эта не просто молода, а даже юна. Кого-то она мне напоминала...

Немного вытянутое лицо, прямой нос, волевой рот, тёмные густые волосы, казачья стать, взгляд умный, глубокий... Ульяна Громова! Вернее, Нонна Викторовна Мордюкова, сыгравшая роль Ульяны в фильме режиссёра Сергея Герасимова «Молодая гвардия» по одноимённому роману Александра Фадеева. На экраны он вышел ещё в 1948 году, но в 1960-м был серьёзно изменён, переозвучен, потому что выявились новые факты, связанные с «Молодой гвардией» и с настоящим предателем организации. Яркий образ, созданный Нонной Викторовной, остался в моей памяти навсегда.

– Вы очень похожи на Мордюкову! – не удержалась от комплимента.

Тася, так звали попутчицу, взглянула удивлённо:

– Характером?

– Ваш характер изучить ещё не успела, – рассмеялась я, – а внешне очень похожа! Далеко путь держите?

– В Донбасс, – уклонилась она от подробностей.

Не трудно было догадаться, что соседка избегает расспросов, опасаясь нежелательной реакции. Когда идёт война, кто знает, как к этому относится встретившийся тебе человек?

Но слово за слово разговорились. Оказалось, едет Тася с дочкой домой в... Молодогвардейск! И выходят они вместе со мной в Каменске. Удивительные совпадения, ведь на этой станции поезд покидают единичные пассажиры.

За окном мелькали заметно меняющиеся пейзажи. Уже не было густых лесов, всё больше расстилались бескрайние поля, иногда перемежающиеся редкими лесополосами, да обширные плодовые сады. Сёла с раскиданными по пригоркам низкими хатами с низкими широкими крышами, высокие пирамидальные тополя с прижатыми к стволу ветвями, что спасает их от бушующих ветров, овраги, поросшие кустарниками... Всё напоминало картины, знакомые по фильму «Тихий Дон» по роману Михаила Шолохова и другим кинолентам о донских казаках.

В тетрадке, с которой я почти не расставалась в дороге, появились новые строчки:

Южнорусские пейзажи:
Балки, даль, холмы, кусты...
Коль увидел хоть однажды,
Не забудешь их черты.

«Тихий Дон», «Кавказский пленник»,
Вечно тайная «Тамань»...
Поволока знойной лени
И казачья смертно-брань.

Низки хаты, низки крыши,
А дорога, как струна,
Закричись – лишь небо слышит,
Плачь не плачь – лишь степь одна!..

Подумалось, что в Донбассе, где с 2014 года шло сражение за право говорить на русском языке, наверняка похожие ландшафты.

И вот эту землю – кровью?
Поднимайся, русский люд!
Защитим её от боли,
Чтобы петь, не плакать тут!

(«Южнорусские пейзажи...»)

В Каменске-Шахтинском поезд стоял всего две минуты. Надо было торопиться, но, выходя, не успела я даже встать на ступеньку, как услышала энергичное:

– Подавайте сюда чемодан, Наталья Викторовна! Мы – тут!

Как и было обещано, меня встретили. Руководитель проекта фестиваля, заведующая Молодогвардейской библиотекой Любовь Петровна собственной персоной и её муж Володя Филимонов – люди сердечные, открытые. Мы сразу разговорились, словно старые знакомые.

Автомобиль мчал нас в сторону Краснодона по прекрасной, без выбоин и трещин, асфальтированной дороге. Впрочем, качество дорожного покрытия я оценила потом, когда услышала счастливое: «Видите, какие у нас дороги!» Но мне-то такие привычны: в Беларуси трассы – заглядение! А вот донбассовцы до сих пор поверить не могут, что теперь не по непролазной грязи разбивают свои автомобили, а летят с ветерком, ни сучка ни задоринки! Расстояния, на которые раньше не менее двух часов требовалось, теперь минут за сорок преодолеваются.

Нам предстояло проехать пятьдесят пять километров пути и пройти таможенную границу между Ростовской областью и ЛНР там же, где и прежде, когда в этих местах была граница между Россией и Украиной. Пока продолжаются военные действия в соседней стране, отменить её нельзя.

Мои надежды что-то рассмотреть за окном улетучились в мгновение ока, потому что тьма тоже опустилась мгновенно, как обычно и бывает на юге.

– Не переживайте! – успокоил Владимир, чем-то напомнивший мне мужа, которого также звали Володей, такой же худощавый, среднего роста, борода, усы, вязаная шапочка. – К поезду, когда будете возвращаться, мы же будем отвозить вас днём, вот тогда и посмотрите, а мы всё попутно объясним, расскажем.

За окном промелькнул указатель: «Донецк». Я всполошилась:

– Так близко?

– Нет. Не тот Донецк, – заулыбались Филимоновы. – Это – ростовский!

Оказывается, и такой есть. Век живи, век учишься...

Таможенную границу прошли быстро. Вскоре очутились в Краснодоне, открыто сияющем огнями, что свидетельствовало об установившейся здесь мирной жизни. Когда вышли из машины, я поразились: ещё зелёная трава на газонах, розы на клумбах... Тепло, словно не конец ноября, а весенний март на дворе. Даже неловко почувствовала себя в тёплой куртке и зимней обуви. Хорошо, что прихватила на всякий случай лёгкие кроссовки, а куртку можно не застёгивать. «Зато возвращаться домой будет не холодно», – попыталась утешить себя. Впрочем, радости от предвкушения предстоящих впечатлений такие мелочи, как тёплая куртка, лишить меня не могли.

Передо мной красовалось прекрасное здание гостиницы «Сибирь» – недавно отремонтированная, современная бывшая гостиница «Украина». Местные по привычке так и называют её. Неподдалёку, перед входом, – мощные скульптуры шахтёра и строителя. Направо – аллея со скамейками-качелями, по которой прогуливаются влюблённые парочки и мамы с детишками. Слева – монументальное белоснежное здание Дворца культуры с массивными колоннами, возле которого продолжался ремонт площади и дорожного покрытия.

Восстанавливать город помогают тюменцы, взявшие над Краснодоном шефство. Подумать только, где та далёкая таёжная Тюмень, а где южная Луганская область!

Видать, живут в том суровом городе добрые люди. Одно из них я хорошо знаю. Это замечательный поэт Владимир Фёдорович Шугля, почётный генеральный консул Республики Беларусь в Тюмени, жизнь свою готовый положить за братство двух стран-сестёр. Если все тюменцы такие, то и удивляться нечему.

– Видите, какие у нас великолепные дороги?! – снова услышала восторженные возгласы Любви и Владимира. – Ведь со времён СССР (а это больше тридцати лет) ни разу не ремонтировались. Пока Россия не пришла! – радовались они, озаряясь улыбками, не скрывая чувств. И в этой фразе: «Пока Россия не пришла» – было столько эмоций, что уже только одна она выдавала всю накопившуюся многолетнюю горечь ожидания и надежд на помощь и то великое счастье, которое охватило донбасовцев, когда встреча с Россией свершилась.

Мне сразу вспомнились кадры с радостными лицами демонстрантов-крымчан в момент объявления о присоединении (возвращении!) к Российской Федерации южного полуострова по результатам референдума. Что уж говорить о крымчанах, если и мы, многие бывшие соотечественники, глядя на экран телевизора, плакали счастливыми слезами, разделяя общее ликование. Тогда казалось, что и Донбасс будет возвращён так же легко и быстро, что обязательно сбудутся предсказания старцев о восстановлении России в прежних границах. Но так хотелось в надежде на это забыть о другом предсказании – о возможной войне...

«Молодая гвардия»

Неизгладимое впечатление оставил Краснодонский музей ордена Дружбы народов «Молодая гвардия», в котором мы побывали в последний фестивальный день.

Расположен он в центре города, в современном светлом двухэтажном здании. Экспонаты, свидетельствующие о героизме подпольщиков и ужасах войны, бережно хранятся сотрудниками. Экскурсоводы, рассказывая посетителям о мужестве молодогвардейцев, все слова пропускают через своё сердце, поэтому равнодушных в залах не бывает.

Пытки детей (да, молодогвардейцы ведь были ещё совсем юными!), применяемые фашистами и полицией, чудовищны. Почти всем ребятам отрезали языки, уши, ломали руки, ноги, били по голове, проламывая кости черепа, выжигали или вырезали пятиконечные звёзды, сажали на раскалённую печь, подвешивали за волосы, отрывали ногти...

Родители опознавали своих деток по фрагментам одежды. Так было и с моей землячкой, молодогвардейкой Ниной Старцевой, которая из Городокского района Беларуси переехала с родителями на Донбасс перед самой войной. Её тоже подвешивали за волосы и жгли её тело, её тоже бросили в шахту, а мать узнала останки дочери по вышивке на рубашке.

Всего же из шурфа были извлечены изуродованные тела семидесяти одного молодогвардейца. На сегодняшний день известны имена девяти двух участников молодёжного подполья, хотя, возможно, их было больше, однако ребята хранили данные в величайшем секрете.

Ещё накануне посещения музея я вместе с участником фестиваля Игорем Ефремовым, поэтом из Хакасии, участником СВО, задумала просить разрешения выступить Любе Сердечной из Санкт-Петербурга – прочесть её потрясающую поэму-реквием «Молодая гвардия – в строю!». Впервые познакомившись с этими стихами, была потрясена накалом чувств, которые поэтесса смогла воплотить в словах. С Любой мы знакомы давно, встречаемся часто и переписываемся, делимся новостями. Так и получила я текст поэмы от автора одной из первых, прямо с пылу с жару. Очень хотелось, чтобы стихи слышали все экскурсанты!

Сразу у входа в музей нас встречала директор Наталья Ивановна Николаенко. Улучив минутку, мы с Игорем обратились к ней с нашей просьбой и получили положительный ответ. Люба читала поэму в полной тишине музейного зала, на втором этаже, на фоне портретов молодогвардейцев. Её сильный голос, наполненный энергией любви и сострадания, боли к родимой земле и ненависти к врагам, проникал в глубины души и вызывал те же чувства, что испытывал автор, вкладывая в каждое слово стиха:

На терриконе не стихает ветер...
Они же дети были, просто дети.
Хотели жить, мечтать, любить хотели...

Но на податливом и нежном теле
 Фашисты детям звёзды вырезали,
 Ломали кости, в шурф живьём бросали...

Похоронены молодогвардейцы в братской могиле, которая находится рядом с музеем. За ней – массивная, словно скала, стела «Скорбящая мать», в её подножии горит Вечный огонь.

Комплекс был открыт в День Победы в 1965 году. Скульпторы и архитектор – луганские. Это П. Кизиев, А. Редькин, А. Самусь, Г. Головченко. Монолитный серый гранит весом в сорок девять тонн был доставлен в Краснодон из Запорожского карьера. На его тыльной стороне высечены надписи, оставленные молодогвардейцами на стенах пыточной, которую фашисты устроили в бане, недалеко от шурфа. Сама баня не сохранилась, на её месте установлен памятный знак.

На гранитном надгробье лежали десятки живых красных роз, попарно перевязанных чёрной ленточкой. Память о героях не угасает!

Символично, что сразу за комплексом возвышается и белостенный православный храм Воскресения Христова с пятью синими куполами. Он словно завершает композиционное устройство площади имени «Молодой гвардии», являясь одновременно духовным сердцем Краснодона, хотя строительство его началось не так давно, в 2011 году, когда состоялось освящение территории. Работы не прекращались даже в самые сложные времена, а занимались строительством шахтёры, которые мастера на все руки. Кирпич добывали, разбирая старые здания. Потом к работам подключились шефы из Тюмени.

Здесь же, на площади, был установлен и памятник «Клятва» (авторы – В. И. Агибалов, народный художник Украины, В. Мухин, В. Федченко). Работа над ним началась сразу после окончания Великой Отечественной войны, когда на месте казни молодогвардейцев шурф ещё хранил следы их одежды и крови. Для природы по всей стране искали похожих на подпольщиков девушек и парней. И нашли! Настолько похожих, что, мама Вани Земнухова заплакала, увидев юношу – копию её сына.

На монументе запечатлён момент, когда члены штаба «Молодой гвардии» дают клятву верности. Олег Кошевой держит древко знамени, краешек которого Уля Громова прижимает к своему сердцу. У Любы Шевцовой в руках листовки. У Ивана Земнухова – книга. У Сергея Тюленина – автомат. Все решительные и целеустремлённые.

Когда 12 сентября 1954 года открывали памятник, стечение народа было подобно людскому океану...

Рядом с братской могилей – аллея портретов погибших героев-ополченцев и героев СВО. Краснодонцы, выросшие на примере подвига молодогвардейцев, в 2014 году встали на защиту своей земли и русского языка. Они остановили фашистов-бандеровцев на подступах к городу, в том числе и ценой своей жизни. В будущем на площади будет обязательно поставлен памятник и им, нынешним героям.

Но уже сейчас на одном из высоких холмов на окраине города, откуда видна дорога, по которой враг не смог войти в Краснодон, создан Мемориал памяти погибших в 2014–2015 годах ополченцев и бойцов Народной милиции ЛНР.

Нас подвезли на гору автобусом. Высыпали мы из салона и замерли. С высоты, хоть и в тумане, но виден город, и степные просторы, и шахтные копанки. Уголь-то прямо на поверхности, где ни копни!

Но не это главное, а полотнища, трепещущиеся на ветру, – флаги ЛНР, России и красный флаг Победы. И монумент с именами погибших. А ещё колокол, звонящий в их честь. Ударить в него может каждый, поднявшийся к памятнику. Гудит колокол, и далеко разносится его звон, напоминая о подвиге защитников, призывая быть бдительными, чтобы ни один фашист больше не ступил на эту землю.

В колокол бей, звонарь!
 Громы со всех сторон!
 Снова над краем хмарь,
 Слышишь, мой Краснодон?

Снова в огне Донбасс.
 Рядом – отец и сын.
 Брат же пошёл на нас,
 Брат же – среди вражин.

Колокол, громче бей!
 Враг коварный жесток.
 Братья, в ружьё скорей!
 «Немец» прёт на восток...

... Там, на холме, – звон.
 Колокол, славу пой!
 В небе – список имён
 Тех, кто, Донбасс, с тобой...

(«Колокол, громче бей!»)

Александр Сигида, подставляя лицо ветру, всмотрелся вдаль, а потом махнул рукой, указывая направление:

– Вот там, где развилка дорог, Изварино. Там мы остановили бандеровцев. Немного они не дошли до Краснодона. Не пустили! Насмерть встали, – его голос вдруг сел.

Было отчего. Сын – ополченец. Уже десять лет Донбасс защищает. Вот и прячет Саша за веселостью своей да шутками-прибаутками боль и грусть, тоску и печаль. Гонит прочь тревогу, просиживая ночи над листком бумаги с ручкой в руке, когда пишет и пишет – стихи и прозу. Или читает. Много, с упоением, как уже мало кто умеет читать. Спасается, сбегая в мир чужих судеб, чаяний и надежд, потому что литература помогает жить.

В музее нам встретилась группа солдат. Я всматривалась в их молодые сосредоточенные лица и глаза... Сколько мужества, решительности, жертвенности... Что их ждёт завтра? Кто, уповая на Господа, ждёт их дома так же, как ждёт сына Саша Сигида? Мне нестерпимо захотелось обнять каждого из них, по-матерински приласкать.

...Проходит по залам почти ровным строем
Отважная русская рать.
Она эстафету от юных героев
Достоинно сумела принять.

О, как бы хотелось обнять всех сердечно,
Душой материнской согреть...
Господь Милосердный, на праведной сечи
Не дай им в бою оробеть!

(«В музее»)

Встречи

Второй день моего пребывания в Краснодоне начался не совсем так, как было запланировано Людмилой Гонтаревой. По её задумке, пока к назначенному времени в библиотеке соберутся все участники фестиваля, я должна была успеть встретиться со студентами промышленно-экономического колледжа. Мероприятие назначалось на двенадцать дня. А Анатолий Сергеевич Труба, по той же задумке, в девять утра должен был встретиться с учащимися школы № 24. Об этом нам было объявлено накануне вечером.

– Тоже хочу в школу! – заявила я решительно. – Давайте вместе! Сначала в школе выступим, потом в колледже!

Идея показалась мне замечательной, тем более что совсем не хотелось терять драгоценное донбасское время попусту. К моей радости, предложение было одобрено единогласно.

Знакомство с краснодонской школой началось ещё во дворе. Встречающиеся нам дети непременно приветливо здоровались, хоть и видели нас впервые. А когда мы оказались в здании, то от тёплых и заинтересованных взглядов, улыбок и приветствий душа словно растаяла. Мне показалось, что дети здесь какие-то особенные.

Людмила Геннадиевна удивлённо поинтересовалась:

– Дети у нас очень хорошие, но чем же они так вас поразили?

Честно признаться, определить словами то, что больше было угадано сердцем, оказалось не так уж просто. Потом, размышляя над своими ощущениями, поняла: это дети, выросшие на войне. Их родители защищали деток своих и эту землю. Может быть, кто-то из ребят уже потерял отца или мать, деда или бабушку, брата или сестру. Не по болезни, не по старости и даже не от несчастных случаев, а потому что – герои.

А ещё эти дети, как и их родители, выросли на примере молодогвардейцев. Конечно, все они, как и мы когда-то, читали и перечитывали «Молодую гвардию» Александра Фадеева, хоть в девяностые и пропала вдруг эта книга из списков обязательных для изучения в школе.

А ведь на легендарной книге было воспитано несколько поколений граждан Советского Союза. Общий тираж 276 изданий романа составил 26,143 миллиона экземпляров. О молодогвардейцах

знают не только в России и республиках бывшего СССР, но и читатели других стран: в Японии, США, Австралии, Латинской Америке, Корее, в многомиллионных Китае и Индии, во всех странах социализма и Европы.

Школа, в которой учатся встречавшие нас краснодонские дети, носит имя Ивана Туркенича. Мужественный офицер Красной армии, сбежавший из немецкого плена, стал командиром и начальником боевого штаба советской подпольной антифашистской комсомольской организации «Молодая гвардия», объединил группы подпольщиков из Изварино, Первомайки, Семейкино и Краснодона в единый отряд, в котором ребята работали боевыми пятерками. Ему удалось скрыться от полиции, затем перейти линию фронта. Он погиб в августе 1944 года во время боёв за польский город Глогув-Малопольски, похоронен в городе Жешуве. Так что здешние школьники имеют достойные примеры, им есть на кого равняться.

Особенно запомнились мне их детские глаза. В них была такая невообразимая для нас мудрость, глубина и затаённая боль! Эти донбассовские ребята знают то, чего мы, взрослые, не знаем, потому что не пережили того, что пришлось пережить им.

Директор школы Василий Иванович Раков тоже сразил. Ну, какой же это директор? Это папа родимый! Уютный, добрый, с внимательными глазами, сияющими тёплым светом. Дети висли у него на руках, а кто дотягивался, тот и на шее. Ему несли показать свои поделки из бумаги, а он примеривал разрисованную фломастерами пилотку и радовался ей, как ребёнок. До школы возглавлял Василий Иванович детский дом... Когда я об этом узнала, все вопросы исчезли. Разве могут быть дети другими с таким директором и такими учителями, как Людмила Геннадиевна?

Фестиваль «Муза Новороссии» впервые был организован Людой Гонтаревой и Сашей Сигидой в 2014-м. В том непрестом боевом году, что само по себе уже было подвигом! И далее проводился каждый год. Этот факт многое говорит о людях, благодаря которым живёт литературный праздник. Их и называют «мамой» и «папой» фестиваля. Сигида придаёт ему мужественное звучание, а нежная добрая Люда с большими сияющими глазами – поэтическую эмоциональную возвышенность.

В колледже нас встречала преподаватель Елена Владимировна Сафонова. И снова я была потрясена. Эта удивительная молодая женщина знала обо мне всё и даже читала мои произведения. То, что Интернет может выдать много информации, само по себе не удивительно, а вот то, что человек захотел познакомиться с творческой биографией гостя, дорогого стоит. Ведь и встреча со студентами оказалась хорошо подготовленной, общение было лёгким и взаимно интересным.

Молодые люди задавали вопросы, рассказывали о себе, внимательно слушали гостей. Я успела поведать ребятам о родовой деревне моей бабушки – Подранде, которую в 1942 году фашисты уничтожили огнём вместе с семьюдесятью жителями. Студенты слушали замерев. Они слышали сердцем.

Далее в программе фестиваля были встречи с молодёжью в библиотеке и круглый стол во Дворце культуры имени «Молодой гвардии». Там участники фестиваля смогли познакомиться друг с другом. География говорила сама за себя! Поэты прибыли из Мурманска и Сахалина, из Читы и Екатеринбургa, из Липецка и Волгограда, из Ростова и Санкт-Петербурга, из Москвы и Донецка, из Барнаула и Краснодарa, из Воронежа и, конечно, из Луганска и Молодогвардейска...

И вдруг открылась дверь, и в зал проскользнула Сафонова. Та самая, из колледжа. Елена Владимировна. С огромным букетом! Извинилась, неслышно обогнула стол и склонилась ко мне:

– Мы забыли вам вручить, простите!

И протянула шикарные голубые гортензии. Действительно, она необыкновенная женщина!

Здесь же произошла ещё одна замечательная встреча: я познакомилась с Ольгой Юркиной, внучкой героя краснодонского подполья «Молодая гвардия» Радика Юркина. Она тоже героический человек, ведь, будучи прикована к инвалидному креслу с детства, Ольга вышла замуж, родила дочь, получила образование: окончила Луганское профессионально-техническое училище по специальности «Художник-оформитель». Она слагает стихи, а ещё – улыбается миру, и глаза её сияют теплом добра, как и глаза её мамы, о которой она пишет: «Глаза, словно нежность бескрайняя, / Улыбка – прекрасней весны. / А голос, как музыка дальняя, / Как сладкие детские сны...» («Мама»).

Все дни литературного фестиваля были насыщены мероприятиями. Субботнее утро 29 ноября началось в центре творчества «Гравитация» телеместом «Поэзия нового времени». На связь с участниками «Музы Новороссии» вышли города Курган и Тюмень. С приветственным словом выступила начальник отдела культуры Краснодонского округа ЛНР Анна Владимировна Царенко. От Курганской

области – член Союза писателей России, руководитель литературного клуба «Сонет» Николай Покидышев. Участники мероприятия говорили об истории фестиваля, изданных книгах, альманахах, читали стихи.

Поэтическая аура

Стихов в эти дни звучало великое множество. Они не просто читались, их слушали и слышали! А слышать стихи может далеко не каждый. Но когда собираются в круг единомышленники, поэты и сердцем и творчеством, создаётся удивительная поэтическая аура, в которой душа словно парит.

Наши вечерние посиделки в гостинице были именно такими. Их завсегдаги – Игорь Ефремов из Хакасии, Костя Фёдоров из Волгограда, Наташа Денисенко из Екатеринбурга, Илья Виноградов из Мурманска, Валерий Попов из Читы. Мы собирались в номере у Любы Сердечной и, кроме разговоров о Донбассе и СВО, под горячий чай читали стихи по кругу, который крутился, переходя от одного к другому, и крутился, казалось, до бесконечности, пока запас стихотворных строчек в прихваченном с собой сборнике или в телефоне не заканчивался.

Когда и мои стихи иссякли, я решила поделиться своими переводами с белорусского Михася Позднякова и Валентины Дробышевой. Зачитывала сначала оригинал, затем перевод. Даже не ожидала, что стихи произведут такое мощное впечатление. Ребята слушали, словно замороженные.

– Ух ты, как красиво! – восторженно откликнулся Костя и попросил переслать стихи на двух языках ему лично.

Константин тоже человек необыкновенный. Упорства, целеустремлённости, отваги ему не занимать. Сумел стать лётчиком, несмотря на свой небольшой рост, а вышел на пенсию – стал добровольцем. Причём направили в пехоту, где всё начинал заново. Нашей компании с ним повезло: на фестиваль из Волгограда Костя примчался на собственном автомобиле, потому машина всегда была к нашим услугам.

Расходились мы обычно далеко за полночь счастливые и окрылённые, потому что были уверены: каждый из нас, несомненно, талантлив и стихи у нас крутые, и как это здорово, что собрались вместе.

Мы действительно пили только чай и кофе. Все! Зная, что ребята служили контрактниками, я не удержалась:

– Как же там, на передовой, тоже не пьют спиртного?

Ответ был тяжёлым, но правдивым.

– Пьют. Случается, погибают именно поэтому... Мы видели, знаем, сделали вывод.

Я прониклась к ним ещё большим уважением. В прошлом – офицеры, кто-то в мирной жизни был вертолётчиком, кто-то служил оперативником в органах. Вышли на пенсию и не смогли остаться в стороне. Стихи, в окопах написанные, – это тоже стихи особые, такие на диване, укутавшись тёплым пледом, не напишешь. А так, как читает автор, не прочтёшь. И великая радость и благо – услышать.

На всех мероприятиях царила поэзия. Руководители фестиваля постарались, чтобы для участников дни прошли насыщенно и интересно. И весело!

Александр Сигида бесконечно шутил, создавая особое настроение. Так шутил, что его имя тоже рифмовать начали. Писали в общем чате что-то наподобие строчек Владислава Русанова: «Сигида уже не тот. / Пьёт не виски, а компот. / Речи мудрые ведёт / Про державность и народ...» Кто-то подхватил: «Снится батя-Сигида? / Значит, счастье навсегда». И понеслось...

Но и серьёзных разговоров было предостаточно. Много говорилось о Великой Отечественной и о нынешней войне, о Победе 1945-го и окончании Второй мировой, о дружбе между Россией и Беларусью.

Я же презентовала белорусско-российско-сербский сборник «Победной дорогой отцов» (Минск, 2025), посвящённый 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, освобождению Югославии и окончанию Второй мировой войны. Сербскую часть в нём предоставила составителям поэт и переводчик из Сербии Даяна Лазаревич, она же автор прекрасной обзорной статьи.

Открывает книгу стихотворение известного белорусского поэта Анатолия Аврутина «Я з Крыніц... Жыва пакуль...». Решила прочесть его, потому что и тема затронута трагическая, и два языка (белорусский и русский) звучат в произведении. Рассказал же автор о детях, у которых гитлеровцы забирали всю кровь для лечения своих раненых солдат и офицеров. Всю!

Читала, и даже голос мой в какой-то момент дрогнул. В перерыве подошёл Валерий Попов. Он не только поэт, но и активный общественный деятель – председатель Совета Забайкальского краевого отделения Общероссийской общественной организации ветеранов и пенсионеров прокуратуры, член Совета по развитию культуры и искусства при губернаторе Забайкальского края, сопредседатель Забайкальского регионального отделения Общероссийского общественного движения «Культурный фронт России» и многое другое. После окончания фестиваля у него было запланировано ещё множество поездок по Донбассу с благотворительными миссиями.

– Спасибо! За такие книги и такие стихи. Автору передайте – низкий поклон!

И вдруг Игорь Ефремов с позывным «Кобзарь», человек прямой и отважный, в прошлом служивший в органах по контролю за оборотом наркотиков, на СВО ушёл добровольцем со своими мобилизованными земляками с должности заместителя главы администрации Республики Хакасия, где вёл вопросы информационной политики и безопасности, подал голос:

– Президенту Беларуси передайте благодарность за дружбу и поддержку!

– Белорусы – единственные настоящие друзья! Нет, братья! Мы это очень ценим, – поддержал Валерий.

– Да! Передавайте «спасибо»! – раздавалось с разных сторон.

И я заметила, как необыкновенно лучатся у всех глаза – чистым, тёплым и добрым светом.

Второй презентованной мной книгой стал белорусско-российский сборник «Победили! Перамаглі!» (СПб., 2024), посвящённый 80-летию освобождения от немецко-фашистских захватчиков Беларуси, Псковской и Ленинградской областей, полному снятию блокады Ленинграда и Великой Победе. В 2025 году книга удостоилась диплома «Золотой Витязь». И коллективные сборники, и свои авторские книги «Кремень» и «Солнечные грошики» я передала Краснодарской библиотеке имени А. Фадеева.

Сюрприз

В этот же день во Дворце культуры состоялось и главное мероприятие фестиваля – торжественная церемония награждения победителей «Я с тобою, мой Донбасс!».

Сначала привлекла внимание выставка мастеров народного творчества, расположившаяся на первом этаже. Глаза разбегались! Но главный сюрприз ожидал на втором.

Там готовился к выступлению... духовой оркестр! Такая редкость в наше время и такое обычное дело в довоенные и послевоенные годы в некогда советской стране. Почти в каждом фильме о том времени обязательно играет духовой. У меня было ощущение волшебного перемещения на десятки лет назад...

Смотрела с умилением на ребятишек Молодогвардейской детской школы искусств, которые в строгих белых благородных костюмах с золотыми эполетами держали в руках сияющие трубы, флейты, саксофоны, и не могла отвести глаз. Что же это за чудо! Радость-то какая!

Седовласый дирижёр отдавал последние распоряжения. Это был Леонид Николаевич Тимошенко, заслуженный работник культуры, заслуженный деятель искусств, почётный гражданин Молодогвардейска и Краснодона. Оркестр – его гордость и гордость школы и города. Да что города – всей Луганской Народной Республики!

Немного в стороне – солисты. Наталья Готовцева в тёмном длинном вечернем платье, в таких же – девочки Варвара Бондарева и Валерия Карташёва, и мальчик лет десяти – Юра Готовцев. Тихонько расппеваются, поправляют наряды. Личики бледные, глазки горящие, пальчики на руках беспокойные, что выдаёт скрываемое волнение.

И вот зазвучала музыка. И они запели. Не что-нибудь, а «Хотят ли русские войны!» Пели детки, выросшие в тревожные военные годы, пела женщина-мать – жена – сестра – дочь. Они знали как никто, о чём поют:

...Спросите вы у тех солдат,
что под берёзами лежат,
и пусть вам скажут их сыны,
хотят ли русские войны...

Песня на слова Евгения Евтушенко и музыку Эдуарда Колмановского звучала не вопросом, а призывом, гневом, скорбью, болью. Мы же не стеснялись слёз, удержать которые не было никакой возможности...

После завершения церемонии награждения ко мне подошла руководитель проекта Любовь Петровна и заговорщицки шепнула:

– Хотите завтра Луганск посмотреть?

Ещё бы! У меня аж душа захолонулась, как сказала бы моя бабушка.

– Мы Наташу Денисенко к автобусу повезём и сына с учёбы забирать будем. Вас с собой прихватим.

Ура! Вот так сюрприз! Уже второй за этот чудесный день.

Луганская «Дорога жизни»

Молодогвардейск

Чтобы успеть что-то увидеть, надо было торопиться, смеркалось рано. Ещё и постоянный туман, окутывавший в эти дни территорию области, достаточно сильно снижал видимость. А выдвинулись мы во второй половине дня, после закончившихся экскурсий по Краснодару.

– Будем заезжать в Молодогвардейск? – уточнил Володя Филимонов.

– Обязательно! Посмотреть надо всё, что возможно. Кто знает, удастся ли ещё когда-нибудь побывать здесь! – мы с Наташей среагировали мгновенно.

И не зря! Сам город в это время красотой не поразил, всё-таки ноябрьская серость и грязная слякоть своё дело сделали. Но я искала не красоту, а следы недавней войны, которые ещё сохранились на этой земле, хотя здания в большинстве были уже восстановлены.

Нет-нет и замечала то окна, затянутые плёнкой, то разрушенные балконы, то посеченные осколками стены.

Молодогвардейск расположен в девяти километрах от Краснодона и был основан всего лишь в 1954 году, когда активно разрабатывались угольные месторождения, открывались шахты по добыче коксующегося угля, необходимого для металлоплавильных печей. Сначала посёлок назывался Атамановкой, затем именовался Соцгородком, а в 1961 году получил название Молодогвардейск и статус города. Сейчас население составляет около двадцати тысяч жителей.

– Так люблю свой город, а теперь смотрю и думаю: вот если бы летом или весной приехали, тогда бы им залюбовались! – сокрушалась Любовь Петровна.

– Не переживайте, – утешали мы, – всё, что нам надо, увидим, остальное воображение дорисует.

– О, какой парк великолепный! – вскоре воскликнула я восторженно.

Володя остановил машину, и Люба повела нас по потрескавшемуся асфальту парковых дорожек к видневшемуся вдали памятнику. Это был монумент с памятным знаком «Шахтёрская слава», установленный здесь более десяти лет назад, как символ благодарности людям главной профессии на Донбассе за их нелёгкий труд. А слева от монумента я увидела то, что сразило меня наповал!

Огромная ракета «Ураган», вонзившаяся в землю... Она, к счастью, тогда, упав в середине жилого квартала, не разорвалась. Специалисты её обезвредили, но по просьбе жителей оставили для памятника, который служит напоминанием о том, что происходило тут начиная с 2014 года. Рядом с ракетой – небольшие стелы с именами двадцати трёх погибших ополченцев и мирных жителей – детей и взрослых. Вечная им память! На гранитной плите надпись: «Лучшим и достойнейшим из нас, жизнью заплатившим за Донбасс. Наша Память и Долг погибшим ополченцам и жителям Молодогвардейска». Памятник установлен в 2016 году. Авторы – художник В. Ф. Березняк, архитектор С. И. Фесенко.

Подошла ближе к ракете и ужаснулась: только наружная часть вражеского снаряда составляла два моих роста, а ведь ещё метра два этого металла впилося в землю!

Что могла натворить такая смертоносная игла при взрыве? Сколько ещё жизней отняла бы по прихоти украинских властей?

Может быть, такая же когда-то влетела в библиотеку, в которой работала Любовь Петровна.

– Я тогда чуть раньше ушла, дела были неотложные. А вскоре звонок: «Стоишь? Лучше присядь, – предупредила коллега, – если б ты на чуть-чуть задержалась в своём кабинете, была бы сейчас на приёме у Господа!»

Филимонова грустно улыбнулась:

– Чудом спаслась! Видать, ещё здесь нужна... А натерпелись мы в те годы! Элементарно нечего было есть. Собирались вместе, всем двором. Приносили, что у кого осталось: растительное масло, крупа, картошка, мука... Из этого варили на всех прямо на улице, на костре... Отопления не было, воды не было, электричества не было...

– Как выжили, спрашиваете... Я тогда тридцать килограммов веса потеряла, – смущаясь, сообщила Люба. – Сейчас-то на меня не смотрите – это от хорошей жизни снова набрала, – засмеялась, поправляя куртку.

Выглядела она замечательно. Ладная телом и ростом, стрижка каре, волосы тёмные, глаза блестят живостью. Казачка!

Володя смотрел на жену с благоговением, как на икону, и теперь только тихо посмеивался в бороду. Кормильцем в семье был он. Любиной библиотечарской зарплаты разве что на заплатку для штанов хватало. Но работу жена любила, ведь не только книги там, а ещё и люди!

Сам же Филимонов – шахтёр на последней действующей из местных шахте. Закрываются они, требуя переоборудования, хоть уголь здешний один из лучших в мире, самый дорогой сорт – антрацит. У него высокая теплотворность, без него не обойтись в химической промышленности, и он используется для качественных фильтров при механической очистке. Да и коксующийся уголь тоже не хуже. И энергетический. На Донбассе огромные залежи угля. Общие запасы на пяти шахтах в ЛНР оцениваются в пятьсот – семьсот миллионов тонн. И продавать есть куда: Китай, Индия, Иран, Малайзия... Филимоновы верят: что-то должно измениться к лучшему и в угольной промышленности, только бы закончилось СВО.

Изварино

– Ой, там поворот на Изварино! – заметила Наташа дорожный указатель.

Мы с ней прильнули к окнам. Она тоже всю щёлкала телефоном. «Такая же горячая, готовая в первых рядах быть. На меня в этом похожа, – улыбнулась я своим мыслям. – Это ж надо, даже цвет волос и имена одинаковы!»

И сердца наши, видимо, стучали в унисон: Изварино! Там шли бои между украинской армией и ополченцами, там был знаменитый «Изваринский котёл» летом 2014 года.

Генштаб Украины принял решение установить контроль над границей между Россией и Донбассом, чтобы гуманитарная помощь не поступала в Луганскую и Донецкую области. Но без продуктов, воды, медикаментов население и ополченцы были бы обречены.

Ополченцы оказали такое сопротивление нескольким группировкам ВСУ и сотням машин бронетехники и авиации, что киевские силовики отказались от первоначального плана и сначала решили взять Изварино и Червонопартизанск. Однако 15 июля донбассовские защитники перешли в наступление и освободили Степановку, затем Мариновку и окружили всю украинскую группировку.

После нескольких неудачных попыток вырваться из котла силовики решили сдаться. Около пятисот человек вышли на территорию России, двести сорок из них стали сражаться на стороне ополченцев.

Украина же повела себя с невероятной жестокостью буквально с первых дней противостояния. Её авиация наносила удары не только по мирным, но и по своим же военным. Власти страшно боялись, что сдавшиеся в плен раскроют всю правду о происходящем на Донбассе.

В результате украинцы потеряли около четырёх тысяч убитыми, ранеными и пленными.

Столько лет уже прошло, а до сих пор трудно поверить и понять, как власть, которую народ сам выбирал, стала убивать своих же граждан, войной на них пошла, танками и самолётами...

Только техника военная и множество миномётов, ПЗРК и ЗРК, боеприпасов, патронов в результате победы ополченцев им же и достались, усилив боеготовность.

Попыталась я на ходу указатель на Изварино сфотографировать, но он промелькнул, а на кадре – лишь размытое изображение. Володя улыбнулся:

– Между прочим, контрольно-пропускной пункт, который мы с вами проезжали, когда с вокзала в Краснодон добирались, называется «Изварино». Но это не посёлок. Просто раньше у нас было два

перехода, один из них в Изварино, а когда его закрыли, то оставшийся, донецкий, так и продолжили называть изваринским.

Новосветловка

Мы мчались в направлении Луганска, разглядывая окрестности. Миновали Новоанновку, которую украинская армия в 2014-м расстреляла из миномётов. Нет-нет да и мелькали невосстановленные хаты, вернее, сплошные их развалины, оставшиеся после обстрелов. Может, отстраивать-то некому. Если хозяева уехали в ожидании лучших времён, это хорошо, а если они уже никогда никуда не вернуться, потому что их больше нет?

Вот и Новосветловка, посёлок в котором до украинской войны проживало четыре тысячи жителей. Володя остановил машину на краю дороги, у разрушенного бомбёжкой Дома культуры. Огромные проломы в стенах и потолке... Подлежит ли он восстановлению?

По этому населённому пункту украинцы ударили ракетами «Град», несущими запрещённые касетные заряды. Две недели посёлок грабили и уничтожали в августе 2014-го подразделения националистического батальона «Айдар» и нацгвардии. Они выносили бытовую технику, мебель, утварь, разворотили танками заборы, ворота, сараи. В административных зданиях взрывали сейфы, разбивали мониторы, сжигали документы. Затем людей загнали в маленькую церквушку и держали там с раннего утра до полуночи, приказав молиться, пока по посёлку не ударили «Грады». Не напоминает ли это немецких фашистов? Разбежались жители (а в храме их было не менее шестидесяти человек) под обстрелами, прячась в подвалы, прикрывая собой детей.

Гибли люди – от обстрелов, бомбёжек, жестокого обращения. В первую очередь безжалостно расстреливали ополченцев, которые, в результате проникновения в их ряды диверсанта, были лишены командования и дезориентированы, а потому не смогли дать достойный отпор.

Танк ополченцев был подорван. Из горящей машины смог выползти молодой танкист, дошёл до хаты. Кожа на его теле висела обгоревшими чёрными лохмотьями. Каким чудом он держался на ногах, одному Богу известно. Встретившая его женщина завывала от ужаса и боли, боли за него, просившего отвезти к ополченцам.

– Сыночка мой, я ж тебя сама отвезу, у меня ж машина тут! – запричитала, заплакала она и бросилась во двор.

Улица полыхала, дороги были завалены обрушившимися конструкциями, но она смогла довести его до своих. Только прожил он всего три дня...

В Новосветловке не осталось ни одного целого здания, некоторые выгорели до основания, другие – без окон, дверей, крыш...

Освободили город 28 августа 2014 года.

...Вот Новосветловка... ДК – руины... Храм...
Из «Градов» – по кресту, по людям, по домам...
Всё сжечь и русский мир – убить хотели!
Со свету – Свет?! Промазали по цели!..

(«Своих не бросаем»)

Хрящеватое

Перед Луганском, возле Хрящеватого, мы снова остановились. У дороги – танк Т-64, усыпанный цветами так, что только дуло пушки и видно.

– Это тоже памятник сражений 2014-го? – удивились мы с Наташей.

– Да, Хрящеватое националисты «Айдара» и бойцы нацгвардии захватили в тот же день, что и Новосветловку. Творили тут тот же беспредел: угоняли машины, грабили дома, ходили по улицам и стреляли по домам из автоматов, как гитлеровцы, издевались над жителями...

Семнадцатилетнего Сергея Жилина безжалостно пытали, подозревая, что он был наводчиком у ополченцев. Постоянно попрекали людей за то, что проголосовали на референдуме за Россию, и измывались при этом, как только могли придумать. Потом и вовсе вызверились: под предлогом, что вывезут в безопасное место, силком погрузили жителей в машину, которая уже была заминирована.

Отъехали немного, водитель из кабины выскочил, и тут – взрыв! Погибло восемнадцать человек, среди них – девочка тринадцати лет.

И снова всё это до боли напомнило зверства фашистов и полицаев в годы Великой Отечественной войны. В генах, что ли, передаётся жестокость? От дедов и отцов? Ведь сколько из бывших предателей-прихлебателей потом вышли из советских тюрем и лагерей, сколько из них были реабилитированы Н. С. Хрущёвым! Доживали припеваючи в мире и довольствии, а злобу, как гадюки яд в зиму, копили и ею потомство своё напитывали. Вот оно, это потомство, и выросло. Да ещё тридцать лет после распада СССР учебники истории на Украине переписывали, русскую литературу, самую гуманную, запрещали, чтобы сознание украинцев перепрограммировать. Оказалось, это возможно! Методика так работает или сами податливой глиной были, ещё раньше гнильцой заразились?

За семнадцать дней оккупации в Хрящеватом не осталось ни одного непострадавшего дома, погибло тридцать четыре человека, их имена сейчас высечены на камне памятного знака, установленного в центре посёлка. Но людей уже не воскресить.

– Танк у дороги – памятник освободителям. Горела эта машина, была вся чёрная от копоти, потому её в чёрный и покрасили, ещё раз память подчеркнуть, – Володя вернулся к разговору о танке. – Если бы не он, неизвестно, как бы пришлось ополченцам, ведь на них целый взвод танковый надвигался. А эта машина была брошена украинцами. Наши её вытащили, отремонтировали и – в бой! То ли бывшие афганцы стали танковым экипажем, то ли молодые ребята (по-разному рассказывают), но смогли они подстрелить два вражеских, у третьего перебили ходовую часть, уничтожили БМП и спрятавшуюся в домах пехоту противника. Однако и сами пострадали. В живых остался только механик, сумел добраться до своих. Перегруппироваться тогда враг не смог, план по блокаде Луганска был сорван. Так что танк этот действительно легендарный!

... Там, на обочине, застыл наш русский танк –
 На веки вечные запомнит оккупант!
 Тридцать-четвёрка нас не посрамила.
 А в ополченцах – русский дух и сила!..

(«Своих не бросаем»)

Мы возвращались к машине. Я ещё раз глянула на дорожный указатель:

– Какое-то название странное!

– Хрящ – это камень, который выходит на поверхность земли. Здесь большой каменистый овраг (балка), село на его склонах расположено. Отсюда и название. Хрящеватое было основано в 1951 году, проживало здесь больше тысячи человек, сколько сейчас, не знаю. Говорят, после освобождения около четырёх сотен вернулось, – тяжело вздохнув, пояснила Любовь.

Луганск

Мы уже въехали в Луганск и мчались по одной из главных улиц – Оборонной.

Город готовился к Новому году: огромная ёлка, иллюминация... Чистые тротуары, хорошие дороги, красивые здания: магазины, Дворец спорта, драматический театр, гостиница, кинотеатр, жилые дома...

– По этой улице жители, выстроившись в живую цепочку, передавали снаряды для обороны города, – буднично сообщила Люба. – Такого больше не было нигде!

– По всей улице?! – переспросила я и замолчала, пытаюсь представить, как такое могло происходить на Оборонной, которая тянулась без конца и края.

– Не в 2014-м! Это ещё в Гражданскую, в 1919-м! – спохватившись, уточнила она. – С юга наступали белогвардейцы. Снаряды и патроны для обороны подвозили на телегах по другим улицам, пока состояние дороги позволяло. Как раз до нынешнего автовокзала, куда мы направляемся. Дальше же распутица не пускала. Тогда люди и встали в живую цепь...

Володя слушал жену нетерпеливо, несколько раз порывался перехватить инициативу и, наконец, перебил:

– Сначала даже назвать хотели не Оборонной, а улицей Живой цепи! Но назвали как назвали. Ещё есть площадь Обороны и квартал с таким же наименованием.

Заметно свечерело. Зажались окна, витрины и фонари. Я разглядывала город и думала о том, что следов бывших боёв уже нет, во всяком случае, я их не замечала. Володя словно прочитал мои мысли:

– Восстановили, отремонтировали с помощью России. Луганск стал даже лучше, чем был! Но назад поедем другой дорогой, по окраине, там увидите ещё оставшиеся разбитые многоэтажки – без окон, с вывороченными балконами...

История о живой цепи не давала мне покоя, потому что подумалось о необычности луганчан. Какая стойкость, мужество, свободолюбие! То же самое удивляло и восхищало, когда здесь в 2014-м началось сопротивление новой власти, взявшей курс на Западную Европу и русофобию.

Ещё в том далёком марте жителями был поднят флаг Российской Федерации над областной администрацией, а на митинги собиралось не менее десяти тысяч человек. Луганчане протестовали против шовинизма, требовали возвращения законной власти, размахивая российскими флагами и транспарантами «Украина – это Русь!», «Луганск, вставай!», «Наш язык – русский!», скандировали: «Россия!», «Референдум!».

Разве это не удивительно?! Ведь только тут, на Донбассе, люди подняли головы и не подчинились фашиствующей (теперь-то мы это знаем точно) власти, целью которой было вовсе не народное благо, а утоление собственной ненасытной жажды власти и денег. Ни у Харькова, ни у Николаева, ни у Днепропетровска, ни у Киева – матери городов русских, ни у Запорожья духу не хватило. А потом уж бандеровцы, кровь почуяв и безнаказанность, шевельнуться не давали. Одессу страшно даже вспомнить – мученическая смерть заживо сожжённых людей в Доме профсоюзов – дрожь по телу...

А луганчане через месяц захватили здание СБУ и получили доступ к оружию и бронжилетам. В мае начались вооружённые столкновения. Второго июня самолёты Украины ударили ракетами (около двадцати неуправляемых с кумулятивно-осколочными боеголовками) по зданию администрации. Погибло восемь человек и около тридцати были ранены...

Пишу эти строки и думаю, что написать-то о ходе событий несложно, да вот пережить выпавшее на долю луганчан и дончан – это подвиг, самый настоящий. Тот, кто видел истекающих кровью раненых и разорванных на куски убитых земляков, товарищей или своих родных, никогда уже не будет прежним, и не забыть ему, и не простить... Как можно простить?!

Душа русского человека, несомненно, способна на любой подвиг милосердия. И никто не знает, что будет завтра. Только Господь. А покажет будущее лишь время. Конечно, народы помирятся. А вот убийц простить? Тех, кто развязал бойню, кто лелеял ненависть, кто отдавал приказы, отправлял оружие, целился дронами по жилым домам, гражданским машинам, женщинам и детям?

Сто сорок шесть дней украинские войска держали оборону возле Луганска. Их группировка насчитывала до двух тысяч боевиков и военнослужащих. Однако ополченцам вместе с бойцами ЧВК «Вагнер» удалось окружить неприятеля в конце лета 2014 года. Ночью 1 сентября ВСУ подорвали взлётно-посадочную полосу аэродрома и отступили.

Пятого сентября Киев был вынужден начать переговоры с Россией о перемирии, которое лишь снизило интенсивность вооружённых столкновений. А теперь, когда прошло уже почти четыре года с начала СВО, стало хорошо известно, что все переговоры и соглашения были нужны украинскому правительству и его западным покровителям только для тщательной подготовки к новому удару по Донбассу. Они даже не собирались выполнить хоть один из пунктов договора.

Никогда не забуду язвительные гримасы президента Зеленского за столом переговоров. Даже будучи профессиональным артистом, он не смог скрыть своего злорадства по поводу того, что ему удалось провернуть такую аферу – заключить липовое перемирие, зная, что русские точно будут выполнять все договорённости, но не он.

Что было бы с донбассовцами, если б не Россия?

Когда я писала эти страницы, в СМИ появилось сообщение посла по особым поручениям МИД России Р. В. Мирошника о том, что только за одиннадцать дней января 2026 года в России (с учётом присоединённых территорий Донбасса) от беспилотных атак ВСУ были ранены сто семь человек, среди которых восемь детей. Погибли сорок пять, в том числе трое деток. По гражданским объек-

там было выпущено четыре тысячи сто одиннадцать боеприпасов. А в последнем месяце прошлого года пострадали триста шестьдесят семь человек, из них пятьдесят шесть погибли. Так происходит каждый месяц! Киев бьёт по мирным объектам, по мирным людям, даже попытался обстрелять резиденцию российского президента в Новгороде. А что некогда обожаемый многими Запад? Не хочет ни видеть, ни слышать. Зато для него во всём виновата Россия. Как в той известной всем басне И. А. Крылова: «Ты виноват уж в том, что хочется мне кушать!»

Больше всего обстрелов приходилось и приходится по Донецкой, Белгородской, Херсонской, Курской, Воронежской и Ростовской областям. Друзья из Белгорода недавно написали, что нет того дня, когда бы не погибли мирные люди.

Не случайно поезд в Минск, которым я добиралась до Каменска-Шахтинского и обратно, несколько раз стоял на путях с полностью выключенным светом. Сообщения в телефоне в это время предупреждали об угрозе беспилотных атак...

Мы возвращались в Краснодон, когда уже совсем стемнело. По луганской дороге и в одном и в другом направлении двигались военные машины. На их бортах ярко выделялись знаки «Z» и «V» – символы освобождения Украины от неонацистов. Первый подразумевает: «За Победу» и «Задача будет выполнена». Второй – «Сила V правде».

Есть ещё и глубокое духовное значение в знаке «Z», в котором звучит звук, обозначаемый буквой «З». Ранее в церковнославянском языке буква «З» звалась «Земля» – «За Землю русскую!». Она же использовалась для обозначения числа 7, символизирующего совершенство, завершённость. Бог создал землю за семь дней. Счастливое число! А кто-то угадывает ещё в знаке «Z» конфигурацию, напоминающую святого Георгия Победоносца, поражающего змея.

Символ «V» тоже имеет свою историю. Придуман он был в 1941 году бельгийским политиком и олимпийцем Виктором де Лавалем в качестве знака сопротивления нацистам. Во многих языках «V» означает слово «победа», «свобода» или «героизм». Идея была широко подхвачена. В азбуке Морзе выстукивалась тремя точками и тире. Пятая симфония Бетховена начинается с нот, звучащих, как «победа» в азбуке Морзе. В дни Победы в 1945 году знак «V» в западных странах был повсюду. Постепенно он там эволюционировал в символ «мир». К концу 1960-х годов антивоенные движения стали использовать его как призыв прекратить войну в Юго-Восточной Азии. А сейчас знак «V» снова означает победу, но в этот раз – над неонацизмом.

Машину, двигавшуюся впереди нас с этим счастливым знаком на заднем борту, я и решила сфотографировать на память. Только приподняла телефон, как Володя сразу схватил меня за руку:

– Что вы! Нельзя! Ещё примут за шпиона, попробуйте тогда оправдаться...

Заметив моё замешательство, Люба переключила внимание:

– Уже немного осталось до Краснодона... А дорогу эту мы «дорогой жизни» называли.

Я удивлённо повернулась к ней:

– Почему?

– Она – единственная, через которую была связь Краснодона с блокадным Луганском.

И у меня тут же сложились заключительные строчки стихотворения «Своих не бросаем»:

...Дорогой этой гумконвоем помощь шла:
Своих мы не бросаем! Такие, брат, дела.
И всей страной мы беду – осилим!
Ну, с возвращением, Донбасс, – в Россию!

Люба в ответ глубоко вздохнула, улыбнулась:

– Знали бы вы, как мы ждали Россию! Я когда-то купила в Ростове русский флаг, – она помолчала, раздумывая, и, словно споря сама с собой, продолжила: – Да какой там флаг! Флажок небольшой. Скрутила его, спрятала дома, будто знамя боевое! За него ведь нацики могли на месте расстрелять, если бы нашли... Но расстаться с ним не могла. Как святыня! Надеждой грел. Верила я, что обязательно домой вернёмся!

Январь 2026 года

Проза

Дмитрий Володихин

Дмитрий Михайлович Володихин – доктор исторических наук, лауреат Патриаршей литературной премии, лауреат премии Президента РФ в области просвещения. Член Союза писателей России. Русский, православный, консерватор, монархист. Родился в 1969 году. Живёт в Москве.

СКАЗ О СТАРОМ БОГАТЫРЕ

Жил в стародавние времена, во лета ветхие, в Киеве-граде великий богатырь, именем Илья. Был он надо всеми прочими богатырями старшина. Любила его дружина богатырская, и всяк был ему друг. Судил, бывало, он богатырей, в буйстве схлестнувшихся, ибо знал богатырский обычай лучше всех. А от князя от Владимира Красна Солнышка имел он почтенье: на пирах-братчинах сидел за столом у самого локтя князева, очи его видел ясные, словом обмолвиться мог. Жил в тесовых хороммах близ двора великокняжеского, сребра, мёда и хлеба получал вдоволь.

Зато и был он могуч, имел талан-силу побеждать во всяком поединочке, да и укладывал бойца любого. А на брань выходил с мечом да с секирою, но не бывало того, чтобы рубил-сёк вражью силу: токмо брал колесо тележное, да махнув раз, укладывал наземь улицу, а махнув другой, укладывал переулочек.

А пришёл тот богатырь старой в Киев-град неведомо, то ли от Чернигова, то ли от Мурома, то ли от Ростова, да и кикимору, за волосья из болота вытащив, князю великому подарил поклонным подарочком.

Был тот богатырь веры истинной, Христу-Богу кланялся, храмам и монастырям от имени своего нескудно жертвовал, за святые церкви и землю Русскую без страха ратоборствовал.

Раз зовёт его великой князь Владимир к себе в палаты высокие. Не на почестен пир и не на совет, а передать ему приказаньице.

– От торговых людей сделалось ведомо, что ко Царьграду подступился царь-салтан агарянский. Бьётся с ним христьянское войско день и ночь, однако превозмочь его не может. А с агарянами поединщик великой, именем Тугарин Тулубеевич, и всюду он на боях себя кажет. Истребил двенадцать воинов христьянских и похваляется, что истребит их столько, что всё войско цареградское пропадёт. Надобно помочь Цареграду от царя-салтана отстояться.

Собрался старой богатырь в дальнюю дорогу, на коня сел на бурого, да с собою взял сорок удальцов-резвцов окольчуженных, сорок богатырей русских. И поехали так на конех ко Царьграду, доспехами сверкая, копья наострив да мечи отточив.

Како легли на сон в месте пустынном, безлюдном, тако слетел с ночных небес превеликий Змий. Дремлют кругом богатыри, един старшина богатырской не спит. Обращается к нему Змий:

– Той воинник великой, Тугарин Тулубеевич, сын мне родной, кровь моя. Не обидь его, и осыплю тебя золотом от пят и до макушечки.

Усмехнулся старой богатырь, ничего не сказал.

Вдругорядь подступает Змий к нему:

– Дам тебе девицу-красавицу, звезде небесной подобную, юную и благоуханную.

Вновь усмехнулся в ответ старой богатырь, не ответив ни слова.

И в третьё обращается к нему Змий:

– Выбирай же, либо сделаешь по-моему и дам тебе царствие, будешь тамо государем, яко Владимир на Киеве, либо не сделаешь, так я тогда и тебя в сыру землю загоню, и коня твоего доброго, и всех друзей-товарищей твоих!

Отвечал ему старшина богатырский изрядною оплеухой да доброй затрещиной. Змий превеликий отлетел от него за окоём, не являл себя более.

Наутрее восстала ото сна дружина богатырская да прискакала под город под Цареград, церковными маковками златоблещущий. А у моря агарянское войско стоит и со христьянским войском бьётся смертно, никто же одолеть не может. Посередь полков агарянских стоит чудище с булавою в пуд весом, всюду железом зернёною. А сам-то зол сын бесерменен в доспехе кованом на шесть пудов. А голова-то его в шеломе богатом, всюду камением чудным отделанном. А борода-то его густая, чёрная – до пояса!

Похваляется чудище:

– Вот уж тридцать и три воинника христьянских я в сыру землю уложил. И скоро всю рать цареградскую тако ж похороню!

Выходит против него старой богатырь русской. Отбирает булаву тяжёлую да ломает её яко тростиночку. А потом берёт рукою-шуйцею за бороду чудище бесерменское да за ногу берёт рукою-десницею, поднимает над землёю высоко и говорит таковы слова:

– Рано хвалишься, чудище беспощадное, детище бесовское!

И уронил агарянского поединщика на камень. И разбился о камень шелом крепкой, и развалился доспех шестипудовой, а от самого бесерменина душа отлетела. Скончевал свой век Тугарин Тулубеевич.

Устрашилось тогда полчище агарянское, побежало ко лодиям и лодочкам да уплыло от Цареграда во сине море. Христьянский же государь цареградский удоволил богатырей русских красным золотом, да чистым серебром, да мёдом хмельным на пиру-братчине.

Поехала дружина богатырская домой, ко русскому граду ко Киеву.

Явился богатырю старому Змий по ночной поре да в месте пустынном, безлюдном. Говорит ему, искушает:

– Разозлил ты меня, богатырь русской! Изгубить хочу тебя. Но если примешь веру Моаметову, оставлю тебя жить.

Молча хмурится старой богатырь русской.

Не отстаёт от него Змий:

– И коня твоего доброго вконец истреблю!

Молча сердится богатырь русской.

На третий раз грозит ему Змий:

– Не оставлю тебе, так и знай, ни единого друга-товарища! Все вокруг тебя лягут. Но коли пожелаешь ты от вечного сна поднять их, кликни меня. Како сделать то, мне ведомо.

Отвечал ему богатырь русской каблучищем сапожка-то богатырского. С одного удара загнал он Змия превеликого за холмы-горы.

Наутрее причалило ко берегу, где ночевала дружина русская, всё воинство бесерменское на лодиях, как один человек. И с ними царь-салтан, мезью распаляемый.

Говорил он богатырям русским:

– Эй, пришла ваша смертушка! Лежать тут вашим косточкам неприбранно, псам и вранам на ядь!

Отвечал ему старой богатырь таковы слова:

– Рано хвалишься, злодей неистовый! Ещё посмотрим, кто на чьих косточках встанет.

Стала биться с агарянами дружинушка богатырская. И брал един богатырь за себя по сту вражеских воинников. А старой богатырь брал их нескитанно. Легло войско агарянское, как один человек. И царь-салтан бесерменской с полчищем своим лёг. Но погибла и вся дружинушка русская. А с нею сгинул и добрый конь богатыря старого.

Возопил тогда старшина богатырской к небу:

– Помогите мне, Господи! Велик мне соблазн поставить дружинушку на ноги! Трудно мне обороть его. То лежат всё мои друзья-товарищи, как оставить мне их тут, во чужой земле?

И явился ему ангел светлой со словом Божиим:

– Не кручинься великой кручиною! Ископай могилу великую на сорок человек, да положи туда всю дружинушку. А сам вступи на лодию да плыви на Белоозеро, во обитель тихую, тамо будет тебе покой и мир.

Послушался ангела старой богатырь. Ископал могилу великую, положил туда сорок русских богатырей, всё своих друзей да товарищей. Помолился об них Господу. Спалил корабли агарянские, но забрал себе одну лодийку невеликую.

Поплыл на той лодии богатырь по морям – по рекам. Напрягал вёсла без устали да печалился о своих друзьях-товарищах.

Вся Русь старóго богатыря видит. Вся Русь с берегов ему кланяется. Вся Русь о нём песни поёт. Да он просит:

– Не пойте вы песни богатырские! А молитесь лучше о дружинишке русской, о друзьях моих, о товарищах!

Тако и плывёт богатырь старой на лодии своей. А впереди, по-над Белым озером, уже и обитель честная видна. Сквозь туман густой звон её колокольный над водами разливается и к душе богатырской тянется.

Вдруг видит богатырь старой: над его головушкой летит стая лебединая. Распластали птицы-лебеди крылья белые свои да и как будто зовут его к себе: полетай с нами, братом будешь нам названным! Лети с нами во тёплую землю полуденную, ко Царьграду славному, там поживём!

И чует старой богатырь: то не лебеди, то его друзья-товарищи птицами обратились. Души их кричат ему, зовут его.

Бросил богатырь вёсла. Поились слёзы из очей его ясных. И терзаньем полна душа его: как не спасти друзей-товарищей? Вот же они, рядышком, кричат-зовут его!

Ох, богатырю подумалось, где моя волюшка? Против любви своей к друзьям-товарищам поступить – мочи нет. Да и против Бога пойти тож мочи нет. Разрываюся, погибель моя настаёт! Откуда искать мне помочи? Яко несмыслённый младенец умом ослаб, а душою упал низко и сам судьбы своей повернуть не могу.

И тут взбурлилось озеро Белое, разыгралось волнами, ветрами обвилось. И полетела богатырская лодия по водам без паруса и без вёсел. Поднялась на гребнях пенных, и всякая рыба под нею плескалась, и всякая птица над нею летела.

Выбросило лодию на берег, во травы, разломало о твердь в мелкую щепу и в досочки.

Поднимается старой богатырь из щепы да из досочек, сам жив-целёхонек. И встречает его на берегу дружина иная, не среброкольчужная, но чернорясная. Выходит вперёд братии настоящий седовласый, древний, в колени брадатый.

– Давно ждём тебя, богатырушка, заждались-истомились. Вот дом твой новый, вот жизнь твоя новая, вот берег твой последний. Явился ты туда, куда тебе и следовало.

И поклонился им богатырь.

Тут и конец сказу о нём.

Поэзия

Татьяна Грибанова

Татьяна Грибанова – родилась и живёт на Орловщине. Окончила ИНЯЗ ОГПИ. Работала преподавателем иностранного языка. Член Союза писателей России с 2009 года. Автор 15 книг поэзии и прозы. По произведениям снято 17 мультфильмов. Издан песенный диск «Шёлковый ветер». Публиковалась в журналах: «Берега», «Наши современники», «Родная Ладога», «Роман-журнал – XXI век», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Огни Кузбасса», «Север», «Подъём», «Простор», «Великороссь», «Дон новый», «Волга – XXI век», «Немига новая», «Аргамак», «Александръ» и др. Лауреат множества литературных премий.

И ХЛЫНЕТ В ДУШУ ПЕРВОРОДНЫЙ СВЕТ

* * *

Родные старые просёлки,
и свечи сосен вдоль обочин,
и в лужах облаков осколки,
и дробь дятла многоточьем.

Просёлки – снять да подорожник,
суглинок, стёртый в блеск подковами...
На них века крошились в крошево,
в пыль придорожную полóвую.

Я им знакома по обличию –
ах, сколько вместе нами пройдено!
Пишу: про-сё-лок по привычке я,
рука сама выводит: ро-ди-на.

* * *

Ты помнишь, как светлым-светло
феврálят щедрые метели?..
В избе и на душе – тепло,
сверчок за печкой свиристелит.

Искрит и просится в окно
заиндевелых птичек стая.
Ночь колдовским веретеном,
как шерсть, метель в клубки мотает.

И жмутся валенки к печи –
так укатались – не согреться.
А на столешне – калачи,
их сдобой дышат даже сенцы.

Кот извалялся ото сна,
мурчит о бабочках и лете.
И нет февральской ночи дна,
и нет конца ночной беседе.

Сусальной люлькою младик
висит над санною дорогой.
И осиян Пресветлый лик,
тот, что взирал с Божницы строго.

* * *

Февраль бесснежный. Нагота
простуженной до скрипа рощи.
Берёз на взгорье береста
надраена дождём – нет мочи.

Трав раскудлаченных кудель.
Суглинок – хоть на булку масла.
В рябью лужу свиристель
роняет алых ягод кляксы.

Ещё не видно птичьих строк –
пером не тронут серый ватман.
Но час придёт, наступит срок
и грянет март немолчным гамом.

Пусть этот грай, пусть этот шум
скорей наполнят лес и поле,
переполох и чувств и дум
в простор поманят за собою.

Пусть хлынет в душу солнце вновь –
от вёсен ведь не отвертеться!
И пусть нескладную любовь
март разматает, как наследство.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Крупую пшённой сыплет снег
на поле, луг, на лес и дом –
на весь просторный белый свет.
Как будто с лунным молоком
на всю Вселенную, на всех
ночь кашу варит на обед,
помешивая черпаком.

Поленья щёлкают в печи,
и в доме пахнет гарбузнёй¹.
О мамке вспомнив, в поздний час
там, где-то в сенцах, за стеной,
телёночек малой мычит...
Как тыщи лет, и в этот раз
Всевидающий бабулин Спас
лучит любовь из-за свечи.

* * *

Пусть небо метели пророчит –
то Суриков, то вдруг Грабарь, –
форзиций беременны почки,
и Сретеньем дышит февраль.

Пусть лучшее кануло в Лету,
но станешь ли помнить о том,
когда залихватски с рассветом
синицы звенят под окном?

И в солнечный полдень с откоса
на речку сбегают гурьбой
купаться в протоке берёзы
в короне ветвей золотой.

И ночью всё чаще не спится.
Не стерпишь, уйдёшь на крыльцо
ветров свежестиранным ситцам
подставить навстречу лицо.

* * *

Что ни говори, а песня спета –
на крыло становится февраль.
Время Сретенья зимы со Светом,
светлых встреч... Завьюженных не жаль.

Шёлк небес помят, но крепко выжат.
Мысли больше не летят вразнос.
И сусаль по венам – прямо с крыши.
Кроме шуток! Я до слёз всерьёз.

Исцелит, затянет кракелюры.
И заштопает себя душа...
Зарастёт полынками к июлю
меж сердцами нашими межа.

ПОСТНОЕ

Гулко, строго и весома
колокол смиряет даль.
На реке с глухих потёмок
бьётся в крошево хрусталь.
Через доли, через поле,
видно, так ему с руки,
едет Март на шатких дровнях,
вдоль промоин, напрямки.

Ранней ранью стёжкой зыбкой
на пригорок поднимусь, –
в ивовой плетёной зыбке
сном рассветным дремлет Русь, –
и, прильнув к округе слухом,
осеню себя крестом...
Вдруг печным потянет духом –
с полверсты родимый дом.

Там, куда не кинешь взором, –
горсть берёз, полынь да тишь...
По-над речкой, на просторе
два ряда линиялых крыш.
И над каждою – скворечня,
и под каждой теплит жизнь,
и одно – на веки вечно:
выживай-молись-крепись.

Вдоль дорог – клоки соломы...
Воронья с кладбища стон...
Тот же,
испоконь знакомый,
долгий,
вещий
русский сон.

* * *

Пропах землёю талой двор,
листвой прогорклой.
Скребётся лужа о забор
златым осколком.
Смотрю в окошко: в купырях,
как в куцах рая,
румяным яблоком заря
с ветвей свисает.

¹ Гарбузня – тыквенная, пшённая каша.

И вечер, тихий и льняной,
пролеской вышит.
Рогатый, но ещё слепой
младик над крышей.
А воздух, словно молоко, –
белёс и влажен.
И кто-то скачет далеко
просёлком нашим.

В дому тепло, свистит щегол
задорно в клетке.
Плетёт корзинки для грибов
на лавке дедка,
толкует вести из газет,
ест тюрю с хлебом.
Лучит с божницы постный свет
букетик вербы.

* * *

Отфеврало! И светом
затопило Божий мир!
Угомону солнцу нету,
воздух – розовый зефир.

День мигнёт в делах несчётных,
канет солнышком в разлив,
слово к слову, словно соты,
встанет ряд весенних рифм.

Это срочно свиристели
покидают отчий край.
Слышишь? – март своей капелью
поднял пёсий перелай.

Это – чуешь? – у проталин
дзынькнул звонкий первоцвет.
С колоколенки сусалью
Благовест пролил рассвет.

МАСЛЕНИЧНОЕ

Когда румяный солнцеликий блин,
весь в дырочках веснушчатого цвета,
взлетит над белым полымем долин,
как будто в русской печке над загнеткой,

вдруг о порог затокает капель,
и шмыгнет луч сквозь кружевные тюли,
изба гулюкнет, словно колыбель,
очнётся день и закипит, как улей.

Взойду прорыхлой стёжкой на холм –
канун зимы, лазурь небесной дали,
и над рекой – умытый белоствол,
и полынья в чешуйчатой сусали.

Вот-вот земля, как суету сует,
снега стряхнёт, до них теперь ли дело!
И хлынет в душу первородный свет
из всех земных и неземных пределов.

* * *

До мозолей укатанный предками лихо летит
меж бурьянов просёлок по снежному взгорью.
И навстреч ему ветер с околичных старых раки,
словно сам Кудеяр, то в два пальца разбойно свистит,
то, как баба в причет, вдруг поделится горем.
А заря – крылья – шшшух! – и сложила во весь горизонт –
в тридцатое царство за лес улетает.
Белокрайкою¹ темь навевает несбыточный сон:
мол, все живы... лучит в пять окошек родительский дом...
Глядь, а след и за мною уже замечает...

¹ Белокрайка – в своё время в каждом русском сундуке водилась такая шаль.

Поэзия

Владимир Фадеев

Владимир Алексеевич Фадеев – родился в 1954 году в городе Лыткарино Московской области. В 1977 году окончил кафедру атомных электрических станций МЭИ. Много лет работал на энергетических установках в системе Средмаша. Педагог-историк, художник. Член Союза писателей России. Автор более двух десятков книг, в том числе трёхтомника прозы «Повести 80-х. Время безвременья», романа-эпопеи «Возвращение Орла» (гран-при Московской литературной премии-биеннале 2022 г.), повести «Остров ССО» и пятнадцати сборников стихов. Лауреат премий им. Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова и Международной премии «Литературный Олимп». Живёт в Москве.

* * *

Дождались – весна на российских просторах!
Резвятся русалочки дочки в озёрах.
И майских жуков меднокрылые бонзы
Родню созывают из золота и бронзы.
Ах, майские сумерки! Нега и сырость!
Дымы и гитара, как счастье на вырост,
На звёздных качелях надежды качанье,
Цветенье – не просто плодов обещанье,
Цветенье – смертельный экстракт вождельенья
Вначале – слиянье, лишь после – деленье.
Русалочки дочки в озёрах играют,
Ах, если б вся жизнь состояла из мая!
Ах, если б всю жизнь всё цвело и кипело!
И пело – с гитарою иль а капелла!
Какой ненасытной – зелёной и влажной,
Хвалился б я неутоляемой жаждой!
С каким нетерпеньем у белых сиреней
Торопятся рваться набухшие почки!..
Чу!.. учатся петь у заморской сирены
Смертельную песню русалочки дочки...

* * *

На мудрецов лекала нет,
Всяк по своей линейке чертит:
О жизни плачется поэт,
Философ думает о смерти.

Так обнажат два умника на миг
Два сомнения из ножен:
Ничтожный будет думать, что велик,
Великий сокрушаться, что ничтожен.

* * *

Закат – прообраз конца света –
Лиловый, пурпурный, багровый.
Бог миллионы раз об этом...
А мы – не готовы...

А мы на краешке межи
Сидим, завалены вещами,
И вдруг поймём, что наша жизнь
Всего лишь ритуал прощанья.

Уйдём, уедем, улетим?
Печаль всё круче.
Ничто не нужно нам в пути
Из этой кучи.

В баул дорожный не сложить
Всех масок платья...
Зачем же, Господи, мы жизнь
На это тратим?

Свисток кондуктора – врасплох!
Перрон отчалит,
И грустно усмехнётся Бог
Твоей печали...

* * *

Не падать в пропасть от бессилья,
Но прыгнуть в бездну, веря в то,
Что вырасти успеют крылья,
Пока ты падаешь на дно.

ГАРМОНИЯ И КРАСОТА

Гармония брюхата красотой
В любом из измерений и пределов,
Она богата красотой.
А той
До материи-гармонии нет дела.

Не к месту вспыхнет, без следа сгорит
И зарыдать заставит огнеборца
Корявою полоскою зари,
И ей плевать на таинство пропорций...

В гармонии сокрыта красота,
А та,
Покинув золотую хризалиду,
Пускается так путано летать,
Что ни гармонии, ни вида,

Ни смысла нет в маршрутах завитых
Беспечностью расцвеченной подёнки...
Но почему ж от этой красоты
Выпрыгивает сердце у ребёнка?

Есть что-то выше круга и креста
И золотых сечений антиномий,
Которые помирят красота –
Седьмая производная гармоний.

СЛОВА

Слова от века равносущи свету:
Произнесём – откроется Сезам,
И мы увидим стороны предмета,
Которые невидимы глазам.

Произнесём – и миллионы нитей
Свивают в образ мировую тьму,
И нам доступна тайнопись событий,
Которая неведома уму.

* * *

У цифры суть – дискретность и дробленье
Всего, что есть: хоть страны, хоть умы.
Соединяет – Слово. К сожаленью,
Всё реже Словом пользуемся мы.

На цифре всё – «самсунги» и «леново»,
И чёрт в жаровне, и игла в яйце.
Дух, поднятый в начале мира Словом,
Опущен будет цифрою в конце.

Тогда сотрутся грани и границы,
На пиксели раскрошат лик Христа.
И под ярмом нуля и единицы
Умрёт Земля, безвидна и пуста...

* * *

Родятся гении в глубинке,
Где лес дремуч и берег крут,
И как привычно, по старинке,
Они в глубинке и умрут,

Навек растаяв в междусветье.
Лишь вспомнят бабки иногда,
Как в крайнем доме над поветью
Горела странная звезда.

Вздохнут волхвы: маяк потушен!
Зато с улыбкой сам Творец
Добавит трепетную душу
К своим сокровищам в ларец.

Он копит их. И в час конца
Давно разученным движеньем
Достанет души из ларца
И совершит Преображенье.

* * *

Жизнь коротка, но это ли беда?
Беда – коль выбрал путь негодный.
Свернул – и путеводная звезда
Перестает быть сразу путеводной.

«Преграды обходи с умом!
Неси витым путём свою планиду!»
А я готов и в лоб и напролом,
Лишь только б не терять звезду из виду.

ПОЭТ И ФИЗИК

В одной душе – поэт и физик,
Два тона для одной струны,
Простейшая из всех коллизий,
Как пифагоровы штаны.

Уйдут две яхты от причала,
На Флагах – «Рифма» и «Закон»,
Им с одинаковой печалью
Платки помашут из окон.

В мечтах поэта больше прити,
Зато у физика в крови
Интерференция наитий
И гравитация любви.

Деленье сверхтяжёлых мыслей
И, незаметные на вид,
Ионизация корысти
И радиация обид.

Деленье ядер Судьбы на части,
С надеждой в ворохе кусков
Найти хотя б осколок счастья,
Свободный от её тисков.

Из двух одно не смог избрать я,
Но укротил в душе бедлам
Мечтой на путь к мечте – в квадрате,
Ну и, конечно, пополам.

Когда два странника причалят –
Причал, увы, один на всех!
Одной верёвкой их зачалят
За ржавый однорогий кнехт...

* * *

Сужается земная колея,
Всё ближе час, когда оставлю пост.
Скажи, кому о смысле бытия
Мне задавать единственный вопрос?

Какой ответ дано услышать мне?
Ведь близок странный миг, когда
Я пробегу по снежной целине
И, оглянувшись, не найду следа.

Тогда синица выпорхнет из рук
И – за море, на тихое житьё,
И самая крутая из разлук
Не всколыхнёт спокойствие моё.

Исполнится желанье детских лет –
Лететь и не бояться высоты,
И на незаданный вопрос ответ
Услышать пустотой из пустоты...

СЧАСТЬЕ

Счастье шьют из лоскутов,
Чаще – на живую нитку.
Одеяло ли, пальто,
Паруса или накидку.

Как мгновения сладки,
Не сказать обычным словом,
Коль совпали лоскутки
Для нечаянной обновы.

Лишь бы выдержал уток –
Может быть и трижды слаще,
Коль пришьётся лоскуток
Вроде и не подходящий.

Разномер и разноцвет,
Но сошлись цвета и длины,
А за ними белый свет
На тебе сошёлся клином.

Бабье лето – звень и цветь!
Счастье – вот оно! Однако ж
На живую нитку ведь
Одеяло сшила Макошь.

Чем прекраснее цветы,
Тем цветенье быстротечней.
Паруса рвёт в лоскуты
Долгой жизни ветер встречный.

И останется одно –
Видеть в счастье пережитом,
Из каких кусков оно
Было сшито...

Поэзия

Валентина Коростелёва

Валентина Коростелёва – родилась в Кирове. После окончания Литературного института им. М. А. Горького переехала в Подмоскowie. К 2025 году издано 23 книги, из них 14 поэтических. Сотрудничает со многими литературными журналами. Лауреат литературных конкурсов: им. А. Платонова, А. Толстого, А. Дельвига, Н. Заболоцкого, «Добрая лира», «Литературная Вена» и др. Обладатель «Золотой Пушкинской медали» Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ. Живёт в подмосковной Балашихе.

СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ

Ночи последние минуты –
И оставляет сон меня...
Как хорошо проснуться утром
Уже при белом свете дня!

Ну, здравствуй, жизнь, опять мы вместе,
И в завтра хочется идти,
Уже в душе созрела песня,
Что не изменит мне в пути,

Ещё сказать так надо много,
И пусть судьба нахмурит бровь,
Но светлый день зовёт в дорогу,
Где живы правда и любовь!

ВЫ УХОДИТЕ, ДРУГИ МОИ...

Валентину Сорокину

Вы уходите, други мои,
В те края, где небесные вести...
Но весною поют соловьи
В вашу честь свои лучшие песни!

И вино, что стоит на столе,
Воскрешает бессмертное слово.
Вы, познавшие ад на земле,
Обращаетесь к миру с любовью!

...Хватит строить судьбу на крови,
Разве дети мечтают об этом?..
Пусть же ваши уроки любви
Никогда не забудет планета!

Хватит страшных – и былей, и снов,
Пусть счастливо ребёнок смеётся!
Продолжается бой за любовь,
Продолжается битва за солнце!

В РАЮ

На улице опять дожди и лужи,
Но есть диван, и в доме – ни гу-гу...
С закрытыми глазами птиц послушать
И вспомнить рай на вятском берегу,

Где нету места ни тоске, ни боли,
Где время помнит вековечный ход,
А у реки – купальниц жёлтых поле,
Которое зажёт опять восход,

Где каждый звук – волшебная загадка,
А сердце – у восторга на краю,
И поцелуи щедрые в палатке, –
Как и бывает на земле в раю...

ЖДУ ПИСЬМА

Нету снега и радости, пусть.
И сковала предательски грусть.
Жду письма, жду письма, не дождусь,
Всё напрасно, за что не возьмусь.

Жду письма. Хоть словечко одно!
Хоть синичка в холодной руке,
Хоть картинка всего, – не кино,
Хоть один сердолик на песке!

Жду письма, все дела – на нуле,
Ожидание – пытке сродни.
Лишь рисует мороз на стекле
Уходящие серые дни...

ХРИСТОВО СЛОВО

Котлеты и вареники,
А под землёй – алтарь...
На фронт идут священники,
Как это было встарь.
Что – слово перед битвою?..
У них такое есть.
Бог бережёт молитвою,
И в этом Божья честь.

ИЛЬ СОВСЕМ ЗАБЫЛИ?..

Не случайно блекнет небо сине,
Рвётся погасить его война...
Варвары, отстаньте от России!
Чем опять мешает вам она?
 Повод краснотой обыгран, –
 Мол, характер у Руси крутой...
 Обернутся снова эти игры
 Для народа вашего бедой,
А быть может, и для всей планеты...
Словом, «перспективы» таковы.
Вороги божественного света, –
Верьте, не сносить вам головы!
 Иль совсем забыли о Победе,
 Тянет снова на колени встать?..
 Не дразните русского медведя,
 Коль хот-догом не хотите стать!

И В КАРМАНЕ...

Ночью сны толкутся
То путём, то так...
Хорошо проснуться –
Это не пустяк.
 ...Скатишься с постели
 В сонной полумгле,
 Голова – отдельно,
 Тело – на нуле,
И вообще не сладко...
Но прогонишь лень,
Сделаешь зарядку –
И в кармане – день!

В.К.

НЕ ХУЖЕ

Мы на земле огромной
Все, в общем, – сёстры, братья.
Но чувства всё же выше,
Как их не именуй.

Ты пишешь: «До свиданья»
И «С дружеским объятьем...».
Но дружеский, наверно,
Не хуже поцелуй...

РАТЬ ГРЕМУЧАЯ

Пока страна геройски воевала,
Орда мошенников на Русь напала.
Опять с утра «кусает» телефон,
И он попал мошенникам в полон!
 И я на их посылы попадала,
 Хотя немало в жизни повидала.
 Роятся, как на дереве листва,
 И в срок берут уроки мастерства.
Взываю к вам, родные сёстры-братья,
Дадим отпор гремячей этой рати,
Что сеет безнадёгу, беды, гнусь, –
Пока в сетях не оказалась Русь!

РОДНИК

Побалуй, говорит земляк, – стихами,
И не откажешь в просьбе земляку!
Известно, что стихи снимают камень
С души, с пути, с тропы на берегу.
 В словах хороших нету недостатка,
 Ещё могуч родительский язык,
 А если нас навек связала Вятка, –
 И жажду утолит один родник!
Оставить за спиной овраги, рифы,
Вернуться к самой главной из основ, –
Поговорить – и просто так, и в рифму,
Тем более немного надо слов!..

НЕ ВПРОК

Столько расплодилось гнусной чепухи...
Разгулялся вирус, щедрый на грехи.
Глянешь в телевизор – только ох да ах,
А всего-то нужен перед Богом страх.

Катится планета без оглядки вниз,
Ныне правят светом жадность да каприз.
А кому по нраву нечисти клубок?
И Господь в терпенье вовсе изнемог.

А ведь он когда-то очень щедрым был,
Он из жалкой твари гениев лепил.
Но его заветы, кажется, – не впрок:
«Не пора ль планете преподавать урок?..»

Поэзия

Егор Козлов

Егор Козлов – родился и вырос в Туле. В 2013 году издал первую книгу «Страна Цветов», после чего стал регулярно публиковаться в литературных сборниках родного края и Российской Федерации. Руководитель ТРОО «Школа литераторов имени писателя Виктора Пахомова “Пегас”» и главный редактор международного альманаха «На крыльях “Пегаса”». Академик Международной академии русской словесности в Австралии, почётный член Международной академии современных искусств. Лауреат литературной премии им. В. Ф. Пахомова, призёр литературных конкурсов «К нему не зарастёт народная тропа», «Ступени» и «Тульская Легенда», финалист и обладатель специальных дипломов Международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы».

Награждён памятной медалью «М. Ю. Лермонтов. 1814–1841», почётной памятной медалью участника Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы», медалью «Подвижнику просвещения» в память 300-летия М. В. Ломоносова от общественной организации «Общество “Знание” России» и бронзовой медалью Международного конкурса «Искусство. Совершенство. Признание».

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО РОССИИ

Поэтический цикл

ВЛАДИМИР

Едва заметен шаг,
Застроенный Владимир,
А ночью – будто вымер,
Пустой бордовый флаг.
Шаги. Опять шаги,
Меж улочек и кочек
Потерянный комочек
И только сапоги...
Один на целый мир,
Лохматый и голодный,
Он ищет путеводный
И тёплый свет квартир.
А город – выше звёзд!
Дома как часовые,
Ворота золотые
Проводят жёлтый хвост.
Медовое такси,
Умчится цепь прохожих
Тех мест, что были всё же
Столицею Руси.
И дождь опять свиреп,
И вот пропал котёнок,
Но подрастает... львёнок
И, кажется, окреп.

А город всё живёт,
И львёнок златогривый...
На герб и флаг ретивый
Владимира взойдёт.

1 ноября 2023

ИВАНОВО

Был в дороге, заново,
Чтоб себя найти,
Тихое Иваново
Встретив на пути.
Исходив Отечество,
Словно древний князь,
Здесь нашёл купечества
И усадеб вязь...
Жизнью многогранную
Полон город грёз!
Скатерть белотканную
Расстелил мороз.
И у древней паперти
Стен монастыря,
На такой же скатерти
Я нашёл... тебя.

В нежном цвете золота,
И с огнём в глазах...
И не стало холода
В солнечных лучах.
И любовью светлую
 Был согрет мой дух,
 Но слова заветные
 Не сказал я вслух.
И на утро – заново
Я умчался в путь.
Но забыть Иваново
Я не смог ничуть...
 А душа – расколота,
 Жизнь велит бежать...
 Я не мог без золота –
 И не буду ждать.
Душу нестерпимую
Новый ждёт заезд,
Чтоб найти любимую
В городе невест!

8 октября 2023

КОСТРОМА

День стоит над миром долго
В летний вечер, средь стогов.
Величаво льётся Волга
Меж зелёных берегов.
 Первозданные дубравы,
 Деревенский дым печной...
 Что ни детство, без забавы
 Не обходится иной!
Поутру – блины да сушки,
И на волю – до зари!
Костромских земель частушки
Звонко пели у двери.
 Колосилось наше лето,
 Деревенских песен звон
 Нам дарил тепла и света,
 Зажигая небосклон...
А потом... исчезли песни
И колядки у избы,
И огонь души небесный
С берегов прогнал дубы.
 Город стал смелей и старше,
 А деревни – нет и нет...
 Новостройки движут маршем,
 Многоцветья скрыв букет.
Но я верю! Всем известный,
Словно ветер и призыв,
Костромской старинной песни
Не забудется мотив!

11 октября 2023

ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ

Был мой путь по России столь долог,
Меж лесов, горных пиков крутых
Дух по свету искал... тихий полог
У источников древних, святых.
 Будто птица, летел к горизонту
 И нашёл, словно был возрождён,
 Переславля-Залесского контур,
 Утонувший в пучине времён.
Стал мне домом затерянный призрак,
Как когда-то для тысяч людей,
Как Плещеева озера риза –
Колыбелью флотилии всей.
 Где Петра пробуждались устои,
 Первый ботик стремительно плыл...
 Где оставил я сердце в покое
 И о прошлом навеки забыл.
Только дни бесконечным потоком
Не могли завершиться тогда...
И святым древнерусским истокам
Предпочёл стран других города.
 Жизнь идёт в переменах и масках,
 Не вернуться. Не скрыться от них...
 Только в ярких, затейливых красках
 Древний город во мне... не утих.
И когда разломается громко
Догоревшее сердце в груди...
Переславля-Залесского контур
Снова встречу на долгом пути.

30 октября 2023

РОСТОВ ВЕЛИКИЙ

Ветер прогнал нездешний
Ворох голодных бурь.
Тихо, едва неспешно
Город вдохнул лазурь.
Прошлых эпох проклятий
Долго призыв стихал...
Свет от былых распятый
Церкви короной стал.
 Кремль очертит купол –
 Жемчуг в кольце времён.
 Словно во тьме нащупал
 Цепь вековых имён.
Холод отринув дикий
Там, где звенят мечи,
Дышит Ростов Великий
Жаром сердец в ночи...
 Песней ростовских звонов
 Льётся рассветный взрыв,
 Красками всех сезонов
 Новый сезон открыт!

Лицами тех прохожих,
 Кто не смыкал очей...
 Больше в судьбе погожих
 Станет однажды дней.
 Лики икон святые
 В наших придут сынах...
 Снова кольцо России
 Златом взойдёт в сердцах.
 Снова настанет завтра,
 Тихо, без лишних слов...
 Звёзд потускнеет карта.
 Будет стоять Ростов.

2 ноября 2023

СЕРГИЕВ ПОСАД

Семь веков – горит над Русью злато,
 Мастеров и живописцев град.
 Почитаем – нерушимо, свято
 Знаменитый Сергиев Посад.
 Помнит он и Дмитрия Донского,
 Годунова – и двадцатый век...
 И обитель Сергия святого,
 И монгола бешеный набег!
 Стук копыт – гремящие литавры,
 Призывал всех воинов на сбор
 Заповедной, знаменитой лавры
 Нерушимый Троицкий собор!
 Неизменны красные казармы,
 И уют прадедовской избы,
 И веселье площади базарной
 В окантовке бархатной резьбы...
 И в глуши Черниговского леса
 Где ходили Пришвина следы...
 Под защитой призрачной завесы
 Вдруг возникнут тени у воды.
 Их тропа – навеки рядом с нами,
 А судьба – за Родину стоять.
 Их дела не сгнули с годами,
 Мы о них не смеем забывать!

4 октября 2023

СУЗДАЛЬ

Год прошёл, мир не ведает устали,
 Луч заката сверкает в росе,
 В многоликом, сияющем Суздале
 Он растаял в янтарной красе...
 Крон душистых леса изумрудные,
 Словно звёзды небесной оси,
 Сберегая поляны запрудные,
 Обрамляют корону Руси.

Тихий ветер. И домики славные,
 Купола, не сменившие цвет...
 Город помнит века свои давние,
 Простояв ровно тысячу лет!
 Дремлют крепость, собор Богородицы,
 Провожая нас в долгий полёт,
 Где с рассветом все линии сходятся
 И где каждый душою живёт.
 Где всё дышит историей доблестной,
 А природа – родная сестра.
 Заповедник Владимирской области
 Просыпается с нами с утра.
 Поднимая все главы великие
 Белоснежных и древних церквей,
 Вспоминает столетия... дикие –
 И красу возрождённых полей.
 Он не плачет. Не гонит минувшее
 И богатство веков стережёт.
 И лишь кроны, день прошлый страхнувшие,
 Новый ветер пускают в полёт.

25 октября 2023

ЯРОСЛАВЛЬ

Потерянный журавль все тучи неба сплёл,
 Дождливый Ярославль из прошлого взошёл.
 Ненастная погода съедала цепь мостов
 Под серым небосводом осенних сквозняков.
 И так же, как другие, не видя в небе птиц,
 Я вёл дела мирские, не зная им границ.
 Не помня, как же долго не знал покоя дух...
 То знала только Волга, но был я к миру глух.
 А мир старел, и падал, и снова восходил,
 Но кто вопрос бы задал о том, чем красен мир!
 Над древними церквями менял свой город цвет,
 Был избран он князьями столицей Смутных лет.
 И краше ярославских не видел я дорог!
 Но чисел вновь арабских собрать уже не мог.
 Работа... и работа, а дождь сильнее взял...
 И нет на свете счёта осенним хмурым дням.
 И старый Ярославль унынья смоем грех...
 И вновь летит журавль, невидимый для всех.

22 октября 2023

Берега юбилеев

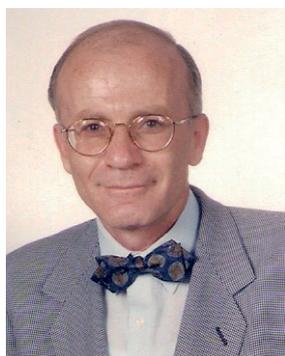
Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор литературного журнала «Берега»-Калининград, секретарь Союза писателей России, кандидат философских наук, член президиума Международной академии русской словесности, член Союза писателей Союзного государства, автор 38 художественных, историко-краеведческих, публицистических и научных книг.

СУХЕЙЛЬ ФАРАХ О РОССИИ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ

К 75-летию

В юбилейный год одного из ведущих философов современности, отмечающего своё 75-летие, следует отметить, что полвека его жизни посвящено науке России, литературе России, Православию, культуре.

Как написал государственный деятель Рамазан Абдулатипов, Сухейль Фарах – приобретение русской философии.

Мы вошли в роковой виток развития человечества, когда его сотрясают мощнейшие кризисы, когда духовная жизнь вошла в жестокое противоречие с вызовами технократизма, всё сильнее вытесняющего органику, а значит, и нравственный обычай, и духовные задачи. Мыслители-современники, такие как доктор философских наук, профессор, академик РАО и РАЕН, культуролог и религиовед, переводчик, писатель Сухейль Фарах, уделяют пристальное внимание цивилизационным процессам, о которых так много говорили и Питирим Сорокин, и Владимир Вернадский, и другие учёные и философы человечества.

С именем Сухейля Фараха связано важнейшее направление в современной научной мысли в области философии культуры, цивилиграфии, этического и аксиологического аспектов в науке на пути «образования человека», противостояния невежеству в научном созидании, в «поисках гармонии между человеком, матерью-природой и отцом-космосом», в процессе постижения явления русского космизма и истоков ноосферного разума.

«Человек мира» с русской душой – эта характеристика прочно укоренилась за именем Сухейля Фараха, философское творчество которого – это вселенная духовности, в сознательном служении которой много жертвенности со стороны самых сильных мыслителей современности с апокалиптической тональностью в пространстве нравственности и этики.

«Гражданина мира» видит Сухейль Фарах в почитаемом им писателе Фёдоре Михайловиче Достоевском, которому он посвятил ряд своих работ, отмечая на огромных российских пространствах, раскинувшихся в пределах Евразии, отмеченных особой цивилизационной идентичностью, «мы обнаруживаем отличительный знак – некое благоухание, запечатлевшееся на сущности России и на её судьбе. Это всегда имел в виду Достоевский, когда говорил: «Быть истинно, совершенно русским – это значит быть до конца братом всем народам на Земле... В этом наивысшая цель русской идеи». Для Сухейля Фараха Достоевский – писатель, стремящийся к истине, его русская идея – всеобъемлющая и общемировая.

Широко известна деятельность Сухейля Фараха как представителя двух культур: арабской и российской, носителя и разработчика духовно-нравственной идеи диалога цивилизаций, необходимой человечеству для сохранения и продолжения жизни на планете Земля, его глубокие и проникновенные исследования творчества А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского как автора известного на русскоязычной планете литературно-художественного журнала «Берега», членом редакционного совета которого является Сухейль Фарах.

Изучив монографии доктора философских наук Сухейля Фараха, могу отметить, что они погружают читателя в актуальную тему причин возникновения и исчезновения цивилизаций. В контексте угроз, нависших над нашей планетой в виде ядерной войны, в экологической катастрофе и духовно-нравственной деградации человека, раскрывает он важнейшую роль диалога и партнёрства цивилизаций и государств в условиях грандиозных трансформаций на планете.

Книги Сухейля Фараха опираются на научные теории социологов, учёных из разных стран мира, актуализируя цивилизационную русскую школу как эпицентр гуманистической направленности, обогащая стратегию культуры диалога между цивилизациями, противостоя теории о превосходстве какого-либо одного мировоззрения. Такие книги дают нам уверенность, что человечество преодолет все кризисы, выйдя на язык диалога и партнёрства.

Участвуя в конференциях, организованных профессором Сухейлем Фарахом, публикуя его работы, посвящённые диалогу цивилизаций, поэзии Александра Сергеевича Пушкина, идеям всемирной отзывчивости Фёдора Михайловича Достоевского, а также написав отзывы на его книги: «Культура спасет мир» (в соавторстве с Фаудом Мамедовым), «Российская цивилизация: энергия пространства и человека», «Мир цивилизаций. Есть ли будущее?» (в соавторстве с Ю. В. Яковцом), сборник «Тайна вечности А. С. Пушкина», хотела бы отметить его значительный вклад в работу Группы стратегического видения «Россия – Исламский мир», круглых столов, организованных ЮНЕСКО и Альянсом цивилизаций Организации Объединённых Наций.

Автор данной статьи не выступает в роли верховного судьи научной деятельности Сухейля Фараха, а пишет с позиций эмпатии и единомыслия, духовного сора́тничества в условиях векторного времени человечества, стремящегося на наших глазах к трагическому обнулению, раскрывая перед читателями духовное опознание мира, его внутреннее оформление, чтобы обрести спасительную точку опоры.

Профессор С. Фарах несколько раз выдвигался на Нобелевскую премию, награждён медалью «Дружба народов – Единство России», медалью А. С. Пушкина за большой вклад в укрепление дружбы и сотрудничества с Россией, в 2011 году был избран в России Человеком года в области науки.

Читатель исследований Сухейля Фараха обретает подлинное откровение истинных начал высшего духа, тысячелетиями подпитывающего человечество, открывая высочайшие грани человеческого духа.

Пророческий высший смысл у книги «Российская цивилизация: энергия пространства и человека».

Борьба за лидерство в духовных и творческих процессах – одна из актуальнейших тем мыслящей планеты. Сухейль Фарах выводит Российскую цивилизацию на вершину духовного оформления человечества. Учёный осмысливает «извечные, страстные, противоречивые стремления к духовности русского человека и народа в целом».

Русский народ – покоритель бескрайних просторов планеты. Рассматривая географическую среду и особенности природы России, Сухейль Фарах подчёркивает важность влияния ландшафта на формирование национальных качеств, на психологические особенности, на специфические черты личности, на взаимовлияние между территорией и человеческим коллективом. Жители России, как национально-географическая общность, благодаря своей духовной мощи сложились в процессе созидательной деятельности в уникальную цивилизацию. Освоение огромных территорий и адаптация к новым условиям сформировали у жителей России коммуникативные способности, коллективную солидарность, психологическую стрессоустойчивость. Вызовы природы, суровые условия повлияли на противоречивые черты характера, в котором суровость граничит с проявлением ласки и нежности, сочетается терпение с бунтарством, притом «типологические черты отдельного индивида не мешали народу России создать одну из самых мощных на планете цивилизаций, способных повлиять на судьбу человечества в целом».

Система культурных ценностей Сухейля Фараха и его соавторов включает высокий уровень знаний, интеллект, культуру политических и экономических решений, духовную безопасность развития человечества на путях объединения усилий носителей ума и света, обладателей духовного родства. Сухейль Фарах и соратники утверждают духовное восхождение через совместимость рас в совместных действиях, в радости сосредоточенности на цели, что выводит их мировоззрение на космическую масштабность Божественной сути человеческой жизни.

Академик Сухейль Фарах в своих неоднократных интервью подчёркивает, что новая область его исследования сосредоточена на ряде базовых принципов в философской, исторической, социокуль-

турной и геополитической областях. Его мысли сосредоточены на планетарной и человеческой целостности цивилизации. На современном этапе цивилизации сталкиваются с глобальными рисками, одним из существенных среди них является экологический кризис. «Если отсутствуют научный разум и моральные ценности – то начинается энергия разрушения. Поэтому наша цель – партнёрство различных цивилизаций, религий, научных знаний и преодоление противоречий между ними».

Каждый раз, приобщаясь к опыту научной деятельности Сухейля Фараха, я открываю её новые нюансы. В качестве примера приведу Круглый стол «Россия и арабский мир: встреча двух цивилизаций» (2023) с участием учёных-востоковедов и специалистов в области международных отношений из Казани, Москвы и Санкт-Петербурга. Модератором выступил академик Российской академии образования, доктор философских наук, профессор Сухейль Фарах, который рассказал о том, что планируется провести целый ряд подобных Круглых столов на темы: Россия и Индия, Россия и Китай, Россия и Европа. Меня удивила и даже восхитила Ассоциация выпускников российских вузов в Бейруте, где проходил форум, посвящённый взаимодействию между существующими в регионе организациями выпускников российских и советских вузов и их вкладу в укрепление сотрудничества арабских народов с Россией.

Свыше 60 делегатов из 10 арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки приняли участие в форуме с главными темами: «Россия и новый мировой порядок» и «Роль выпускников в борьбе с русофобией».

В своих работах академик Сухейль Фарах неоднократно обращается к теме семьи, рассматривая её в историческом процессе культурного развития, что имеет огромное значение, так как создание семьи стало способом организации, развития и преемственности человеческой жизни. Учёный подчёркивает, что исключительное значение семьи для понимания логики государственного строительства и управления состоит в том, что, в сущности, семья является прообразом первых государств человечества, заложивших основу первых цивилизаций.

Пифагор сравнивал жизнь с большим и многолюдным сборищем на олимпийских играх, где одни ищут славу, другие – прибыль, а третьи – опыт для наиболее разумного устройства своей собственной жизни, своей собственной семьи.

Человек, оглядываясь вокруг, изучая жизни и судьбы других людей, представителей других культур, совершенствовал свой разум, формировал философию жизни, осуществлял выбор жизненного пути. Мишель Монтень говорил о том, что мир – это зеркало, в которое человек должен смотреться, чтобы познать самого себя. Этот подход, по Фараху, справедлив и в отношении семьи.

Чрезвычайно привлекателен в философии Сухейля Фараха космо-ноосферный подход. Он делает вывод, что, наряду с необходимостью оказания науке всяческой материальной и идейной поддержки, существует и другая необходимость – сместить вектор развития науки (и учёных) в направлении «нравственного и аксиологического» измерения. Именно здесь кроется величайшая мудрость науки.

Эта идея занимала умы величайших учёных, которых породило двадцатое столетие: Сорокина, Циолковского, Вернадского и многих других. Этот великий русский мир, считает Сухейль Фарах, обладает философским и нравственным зрением, которому сопутствует видение будущего. Это позволяет его представителям занять заслуженное место в ряду гениев человечества, направивших вектор развития науки к созиданию, к переходу от эпохи биосферы (область естественного) к ноосфере (область живого). Поэтому ноосферная трансформация цивилизаций становится сейчас неотложной задачей, которую необходимо решить в течение ближайших десятилетий, ибо после этого дальнейшее развитие по инерционному пути и существование человечества будут поставлены под угрозу.

Профессор Сухейль Фарах, анализируя современное общество и размышляя о фундаменте образовательного процесса, настойчиво говорит о гуманистических ценностях: о культуре уважения, любви, доверия, справедливости, достоинства, свободы, добра, красоты, творческого согласия между человеческим, природным, божественным и космическим началами, и этого достаточно для того, чтобы направить человеческую личность на созидание заветной гуманистической культуры.

В России дорожат и высоко ценят слова философа: «Я люблю Россию не только сердцем, но и разумом». Он позволяет видеть слабые черты русского характера и менталитета, анализировать их, по возможности превращать в достоинства. «Тот положительный дух России, который вижу я, позволяет мне утверждать: Россия – это душа планеты».

Берега юбилеев

Юрий Баранов

Юрий Баранов – прозаик, поэт. Член Союза писателей России с 2009 года. Родился в 1946 году в городе Замостье (Польша). Офицер в третьем поколении. Окончил Тамбовское высшее военное авиационное училище лётчиков им. Героя Советского Союза Марины Расковой и Мичуринский государственный педагогический институт (факультет русского языка и литературы). Много лет прослужил в частях ВВС в разных регионах страны. Уволен с военной службы в 1992 году по возрасту и выслуге лет в звании подполковника. Жил во многих городах СССР. В Иркутск переехал в 1988 году. С 2010 по 2023 год – директор ОГАУ «Иркутский Дом литераторов». Также в настоящий момент является главным редактором журнала «Сибирь». Автор гимна Дальней авиации ВВС России (официально принят в 2004 году). Лауреат многих литературных премий. Баранов-офицер награждён шестью медалями СССР, двумя медалями ГДР, а также медалями и почётными грамотами различных общественных организаций. Награждён медалью им. М. Шолохова (2020). В 2021 году стал лауреатом национальной премии «Имперская культура» им. Э. Володина, в этом же году писателю было присвоено звание «Заслуженный работник культуры и искусства Иркутской области». Дважды лауреат премии губернатора Иркутской области. Живёт в с. Пивовариха Иркутской области.

«КОВАЛИ МНЕ ГОЛОС СЕМЬСОТ МУДРЕЦОВ»

ГОЛОС

Ковали мне голос семьсот мудрецов
На тайной заимке в Сибири.
И каждый, спускаясь с высоких гольцов,
Нёс в чаше из снега сапфиры.

Из тучи байкальской добавили грусть
И радость слепую дождинок.
А кедры шептали стихи наизусть,
Роняя узор паутинок.

И твёрдость булата, и бархат ночной,
И алая жертва заката
В горниле спеклись стихотворной парчой
И винным рубином муската.

Был голос певуч, и тревожен, и добр.
Раскинулся ветром Байкала.
Он вызвал и слёзы, и лёгкий озноб.
Но это...

Лишь только начало...

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ БАЙКАЛА

Звёзды спустились к морю,
Чтобы воды напиться.
С волною вовсе не споря,
На воду сели птицы.

Слушаю берег спулый.
Тихо, и не испугнуть бы!
Вижу, луна уснула.
Сжимаю сухие губы.

Словно боюсь стихами
Нарушить исповедь ночи.
Стихи напишутся сами.
Утро поставит точку.

Душа в покрывале мрака
Застыла, будто свеча,
Ждёт ли особого знака,
Иль солнечного луча.

Тайная жизнь Байкала,
Творящего волшебство,
Подсказка или начало?
Вечности торжество...

АПРЕЛЬСКИЕ МЕТЕЛИ

Сибирь. Апрельские метели.
В них изначальная краса:
И снега, ветра карусели,
И своеволя голоса.

Раскинув крылья, мчится выюга
И бьёт серебряным мечом.
Земли пятнистая дерюга
Исхлёстана ночным ткачом.

Восторги белые метели
Сменяет лёгкой дымкой грусть.
Плывут белёсо акварели,
А под ногами лёгкий хруст.

Ведь стать весны непобедима,
Неодолима, как Сибирь.
Зима крыла ломает зримо,
И плачет по зиме снегирь.

РАССЫПАЛОСЬ ЭХО

Цветами рассыпалось эхо
По закоулкам ущелья,
И лиственни стали, как вежи,
Ползущего тихо безделья.

Крикнешь, и вновь откликается
Звенящей цветочной строкой.
Клёкотом чаек взрывается
Зелёный байкальский покой.

И волны хрустального счастья
Рождает прозрачный Байкал.
Могучая сила всевластья
Сокрыта средь охристых скал.

Под маской зелёного цвета
Плывут, не рождаясь, стихи.
По воле байкальского света
Движенья легки и тихи...

ОКНО

Окно открыто в яблоневый сад.
И тихо дождь рисует счастье.
Поэзии доступен рай и ад
И акварельный сон в ненастье.

Прозрачен миг, невидим, невесом.
В нём творчество, и кровь, и страсти.
И белый лист опять горит огнём:
Рождается стихов всевластье.

Земля мерцает блёстками дождя.
Весь мир объят дыханием листвы.
Я, в музыку поэзии входя,
Ищу в стихах оттенки синевы...

СИРЕНЬ

Лиловое сердце сирени
Горячее лето зовёт.
Сиреновой неги и лени
Подлунный прохладный полёт.

И тайной великою дышит
Источник дурманной любви.
Лиловыми звёздами вышит
Тот купол, что снова в крови.

Любить, целовать под сиренью!
Но мир захлебнулся от слёз.
Все стали обычной мишенью,
И нет больше места для грёз.

Лиловое сердце пылает,
И нежность ржавеет в ночи.
Гроза, громохая, взывает:
Ты, глупое сердце, молчи...

И снова уходят мальчишки
Родную страну защищать.
Сирень, палисадник, домишки,
За право любить и мечтать.

СУДЖА

Я в кипятке из слёз и боли.
В ожогах совести и дней.
Смерть мягче той кровавой доли,
Что в Судже пала на людей.

Их людоеды покоряли
И женщин брали для утех.
Чувств человеческих не знали
И позабыли слово грех.

А мы в кофейнях прохлаждались.
Для нас концерты и кино.
Мы с негой летнею братались
И пили лёгкое вино.

А генерал, на карту глядя,
Вещал, что мы идём вперёд.
А в Судже падали снаряды
И смерть водила хоровод.

Где были мы, когда в подвалах
Взрывали наших матерей,
Снимали видео в деталях
О том, как мучили людей?

Меня убили там, в подвале.
Зубами рвали плоть мою.
Здесь хайп ловили мы в реале,
Лелеял каждый жизнь свою.

Очнуться должен каждый русский
И знать, что важен каждый штык.
Широкой ли дорогой, узкой
Пройти, чтоб смолк звериный рык.

СТРОЧКИ НА КРОВИ

Истекают кровью строчки.
Вся тетрадь уже в крови.
Рано, видно, ставить точку.
Тонут люди в нелюбви.

Бродит ненависть слепая
По дорогам, городам.
И, неправдой истекая,
Сеет смерть и здесь и там.

Возвращайтесь все живыми,
Воины моей страны.
Под знамёнами святыми
Мир спасёте от войны.

А МНЕ БЫ ЖИТЬ

А мне бы жить, встречать рассвет
И слышать утром голос мамы.
И видеть неба синий цвет,
А не ворóнок чёрных шрамы.

Но жить в покое я не мог,
Когда кровят Отчизны раны.
Когда пожаров дым и смог
И метастазы от майдана.

Когда над Родиной чума,
Я сердце подставляю пулям.
Чтоб рухнула, исчезла тьма
И лихолетье утонуло.

От предков мне досталась жизнь,
Доверен меч, заветы деда:
Воюй за Родину, держись,
Тогда придёт в страну Победа!

СВЕТ РОДИНЫ

Мне снился сон: звезда Байкала
И дом родной, где свет в окне.
А тишина вокруг дышала,
Ольхон в туманной пелене.

И Ангара во мраке ночи
Сбежать стремилась от меня,
А я открыть пытался очи,
Хоть ночь была со мной нежна.

Я знал, что сон всегда обманет.
Но этот сон всегда со мной.
В бою или походе манит,
Любовь он дарит и покой.

Мне свет родимого оконца –
Душа байкальской стороны.
Он для меня дороже солнца,
Он сердце дорогой страны.

Тот свет ведёт нас сквозь кошмары,
И кровь, и тяжести войны.
И тушим мы войны пожары,
Чтоб видеть свет своей страны

Я НЕ ПРОРОК

Я не пророк. Я гладь Байкала,
Звезда, живущая во тьме,
Мелодия, что с неба пала,
Волна в прозрачной бахrome.

Я растворён в российской воле,
В секретах русской красоты.
В тайге нефритовой и в поле,
В недостижимости мечты.

И для меня нет лучшей доли,
Чем быть частицей русских снов,
Болезней русских, русской боли
И русских праведных штыков.

Берега Янтарного края

К 80-летию Калининградской области

Олег Опекунов

Олег Викторович Опекунов – родился в 1965 году в Правдинском районе Калининградской области. В 1974 году семья, по делам службы отца, переехала в город Брест, Белоруссия. Там же и окончил школу. Служил в пограничных войсках, во времена Союза жил и работал в Закавказье, Средней Азии и на Дальнем Востоке. Учился в Москве, Минске, Кракове и Гродно. Два высших образования: инженер-механик и юрист, кандидат юридических наук. Живёт и работает в городе Гродно, Белоруссия. Увлечения: конструирование, техника, животные, рисование, живопись и литература.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Повесть

От автора

Я благодарен всем, кто взял в руки эту небольшую повесть. Особая благодарность молодёжи, которая интересуется историей своего народа и помнит о своих прадедах. Надеюсь, они смогут открыть для себя нечто новое о них... Эта повесть не об идеальных мраморных изваяниях, как на старых пыльных фотографиях в семейном альбоме, это рассказ об обычных людях, с их страхами и ошибками, с их ежедневными незаметными подвигами во благо будущего их детей.

Простая история о людях, которые жили в сложное, тяжёлое время. Это наша история, которую изменить или поправить уже нельзя. Она такая, какая есть... Вы не прочтёте в этом произведении истории конкретной существующей семьи. В её основе история моих дедушки и бабушки по отцу, дополненная рассказами переселенцев того времени. И у каждой семьи своя личная история...

Для меня наступило время, когда я ощутил потребность отдать долг уважения своим предкам. Я осознаю, что живу сейчас благодаря их страданиям и их мужеству... Мне захотелось оставить небольшую письменную память для своих детей и внуков, чтобы они знали, через что пришлось пройти их родным людям много лет назад... Пройти для того, чтобы сохранить для будущих поколений спокойную и размеренную жизнь...

Спасибо всем, кто делился своими рассказами и воспоминаниями о своих родителях и друзьях.

Особо глубокая благодарность моим друзьям и персонально кинорежиссёру Владимиру Александровичу Орлову за его терпение, интеллигентность и неоценимую помощь в написании этой повести.

ОВЁС

Василий Иванович сдвинул набекрень потёртую шапку, почесал лысину, появилась проблема, которую он не знал, как решить, – счетовод ошибся, и в конюшне разгрузили на два мешка овса больше. Похромать до счетовода и сказать? Или промолчать? От волнения весь взмок под старой, латаной, грязной и засаленной фуфайкой, пальцы нервно теребили замызганный кусок верёвки, служившей ремнём, но и это не помогало принять решение... На колхозные трудодни не разгуляешься, денег не дают, впрочем, как и паспорта, о таких документах рассказывал землемер – уважаемый и грамотный человек из Горького, большого города, хотя... К чему ему всё это?.. Тут проблема серьезней... Самому не решить... Надо пойти к жене, Олимпиаде Ивановне, мудрой женщине, хоть и неграмотной, но считать умела, – она и подскажет дельное решение...

Осень была ранняя, дождливая, частый ветер разносил остатки соломы из примятых скирд по полям, с его помощью к зиме от них уже совсем ничего не останется, опять колхозники пойдут драть кору, резать камыш, ломать тонкие ветки деревьев на корм скотине, которая от голода будет всё это жевать и пытаться выжить до весны. Вот и сегодня весь день моросил дождик, вялый, гнусный и бесконечный... Василий в хлюпающих сапогах двинулся в сторону дома по раскисшей тропинке...

Супруга деловито делила краюху хлеба, шестеро детей за столом на лавках насторожились – в сенях слышали грохот упавшего старого таза – отец возвращается... Он всегда натёкался в темноте на этот таз, матерился, пытался попасть в потёмках на гвоздь, на котором он висел ранее, плевал и откидывал в сторону. Жена повесит на место. Значит, краюху будут делить на восьмерых... Пайка уменьшается. Саня ещё не вернулся: он пытался в сумерках потихоньку перерыть колхозное картофельное поле за забором, иногда удавалось откопать оставшиеся после уборки клубни, и тогда дома наступал маленький праздник... Мать любила его, старшенького, и его кусок всегда припрятывала до его возвращения.

– Слышь, мать... Тут такое дело... – травмированная нога никак не хотела подниматься через порог, Василий руками её переставил и тяжело опустился на табуретку. – Ну, счетовод приезжал на конюшню и овёс разгружал...

Василий снова вспотел и потерял мысль. Чтобы попытаться её вернуть, нервно встал и оторвал вчерашний лист календаря, 14 октября 1945 года, вот теперь порядок.

– Ну, чаво? Приезжал, а нам чаво с этого? – Олимпиада Ивановна начинала сердиться оттого, что муж отвлекает её от серьёзной работы. – Овёс – хорошо, нашей бы Машке овса, а то совсем выхудла и не жрёт ничего, паскуда, лето прошло, а она всё меньше и меньше молока даёт, зимой-то как жить будем?

– Так я об овсе и говорю... Два мешка лишку образовалось... Счетовод-то уехал, сказать ему завтра? – Василий был счастлив, что смог сформулировать проблему.

– Лишку? Два мешка? – Олимпиада Ивановна опешила. – Да неужто? Перед ее глазами уже стояли эти два мешка – вот тебе и корову подкормить, а главное, смолоть и будет свой хлеб, а что-то и выменять у Зойки-куркулихи на шмат сала... Всё это своё добро отдать?!!

Олимпиада вернулась из мечты:

– Ты сдурел, старый? Как отдать?!! Это наше добро – и отдать?!! – супруга перешла на крик и сразу осеклась: не дай бог соседки услышат, вечер, всё далеко слышно...

И перешла на шёпот:

– Немного обождём, пусть потемнее станет, вдвоём пойдём и хорошенько спрятавать надобно, переждём дней пару...

Мешки оказались тяжелее, чем думали... Хороший вес... Дотащить бы быстрее, по улице нельзя: вдруг кто-то увидит, что тащат... Донесут начальству тут же... Василий зацепился за бурьян больной ногой, тихо выругался, упал, но мешок из рук не выпустил – под ним предательски плюхнула лужа, и он затих, придавленный ношей... Олимпиада опустила свой мешок на сухое место и кинулась оттащить мешок мужа в сухую сторону. Василий ворочался в луже, пытаясь встать, но покалеченная нога не позволила, он перевернулся и стал выползать из лужи. Отполз немного в сторону... вцепившись в соседский забор, начал вставать, но гнилые штахетины хрустнули. Василий потерял равновесие и опять оказался в той же луже. Чертыхаясь и тихонько матерясь, Василий снова начал выползать из жижи. Супруга молча смотрела на потуги мужа, но держала мешки и помочь ничем не могла. С трудом выбравшись, Василий, кряхтя и матерясь, в мокрых штанах и хлюпающих сапогах вцепился в мешок. Надо дотащить до дома сокровище. Луна продолжала играть в прятки... Оставалось совсем немного, последний хлипкий забор – и уже дома...

– А чё это вы тут тащите? – из темноты прозвучал страшный вопрос... Зойка, стервозная соседка, хитрющая баба, заведующая сельмагом, выплыла из темноты и перегородила дородным телом тропу. Голодные военные времена прошли мимо неё.

Василий обомлел, Олимпиада со страху села на свой мешок, пытаясь прикрыть его куцым коужом. Луна предательски вынырнула из-за тучи и осветила соседей.

– Так чаво это? – не унималась Зойка.

– Чаво... Ничаво! Своё несём, – отошла Олимпиада.

– Да, своё, – кивнул Василий.

– А чаво ночью? – не унималась Зойка. – Дня мало? А чаво в мешках-то, уж больно большие...

– Да вот, своё... – Василий не знал что и сказать, готов был провалиться сквозь землю от страха... Он знал, что Зойка обязательно разстрезвонит в сельмаге на всю деревню о ночной встрече.

– А тебе какое дело? – встрепенулась жена. – Чаво надо, то и тащим...

Но Зойка не зря себя чувствовала хозяйкой территории: она регулярно принимала у себя местного представителя власти, участкового милиционера, шустренько для своих габаритов подскочила к Василию и рванула мешок на себя. Но тот был колхозным конюхом и привык справляться с норовистыми лошадьми – удержал мешок; но случилось непредвиденное: старый мешок не выдержал и лопнул, драгоценное зерно фонтаном рассыпалось вокруг схватившихся. Тишина. Все замерли и в абсолютной тишине смотрели друг на друга... Золотистое зерно заблестело в свете луны и заиграло в луже.

– Воры... Украли... Мародёры... Сволочи, – почему-то шёпотом запричитала Зойка на выдохе.

– Ты чё? Ты чё? Какие воры, своё тащим, мой-то весь день на конюшне, когда же хозяйством заниматься? Вот и приходится по темноте, – активно оправдывалась Олимпиада. – Отстань, Зойка, и так поздно, нечего тут...

– Так недавно овес-то на конюшню завозили... Конюшня-то колхозная, и овёс колхозный, – не унималась Зойка. – Так, поди, оттуда и прёте...

– Ты чё пристала? Сказано же – своё тащим, – очнулся Василий. – Некогда тут с тобой разговоры говорить.

– Сейчас орать буду, – заявила Зойка и шумно начала заполнять свою объёмную грудь воздухом. Но вместо крика всхлипнула, закатила глаза и медленно осела на землю. Олимпиада появилась вместо рухнувшей Зойки, в её руках был кусок какого-то полена. Тёмная струйка поползла по округлой щеке и медленно, словно замороженная, спряталась за воротом.

– Господи... Поди убила...

Полено вывалилось из рук.

– Не, – засомневался муж. – Здоровая кобыла, так не возьмёшь.

– Господи... Господи... Чаво будет-то теперича? – запричитала Олимпиада Ивановна. – Слышь, Вася, чаво теперича?

– Чаво, чаво – лагерь, вот чаво, – Василий склонился над Зойкой, внимательно осмотрел грузное тело. – Дышит, значит, не убила. Давай отсюда ноги уносить. Потасили добро в хату.

Супруга послушно подлезла под мешок, приподняла его и, стараясь не смотреть на поверженную соседку, потащила груз. Василий следом. Его мешок стал совсем неудобным, а из его раны продолжало убежать зерно...

Сашка, весь перемазанный мокрой, раскисшей землёй, был счастлив: ему удалось накопать почти треть мешка остатков картофеля. Он упорно полз дальше, мокрая одежда с налипшей грязью тянула к земле сильнее картошки. Проверял каждый сантиметр поля вокруг себя. Каждую вылазку приходилось делать всё дальше и дальше от своей околицы: рядом уже давно всё перерыто. Надо ползти, подниматься нельзя – могут увидеть. И тогда беда: за кражу колхозного добра, даже брошенного в поле, можно загреметь всерьёз и надолго в лагерь. Власть не церемонилась, всё просто, быстро и жёстко. В свои шестнадцать Сашка всё прекрасно понимал. Дядю Кирилла, доброго, хозяйственного мужика, что жил в крайней хате деревни, недавно судили в клубе, трое в военной форме сидели на сцене. Привели Кирилла. Кража. Ломаный конный плуг, который валялся за конюшней с давних времён. Никому не нужный, разломанный на несколько частей, заросший бурьяном, ржавел под дождями. Тогда дядька осмотрел его, придумал, как наладить, и поволок к себе ремонтировать. Натолкнулся на председателя. Приехал «виллис» и двое милиционеров. Скрутили прямо в хате. Неделя в камере – и суд. В клубе деревни. Показательный. Десять лет лагерей. Пять минут. Всю деревню согнали смотреть на несчастного Кирилла. Были одни бабы. Мужики, на которых не пришли похоронки, ещё не вернулись... Война почти полгода как закончилась, но их ещё не отпускали по домам. Многие из опытных солдат проезжали в литерных поездах мимо родных мест, без остановки и без возможности сообщить родным и близким... Эшелоны летели на восток. Тогда Кирилла как единственного мужика, что мог быть кузнецом на всю округу, на фронт не забрали. Бронь. Была. Бабы тихо утирали слёзы, все жалели Кирилла, сколько людей выручал по хозяйству... Безотказный, рукастый, добрый мужик уходил из жизни деревни надолго. В углу, задыхаясь дымом

самосада, стараясь не ловить злобные взгляды односельчан, нервно курил председатель. Он уже проклинал себя, что позвонил. Поздно. И что теперь делать? Теперь на всю деревню останется два мужика, и те калеки. Он да конюх.

СМЕНА ВЛАСТИ

После взрыва бомбы и разрушения охотничьей резиденции Геринга в октябре 1944 года жизнь в Гросс Роминтене остановилась. В былые годы Герман очень любил своё поместье и проводил там много времени, вековые деревья пуши благотворно влияли на внутреннее состояние хозяина. Местные немцы знали совсем другого человека... Для них он был, прежде всего, героем Первой мировой войны, смелым, храбрым лётчиком. Настоящим немцем. Он всегда жалел, что не может просто летать, без самолёта, с пропеллером за спиной, чтобы везде успевать... А его любовь к цветам была известна повсюду, одна только коллекция орхидей или тропических растений чего стоила... Весёлый балагур, любитель хорошо выпить и вкусно поесть, жизнерадостный человек с его любимыми фразами «Пустяки, дело житейское» и «Я мужчина в самом расцвете сил...» повторяли многие жители деревни. Через многие годы он станет прообразом знаменитого Карлсона, который живёт на крыше. Автор детской книги Астрид Линдгрен была его подругой... Но это всё будет много-много позже... Очень любил животных, в его имениях жили семеро львят. Один из них, любимец Буби, часто сопровождал его в поездках на отдых... Он даже ветку железной дороги провёл, много охраны, солдаты, офицеры, музыка... Открывались магазинчики, а жизнь кипела. Марта работала в поместье, она ухаживала за цветами в доме и в оранжерее. Платили хорошо. Её мужу Курту, лесничему, платили меньше, чем ей, но компенсировали премиальными с каждой охоты. И он часто подолгу пропадал в пуше, готовил загоны для любимого занятия Германа Геринга и его гостей – охоты. Местные жители, больше половины, работали в обслуживании резиденции и гордились ею, а ещё больше гордились своей великолепной кирхой. Высокое, добротное сложенное из красного кирпича здание со множеством узоров, обрамляющих высокие стрельчатые окна. Цветные витражи в каждом окне на библейские темы... Особенно красиво они смотрелись изнутри здания в солнечную погоду: лучи переливались разными цветами и добавляли праздничной торжественности происходящему таинству. Величественное здание для лютеран финансировал сам кайзер Вильгельм, который также любил охоту в этих местах. Кирха объединяла прихожан с окрестных деревень, и по воскресеньям небольшой посёлок бурлил рынком на центральной площади, собирая людей со всей округи.

Окружающая посёлок пуша веками кормила местных жителей, одна беда – охотиться самим было нельзя. Пуша переполнена зверьём, а на добычу запрет. Просторы леса предназначались исключительно для охоты высшей знати из Берлина или Кёнигсберга. Иногда, правда, управляющий выписывал разрешение на отстрел оленя или кабана, но такое бывало нечасто. Лесникам было легче: большую часть добычи гости отдавали обслуге, поэтому мясо в семье было всегда.

Но осень 1944 года всё поменяла в размеренной жизни посёлка.

Дочь Марты, Анна, высокая не по годам, стройная, весёлая девчонка, заводила компаний. Для своих 14 лет очень сообразительная. В школе для девочек она была примерной ученицей, там было для неё всё интересно, но в последнее время всё чаще стали отменять занятия, и в последние месяцы совсем прекратились. Подружки, с которыми она в школе так весело проводила время, остались в своих посёлках, автобусы перестали ходить. Каждый посёлок замкнулся в себе. В последнее время всё больше в посёлке появлялось плакатов, в которых кратко и текстом, и соответствующими рисунками описывались все ужасы, которые может ожидать местное население с возможным приходом русских. Анна искренне верила всему, что говорили в школе и что писали на плакатах, но не могла понять только одного: а как эти страшные русские появятся тут, в Пруссии? Совсем рядом вилла германского героя Германа Геринга, неужели великие германские войска допустят страшных русских в Роминтенскую пушу? На этот вопрос Анна ответа не знала, впрочем, не только она. Просто жили, или выживали, в непривычной ситуации.

Под конец войны всё начало валиться, военные становились всё более раздражёнными, молчаливыми и злыми. Всё менялось. Гитлерюгенд как-то сам упразднился, настало время неопределённости, в котором каждый справлялся со своими проблемами так, как умел. Работа прекратилась. Школы закрылись окончательно.

Немного поодаль от величественной кирхи, в начале живописного оврага, на окраине деревни, стоял отдельный домик Марты и Курта. Анна гордилась маленьким садом и цветочными клумбами, которые вырастила сама. Мама, конечно, подсказывала ей, что и когда надо подрезать, убрать или посадить, но все работы Анна выполняла сама.

Русские прогрохотали ночью, из местных никто ничего не понял.

Утром на поселковой площади заработал громкоговоритель. На корявом немецком языке население посёлка призывали собраться на площади в полдень, монотонно повторяя объявление каждые полчаса.

Всё утро отец с матерью долго и почти шёпотом совещались на кухне, что делать. Идти или остаться дома... И никак не могли прийти к согласию. Марта была резко против и не отпускала Курта одного на площадь. Единственный вопрос, в котором сошлись: Анна строго-настрого должна сидеть дома. Но в её планы это не входило: что-то происходило вокруг, а она ничего так не увидела и не узнала... Ещё и дома под замком сидеть? Пока родители горячо спорили, Анна прокралась в свою комнату, закрыла дверь на ключ и распахнула окно. Октябрьский ветер рванул шторы и обдал дождём. Пришлось возвращаться за курткой и сапожками.

Анна надела свитер и, убрав цветочные горшки на пол, забралась на подоконник. Ручка двери скрипнула, но закрытая дверь не поддавалась усилиям желающего попасть в комнату.

– Анна, ты спишь ещё? – голос мамы был тихий и тревожный.

– Да, мамочка, можно я немного ещё поваляюсь? – Анна на подоконнике густо покраснела. Она впервые солгала матери.

– Хорошо-хорошо, поваляйся и сегодня, пожалуйста, никуда из дома не выходи, хорошо? Я потом всё объясню, – голос матери стал спокойнее. – Побудь дома.

– Спасибо, мамочка.

Анна с трудом прикрыла своё окно с улицы и через сад побежала к задней калитке. Мокрые кусты цеплялись за её одежду, а ветер тормозил волосы – шапка осталась дома, правда, немного спасал капюшон куртки. Тропинка пробежала вокруг кирхи, обогнула соседский участок и вывела к скверу.

Сквер также являлся предметом гордости поселенцев – старинный, просторный, треугольный, с высаженными могучими дубами, красивыми кустарниками, множеством удобных дорожек с чугунными скамейками, покрытыми молотым красным кирпичом. Все дорожки сходились в центре сквера и представляли собой круг, внутри которого стоял большой и высокий памятник.

Гранитные, грубо тёсанные кубы являлись широким основанием памятника, следующие ряды кубов образовывали огромный гранитный столб. Вершину венчал всё тот же куб, но с высеченным в граните железным крестом, раскинувшимся в четырёх направлениях. Плита со списком погибших односельчан в Первую мировую войну была вмурована в основание памятника.

Анна любила с поселковыми ребятами там собираться. Днём на площади шла бойкая торговля, а вечера были самым чудным временем суток, особенно в ярмарочные дни, когда на площади включали раскрашенные лампочки и под местный маленький оркестр начинали кружиться в танце гости ярмарки и местные жители. Но и это было уже в прошлом.

Анна, прячась за кусты, прокралась к площади. Дождик прекратился, и ветер утих. Над площадью повисла напряжённая тишина, много людей собралось на площади, в толпе Анна увидела и своего отца. Он стоял в форме лесничего. Люди шёпотом переговаривались с соседями и пытались понять, что их ожидает. Хотя основная причина уже всем была понятна: разорванные немецкие флаги валялись в лужах, на их место были вывешены красные полотнища, а в середине площади стояла открытая маленькая автомашинка, и около неё крутились военные в непонятной мешковатой зелёной форме. Их куртки были непривычно прострочены вертикальными швами, ремни оттягивали тяжёлые сумки. Они вели себя уверенно, кто-то из них куда-то периодически убегал, потом возвращался и что-то тихо доносил офицеру. То, что это был офицер, бросалось в глаза сразу: тёмная шинель была туго опоясана ремнями, на боку – планшет и кобура, вместо шапки – фуражка с красной звездой.

Наступил полдень. Офицер встал и громко, на ломаном немецком позвал к себе старосту посёлка.

Франц Когель, седовласый поселковый староста, спокойно вышел из толпы и подошёл к машине. Офицер что-то говорил ему, староста периодически качал головой, то ли соглашаясь с офицером, то

ли нет... Со стороны было непонятно... Минут десять офицер что-то объяснял старосте, в конце тот согласно кивнул и, откашлявшись, обратился к односельчанам:

– Русский офицер сказал, что наш посёлок освобождён от фашистов. Сегодня и завтра, до окончания дня, все жители посёлка старше 14 лет обязаны явиться в дом старосты для регистрации. Всё оружие, которое есть у жителей, подлежит сдаче. Комендантом посёлка назначается старшина, – тут Франц запнулся и никак не мог выговорить странную русскую фамилию... – Фамилию и имя коменданта сообщу отдельно. Сегодня все должны оставаться в своих домах, выходить можно только для регистрации и сдачи оружия. Ночью из дома выходить запрещается под страхом наказания в военное время. Комендантский час с 21.00 до 8.00. Соблюдайте спокойствие, идите домой, собирайте семьи, документы и приходите в дом старосты, там будет русская комендатура. До завтрашнего вечера все должны быть зарегистрированы.

Когель повернулся к офицеру:

– Я сказал всё, что вы велели, герр офицер. Позвольте и мне идти? Всем можно идти по домам?

Офицер кивнул. Он что-то крикнул, солдаты засуетились и построились. Подъехал грузовик, они быстро запрыгнули в его кузов и тронулись следом за «виллисом» командира. На площади осталось несколько солдат.

Коренастый, усатый, широколицый солдат, на погонах которого были широкие ленты, собрал оставшихся и что-то им начал говорить. Ничего не понятно, да и далековато, из кустов ничего и видно толком не было. Анна почти промокла и потихоньку стала пробираться в сторону дома, теперь ей надо было обогнать отца и быть дома первой. Она ещё раз оглянулась на площадь: почти все разошлись, но её отец всё так же стоял на площади и что-то обсуждал с несколькими соседями.

Анна с трудом залезла в скользкое окно, вода, стекающая с одежды, намочила все полы у окна... Быстро разделась, мокрую одежду засунула в шкаф, горшки вернула на подоконник и кинула коврик на лужу. Дрожа от холода, она залезла под одеяло и принялась раздумывать над недавно увиденным. Единственное, что ей было понятно: что-то существенно поменялось в их жизни.

Марта не заметила отсутствия дочери: так сильно была взволнована отсутствием мужа и в нетерпении ожидала его возвращения. От переживаний, которые уже дошли до состояния паники, она снова начала перемыть чистую посуду. Стакан выскользнул из рук и упал на пол. Но не разбился, а откатился под стол. Марта долго смотрела на стакан, а в голове на минуту появилась мысль: не разбился, возможно, это добрый знак... Скорее бы Курт вернулся...

У Валентина Степановича появилась проблема. Основательный и добросовестный служака, он, назначенный комендантом посёлка, не мог понять, как ему тут наводить порядок, когда ни он, ни его солдаты не владели немецким языком, а местные абсолютно не понимали русскую речь. Проблема... и надо бы её как-то решить. Собрал оставленный ему гарнизон в количестве пяти солдат, распределил наряды и отправил работать по хозяйству. Разместить комендатуру решил в доме управы посёлка, тут же и казарму можно организовать, благо места хватает. Но сначала обустройство кухни.

После обеда население посёлка небольшими группами начало подтягиваться, стуча деревянными башмаками по мощённой камнем площади, в управу на регистрацию. Валентин Степанович остался доволен, ему ротный на инструктаже говорил, что у немцев врождённое уважение к власти, особенно вооружённой. Принимал всех по очереди в кабинете старосты, которого вызвал и пытался с ним как-то объясняться. Трудно.

– Товарищ старшина! Там толпа людей из пуши в посёлок прёт, но оружия не видать, – часовой залетел в кабинет.

– К бою! – старшина схватил автомат и вылетел на крыльцо, солдаты заняли оборону в здании.

Вышедшая из пуши толпа людей медленно и устало двигалась по центральной улице посёлка и выходила на площадь... Измождённые, худые, в грязной, оборванной одежде, толпа мужчин подошла к комендатуре, на здании которой уже висел красный флаг. Старшина, закинув автомат за спину, вышел на крыльцо и осмотрел толпу, человек тридцать, и успокоился: это не немцы, которых более чем достаточно ещё в пуше... Гражданские...

Из толпы вышел высокий, худой мужчина в изрядно измазанном грязью пальто.

– Пан офицер, я естем поляк, Тадеуш Козак. Я поляк, пан офицер, я и панове из лагеря, тутай, в пуше, вёрст десэнт от пана. Русских средь паньства нема, тутай поляци, чехи, славаци. Ваши жов-

нёжи вчѐрай нас освободили, охрана разбежалась, ваши мувили, цо потшебна нам идти до вас, пан офицер...

– По-русски говоришь? Хорошо, вот ещё бы и по-немецки говорил... – размышлялся старшина.

– Я естем учитель, я знаю немецкий, пан офицер, – ответил мужчина.

– Да ты что?! Хорошо, очень хорошо... Да-а, вид у вас потрёпанный... Когда ели в последний раз?

– Вчѐрай, пан офицер, ваши дали немного еды, мы поделили, а ваши очень торопились, нам казали направо, куда идти, и шипко уехали.

Старшина повернулся к любопытному повару, выглядывающему из-за двери:

– Петренко, добавь воды, тушѐнки, крупы, чтобы гуще было, надо ещё на человек тридцать сварганить. И накорми людей, размести их на конюшне, пусть отдохнут и обсохнут, а дальше видно будет.

– Товарищ старшина, так у нас самих харчей на три дня, сами-то что жрать будем? – Петренко всегда был прижимистый. – И когда подвезут, никто не знает, чем я людей кормить буду...

– Не жмись, разберѐмся... А вы, товарищ Тадеуш, отвѐдите людей за комендатуру, там, в конюшне, размещайтесь, по крайней мере, там сухо, а чуть позже и покормим. Потом подойдите ко мне, в кабинет, понадобится ваша помощь...

– Добро, пан офицер, мы так и зроби́м.

Тадеуш увѐл людей в сухую конюшню, старшина остался доволен сложившейся ситуацией, а особенно тем, что появился переводчик, дела пойдут веселее.

Курт вернулся озадаченным после обсуждения сложившейся ситуации с односельчанами, все пришли к одному выводу – жизнь в деревне кардинально поменялась, и будет ли возвращение немецких войск в пушу, одному Господу известно. Точно было понятно только одно: с этими русскими надо быть настороже, ведут себя как-то странно, никого не арестовывают, войска пришли и ушли, оставили всего несколько человек... Разве это гарнизон? И вообще, непонятно, чего они хотят.

Марта внимательно слушала рассуждения мужа, а в голове убедительно крутилось своё: ей на глаза русским лучше не попадаться, а Анне тем более. Всё непонятно. Как оно будет дальше...

Местные ждали обещанных плакатами арестов, грабежей и расстрелов, прошло уже несколько дней, но ничего не происходило, странно всё это... В тихих, коротких обсуждениях сходились в одном, что, видимо, позже всё будет...

В посѐлке, неожиданно для всех, появилась работа. Сформировали бригады на валку леса, обещали платить... Несколько раз приезжала автомашина, в посѐлке жителям выдавали хлеб, крупы... Бесплатно и ничего не требуя взамен. Нет, всё-таки русские какие-то странные...

Ходили слухи, что в пуще бродит много солдат, немецкая армия была разбита, но кто-то из них ещё бродил по лесам. Их не видели, но иногда слышали стрелковые бои в удалении.

ЗОЙКИНА ОБИДА

Сашка, необычайно счастливый, приволок мешок со своей добычей. Это была еда на несколько дней для всей семьи. Для начала надо было всё хорошенько спрятать, не дай бог, кто увидит, а лишние вопросы к семье совсем ни к чему. В коровнике была небольшая яма, прикрытая досками и старым сеном, туда и спрятал колхозную картошку. Старательно укрыл перегоревшим сеном, осмотрел, поправил траву и, довольный результатом, пошёл домой.

С самого порога Сашка обнаружил неистово молящуюся на икону мать и молчаливого отца. Отец сидел на лавке и о чём-то крепко думал, да так крепко, что не сразу заметил вернувшегося домой сына. В хате стояла полная тишина, перебиваемая тихой молитвой матери, и даже мелкие братья и сестрёнка молчали, только сверкали голодными глазами с печи.

Стягивая мокрую, грязную одежду, Саша случайно громыхнул сапогами, и, наконец, отец поднял на него глаза.

– Беда у нас, Сашка, беда, – тихо проговорил он. – Мы того... Зойку изувечили, случайно, докладать побегит... Принѐс чаво?

– Треть мешка добыл, воду ставить? – Сашка ничего толком из слов отца не понял.

С печки молча смотрели братья и маленькая сестрёнка, вечерняя краюха хлеба давно желудком была забыта. Надо их кормить, да и у самого живот урчит с голода, с утра во рту макового зёрнышка не было...

Мать продолжала неистово молиться иконе, отец сидел на лавке... Сашка понял, что всё надо делать самому, и принялся за хозяйство. Времени нет, надо малых кормить.

Всю ночь семья провела практически без сна. Утром Василий решил помочь жене подоить корову, ушёл в хлев, но вернулся довольно быстро и злой, с пустым ведром, потирая левую щеку...

Стук в окно вывел всех из ступора.

– Василий, слышь, Василий, председатель зовёт, – женский голос за окном сообщил неприятное известие.

– Иду, – обречённо сказал отец и поднялся одеваться. Мать застыла у иконы, потом спохватилась и начала мелко и часто крестить супруга.

Сашка так ничего и не понял, да и некогда, печь никак не хотела разгораться, труба давно не чищена, да и дрова сырые... Позже всё разузнает... Отец тяжело вышел из хаты и, ещё сильнее хромая, медленно вышел со двора.

Вопли Зойки из комнаты председателя разлетались на всю округу, собирая у правления толпу любопытных баб.

Василий медленно преодолел три ступени и вошёл в правление.

Хмурый председатель сидел за столом, толстая Зойка крутилась вокруг него и в десятый раз перечисляла свои обиды, каждый раз всё громче и громче, чтобы не только председатель, но и бабы за окном хорошенько всё слышали... Только с каждым разом история обрастала всё более и более страшными подробностями... Фантазии было Зойке не занимать...

– Проходи, Василий Иванович, садись, говорить будем, – председатель указал на стул.

– Какой говорить!? Садить его, гада, надо, садить в тюрьму, советского торгового работника изувечил, фашист проклятый, – Зойка остервенело сверкала подбитым глазом, потом резко взвыла, и громкость ее воплей только увеличивалась. – Он же меня убить хотел!!! Вор проклятый, колхозное добро украл и домой тащил, а я...

– Замолкни! – не выдержал председатель. – Иди отсюда, я всё понял, а сейчас с ним говорить буду, выйди, не мешай.

Зойка обиженно замолчала и, всем своим видом выражая несогласие, медленно вышла на крыльцо, впрочем, ей это даже понравилось: вокруг собрались соседские бабы, благодарные слушатели, и можно было ещё гуще приукрасить свою роль в защите социалистической собственности...

– Василий Иванович, тут Зойка много чаво наговорила на тебя, бумагу исписала, вот почитай. – Протянул тетрадный мелко исписанный листок. – Читай, потом скажешь, что правда, а что нет... А что это у тебя за фонарь такой, аж на пол-лица? Да неужто Олимпиада приложилась?

– Да нет, не жена. Я давеча, с утра, пошёл корову доить, а она, зараза, все норовит меня своим хвостом лупануть. Ну вот я и привязал на хвост камень, чтоб это, значит, своим хвостом меньше мотыляла... Доить начал, а тут, как назло, стая мух... Вот она и огрела меня этим камнем на хвосте, и прям по лицу...

– Да-а-а... Дела... Это ты здорово придумал, с камнем, – улыбнулся председатель. – Ладно, заживёт, а сейчас давай, читай...

Василий, шевеля губами, углубился в медленное чтение, по мере чтения его лицо становилось всё более мрачным. Председатель достал очередную папиросу, наступила тишина, которую нарушил резкий звонок телефона.

– Слушаю, председатель, – услышав голос на другой стороне трубки, председатель вытянулся. – Слушаюсь, товарищ первый секретарь, буду.

– В райисполком вызывают... – задумчиво проговорил. – На Зойку не похоже, что-то другое... Ты вот что, Василий Иванович, ты всё обдумай, что да как, потом ответишь мне... Что врёт Зойка, а что нет... Вдвоём мы остались, подумай, крепко подумай и... Ежели овёс взаправду спёр, верни в конюшню, потом разбираться будем, по приезду... А сейчас запряги мне тарантас, в район мне надо, сам слышал...

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Председатель лихо осадил лошадь около крыльца управления, выскочил из брички, захватил свой старинный, потёртый портфель и попытался быстро проскочить в свой кабинет, но крыльцо перекрыла настырная Зойка.

– Ну, чаво? Посадят супостата? – несчастная женщина весь день дождалась председателя с решением своего вопроса, даже сельмаг не открывала...

– Отстань, Зойка, не до тебя тут... – председатель сердито насупился, и Зойка тут же уступила дорогу. – Потом, всё потом, тут райисполком задачи важнее ставит...

– Да-да, – закивала Зойка. – Извиняйте, я чуток позже зайду...

В прохладном управлении председателю было жарко, в исполкоме надавали кучу документов для выполнения, но толком ничего не объяснили, одновременно требуя немедленного исполнения. Уселся за стол, достал из портфеля кучу листов машинописного текста и углубился в чтение. Пока понятно одно: разбираться во всём надо самому... Да и отвечать за всё также самому... Время такое...

Во исполнение решения партии и правительства об освоении новых территорий, которые получил Советский Союз по итогам Второй мировой войны, партия провела разрядку по республикам и областям страны – сколько, когда и куда должны быть направлены советские семьи для освоения территорий Восточной Пруссии. Вот райисполком и передал своё решение председателям совхозов и колхозов для исполнения. Председатель обязан был в срок до шести месяцев направить в Пруссию три семьи добровольных переселенцев. В исполкоме подчеркнули – добровольцев. Так-то так, да только где же их взять? Председатель подошёл к истёртой карте на стене, попытался там найти эту самую Пруссию, ничего не нашёл и не понял, плюнул, махнул рукой. Непонятно, где она, но точно где-то далеко...

В окне часто мелькало круглое лицо Зойки, но вид озабоченного председателя не позволял ей вторгнуться в управу, неизвестность ситуации не на шутку озаботила Зойку. Она видела, что-то происходит, и происходит серьёзное, а она не в курсе происходящего... И это волновало её даже больше, чем сладкая месть Олимпиаде... Она твёрдо решила, что пока не выяснит, что за дела тут творятся, с крыльца не уйдёт. Сколько бы времени ей не понадобилось...

Председатель внимательно вчитывался в бумаги райисполкома, возвращался и перечитывал снова, что-то подчёркивал карандашом... Наступил вечер, а он всё продолжал сидеть над бумагами... Бабы периодически подходили в управление по житейским делам, но там их встречала тучная Зойка, которая с чувством исполняемого долга всех разворачивала восвояси... Тут, видимо, дела государственной важности... А может, и её, Зойкина, месть соседям, которые теперь стали её личными врагами, наконец-то осуществится... Как тут уйдёшь... Надо ждать.

Уже смеркалось, Зойка устала прыгать от крыльца к окну. И несмотря на то что увиденная ею картина не менялась, она продолжала упорно сидеть на ступеньках управления. В кабинете председателя засветилась керосиновая лампа, и он продолжал что-то внимательно перечитывать... Глубоко за полночь свет погас, и Зойка запаниковала. Результата от её бдительного нахождения на подступах к председателю не было никакого. Похоже, что старый хрыч завалился на лавку спать... А она так ничего и не узнала... В состоянии близком к катастрофе, уставшая и изрядно голодная, взволнованная Зойка побрела домой.

Наступившее утро не принесло женщине облегчения из-за практически бессонной ночи. В голове крутились всякие варианты, объясняющие странное поведение председателя, но ни к каким выводам Зойка так и не смогла прийти... Теплилась надежда, что это её вопрос стал причиной, а значит, она совершила что-то важное, государственное... Может, и орден дадут или медаль какую... под утро Зойка задремала, но переживания и недостаток сна разбили её несчастную голову окончательно, слишком много всего для простой и спокойной сельской жизни.

Зойка подпрыгнула: уже утро, а она всё так же пребывает в неведении!!! Наскоро собравшись, порылась в шкафу, нашла и накинула нарядный платок – она же будет в магазине первая всё рассказывать бабам, а те обязательно соберутся. Причина вчерашней такой непривычной местным занятости председателя поставила в тупик всех в селе. Зойка, невзирая на приличные телеса, довольно резво поскакала к управлению колхоза: она должна быть первой, ей председатель обязательно всё чин по чину расскажет, а она станет королевой села. Бабы и так ей завидуют, так пусть лопнут от зависти!

Мокрый, почти малиновый, истерзанный дождями и ветрами флаг уныло висел над upravой. Вдохновлённая Зойка влетела на пустое крыльцо. Отдышавшись, взволнованная дама деликатно три раза стукнула в дверь, в ответ послышались шаги и табачный захлёбывающий кашель. Засов громко упал, в открытой двери появился заспанный председатель: глаза красные, волосы всклокочены.

– Чаво тебе, Зойка? – председатель задал вопрос в пустоту, ответ он знал заранее и прекрасно понимал, что она не отвяжется. Махнув рукой и повернувшись, он побрёл в пустоту кабинета, Зойка проворно засемила следом. Зная крутой характер председателя, опасалась что-либо спрашивать. Он достал из стола большой типографский напечатанный лист газетной бумаги. Молча, словно не замечая ожидающую Зойку, прошёл мимо неё к стене объявлений. Открыл стеклянную дверцу, прикрепил большое объявление и закрыл дверцу. Вернулся в кабинет.

– Сергеич? Так это... – Зоя осторожно начала допытываться. – Так это, как там?

– Чаво там? – нахмурился председатель. – Сама грамотная, иди и читай, а мне забот выше крыши, сроки уже все вышли, а мне только передали к исполнению, голова кругом...

– Сергеич, так это, в газете, там что, всё обо мне? – опешила Зойка.

– Дура ты, – определил председатель, – делать больше нечего, в правительственном постановлении о Зойке писать, вот же дура...

Зоя опешила от такого ответа и подошла к стенду с вывешенной газетой. Действительно, постановление...

– Сергеич, а как же я, а обо мне чаво? Я ж писала заявление, – вспомнила цель визита. – Мне как теперь? Обиженная я...

– Остынь, пока не до тебя, разберёмся, скажи бабам в магазине, что сегодня вечером, часов в семь, общее собрание колхозников, быть всем, говорить буду. Дело серьёзное, надо до людей довести.

Председатель углубился снова в кучу бумаг.

Зойка поняла, что продолжать опасно, вернулась к постановлению, что-то начала читать, но её печальные мысли не позволяли сосредоточиться. Плюнув в сердцах, пошла открывать магазин.

Председатель, наконец избавившись от настырной бабы, уже в который раз подойдя к стенду, продолжил изучение постановления.

О первоочередных мероприятиях по заселению районов и развитию сельского хозяйства в Калининградской области

Внизу, после обширного, подробного текста, значились уважаемые подписи...

Председатель
Совета Министров Союза ССР
И. СТАЛИН

Управляющий Делами
Совета Министров СССР
Я. ЧАДАЕВ

Уже неоднократно перечитав текст, председатель взял тетрадь, сморщив лоб, стал дополнять свою памятку. Надо готовиться к собранию... Оглянулся на портрет Сталина, молча перекрестился...

ВОТ КТО ТУТ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ!

Собрание колхозников окончено, председатель несколько раз объяснял постановление о переселении, но всё новые и новые вопросы задавали сельчане о предстоящей вербовке на новые земли. Вроде и заманчиво, но бабы в один голос утверждали, что надо дожидаться всех мужиков для окончательного решения, тем более что уже многие женщины получили весточки о демобилизации мужей и что они уже на пути к дому.

Гул продолжался, председатель устало спустился со сцены, увидав Василия, кивнул ему и показал на дверь. Тот понял и медленно, через ряды лавок, стал пробираться к выходу для встречи с председателем. В дверях они встретились.

– Пойдём, Василий, в контору, там и поговорим.

Председатель тронулся первым, за ним уныло похромал Василий.

В конторе Сергеич зажжёт керосиновую лампу. Собрание затянулось – и уже наступили ранние сумерки, характерные для осенних дней.

– Вот что, Василий, послушай сюда: тут эта Зойка так просто вашу историю не оставит. Я промолчу, так она участковому всё расскажет, только хуже будет, и меня за укрывательство подпишут, что я решил... Да, ты мешки-то вернул?

Василий кивнул.

Председатель продолжил:

– Вот, что я думаю, дело, с одной стороны, скверное, лагерем пахнет, сам понимаешь, а с другой стороны, семья у тебя большая, это постановление как нельзя лучше подоспело, так что пиши заявление на вербовку для переселения. А мешки я тебе сказал на время у себя схоронить, вот так. Программа по переселению и так срывается по срокам, и тебя как первого переселенца от нас никто не тронет, да и жизнь новую начнёте. И не с пустого места, а с помощью государства. Что думаешь?

– Сергеич, да я пока и не знаю, что сказать...

– Короче, выбор у тебя такой: или лагерь, мне всё едино придётся ход Зойкиной бумаге давать, деваться мне некуда, или заявление на вербовку для переселения. Иди домой, поговори с домашними и утром придёшь в контору с ответом. Иди и думай, всё, ступай. Более ничем не помогу, извиняй. Устал, прилягу тут, уже сил нет до дома идти.

– Спасибо, Сергеич, прав ты, думаю, пойду с Олимпиадой поговорю... и с утра к тебе.

– Всё-всё... Иди...

Домой Василий пришёл почти в темноте, в окне горела лампа, и можно было разглядеть, как детишки укладывались спать после ужина. Постоял немного, глядя в окно на суету своих домашних, глубоко вздохнул, огляделся по сторонам... Похоже, что придётся расставаться с родным домом.

Старался зайти максимально тихо, но предательский таз всё равно слетел с гвоздя и заплясал в безумном громком танце по полу. Всё, как обычно...

Дети утихомирились, наступила в доме тишина. Василий разделся, присел у печи, от которой шло приятное тепло...

– Есть будешь? – Олимпиада Ивановна быстро собрала мужу нехитрый ужин. – Весь день голодал, садись, сегодня два хвоста селёдки выдали, тебе кусок оставили.

– Водка есть?

Олимпиада Ивановна по голосу мужа поняла, что случилось нечто серьёзное и спорить бесполезно. Молча достала початую бутылку и стакан. Немного подумав, достала и второй стакан.

Сели ужинать. Василий молча выпил водки, супруга пригубила и стала внимательно наблюдать, как муж ест. Всё так же, в полной тишине, налили по второй, выпили. Закусили. Василий показал на стакан, жена налила по третьей... Что-то совсем серьёзное... И с тревогой посмотрела на мужа.

– Ну, так что? Не томи... – не выдержала Олимпиада.

– Говорил с председателем. Делать нечего, надо писать заявление, вербоваться на переселение, будем уезжать из деревни. Иначе в лагерь, за овёс с Зойкой.

– Так Зойка, стерва, жива-живёхонька, а овёс ты сам перетащил обратно в конюшню, так за что лагерь?

– Ты дура? И за меньшее сажают...

– Пошто сразу дура? Ты толком скажи, чаво председатель говорил?

– Да так и говорю: или в лагерь за овёс и Зойку, или в переселенцы, на неметчину...

– Господи, спаси и сохрани, это ж на край света, чужбина, неметчина... Как мы там жить будем, а дети как? А хозяйство, какое-никакое, а своё... Так как же? Страх божий... Может, как-нибудь обойдётся?

– Не обойдётся... Утром надо писать заявление на переселение. Ещё денег дадут, корову и живность на обустройство обещают, как-нибудь выдюжим, и на неметчине люди живут...

Практически всю ночь под охи и молитвы Олимпиады Ивановны супруги решали, как им лучше поступить, но вариант с лагерем не нравился обоим, поэтому, хоть и с большим сожалением и страхом, решили стать переселенцами...

На рассвете Василий Иванович, надев почти новые сапоги и фуфайку, направился в контору к председателю вербоваться на переселение.

Под одобрительное похлопывание по плечу Василий написал заявление. Вместе с ним, уже за своим столом, председатель строчил докладную записку о переселении многодетной семьи в новую Кёнигсбергскую область с прошением о заказе причитающихся денежных выплат, продовольственного пайка на период переезда и внесения их в план снабжения животными и птицей по приезду на место переселения. Закончили почти одновременно.

Получившаяся положенная к выплате сумма оказалась большой, а учитывая, что колхозники натуральных денег практически не видели, она казалась просто невозможной. Председатель промолчал и решил ещё раз перепроверить, ему показалось, что такой большой суммы просто не может получиться... Василий тихо сидел и ждал, когда председатель ещё раз всё пересчитает и даст ему полный список всего добра и живности, которое его семья получит по приезду на новое место жительства, где-то там, на далёкой неметчине. Название новой области ещё не прижилось. Точное место назначения для заселения скажут из райисполкома несколько позже.

Председатель только заканчивал перепроверку данных, как за окном послышался треск мотоциклки. Сергеич выглянул в окно и тяжело вздохнул: мотоциклкой рулил участковый милиционер, а в люльке восседала гордая Зойка. Председатель ехидно хмыкнул и удобнее уселся на своём стуле, готовый встречать непрошенных гостей.

– Здоров, Сергеич! Ты чё тут незаконное безобразие разводишь? – с порога налетел участковый. – Мало того, что мародёров прикрываешь, так ещё и покушение на убийство честного работника советской торговли утаиваешь! Дело-то подсудное, тут не посмотрят на твои заслуги. А, и ты тут...

Милиционер повернулся к Василию.

– Вот и хорошо, даже заезжать за тобой не надо, сам пришёл, собирайся, сейчас поедем в район, – участковый остался доволен сложившейся ситуацией.

Зойка, оставшаяся стоять в дверях кабинета председателя, лучилась счастьем, вот её звёздный час. Будет что бабам в магазине рассказать!

– Слышь... Осади, участковый, – тихо, но с настойчивой угрозой произнёс председатель. – Какое такое покушение на убийство, какое мародёрство? Тебя что-то не туда понесло, товарищ милиционер. Тут я советская власть! И ничего такого тут нет и быть не может. Ты почему постановления правительства не изучаешь? Приказа товарища Сталина не знаешь? Так какой же ты советский милиционер?

От неожиданного отпора председателя у служивого фуражка чуть не слетела с головы. Такого от Сергеича он никак не ожидал. Спорить с осторожничал, решил миром уточнить у председателя, о каких таких приказах товарища Сталина идёт речь, тут дело такое... Очень тонкое... И самого увезти могут к бывшим коллегам...

Зоя совсем опешила и растерянно хлопала глазами в проёме.

Василий вжался в стул и боялся пошевелиться.

– Садись, товарищ участковый, – спокойно произнёс Сергеич. – Я тебе сейчас всё поясню: и политику партии, и политику советского правительства на вверенном нам участке. Слушай сюда, во-первых, никакого мародёрства не было. Это я приказал схоронить два мешка овса на хозяйстве Василия Ивановича для последующей выдачи колхозникам, для поддержания их подсобного хозяйства в виде птицы. Во-вторых, Зойку, твою полюбовницу, никто не убивал, вон, жива-здоровая, в дверях пялится, даже фингала почти нет. Так какое ещё на неё нападение до смертоубийства было? Кто видел? Свидетели кто? А оговорить советского переселенца на новые земли от зависти любой может... Что товарищ Сталин сказал? А он сказал, что с переселенцев всё списывается, почёт им, уважение и премиальные в денежном и натуральном выражении... Вот так-то, товарищ участковый. А Василий Иванович, что ни на есть самый главный в нашем районе многодетный переселенец, о чём я уже и в райисполком сводку подал. Так что? Будешь переселенца заарестовывать, и мне звонить

в райисполком, что участковый решил сорвать освоение новых территорий? – председатель ехидно сощурился, по очереди глядя на опешивших участкового и продавщицу.

– Сергеич, тута ошибочка вышла... Информация неточная, сам понимаешь, проверить не успел, – залебезил участковый, – ты ж знаешь, я за товарища Сталина жизнь отдам... Зойка! Стерва ты, что тут надумала? А? – участковый обернулся к разом побелевшей подруге.

Василий Иванович, получив гору бумаг от председателя, похромал домой. Сегодня ему можно не выходить на работу, надо определиться с семьёй, что они будут забирать, а что оставят или раздадут соседям. В принципе, столько и вещей-то нет, а вот корову и курей надо отдавать в колхоз. Сергеич справку выдаст, самая дорогая справка – о начислении подъёмных денег на обустройство. Супруга да и сам Василий таких денег с роду в руках не держали, то-то Олимпиада Ивановна обрадуется, правду говорят, нет худа без добра... С мыслью о необходимости переселения Василий давно смирился, в любом случае это лучше лагеря.

Супруга не выдержала длительного отсутствия мужа, даже бессонная ночь не повлияла на неё, вышла на улицу и села на лавочку перед домом, с тревогой вглядываясь в конец улицы, где должен был появиться возвращающийся из управы муж. Из головы не выходили тревожные мысли: то о лагерях, то о переезде на чужбину. Как там будет, как детей обустроить, будет ли что кушать, какая земля, получится ли огородик разбить, или строиться сразу. А если строиться, то где в это время жить, много, очень много мыслей о неизвестном будущем... И так страшно, и эдак...

КОМИССИЯ

Василий Иванович подходил к дому, когда из калитки уже вышла встречать заждавшаяся его супруга. Они молча вдвоём зашли в дом, Василий из-за пазухи достал завёрнутые в газету документы и положил на стол. Олимпиада внимательно перебрала листы и попросила Василия рассказать, что это за документы и для чего, да и вообще, что будет дальше, что же председатель говорил.

– Завтра придёт комиссия с председателем, нам надо будет сдать корову и кур, посчитают деревья, всё опишут. И там, на новом месте, мы получим не меньшее количество живности и кустов. Позже председатель скажет, куда нас распределят селиться. На дорогу выдадут продукты и проездные, надо нам подумать, что из скарба забирать будем, с собой берём минимум, остальное приедет отдельно. Главное тут, аж 2800 рублей невозвратных на нашу семью, и на месте ещё подкинут деньжат на нужды. Может, всё не так и плохо, что скажешь?

– Да, денег немало, это хорошо. А одежду с обувкой по государственной цене выделять будут?

– Да, председатель сказал, что всё можем заказать по приезду, и привезут, вот так как-то.

Олимпиада продолжала бояться переезда, но уже как-то легче думалось. И огромная сумма подъёмных уже грела её беспокойную душу.

– А деньги когда получим?

– Председатель при мне запрос сделал, сказал, что всё ещё до отъезда получим.

– Хорошо, что до отъезда, так как-то спокойнее. Не надуют.

– Это дело государственное, тут не надуют, – уверенно заявил Василий. – Ну что? Давай всю живность сдадим, а то дорога дальняя, как бы чаво не сделалось с ней, можем не довести. А там получим, председатель обещал. Да и в бумаге так написано, государство обязуется. Нет, всё хорошо будет...

– Ага, пойду, помолюсь.

– Иди-иди, помолись и попроси, чтоб наша корова до колхозного стойла дожила...

Через день серьёзная комиссия, во главе с председателем и вечным секретарём комиссии Зойкой, пришла на двор к Василию. Пересчитали кур, деревья, кусты, посмотрели на доходягу-корову. Зойка-секретарь давилась от злости, но молчала. Пока дети с Василием ловили кур по описи, корова упала в обморок.

– Это она от счастья, что в колхозный коровник переходит, – съязвила Зойка. – Тута она бы и не выжила. А на неметчине им, небось, справную корову дадут, а дохлятину дома оставят...

Комиссия осмотрела небогатое хозяйство, оставляемое в распоряжении колхоза, составили опись с актом передачи.

– Ну вот, всё чин по чину. – Сергеич явно был доволен, что злобная Зойка давится от досады, и специально для неё продолжил: – Получите справку в управлении об имуществе, а по приезду вам ещё ссуду на поросят выдадут, на одежду с обувкой, там всё по государственным ценам будет, детисшек приоденете. Может, дом готовый дадут, а может, постройтесь... На всё государство денег даст, не бросит... Ждите распоряжений, тут и так отставание от графика, так что ждать недолго.

Добитая председателем Зойка фыркнула, всучила папку с актами Сергеичу и, чертыхаясь вполголоса, развернулась и кинулась в сторону магазина.

– Зоя, а ты куда, а стопочку? – Сергеич не скрывал своей радости, что достал её, и крикнул вдогонку: Беги осторожней! А то своё добро по колдобам растрясёшь...

Все поглядели на нелепо подпрыгивающий силуэт убегающей Зойки и начали смеяться.

– Ну что, дело сделано, слышь, Олимпиада, а как насчёт стопки на удачу?

– Сергеич, уже накрыто, чем богаты... Заходи в дом, и вы заходите, – хозяйка обратилась к остальным соседям.

День пролетел, наступил вечер, соседки периодически выбегали к себе и доносили выпивку и нехитрую закуску. Составление акта степенно превратилось в вечер проводов новоиспечённых переселенцев. Некоторые завидовали, некоторые боялись неизвестности и удивлялись такой решимости Василия с Олимпиадой рискнуть и уехать в такую даль... Знали бы они, как те стали переселенцами...

Наступил день, когда начали паковать свои пожитки. Соседи подарили фанерный чемодан, объёмный, немного потёртый, оклеенный дерматином, почти целый. Зато он закрывался на ключик и был с рабочими замками... Всё остальное завязали в узлы, из мебели – две этажерки и табуретка. Дети поутихли, они пока не придумали, как им реагировать: то ли радоваться, то ли реветь. Олимпиада потихоньку, скорее по привычке, причитала, Василий переживал молча. Но было страшно всем ехать в неизвестность. Хотя не все боялись переезда, Сашка был счастлив. Он давно мечтал уехать из деревни, с тех пор, как увидел город, лет пять назад, куда его как-то с собой взял отец. И наверное, все молодые парни мечтают о новых путешествиях, дорогах, людях, городах... Но, несмотря на своё хорошее настроение, Сашка из всех сил старался не показывать своей радости.

Прогремела разбитая полуторка, закинули нехитрые пожитки, семейство уселось на лавки кузова. Олимпиаду с котом посадили в кабину. Тронулись. Соседки высыпали на улицу и, утирая слёзы, махали руками, а мелкая детвора скакала рядом с машиной до самого поворота в лес от деревни... Пункт назначения в бумаге имел непонятное название на чужом языке – посёлок Другенен. Что это?.. Немцы есть немцы, там всё непонятно...

– Слышь, Василий, как прибудете, непременно отпишись, как доехали и устроились, слышь, обязательно отпишись, всему колхозу читать стану! – председатель ещё что-то кричал вдогонку, но шум автомобиля и дороги всё заглушил...

(Продолжение следует)

Берега Янтарного края

К 80-летию Калининградской области

Михаил Поленок

Михаил Демьянович Поленок – капитан 1 ранга запаса, ветеран военной службы, член Союза ветеранов военной разведки. Более 32 лет проходил службу в разведке ВМФ СССР и РФ. Награждён двумя орденами, многими медалями. Член РСП и МСП «Новый Современник», заместитель руководителя КРО МСП «НС». Прозаик. Лауреат конкурсов МСП «НС» им. В. Пикуля (2022, 2024), финалист литературных премий «Наследие» (2023), «Георгиевская лента» (2024), им. С. Есенина (2024), номинант национальной литературной премии «Писатель года» (2022, 2024). Награждён медалями и дипломами РСП, МСП «НС», Русского литературного центра (РЛЦ). Автор 13 документально-исторических и художественных книг. Публиковался в литературно-публицистических

сборниках Балтийского флота «На флаг и гюйс», историко-литературном журнале «Годы и люди» (г. Нерчинск), газете «Красногорская жизнь» Брянской области, альманахах РСП, РЛЦ, литобъединений «Остров вдохновения» (г. Балтийск) и «Прибрежные волны» (г. Калининград).

АКРОФОБИЯ

Рассказ

ВСТУПЛЕНИЕ

Приглушённый шум большого города, ненавязчиво нарастая, вползал в распахнутое пространство балкона, затем плавно замирал, чтобы через какой-то интервал вновь появиться. Уставший от дневной суеты, как притомившийся путник, тяжело дыша, город медленно отходил от бешеного ритма. Змейки автомобилей, казавшиеся игрушечными с высоты 9-го этажа, заметно редая, спешили доставить задержавшихся пассажиров. Дома, осыпаемые мелкой осенней моросью, как живые помаргивали, погружаясь всё более в темноту.

Елена Павловна уже полчаса с тревогой наблюдала за сыном. Виктор, обхватив голову руками, сиротливо прижавшись к стене, стоял в углу балкона. Она знала – он не любил, когда его беспокоили в такие минуты, но видела, что сын опять мучается от головных болей, периодически раскачиваясь из стороны в сторону. Его взгляд был устремлён на видневшийся вдали городской парк с торчащей над верхушками деревьев парашютной вышкой.

Три месяца назад Виктор, проходивший срочную службу в части разведки флота, был уволен и прибыл в родной дом. Ранее весёлый и жизнерадостный, теперь он вернулся мрачный и молчаливый, с тоской в потухших глазах. Отгородившись от окружающих, всё время проводил дома. Она не узнавала изменившегося сына, не понимала его, и это её пугало. Приступы сильных болей, особенно при резких изменениях погоды, изматывали Виктора. Он падал на кровать, ничего не объясняя, а когда становилось легче, выходил на балкон.

- Виктор, сынок, поешь что-нибудь – с утра ничего в рот не брал.
- Мама, не хочу, попозже.
- Может, врача вызвать? Уже полдня страдаешь.
- Не надо, мама, – не поможет, – тихо, без эмоций и даже равнодушно ответил Виктор.
- Сынок, что у тебя произошло на службе? Объясни. Ведь вернулся ты другим – больным и потерянным.

– Ничего, мама. Всё пройдёт.

Измученная страданиями сына, не понимая причин и не зная, как помочь, Елена Павловна обратилась в военкомат, где ей дали адрес войсковой части Виктора. Попытавшись несколько раз дозвониться, она поняла – надо ехать самой. Присмотреть за сыном попросила Наташу – его бывшую одноклассницу. Ей он нравился ещё со школьных лет, поэтому, счастливая, она сразу и с удовольствием согласилась.

ПОЕЗДКА

Поздняя стывшая осень не радовала погодой. Деревья стыдливо сбрасывали ветхие остатки одежд. Пожухлые листья, прихваченные ночной изморосью, со стеклянным шорохом опадали на платформы вокзала и стоящие около них вагоны.

Состав поезда «Янтарь» в серой, неприглядной погоде дряблой осени выглядел праздничной разноцветной лентой, украшавшей пассажирскую платформу. Голубая расцветка вагонов с рябью балтийской волны и янтарной полосой по бокам радовала глаз и вселяла надежду на ожидаемый внутри уют. Доброжелательное отношение персонала поезда и приятная обстановка немного успокоили Елену Павловну, но неоднократные длительные стоянки с проверками на пограничных переходах не позволили ей выспаться и отдохнуть.

Вокзал Калининград-Южный встретил прибывающий состав бравой музыкой песни Олега Газманова «Балтийский берег» и контрастной немецкой архитектурой. Поезд втянулся под металлическое арочное строение крыши над шестью платформами.

Войсковая часть, где служил сын, была прикрыта посадками деревьев и выглядела мирно, как территория санатория.

– Здравствуйте. Елена Павловна? – обратился к ней худощавый, среднего возраста мужчина в военной форме, ожидавший у контрольно-пропускного пункта части.

– Да. Здравствуйте. Я – мама матроса Мансура.

– Я – командир части капитан 1 ранга Колокольцев Михаил Николаевич. Проходите, пожалуйста, – приветливо пригласил он.

Внутренняя территория части с тёмными корпусами таинственных объектов, вышкой с натянутыми от неё металлическими тросами встревожила её. Всё это было атрибутами загадочного дополнения к заболеванию любимого сына.

Кабинет командира сухостью аскетической обстановки понравился ей.

– Михаил Николаевич, расскажите о моём сыне. Как он служил? – сразу, нетерпеливо обратилась она.

– Ваш сын Виктор был прекрасным матросом и товарищем, – начал Колокольцев. – Крепкий физически, он успешно осваивал специальность разведчика.

– Как же получилось, что он вернулся домой больным и разбитым духовно? – перебила Мансурова.

Командир задумчиво нахмурился. Морщинки собрались у его погасших глаз, а лоб рассекла складка неприятных воспоминаний.

– Расскажите всё, что произошло с моим сыном, – требовательно попросила она.

– Елена Павловна, у нас сложная специфика подготовки матросов. К сожалению, бывают случаи травм и переломов. Я прошу извинения, что не смог уберечь вашего сына.

– Я хочу знать ситуацию, в которой оказался Виктор, чтобы помочь ему теперь.

– Хорошо. Я вас понимаю...

ДЕСАНТИРОВАНИЕ

В тот день отрабатывали упражнения воздушно-десантной подготовки личного состава – прыжки с парашютом, выполняемые с транспортного самолёта Ан-12. Мансура, как и его товарищи, предварительно прошёл тренировки по отработке элементов с вышки. Он многим нравился своей доброжелательностью и целеустремлённостью, легко выполняя нормативы. В ходе же тренировок с пара-

шютной вышки было замечено, что Виктор по команде «Пошёл!» проявляет не свойственную ему нерешительность. Однако высоты побаивались многие, преодолевая страх, это было естественной реакцией новичков.

В злополучный день стояла неплохая погода, но, как оказалось потом, свежий ветер по высоте имел коварные колебания скорости. Ан-12, с парашютистами в грузовом отсеке, лёг на боевой курс для выброски десанта в районе бывшего аэродрома. Рёв и грохот двигателей, вибрация корпуса и бездонный простор под открывшейся аппарелью транспортника захватывали дух и поднимали до верхнего предела уровень адреналина в крови.

– Виктор, что побледнел? Первый раз? Смотри, как красиво! – возбуждённо прокричал старшина 2 статьи Чистяков, поправляя парашютную систему.

Мансуро замотал головой, что-то пытаясь сказать, но только вяло махнул рукой.

– Не дрейфь! Даже командир в одном выбросе с нами.

Колокольцев, как обычный рядовой парашютист, ничем не отличался от них и находился вместе с подчинёнными. Он внимательно осматривал их, отмечая особенности поведения каждого. Побледневшие лица, неестественно собранные движения были обычным явлением.

Ревун и загоревшийся зелёный фонарь бросили десантников двумя параллельными шеренгами, друг за другом, из грузового отсека в бездну. Мощный поток воздуха, свитый из паров сгоревшего керосина, резко закручивал их и швырял, как безвольных котят.

Раскрывающиеся купола парашютов белоснежными зонтиками стали наполнять воздушное пространство.

– Виктор, Виктор, тяни стропы – управляй! – кричал старшина 1 статьи Кузнецов, оказавшийся в воздухе недалеко от Мансуро.

Тот не реагировал, его тело безвольно обвисло на подвесной системе раскрывшегося парашюта.

Неожиданно сильный порыв ветра подхватил группу разведчиков и резко понёс на бетонные плиты бывшего аэродрома.

Побитый, в изорванной одежде Колокольцев с трудом поднялся с бетонки. Рядом с переломанной ногой лежал мичман Шмаков, а поодаль без движения – Мансуро. Около него уже стояла машина скорой помощи группы медицинского обеспечения.

– Товарищ командир, матрос Мансуро без сознания, ударился головой о бетонку – гематома, – доложил дрожащим голосом лейтенант медицинской службы Степанов. – Проводим мероприятия по искусственному дыханию.

– Немедленно доложить в госпиталь и оперативно доставить туда пострадавшего, – приказал Колокольцев...

Елена Павловна, не перебивая, слушала рассказ, сжимая в руках измятый и мокрый от слёз платок. От волнения и переживаний на её лице выступил неровный румянец.

– Почему это случилось? Как он мог разбить голову? – произнесла она сдавленно и задумчиво.

– Мы и сами вначале не понимали, – ответил Колокольцев. – Только после проведённого расследования стало ясно, что Виктор потерял сознание в воздухе. В таком состоянии, коснувшись ватными ногами бетонной полосы, он резко упал на неё, ударившись лобной частью головы.

– От чего потерял сознание? – как самой себе, задала вопрос Мансурова.

– По мнению специалиста-психолога, был превышен допустимый порог стрессовой нагрузки для его организма. В таких условиях автоматически блокируется осознанная деятельность – отключается сознание. Возможно, ранее у него уже была психологическая травма, связанная с высотой.

– Да, да... – о чём-то размышляя, произнесла Елена Павловна. – А где его лечили?

– Доставили сразу в главный госпиталь флота, нейрохирурги тут же прооперировали его. Благодаря крепкому организму Виктора, он быстро пришёл в себя и стал поправляться, – пояснил командир.

– Сын отличался отменным здоровьем с детства. В отца пошёл... – Елена Павловна внезапно оборвала фразу и, как будто что-то вспомнив, потемнела в лице и произнесла: – Наверное, в этом и есть причина?

– Что вы имеете в виду? Какая причина? – поинтересовался Колокольцев.

– Сыну пришлось пережить в детстве тяжёлую трагедию... – задумчиво начала рассказ Мансурова...

ОТЕЦ

Отец Виктора был монтажником-высотником. Весёлый и озорной, порой даже бесшабашный, Пётр любил свою работу, а ещё больше – семью и сына. Виктор тоже, чувствуя отцовское тепло, с малолетства тянулся к нему. Взрослея, он стал интересоваться профессией отца, о ней тот рассказывал всегда весело и увлечённо, даже романтично и с юмором...

Заканчивались высотные работы по подвеске и креплению на опоры высоковольтной линии.

- Папа, возьми меня с собой, – попросил Виктор.
- Нельзя, там опасно. Подрасти ещё немного – потом посмотришь.
- Я уже взрослый, на втором классе учусь.

Пётр посмотрел на сына, заметно повзрослевшего за последний год, и довольный подумал: «Подрастает достойная смена».

– Собирайся! Пора знакомиться с производственной жизнью рабочего класса, – полушутливо и радостно произнёс он.

Виктор с любопытством и мальчишеским интересом наблюдал за работой бригады монтажников на высоте и с гордостью за отцом, крепившим кабель на самом вершине высокой опоры.

– Витёк, нравится наша работа? – задорно, громким голосом спросил отец, перекрепляя карабин страховочной цепи пояса.

– Да, папа, интересно, – подняв голову вверх, весело прокричал он.

– Какой простор, чистота и свобода! Дыши – не надышишься! – с упоением добавил товарищ отца.

– Петя!!! – резкий, как гром среди ясного неба, крик напарника отца разорвал небесную синеву.

Тело Петра, как распластанная птица, рухнуло вниз. Мгновенно померк яркий день – отец, большой и сильный, безжизненно лежал на земле недалеко от Виктора. Остолбеневший и бледный, как полотно, он больше ничего не помнил...

– Елена Павловна, вы его потом лечили? – поинтересовался командир.

– Да, он прошёл длительный курс психотерапии. Мне и самой было непросто, потеряв мужа. По оценке врачей, Виктор восстановил психологическую устойчивость и эмоциональное равновесие.

– Похоже, к сожалению, что глубинный след от трагедии в детстве всё же остался и проявился, как неконтролируемая боязнь высоты в экстремальных условиях, по-научному – акрофобия, – произнёс Колокольцев.

По ходу разговора у командира и матери всё чётче прояснялись причины произошедшего.

– Елена Павловна, Виктору нужна дополнительная реабилитация для восстановления здоровья и поддержка. Я предлагаю помочь вам приобрести две путёвки в хороший флотский санаторий, чтобы вы могли побыть с сыном, – сочувственно произнёс Колокольцев.

– Спасибо большое! Это было бы неплохо.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Открыв входную дверь своей квартиры, Елена Павловна услышала задорный смех из комнаты сына и обрывок разговора:

- Витя, пойдём завтра в кино? Хороший фильм показывают, – предложила Наташа.
- Обязательно сходим! – прозвучал обрадованный ответ сына.

Елена Павловна почувствовала себя легче и светлее. Внезапно пришла мысль: «Пусть едут вместе в санаторий».

Берега Янтарного края

К 80-летию Калининградской области

Вадим Новожилов

Вадим Александрович Новожилов – родился в 1954 году в городе Риге. Окончил ЛГУ им. П. Стучки, историко-философский факультет. Место жительства: Калининград – Рига. Член Союза писателей России. Автор четырёх поэтических сборников. Поэт, сценарист, автор-исполнитель.

* * *

Когда ещё не выдумали правил
и бытию не исчисляли лет,
ступала ночь в серебряной оправе
резвящихся в галактиках комет.
И звёзды, не познавшие науки,
неторопливо ткали млечный плед.
Тогда, тогда явились Миру звуки,
которые сложились в слово «СВЕТ».

И этот свет, от хаоса основ,
вплетали звуки в ожерелья слов,
и застывали в изумленьи боги,
и молвили: да будет так всегда!
А Солнце, непокорная звезда,
лучами выстилало их дороги.

И не по мановению Творца
оттаивали грешные сердца,
и веровали взрослые, как дети,
что лишь для них одних весь этот Свет,
а остального не было и нет.
Тогда любовь царила на планете.

ВЕТЕР

Я шёл, и становился на привал,
И сомневался в прожитых летах,
Но ветер поднимал и напевал:
Всё так, мой друг, всё так, мой друг, всё так!
И снова мерил путь, за шагом шаг.
И сердце отбивало ветру в такт.
И горизонт теплом в лицо дышал:
Всё так, мой друг, всё так, мой друг, всё так!

Я плыл, садился парусник на мель,
Но ветер помогал сойти с мелей.
Кружила песня голову, как хмель:
Смелей, мой друг, смелей, мой друг, смелей!
И вновь впивались мачты в небеса.
Шквал налетал, что может быть милей,
И ветру подпевали паруса:
Смелей, мой друг, смелей, мой друг, смелей!

Когда же были горы и спеша
Я полз к вершине и срывался вниз,
Тогда шептал мне ветер, чуть дыша:
Держись, мой друг, держись, мой друг, держись!
И ниже опускались облака,
Стелились под меня, вдыхали жизнь.
Поддерживало эхо, как рука:
Держись, мой друг, держись, мой друг, держись!

А если я опаздывал куда
И душу меланхолией душил,
Мне верный ветер в спину дул тогда:
Спешите, мой друг, спешите, мой друг, спешите!
И время замедляло быстрый шаг,
И бой часов отстукивал в тиши,
И отдавало молотом в ушах:
Спешите, мой друг, спешите, мой друг, спешите!

И я спешил, и я не досыпал,
А ветер, как зарубки на летах,
Мне сединою кудри посыпал
И подгонял: всё так, мой друг, всё так!
Иди, скорей иди туда, где ждут.
Но помни, возвращаются домой
Лишь те, что жизнь всю свою идут
всегда вперёд и только по прямой.

И я своих дорог не закруглял,
Не ошивался тёплых мест вблизи.
Мне не казалась круглою земля,
Хоть иногда на ней я и скользил.
Когда ж пришёл домой и отдохнул
И лёг последний слог из-под пера,
Поднялся ветер, двери распахнул:
Пора, мой друг, пора, мой друг, пора.

И вышел, и вдохнул, и зашагал.
И, закружив листы календаря,
Мне снова верный ветер помогал,
Лаская, а порою и жура.
И годы оставались за спиной,
Затягивалась времени петля,
Но всю дорогу стлалась подо мной
Неровная, но твёрдая земля.

ЗИМА

Ещё Светила не остыла медь,
ещё дышали рощи сонным мором.
Вдруг тишина, внезапная как смерть,
накрыла и повисла приговором,
догадкам, положив конец, и спорам.
Ослушаться... – да кто бы мог посметь.

И выщвел лес, и выстыл дом,
и хлынули метели,
и захлебнулись реки льдом
вселенской канители.
И в ледяные зеркала –
глядеть не наглядеться.
Так кровь небесного стекла
по ледяным ручьям стекла
на ледяное сердце.

Зима, зима... снега, снега –
величественный мрамор.
Ваятель-ветер – не слуга –
властитель белых храмов.
Хранитель вьюг, гроза лесов,
седой скиталец, рыцарь.
Он вечный холод с полюсов
срывал и гнал, как свору псов,
к ногам седой царицы.

И звёздным пухом млечных опал
усталое дохнуло Мирозданье.
И белизна, не знавшая греха,
на изумлённых снизошла сияньем,
причастием, отнюдь не покаяньем.
А люди?

Люди кутались в меха.
Мы рассосались,
заползли в закашлянные соты, –
ты нас красотами не зли,
плевать нам на красоты.
Хоть измочаль, хоть расчлени –
все щели на защёлки.
Из скорлупы, из ячеи
глазеем, дуем на чай
и раздуваем щёки.

А снег кружил, не флиртовал,
упрёков не приемля,
он ворожил, он бинтовал
израненную землю.
И зарубцовывалась твердь,
и вдовствовали тризны.
Зима, зима, –
унынью смерть,
надеждам – царство жизни!

СПАСИБО

Ой, да не судимы будем (а судимым – не хочу).
Вам за то спасибо, люди, что живу и свет копчу,
Что не спится мне, неймётся, что нет худа без добра,
И за то ещё, что рвётся по ночам из-под ребра.
За терпенье, за мороку, и за душу, и за плоть,
И за то, что вдруг, до срока не прибрал меня

Господь.

Что не клялся, не божился тем, что сроду не имел,
И не жался, и делился, и иначе – не умел.

По доносу ли, подлогу, но не выдал и врагов.
Есть долги, и, слава богу, не роздал ещё долгов.
Не пропилил мозги во зле я, не привадил дураков,
И живу, и не жалею ни себя, ни кулаков.
Кому море по колено, мне пожизненно – торцом.
Я гонял волну по венам и загнал, в конце концов,
И погрёб, и не табанил (пуп не рвал, не бился лбом),
Лишь поскрипывал зубами да похрустывал горбом.

Вам спасибо, добры люди, за предания в летах,
Мол, Земля лежит на блюде, блюдо то – на трёх
китах,

А киты, само собою, сказка, выдумка. Зато
Работяги-китобои не добыли тех китов!
«Сказка – ложь», а мы не лживы, но заметим
(не соврём):

Будут сказки – будем живы, живы будем –
не помрём.

И невиданные звери, и дремучие леса
Будут жить, пока мы верим в волшебство и чудеса!

Берега Янтарного края

К 80-летию Калининградской области

Лев Вылегжанин

Лев Вылегжанин – родился в Казахстане в интеллигентной семье. Детство, отрочество и юность провёл в Эстонии. С шести лет обучался музыке. Выпускник Калининградского музыкального колледжа им. С. В. Рахманинова. Студент Санкт-Петербургского института культуры. Певец, хормейстер (регент), мультиинструменталист, преподаватель музыки. Лауреат всероссийских и международных певческих конкурсов.

МАНДАРИНОВЫЙ ЗАКАТ

Рассказ

Мы неспешно спустились к «тропе здоровья», почти рука об руку шагая по аккуратной асфальтовой дорожке. Море уже «разговаривало» с нами на языке прибоя, словно хотело выплеснуть все накопившиеся за день новости... А их, видимо, было немало, судя по шуму, доносившемуся с берега.

Солнце уже склонялось к закату, я невольно посмотрел, который был час... оставалось минут пятнадцать до того момента, когда яркий диск скроется за линию горизонта...

Как было радостно снова повидать Её, поговорить о школьных годах, поделиться новостями... Простая, милая девочка, которую, может, и не замечал особо тогда, в далёком школьном детстве...

Девочка... ну, конечно же, девочка... словно время остановилось. Хорошая, искренняя и светлая... по-домашнему уютная.

Я, неуклюже покачиваясь, вразвалочку, периодически «налетал» на её плечо... приобретаемая с наступлением сумерек походка, хотя вроде и тростью пользуюсь, но всё равно боязнь оступиться делает меня похожим на сошедшего с корабля на сушу моремана...

Она неспешно делилась своими новостями, я своими... вспоминали своих друзей-одноклассников, шагая по дорожке вдоль берега, в сторону соснового бора...

Боже! Как же давно, последний раз, я был в этих местах! Невольно вспомнилась история, тридцать пять лет назад, когда с друзьями ходили сюда на пикник, после выпускного вечера... пожалуй, это и было последний раз.

«Когда деревья были большими», – задумчиво произнесла Она...

Да, в ту пору всё казалось большим, дальним, вечным...

«Я правильно вижу, вон там уже спуск дорожки? Так близко!!» – «Да, это на самом деле совсем рядом...» – ответила Она. – Нам в детстве только казалось, что всё очень далеко...»

Я что-то припомнил из тех лет: «А там была лыжная трасса, а по этому склону бегал трусцой на тренировках. А под тем берегом вечно бродили, выискивая диковинные камни и куски голубой глины...» Всё новые и новые картинки всплывали в моей памяти, словно из далёкой жизни в другом мире...

Солнце уже совсем склонилось за горизонт, стало сумрачно. Сквозь сосны пробивался нереальный фантастический свет необычайных красок!

Мы свернули с дорожки в сторону самого берега, я взял её под руку, чуть прижавшись, чтобы уверенно шагать по неровной тропинке. Белая трость только добавляла уверенности... и мы вышли на берег...

Боже! Как это было красиво! Яркий мандариновый свет залил полнеба! Он струился из-под горизонта, окрашивая во все стороны в фантастические цвета перистые облака! Это оказалось настолько невероятно красивым зрелищем, что мы оба, затаив дыхание, замерли! Ещё достаточно

беспокойный шум прибоя и небольшой ветер дополнили ощущений к этой картине... Какое-то время мы молча наблюдали, как краски меняются, приобретая более насыщенные оттенки! Берег, сосны, наши лица – всё было залито мандариновым цветом, всё светилось, отражая краски морского заката...

В эти минуты я невольно ощутил чувство трепета перед Вселенной, перед её Создателем Творцом Богом, перед Его Величием...

Как близко порой ощущается Его присутствие, могущество... и как мало нужно, чтобы почувствовать это...

«Завтра, наверное, будет ветрено и ненастно», – обмолвился я, и мы повернули обратно, в сосны... Ветер поутих, как это и бывает после заката солнца, птичий гомон стих, а наш неспешный разговор продолжился. Я уже не выпускал её, держась под руку и слегка прижимаясь... По дорожке, на обратном пути, нашли небольшую лавочку, присели, достали термос с душистым чаем, умничка, Она захватила с собой. Я достал куличик, пасхальные яйца, и мы поздравили друг друга... Христос Воскресе!

Вы можете прослушать аудиоверсию рассказа в исполнении автора. Для этого пройдите по ссылке через QR-код.

Берега памяти

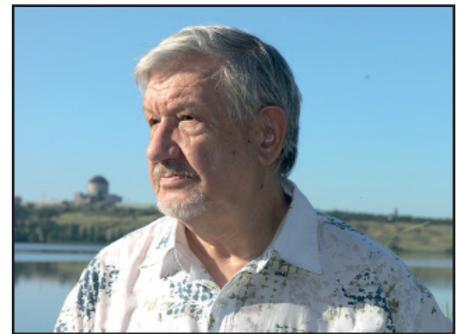
Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного государства, автор 38 художественных, историко-краеведческих, публицистических и научных книг, прозаик, публицист, критик, кандидат философских наук.

КТО ПРИОБЩЁН К ВЫСОКИМ СМЫСЛАМ...

Памяти Сергея Пылёва

Сергей Прокофьевич Пылёв умер в Воронежской больнице 16 января 2026 года, и наполнились болью утраты и скорби все, кто слышал или читал его прекрасные книги или статьи, напечатанные в Москве, Воронеже, в литературном журнале «Берега», членом редакционного совета которого он был, а также в воронежском журнале «Подъём», где он возглавлял отдел прозы, публиковался в Канаде, США и других странах, но главное – в России, журналах «Север», «Волга – XXI век», «Сура», «Гостиный дворъ», «Москва»...

Он понимал, что создание книг в эпоху гибридной войны и звериного расчеловечивания человека – это тоже сражение за души людей, что в излучении выстрадавшего слова зреет будущее. Читающие люди помнят книги Сергея Прокофьевича: «И будет ясный день», «Обстоятельства», «Вам бы птицами родиться», «Радужная звезда», «Сон разума», «Человек Господа», «Удар возмездия», «На чистую волю», «Божьи искорки». Публиковался в журналах «Подъём», «Берега» – с повестями «Гололёд среди лета», «Никишин сад», «А за окном – человечество», «Опыты Луизы над Монтенем», «Матушка». В них длится неустанная работа духа, Родина обнимается со Вселенной, за окном которой человечество в вечности, где не умирает любовь и мечта о мире, не умирает Бог в человеческой душе. Сергей Пылёв был проводником Божественных законов, душевной чистоты, восходя на те духовные высоты, к которым зовёт подлинная литература.

Перелистываю биографию одарённого и скромного, светлого Сергея Пылёва. Десять книг прозы оставил он своим читателям. Гаджеты и человечество – тема книги «А за окном человечество», где отображены большие явления современной жизни: заказные убийства, крах справедливости, однополые «браки», конфликты между преступными группировками и брошенные, оставленные без любви дети преуспевающих бизнесменов, исповедующих одну «национальную идею»: ничего личного – просто бизнес, цифровое рабство. «Кто возьмёт общество со страшной проблемой морального банкротства на ладони любви?» – спрашивает писатель.

«Никишин сад» – повесть о духовно несломленном человеке, испившем до дна чашу страданий в поисках справедливости. Он высаживает яблоневый сад на месте сгоревшей родной деревни, и каждое дерево в память о конкретном жителе. Его молодой сын, укоренённый в русской православной традиции, живёт в соответствии с богатым внутренним миром его отцов и дедов.

«Опыт Луизы над Монтенем» – какая-то яростная энергия идёт от повести, в которой новоиспечённый предприниматель торгует разбавленным бензином. Луиза – нищая уборщица на его АЗС – находит на свалке книгу «Афоризмы Древнего Двуречья», изменившую эмоциональную Луизу. Философия Монтеня становится темой её бесед с заправщиком Сергеем, уверенным в том, что «наказание зла равносильно его прощению», который видит в Луизе «горько плачущего ребёнка, пришедшего в отчаяние от безжалостной ссылки на планету Земля».

Ярко зримые образы окружающего мира плотно населяют повести Сергея Пылёва и насыщают сердце читателя талантом писателя – вмещать в одну повесть мыслительную историю человечества

с грустным, даже горюющим отдельным человеком, идущим по земным пределам, но поднимающим голову к небу с вопрошанием и обретением духа через душевные муки.

«Пан Пивак» – это история западноевропейской части человечества и тема русофобии. Автор обращается к периоду правления английской королевы Елизаветы, когда её посланник Джильс Флэтчер получил отказ от благочестивого царя Фёдора Иоанновича на беспощадную торговлю в Московии и написал книжицу «О русском государстве», представив его в карикатурном виде. И хотя королева Елизавета «за перегибы» книжицу запретила, русофобия пустила корни. В повести писатель представляет нам поездку журналистов из России в Чехию, на место знаменитого Аустерлицкого сражения. И что-то перетекло в нас, читателей, вместе с воем собаки о тысячах убитых в сражении, что-то было оживлено мановением писательской руки с художественным мастерством, потому что рядом стоят латинские выражения древнейших римлян и досада на манекенов, одетых в форму советских солдат в чешском тире, и доброжелательность, и враждебность чехов, то сдержанных, то непоправимо обречённых на свою отдельность и неслиянность ни с кем.

«Сине-зелёный глюон» – квантовая повесть, рассказывающая, как жили люди по общечеловеческой ньютоновской механике, и вдруг – квантовая в продолжение к ЕГЭ, к сокращению школьного курса на изучение русского языка и литературы. Саркастически отражается в повести ничтожность современной медицины по «стандартам». Один умирает от сердечной недостаточности, другой – от сердечной избыточности, – констатирует писатель, ощущая себя точкой сингулярности, в которой собрана вся боль, накопившаяся за пятнадцать миллиардов лет вечности».

Златоуст нашего времени Сергей Пылёв рисует нравственно живительный мир, наполненный актуальными мыслями и душевной теплотой, к которым читатели находят радостную дорогу. Я уже писала, простите, повторю, что Сергей Пылёв – это переводчик с языка Вселенной на русский, чтобы мы могли найти ту духовную изначальность, без которой душа русская лишается своего корневого начала. Упоминание в повести Большого адронного коллайдера заставляет с тревогой думать о судьбе человека, оказавшегося в зоне риска при поиске ЦЕРНОм (Центром ядерных исследований) под руководством Фабиолы Джиианотти тёмной материи и двойника Вселенной, заявляя о новых технологиях и якобы новом качестве жизни человека, благодаря открытию элементарной частицы под названием «бозон Хиггса». На смену электронике идёт «бозоника». Но станет ли отдельный человек духовно богаче и защищённее?..

Я благодарна судьбе, что в моей жизни есть творчество Сергея Пылёва, за его статьи о моих книгах, за сотрудничество в создании 70 журналов «Берега». Он принадлежит к тем писателям-мудрецам, книги которых заставляют просыпаться человечество от летаргического сна технического прогресса, вспомнить свои корни, Божественные Заветы, материнские песни, отцовские притчи.

Счастлива быть причастной к нашему общему вселенскому выстаиванию, к воплощению колоссального напряжения творческой энергии тех, кто призван свыше аккумулировать духовные и цивилизационные смыслы, состояться в высоком соратничестве с теми, кто приобщён к Высоким Смыслам.

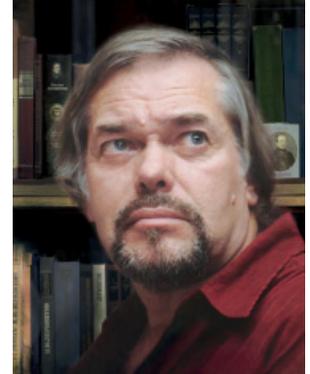
Сергей Прокофьевич Пылёв родился 7 февраля 1948 года на Украине, город Коростень. Вырос на Сахалине. В Воронеже с 1956-го. Окончил филфак ВГУ. С 1966 года работал электриком-осветителем, грузчиком, был сборщиком покрышек (шинный завод), редактором в многотиражных заводских газетах. В течение 1980–1991 годов – редактор отдела прозы воронежского журнала «Подъём», зам. председателя правления отделения Союза писателей СССР, с 1993 по 2009 год – главный редактор журнала «Воронеж», с 2014-го и по н. в. – редактор газеты «За кадры» Воронежского аграрного университета им. императора Петра I, член правления регионального отделения Союза писателей России. С. П. Пылёв – лауреат премии «Кольцовский край» за книгу «Божьи искорки», изданную Сретенским монастырём в 2017 году, дипломант журнала «Берега» за все годы, начиная с 2016 года. Награждён медалью общественного Совета ВДВ России «За верность долгу и Отечеству», медалью «Василий Шукшин», дипломант национальной литературной премии «Золотое перо Руси», медаль «М. В. Ломоносов. За заслуги. Слава русскому народу», дипломант XII Международного литературного конкурса «Золотой Витязь».

Светлая, вечная память!

Берега памяти

Александр Васин-Макаров

Александр Васин-Макаров (1945–2025) – поэт, музыкант, певец. Автор шести книг стихотворений и песен и внежанрового сочинения «Читаю Лермонтова» (5 изданий). Автор идеи и издатель «Антологии русского лиризма. XX век» в 3-х томах (2000, 2004, 2019). Член Союза писателей России; удостоен литературных премий им. А. Блока, «Золотое перо России», «Золотой медали В. Шукшина», медали Министерства культуры РФ «200-летие М. Ю. Лермонтова» и др. 34 года на общественных началах руководил литературно-музыкальной студией народной культуры, которая продолжает активную работу. Жил в Москве.

У ЖИЗНИ НЕТ ЧЕРНОВИКОВ...

ДО

Как здесь оставленно и тихо:
Вода стоячая в пруду,
И плети ив, и облепиха
В давно заброшенном саду.
 Ни проводов и электричек,
 Ни самолётов и гостей,
 Ни многоточий иль кавычек,
 Ни нежности и ни страстей.
Как первый атом, бродишь, маясь,
Во тьме без тропок и дорог.
Всё позже будет – Свет, и «хаос»,
И «человечество», и Бог.

Август 1995

ПЕСНЬ СВЯТОГОРА

Что молчишь ты, равнина родная?
Что ж не по сердцу сила моя?
Облаков равнодушная стая
За плечо уцепилась маня.
 И увижу, чуть ветер над пашней
 Разорвёт серый облачный дым:
 Кто-то синей косынкою машет
 Над осенним шитьём золотым.
Места нет Святогоровой силе?
Мгла вокруг всё новей и новей...
Что ж ты делаешь, мать-Россия,
С самым нежным из всех сыновей?
 Всё ловлю я какое-то эхо –
 Или стон, или зов, или крик;
 Вижу – ласточка бьётся под стрехой,
 Брови хмурит громадный старик.
Говори, говори же, природа,
Хоть моим говори языком –
Тихий шелест лесного народа
Мне давно и счастливо знаком.

Я ещё не устал, не напился
Вдосталь браги апрелей твоих!
Я ещё не совсем растворился
В диких песнях народов твоих.
Снова вижу, чуть ветер над пашней
Разорвёт серый облачный дым:
Это мама косынкою машет
Над осенним шитьём золотым.

1985

* * *

Избранники жизни, любимцы природы –
То «люди» особой, опасной породы:
Особого зренья, особого слуха,
Особого сердца, особого духа.

Любимцы природы, избранники жизни,
Не шлют пожеланий Богам и отчизне,
Безкрайни их нивы, труды их безмерны.
Как все Святогоры, они легковерны.
Избранники жизни, любимцы природы,
В себе оживляют все тайны народа.
Им песня по сердцу, им меч по руке,
Им плуг для прогулок с конём налегке.

Сентябрь 2010

* * *

У жизни нет черновиков –
Она талантливый художник:
Берёза набело растёт,
Воюет с небом подорожник.
Осока! Таволга цветёт!!
Полна поляна иван-чая.
И вечность облаком плывёт,
Людей совсем не замечая.

24 июля 2020

* * *

Что же мне так больно...

М. Лермонтов

Чёрный лес обрамляет дорогу,
Тусклый блеск на асфальте ночном.

Молча молишься Господу Богу,
Но о чём-то большом, не своём.

Лунный свет заполняет округу,
Но дорога пуста и темна;
Не выходит она ниоткуда,
Никуда не приводит она.

Вдоль дороги болотный туманец,
Он крадётся за ней тыщи вёрст,
А небес чёрно-мраморный глянец
Колко искрится зёрнами звёзд.

Торжествует пустынная лунность,
Жизнь застыла, покорна луне.
Мне уже и не больно, не трудно
В этой строгой, литой тишине.

Незнакомая радость: я – здешний!
Как трава, как туман, деревья...
Я не знал её давешний, прежний...
И яснее моя голова.

Чую мир и вблизи и далёко.
Нет вериг расстояний и сил!
Весь пронизан потоками токов
Неизвестных стихий и светил.

Ни тоски, ни тревоги, ни боли –
Только лёгкость и свежий покой.
Ничего и не надобно боле,
Лишь брести по дороге такой.

Август 2010

ОСЕННЕЕ ТАНГО

Наташе

Гремит опавшая листва
И дым осенний бередит;
Последний праздник естества
Глазами светлыми глядит.

Что им ответу? Лишь вздохну –
Природа – Мать, Любовь, Сестра,
Не бойся, я не обману,
У нас с тобою не игра.

Осенний холод птиц ершит,
Пора туда, где вечный зной.
Одна, я вижу, не спешит.
Она останется со мной?

Нет, боль она не отведёт
И не ослабит злой удар,
Но в час недобрый принесёт
Живой воды – свой Божий дар.

Вот так заботами её
Мир воцаряется в миру,
И воин вновь берёт копьё,
Поэт склоняется к перу.

Да, что-то больше, чем любовь,
И даже больше, чем печаль,
Парит над каждою судьбой –
О том ни спеть, ни прокричать...

Гремит опавшая листва
И дым осенний бередит,
И вечный праздник естества
Глазами женщины глядит.

* * *

Когда вокруг разгром и вой,
Готовлю новый век.
Расти свой сад и песню пой –
Мужайся, человек.

9 декабря 1998

* * *

...Нет, что-то бережёт меня...
Вокруг и надо мной витает –
не уплотняется, не тает –
зачем-то бережёт меня.

Да стою ль я, чего во имя
трепещет крыльями своими
невидимый хранитель мой?..

Опять подарено движение –
победы тяжесть, поражение
и марта просветень шальной.

О жизнь... О вечности гранит...
Но ведь стыда не оберёшься,
коль не поймёшь, не соберёшься
содеять то, зачем храним...

16 февраля 1996

* * *

Иду и слышу, что меня
Как будто окликает кто-то...
На августовский березняк
Ползёт лесная позолота.

Смешная дрожь сведёт с ума,
И кровь грохочет, как пророчит.
Всё есть: и посох, и сума,
И хлеба тёмного кусочек.

В груди скопилось много тьмы,
А тьма – материал для света;
Уж столько пережили мы,
Что и не ждём себе привета.

А всё же – август, березняк,
И синь, и шемь, и дух болота...
И, вот поди ж ты, всё меня
Как будто окликает кто-то.

1998

РУССКИМ СТРАННИКАМ

В. Сверканову

Храните странников, храните непохожих –
В них свет небес и грохот подземелий,
В них тьмы веков, загадочность подножий,
Плеск тёплых волн и ледяной купели.

Храните странников, ловите эти взгляды,
В них ясно прошлое и будущее даже –
Круговорот времён, сияние Плеяды,
Кошмар любви... да всё не перескажешь...

Капризы детские – надёжные приметы;
В них огонь души неспешно воскресает.
Храните странников – в них вечные заветы,
Храните странников – они одни спасают.

23 апреля 1992

МОЕЙ ЗЕМЛЕ

Как много накопилось горя
на всей Земле...
Его не отмолить, не отбелить
и всё-таки – прости, Земля...
За всё, что было до меня,
за всё, что будет без меня,
за то в конце концов, что я пришёл
и, может быть, уйду, не раскошелясь.
За то, что я к кому-то не поспею,
чего-то не сумею, не посмею –
прости, Земля!
За непонятную любовь,
за всё, убитое в любом!
За слов ненужных град,
за прожитое невпопад,
за то, что я, несчастный гном,
твоим не становлюсь рабом –
прости, Земля...

Ноябрь 1974

ТЕБЕ – КУДА?

Не спи же ты! Пускай не спится!
Ещё придёт на тыщи лет
Такая ночь, такая тьмища –
Вот из неё уж хода нет.

Махнём-ка к морю-окияну,
Тельняшки где да брюки клёш,
Где жив Михалыч окаянный,
На чёрта лысого похож...

Потом в поля, где солнце греет,
Где пар над пашнею стоит
И где красавец Передреев,
Прищурясь, на небо глядит.

И на Алтай, забытый Богом,
Чтоб ноги сами привели –
Увидеть в Сростках дом убогий
И поклониться до земли.

Да на Кавказ успеть! До срока...
У Машука всех подождать
И, дланью став благого рока,
Мартынову по роже дать!

.....
А ты всё спишь непроходимо
Сном незапятнанным своим...
А кто ж оплачет их, родимых?
И кто порадуется им?

Эпиграф на месте постскриптума:

Моё...

А. С. Пушкин,

«Евгений Онегин», часть V, гл. XX.

15 декабря 1996

СПАСИБО ЛЕРМОНТОВУ

Нет, я не Байрон...

М. Лермонтов

Нет, я не бард; нет, я другой,
Хотя, как многие из них, я старый
И, как они, хожу с гитарой,
Но только с русскою душой.

Я начал позже, но другое...
Пусть я не много совершил,
Но, будучи не обольщён собою,
Нашёл я приложенье сил.

А песен океан родимый
Помог почувствовать и то,
Что в этом мире не один я
И что я – русский, иль – никто.

Апрель – 14 сентября 2022

Берега памяти

Нина Волченкова (Брянск)

Нина Петровна Волченкова – автор восьми сборников стихов: «Любимых сосен перезвон», «Тихая моя пристань», «У судьбы тропинок много», «Благодарю за счастье полюбить», «Хочу туда, где свет зари», «Под солнцем спелым», «Звёзды “Вечного зова”», «И крест над куполом сияет», и шести – критики и публицистики: «Родник души» (о творчестве Н. И. Поснова – в соавторстве с Т. И. Посновой), «Путь к горизонту» и «Стремительная проза воина» (о творческом пути Н. Ф. Иванова), «И память тонкой нотой зазвучит» (К 75-летию Победы), «Летящий к Богу – аист легкокрылый» (К 80-летию Победы), «Душа твоя высокого полёта» (Памяти С. К. Вермишевой). Лауреат премий им. Николая Поснова «За Русь любимую», РОО «Брянское землячество» им. Н. А. Мельникова, Национальной премии «Золотое перо Руси». Обладатель спец-

диплома I, III, VII Всероссийского фестиваля-конкурса «Поэзии прекрасный свет» (Анапа), диплома финалиста III Всероссийского фестиваля-конкурса «Поэзия русского слова» в номинации «Поэзия» и специального диплома III Всероссийского фестиваля-конкурса в номинации «Малая проза» (Анапа), диплома Московской городской организации Союза писателей России «Современные писатели России. Золотое перо!», диплома «За верность слову и Отечеству», литературной премии им. первого главного редактора «Литературной газеты» Антона Дельвига, диплома финалиста XIX, XXI и XXII открытого поэтического конкурса им. ветерана Великой Отечественной войны П. И. Шестакова.
nina-volchenkova@mail.ru

18 февраля исполнилось 6 лет со дня смерти выдающегося русско-армянского поэта, публициста, общественного деятеля Сэды Вермишевой (1932–2020)

«ДИАЛОГ НИКОГДА НЕ ПРЕРВЁТСЯ, ПОКА ПОМНЮ Я ВАС И ЛЮБЛЮ»

(Из книги «Душа твоя высокого полёта»)

* * *

Имя моё с досок жизни стирается, –
Имени нет у меня...

Сэда Вермишева. Смятение, с. 88

Себя ты никогда не восхваляла,
Как вол, работу чёрную тащила,
Других на путь души благословляла
И отдавала жизненные силы.

И нет доски, с которой имя стёрто,
Сердца стучат, но боль не покидает.
Прошло шесть лет, но мысль звенит упёрто:
Поэты никогда не умирают.

Ты не умрёшь!
Ты в каждом Божьем звуке.
Стихи подобны мира сотворенью.
Мы на земле не чувствуем разлуки,
Не кончится души твоей явленье.

* * *

Я в небо, как в страницу, текст вписала...

Сэда Вермишева. Смятение, с. 18

На земные просторы
Снег неслышно ложится,
Эха в зимнем лесу не слышать.

В поднебесье высоком
Волнуется птица,
И закату ещё полыхать.
На странице бескрайней
Взгляд теряется мой.
В путь отправилась дальний,
Не вернёшься домой.
Время раны не лечит,
Замедляя свой бег.
Солнце сполохи мечет,
Тихо падает снег.

* * *

И от распятого Христа
Принять нам ношу.

Сэда Вермишева. Смятение, с. 181

Смотрю я ввысь – за облаками небо.
Ты там сейчас, лишь в мыслях я с тобой.
Уже не нужно ни воды, ни хлеба –
Ты в горнем мире, где всегда покой.

Окончен путь земной благопристойно,
Собой являла света образец,
Жила в Законе Божиим достойно,
Но знала ты и терния венец.

Взяв на себя Его святую ношу,
Жизнь воспевала каждою строкой,
Была чиста и в вёдро, и в порошу,
Теперь ты стала горнею рекой.

* * *

Степь и воля в друзья принимали
Под расколотым куполом стуж...

Сэда Вермишева. Смятение, с. 96–97

Сотворение мира, в котором
Ты была очень важным звеном,
Лёгким духом, стремленьем, опорой,
Чтобы вольно дышалось потом.

Степь, и воля, и звёздное небо,
А вокруг белый мир тишины.
Создавалось пространство, где все бы
Жить могли без беды и войны.

Без пороков – их столько скопилось,
Что планета не в силах нести.
А душа твоя, Сэда, молилась,
Чтобы степь могла счастьем цвести,
Чтобы воля и разум в погоне
Не могли друг на друга пенять,
Чтобы радости белые кони
Дали небо зарёю обнять.

* * *

Дробилась на части
И вновь собиралась,
Встречала напасти
И в путь отправлялась.
Печали вселенской
За всех предавалась,
Иконой Смоленской
От бед защищалась.
В провалы и бездны
Ты шла без оглядки,
Поступки известны,
Как выброс перчатки
И вызов на битву,
Где небо не звёздно,
По лезвию бритвы –
До дрожи морозно.
Стихи твои – храм,
И простор, и прощенье,
Полёты к мирам,
И домой возвращенье.

* * *

Время нас отпевать не настало.
Божий Промысел скрыт
И не ведом пока никому...
Идёт на нас волны девятый вал...
Но кто сказал, что я его смиренней?

Сэда Вермишева. Смятение, с. 116–117

Я иду по путям твоих строк,
Собираю, как яхонты, мудрость.
Ты, не зная, даёшь мне урок,
И я верю: наступит то утро,
Когда счастьем наполнится дом
И откроется к Богу дорога.
Я поставлю на полку твой том,
Вал девятый, душа-недотрога.
Я с тобой по душам говорю,
И ложится мой стих на бумагу.

Твоим словом отважным горю,
Во главу ставлю честь и отвагу.
И пусть в сердце прибудет печали,
Память яркая – как никогда.
О тебе позабуду едва ли –
Тихий свет отражает вода.

* * *

Над Непрядвой лебеди кричали.
Александр Блок. На поле Куликовом

Но вот устояли. И путь не избыт...
Сэда Вермишева. Смятение, с. 192

1.

«На поле Куликовом» я читала,
Вторая часть как будто сердце жгла.
Я поняла: ты с Блоком быть мечтала
На поле том, чтоб Родина жила.

Когда заря, проснувшись очень рано,
Лучом прошла по окоёму сечь,
Не эхом ты была на поле брани,
Над Русью ты держала щит и меч.

Богатырей, лежащих под туманом,
Накрыла Богоматерь покровом.
Могила светлых русичей Курганом
Напоминает о борьбе с врагом.

С тобою вновь я Блока прочитала,
Стихами, как слезами, залилась,
Когда ты кровью строки прописала,
Рассветом над Россией занялась.

2.

Вдвоём
На поле Куликовом
Я вижу вас,
Сияет солнце
В восходе новом,
Чтоб свет не гас.
Два войска рядом –
Твоё и Блока,
Уйди, печаль!
Дано увидеть
В мгновение ока –
Какая даль!
Конца и края
Родной Отчизны

Не увидеть.
Звучит под небом
Не песня тризны,
А благодать.

* * *

И прядями осени рыжей
Я слёзы стираю с лица...

Сэда Вермишева. Преодоление, с. 95

Снова глубокая ночь.
Строки читаю и плачу.
Морок дорог превозмочь
Ты бы хотела иначе.

Северных зим маета,
Выхода нет здесь и входа,
Грустных часов пустота,
Скорбная складка погоды.

Я засыпаю. Мне снится:
Вот ты аллеей идёшь,
Осень свою, чаровницу,
Людам в ладонях несёшь.

* * *

Этот тяжкий груз –
Гражданин Союза...

Сэда Вермишева. Преодоление, с. 47

Сколько боли в себе
Ты носила бессрочно
Год за годом в борьбе
По часам, поурочно.
Ты не знала нигде
Никакой передышки,
А круги на воде –
Как волнения вспышки.
Разделили Союз
На ломти и кусочки.
Холод родственных уз
До предела отсрочки.
Раздробила народ
Бесноватая сходня.
И не каждый поймёт –
Что тогда, что сегодня.
Над великой страной,
Неоглядной на карте,
Надругались войной
В безрассудном азарте.

Мести меч не остёр,
И беззуба идея?
Непотухший костёр
Головешками тлеет.

* * *

Странная жизнь... Но страннее мечта –
Клин журавлиный мой, синий...

Сэда Вермишева. Преодоление, с. 174

Я слышу мысль – её ты в стих вписала,
Она о том, что превратились руки
В судьбы сплетенье, горькие излучки –
Совсем не в то, о чём всегда мечтала.

Ты в красках мир воспринимала, Сэда,
А вот когда рождался чёрно-белый,
Его в цветной раскрашивала смело,
Чтоб не легли на небо жизни беды.

Летающим журавлям нужна свобода,
Мечта из поднебесья – яркой точкой,
Взмывает клин и тёмно-синей строчкой
Очерчивает цветопись восхода.

* * *

Сорок тысяч слепых километров
Надо пройти... Остальное потом.
Мир всё же слышит голос набата
Тех колоколен, что в сердце моём!

Сэда Вермишева. Преодоление, с. 158–159

Я убеждаюсь с каждым днём,
Читая слов плетенье, звуки.
Не о себе, не о своём –
Ты мир берёшь весь на поруки.

Откуда ж эти километры?
Где ты взяла их – сорок тысяч?
Летели с гор армянских ветры,
Они пытались грани высечь.

Нули не с острыми углами,
Их замкнутая плавность линий –
Не расстояние меж нами,
Одна ведь буква для фамилий.

Храним мы память рода свято,
Храним реликвию восхода,
Чтоб был духовно род богатым
И без печального исхода.

Колокола пусть бьют тревогу,
И звон малиновый – в усладу.
Все сорок тысяч на дорогу,
Чтоб ветра ощутить прохладу.

* * *

Обогрей меня, Боже,
Дай уйти мне в высокий Полёт!..

*Сэда Вермишева.
Преодоление, с. 80. 2013 год*

Твоё сердце как сито,
Если глянуть на свет.
О, как болью пробито –
Так, что выхода нет.

Чем жила, чем дышала,
Растворилось во мгле,
Оттого трудно стало
Жить тебе на земле.

Обращение к Богу –
Как желание уйти
И земную дорогу
Оборвать с полпути.

Половина вторая –
В небеса лёгкий след.
Только знай, ты живая:
Там, где ты, смерти нет.

Берега культуры и искусства

Элен Левитт

«ЦАРСТВЕННАЯ ЛИНИЯ СКВОЗЬ ТЫСЯЧУ ЛЕТ: КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ОАЭ»

Искусство как линия преемственности

*Князь Никита Дмитриевич
Лобанов-Ростовский
и арт-куратор выставки
Элен Левитт. ВС Academy.
Дубай. 12.02.2026*

*Церемония перерезания ленточки на открытии выставки
«Царственная линия сквозь тысячу лет истории».*

Слева направо: генеральный директор и создатель модели EduPark и игр Be Clever, руководитель ВС Academy Динар Насыров, Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, заместитель министра экономики ОАЭ Абдулла Ахмед Аль Салех, основатель международной школы ВС Academy в Дубае Альбина Насырова. ВС Academy. Дубай. 12.02.2026

Наследие не исчисляется тем, что было унаследовано; оно определяется тем, за что человек решает отвечать перед прошлым и будущим.

Оно не передаётся автоматически – ни по крови, ни по факту рождения, ни по праву имени. Наследие возникает в момент осознанного выбора: продолжать линию, нести её сквозь время, беречь её смысл – даже тогда, когда исторический контекст этому не благоприятствует. Для человека, мыслящего в масштабе поколений, преемственность становится формой служения культуре России.

Именно в этом ключе был выстроен концепт визита князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского и его супруги Джун в Объединённые Арабские Эмираты – первого за последние сорок лет. С самого начала этот приезд мыслился не как протокольное событие и не как частный визит, а как часть цельного культурного высказывания, в котором личная судьба, история рода и художественное наследие соединяются в единую линию.

Для меня было принципиально важно вывести проект за рамки отдельной истории театрального искусства. Экспозиция задумывалась как свидетельство сохранения и продолжения истории великого русского рода – через культуру как форму памяти, через коллекцию как форму ответственности, через выбор, сделанный вопреки утратам, изгнанию и разрывам XX века.

Открытие образовательной выставки «Царственная линия сквозь тысячу лет: культурный диалог в ОАЭ». Слева направо: арт-куратор выставки Элен Левитт, генеральный директор и создатель модели EduPark и игр Be Clever, руководитель ВС Academy Динар Насыров, Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, Джун Лобанова-Ростовская, директор ВС Academy Альбина Насырова, заместитель министра экономики ОАЭ Абдулла Ахмед Аль Салех, директор Департамента изобразительного искусства Dubai Culture (Управление культуры и искусств Дубая) Халил Абдулвахид, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова Екатерина Фёдорова. ВС Academy. Дубай. 12.02.2026

Диалог коллекций и культурных миссий

Одной из смысловых опор визита стала встреча в Bassam Freiha Art Foundation (Художественный фонд Бассам Фрейха) в Абу-Даби с Его Превосходительством Бассам Саид Фрейха и его супругой.

Это была встреча не формальная и не представительская. Это был разговор двух коллекционеров и двух семей, для которых искусство является не сферой частного интереса, а формой служения культуре своих стран.

Разговор касался роли частных фондов и коллекций в формировании институциональной среды, способности личности влиять на культурный ландшафт региона и на сохранение памяти в долгой исторической перспективе. Мы говорили о диалоге между эпохами и цивилизациями, о коллекции как пространстве, где прошлое не консервируется, а продолжает жить и вступать в новые смысловые связи.

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский и Его Превосходительство Бассам Саид Фрейха, медиамагнат и коллекционер, основатель Bassam Freiha Art Foundation, в его личном музее; с супругами – Мариям Саид Фрейха и Джун Лобановой-Ростовской. Абу-Даби. 11.02.2026

*Бассам Саид Фрейха
и Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский
в личном музее Бассам. Абу-Даби.
Личный музей Саида Фрейха.
11.02.2026*

*Элен Левитт, Мариям Саид Фрейха,
князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский,
Бассам Саид Фрейха, Джун Лобанова-Ростовская,
Альбина Насырова, Динар Насыров.
Личный музей Бассам Фрейха. Абу-Даби. 11.02.2026*

Его Превосходительство Бассам Фрейха – как человек, последовательно и системно выстраивающий художественную инфраструктуру региона.

Князь Никита Дмитриевич – как хранитель и продолжатель традиции русского театрального искусства Серебряного века, сохранённой и переданной дальше, несмотря на драматические разрывы истории, смену границ и утрату родины в физическом смысле.

Это был диалог о памяти, которая переживает катастрофы.

О культуре как форме устойчивости. О коллекции как акте доверия будущему

Выставка «Царственный род: тысяча лет истории и преемственности» как пространство смысла и образования

На следующий день, 12 февраля, в VC Academy в Дубае открылась выставка, объединившая в себе культурное событие и образовательный формат для учащихся академии, их родителей и приглашённых гостей.

*Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский
и Альбина Насырова с учениками и преподавателями.
Дубай. VC Academy. 10.02.2026*

Дары Н. Д. Лобанова-Ростовского гравюр с видами Англии международной школе VC Academy в Дубае. В центре экспозиций графические портреты Никиты Дмитриевича, написанные худ. Аленой Лавдовской (Москва). 10.02.2026

В центре внимания оказался не только театр Серебряного века как художественное явление, но и более широкий разговор – о наследии, преемственности и роли искусства в передаче культурной памяти в современном многонациональном и мобильном мире.

Как куратор выставки «Царственный род: тысяча лет истории и преемственности», я выстроила экспозицию как цельное повествование – о соединении родовой памяти, личной судьбы и культуры. Компания ArtLevel выступила соорганизатором выставки, поддержав её как культурное и образовательное высказывание.

Центральной фигурой экспозиции стал князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский – потомок династии Рюриковичей – Рюрик – основатель русской государственности. Предки Лобанова-Ростовского правили Русью 700 лет, а затем 350 лет – Романовы. Он – выдающийся коллекционер и хранитель театрального искусства Серебряного века.

Его коллекция – самая большая частная коллекция русского театрального модерна и авангарда – не результат случайного накопления, а итог осознанной миссии: сохранить и передать культурный

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский беседует с Абдуллой Ахмедом Аль Салех. Дубай. VC Academy. 12.02.2026

Князь Никита Дмитриевич произносит вступительное слово на открытии выставки. Стоят: Джун Лобанова-Ростовская, Элен Левитт, Абдулла Ахмед Аль Салех, Халил Абдулвахид. Дубай. VC Academy. 12.02.2026

Ученица школы BC Academy вручает личный подарок князю Никите Дмитриевичу. Слева – Альбина Насырова, справа – Абдулла Ахмед Аль Салех. Дубай. BC Academy. 12.02.2026

Лекция профессора Екатерины Фёдоровой для гостей выставки в актовом зале BC Academy. Дубай. 12.02.2026

код, сформированный русскими художниками конца XIX – начала XX века, несмотря на изгнание, утраты и исторические разломы.

Сегодня собрание насчитывает более 1100 работ 177 художников и входит в число крупнейших в мире. Произведения из этой коллекции экспонировались в ведущих мировых институциях, включая Метрополитен-музей и Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, что подтверждает её международное значение и институциональный масштаб.

Особая значимость выставки заключалась в её образовательной направленности. Экспозиция была выстроена для молодых людей, растущих в международной среде ОАЭ – пространстве, где многие семьи живут вне страны своего рождения и формируют идентичность на пересечении культур.

Работы коллекции были соотнесены с художественными направлениями, основателями которых стали русские художники, что позволило говорить об истории искусства не как о завершённом прошлом, а как о живом процессе, открытом для личного осмысления.

Однако за образовательной задачей стоял более глубокий смысл.

В мире, где границы становятся подвижными, а идентичности – многослойными, культура не исчезает при смене адреса. Она продолжается в выборе человека, в его внимании к прошлому и в ответственности за будущее. Наследие – это не территория, а внутренняя опора. Его можно нести достойно, не предавая себя и свою историю.

Значимой частью программы стали лекция Екатерины Фёдоровой, доктора культурологии, к. ф. н. и профессора МГУ им. М. В. Ломоносова, и открытая беседа с князем Никитой Дмитриевичем – редкая возможность вдумчивого, личного диалога о судьбе коллекции, о миссии частного собрания и о том, каким образом культурная память может быть сохранена и передана дальше. Всего выставку в день открытия посетили более ста гостей.

Послесловие

Для меня этот проект стал подтверждением одного фундаментального понимания: подлинная ценность искусства заключается не в эпохе, не в стиле и не в материальной форме. Она – в людях. В их готовности сохранять, продолжать и передавать культурную линию, выходящую за пределы времени, границ и политических контекстов.

Если род способен существовать вне географии, то культура – вне исторических разрывов.

Именно это я стремилась зафиксировать в этом проекте – не только как куратор, но и как человек, осознающий ответственность за преемственность как высшую форму культурного действия.

Берега культуры и искусства

Юлия Кузьева

ЕСТЬ ВСТРЕЧИ, КОТОРЫЕ СТАНОВЯТСЯ ПУТЕВОДНОЙ ЗВЕЗДОЙ

Есть встречи, которые меняют тебя, а есть встречи – которые становятся путеводной звездой для многих. Но особенно для подрастающего поколения, которому легко сейчас сфотографировать, проверить на грамотность своё сочинение, нарисовать, сочинить стих или песню.

Кто становится героем-примером для наших детей? Помним, что родители не авторитет до определённого возраста...

Как передать детям ценности, которые для нас стали определяющими?

Только встречи и интервью с достойными представителями уходящего столетия.

Благодарна Альбине Насыровой – основателю английской школы в Дубае за организацию и приглашение на выставку «Царственная линия сквозь тысячу лет», посвящённую предкам князя, его личности как собирателя, и его коллекции.

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский был щедр на острые фразы и важные ответы на вопросы подрастающего поколения.

И остаётся последователен данному самому себе обещанию – подарить свои уникальные произведения музеям мира и обычным школам.

Ученикам ВС Academy он подарил серию старинных гравюр с видами Англии.

Его речь детям:

«Важно время, которое будет необходимо вас приучать к занятиям спортом как можно раньше. Начинать каждый день бегом на 20 минут, гимнастикой и завтраком. Вам нужно буквально “построить” себе здоровье. Я надеюсь, что некоторые из вас будут играть в соревновательные спортивные игры, которые вырабатывают волю двигаться. С помощью этого я стал чемпионом по плаванию в Болгарии. Эта помощь, дисциплина спорта, помогла мне и в деятельности в дальнейшем. А затем, когда вы устраиваетесь на работу, это необходимо, чтобы благодаря крепкому здоровью вы смогли бы делать по крайней мере на 15–20 процентов больше, чем другие. А реальность такова, что из ста студентов, находящихся здесь, лишь несколько оставят глубокий вклад в странах, где они живут. Добиться успеха – требует огромного количества поддержки, воли, энергии плюс спорт, учёба, расширение границ своих возможностей. Постоянно занимайтесь своим телом и избавляйтесь от всех недугов. Мне 92, и вы видите результат этой деятельности. Спасибо!..»

Да, он родился за границей, и Болгария для него Родина, а Россия – Отечество.

Никита Дмитриевич неоднократно говорит, что:

«Наследие не исчисляется тем, что было унаследовано; оно определяется тем, за что человек решает отвечать перед прошлым и будущим.

Оно не передаётся автоматически – ни по крови, ни по факту рождения, ни по праву имени. Наследие возникает в момент осознанного выбора: продолжать линию, нести её сквозь время, беречь её смысл – даже тогда, когда исторический контекст этому не благоприятствует. Для человека, мыслящего в масштабе поколений, преемственность становится формой служения культуре России.

А мы с Екатериной Сидоренко снимаем очередной фильм об этих уникальных людях.

Юлия Кузьева и Никита Дмитриевич.
Международная школа ВС Academy.
Открытие выставки. 12.02.2026

Берега культуры и искусства

Елена Лебедева

Елена Алексеевна Лебедева – родилась в 1949 году. Представитель Межрегионального Шаляпинского центра, родственница второй жены Шаляпина. Публикуется около 20 лет, написала около 70 статей, в том числе для парижской русскоязычной газеты «Русская мысль», автор более 20 статей о русской эмиграции. Данный материал публикуется впервые.

ИЗ ПАРИЖА В НЬЮ-ЙОРК И ОБРАТНО В ПАРИЖ. ШУВАЛОВЫ ПОД ПАРИЖЕМ В ШАТУ

(По воспоминаниям Александры Шуваловой, внучки Фёдора Шаляпина)

После смерти Шаляпина в апреле 1938 года его вдова Мария Валентиновна (1882–1964) жила в Париже вместе только с одной дочерью – Дасией (1921–1977). Дасия родилась за год до отъезда Шаляпина и его второй семьи из России и была самой младшей дочерью певца. Остальные дочери второй семьи Шаляпина и сын Марии Валентиновны в это время уже жили от неё отдельно. В начале 1939 года Мария Валентиновна и Дасия уехали перед надвигающейся войной в США и годовщину смерти Шаляпина 12 апреля встретили там.

Русскоязычная газета «Новое русское слово», выходящая в Нью-Йорке, 12 апреля к годовщине смерти опубликовала воспоминания о Шаляпине писателя Ивана Бунина (1870–1953), импресарио Шаляпина Михаила Кашука (1878–1952), журналиста Андрея Седых (1902–1994) и композитора Александра Гречанинова (1864–1956).

По сообщению газеты «New York Times» от 17 апреля 1939 года, Мария Валентиновна и Дасия приехали в США в феврале 1939 года. Мать и дочь жили в Нью-Йорке в отеле «Новый Вестон».

Эта же газета сообщала, что в Нью-Йорке в старинной голландской реформаторской церкви в районе Бронксвилль 15 апреля прошло венчание Даси Шаляпиной с Джеймсом Робертсоном (1911–1964). В этой церкви дед Робертсона раньше был пастором. На венчании присутствовал сводный брат невесты Эдуард Оскар Петцольд (1903–2003).

Джеймс Робертсон был известным в Нью-Йорке адвокатом, который получил два юридических образования в Принстонском университете в 1932 году и в Юридической школе законов Колумбии в 1935 году. Он был членом Принстонского клуба. Во время войны Робертсон стал лётчиком в составе военно-морских сил США. Семья была материально обеспечена. Однако несколько лет совместной жизни показали несовместимость характеров супругов. Брак оказался неудачным. И через несколько лет он распался.

В 1944 году, когда пара разводилась, в семье был четырёхлетний сын Хью Робертсон, над которым была установлена опека. По сообщению газеты «New York Times» от 16 февраля 1944 года, опекуном мальчика стал его дед Хью Робертсон (1881–1951). Хью Робертсон, согласно «New York Times» от 25 июня 1951 года, десять лет – с 1928 по 1938 год – был исполнительным менеджером в Центре Рокфеллера в Нью-Йорке, а потом перешёл на должность консультанта. У него помимо сына были две дочери и восемь внуков. Однако его сын Джеймс покончил жизнь самоубийством в 1964 году («New York Times» 3 января 1964 года). Ему было пятьдесят три года. Возможно, у него были неприятные черты характера, которые способствовали разводу с Дасей. Через три года после развода с Дасей Джеймс женился во второй раз. Сын Даси Хью попал в обеспеченную семью деда. Впоследствии Хью (1940–1973) стал композитором. Его жизнь оборвалась в тридцать три года. Подруга Дасии в Париже Нина Прихненко сказала, что он покончил жизнь самоубийством. В его семье остались

две дочери – Дася и Маргарет. (Сведения о семье Робертсон в американских газетах помог получить филолог из Голландии Рональд де Вет.)

* * *

Воспитанием ребёнка занималась обеспеченная американская семья Робертсон по линии бывшего мужа Даси. Дася продолжала привлекать внимание мужчин. В Нью-Йорке она познакомилась с будущим вторым мужем – Петром Шуваловым (1906–1978) – представителем известного в России графского рода Шуваловых. Знакомство произошло в ресторане «Валуа». Их представил друг другу Антуан де Сент-Экзюпери (1900–1944), который был другом Петра Шувалова. Так писала мне внучка Шаляпина Александра – дочь Шуваловых.

Пётр Шувалов был офицером армии США. Он руководил славянской дивизией и дослужился до должности подполковника. Во время Второй мировой войны он освобождал Францию от немецких войск. Шувалов спускался на парашюте во время военных действий в Нормандии, работал переводчиком, свободно говорил на русском, немецком и французском языках.

Пётр Шувалов эмигрировал из России в 1919 году вместе с матерью Александрой Илларионовной Шуваловой (1869–1959), урождённой Воронцовой-Дашковой. Он был восьмым ребёнком в семье Шуваловых. Вначале в эмиграции они жили в Греции, а потом переехали в Париж. Мальчику удалось дать хорошее образование. Учился Пётр в двух лицеях – в Париже и Германии. В 1927 году он окончил Высшую школу общественных работ в Париже, а затем уехал в 1928 году работать в Марокко, где находился до 1937 года. Из Марокко он переехал в США и работал инструктором в американской армии с 1937 по 1943 год.

Пётр Шувалов и Дася поженились в октябре 1947 года. Так писала мне дочь Шуваловых – Александра. Для обоих супругов это был второй брак. Первый брак у Петра Шувалова был с графиней Еленой Татищевой (1907–1988) в 1932 году. Согласно документу, находящемуся в парижском Архиве французской организации помощи беженцам, Александра Илларионовна Шувалова (мать Петра) дала разрешение на этот брак 28 октября 1931 года. В этом браке родился сын Андрей в 1933 году.

Второй брак супругов Шуваловых продлился около тридцати лет и окончился их болезнями и смертью. Были сложности, связанные с появившимися вредными привычками Даси. Однако семья сохранялась. Дочь Александра родилась 8 марта 1951 года в Нью-Йорке. Потом семья переехала в Калифорнию, где Пётр Шувалов преподавал русский язык в Армейской школе в Монтерее. В 1956 году семья переехала во Францию, так как Пётр Шувалов демобилизовался и устроился работать в промышленную фирму во Францию из США. Семья поселилась под Парижем в Шату. В эти годы Пётр Шувалов работал также администратором в русскоязычной газете «Русская мысль» в Париже. Мать Шувалова жила в Париже и была довольна, что может видеть сына. В Париже жил и брат Петра Шувалова – Иван (1903–1980), который работал переводчиком.

Сотрудник газеты «Русская мысль» Кирилл Померанцев (1906–1991) познакомился в 1966 году с супругами Шуваловыми и написал после их кончины воспоминания «Сквозь смерть. Дася Шаляпина-Шувалова» («Русская мысль», № 3716, 18 марта 1988 года). Он каждую неделю виделся с ними, когда приезжал к своим знакомым в Шату – супругам Владимиру Крымову (1878–1968) и Берте Ловяновой (1904–1982). Супруги были соседями Шуваловых по садовым участкам. Крымов был прозаиком, успешным предпринимателем и издателем. В России до революции он издавал журнал «Столица и усадьба» с большим количеством фотографий. В воспоминаниях Померанцев писал, что супруги Шуваловы имели американское гражданство, но оставались исконно русскими людьми. Дом, который снимали Шуваловы, был трёхэтажный. Он стоял на берегу Сены, близко к воде. Шуваловы любили приглашать к себе в гости людей, приезжавших из СССР.

Померанцев описал четыре встречи с гостями из СССР. Первая встреча состоялась с супругами-литературоведами Александром Дейчем (1893–1972) и Евгенией Дейч (1919–2014). В воспоминаниях он фамилии их не называет, но в книге «Между сердцем и временем» (составитель Е. К. Дейч) описано знакомство с Шуваловыми и приводится фотография за обеденным столом. На обеде присутствовали и супруги Маршак, жившие в Париже. У Александра Маршака (1892–1975) в Париже вместе с одним французом был ювелирный магазин. Он был родом из Одессы, где у его отца тоже был ювелирный магазин до революции. В России Александр Маршак после призыва в армию был шофёром у великого князя Александра Михайловича Романова (1866–1933), а в Париже он был зна-

*Дасия Шаляпина и Нина Прихненко.
Начало 1930-х годов*

ком с Шаляпиным и стал его фотографом. Отсюда и его знакомство с Шуваловыми.

Дом Шуваловых был очень гостеприимным. Шуваловы и Дейчи подружились. В Париже бывали вместе у русских знакомых. Однажды во время застолья Александр Дейч предложил Дасе перенести прах её отца на родину. Дася отказалась от этой идеи и сказала, что слухи о ностальгии её отца сильно преувеличены.

Вторая встреча у Шуваловых была с двумя молодыми людьми из провинции. Один из них был актёр, а второй – геолог. Дася подарила им при расставании цилиндр Шаляпина и почтовую открытку Шаляпина, написанную им.

Третья встреча была с Евгением Евтушенко (1932–2017). Он много говорил по-английски с Александрой – дочерью Шуваловых, и она была довольна собеседником. Евтушенко читал Шуваловым свои стихи.

В гости к Шуваловым приезжал и директор Большого театра. Он, так же как и Александр Дейч, поднял вопрос о перезахоронении праха Шаляпина. Гость услышал категорический отказ Даси. Она не хотела никаких компромиссов, которые он предлагал. Директор покинул дом Шуваловых и в машине По-

меранцева по дороге на станцию не проронил ни одного слова.

Дружба с Дасей у Померанцева продолжалась до конца её жизни. Судьба распорядилась так, что семье Шуваловых пришлось уезжать из предместья Парижа в глухую американскую провинцию.

В 1970 году у Петра Шувалова произошёл инсульт. Необходима была серьёзная долговременная медицинская помощь. Дасия приняла решение о переезде семьи в США после 14 лет жизни во Франции. Так как семья имела американское гражданство, то в США ей были положены медицинские льготы. Дасия хорошо ухаживала за мужем. Она много разговаривала с ним, хотя он, наверное, не всегда понимал её. В США она определила его в госпиталь. Но через несколько лет заболела сама быстротекущим онкологическим заболеванием. Дочь Александра привозила её на инвалидной коляске к Шувалову. Дасия умерла на год раньше Шувалова в маленьком городке Монтерей.

Померанцев записал на магнитофон беседы с Дасей о жизни семьи Шаляпина во Франции. После её смерти они были опубликованы впервые в США в 1984 году в русскоязычном журнале «Стрелец» в воспоминаниях «Мой отец – Шаляпин». В России они были напечатаны через одиннадцать лет, в 1995 году, в книге «Этот гений – Фёдор Шаляпин» (составитель Н. Н. Соколов).

Когда Дася жила во Франции, её статьи об отце публиковались в «Русской мысли». Она была единственным человеком во второй семье певца, который рассказал о жизни семьи во Франции.

* * *

О Дасе писал живущий в Париже поэт и переводчик Александр Радашкевич (р. 1950). Он работал в «Русской мысли» и зашёл в гости к бывшей сотруднице газеты Нине Прихненко (1919–2009) в мае 2000 года. В результате беседы получилась статья «Дядя Федя. Балет и “Русская мысль”». Но вышла она лишь в 2014 году – через пять лет после смерти Нины Прихненко. Она была напечатана в журнале «Эмигрантская лира» № 2(6) в Бельгии. Нина Прихненко с детства была подругой Даси. Она рассказывала о дружбе девочек, о Шаляпине, которого часто видела. Но отметила, что Дася училась с трудом и была с ленью. Дася поздно вставала утром. Шаляпин говорил ей, что надо брать пример с Нины, которая вставала рано.

Дася любила животных. В семье Шаляпина были собаки, которых она дрессировала. Когда Дася жила с семьёй в Шату, она разводила маленьких собачек элитной породы и получала от этого доходы. В семье Шуваловых хозяйство помогала вести прислуга. Иногда под воздействием алкоголя Дася отключалась от всех дел. Судьба жестоко распорядилась с ней. Семье пришлось уезжать обратно в Америку, где Дася тяжело заболела, ухаживая за больным мужем.

Нина Прихненко устроилась на работу в «Русскую мысль» благодаря мужу Даси – Петру Шувалову. Несмотря на злые языки, которые говорили об их близких отношениях, она смогла внедриться в коллектив, решать все вопросы и много лет проработать в газете.

* * *

Я познакомилась с Ниной Прихненко осенью 1999 года, когда приезжала в Париж как туристка. Приём был очень хорошим, гостеприимным.

В 2001 году 15 марта в газете «Русская мысль» № 4357 вышла моя статья «Парижское знакомство». Потом, когда я бывала в Париже, мы беседовали с Ниной Константиновной. На мой вопрос о том, почему Дасия ничего не написала о ней в воспоминаниях «Мой отец – Шаляпин», она так и не ответила. Возможно, что её близкие отношения с Петром Шуваловым имели место.

Через 14 лет после смерти Нины Прихненко в юбилейный год Шаляпина меня познакомили с дочкой Шуваловых Александрой Шуваловой-Дорман (р. 1951), живущей в США в Калифорнии в небольшом городке Модесто. Её электронный адрес дала мне президент ассоциации «Культура альянса» Анна Зверева (р. 1970), когда приезжала из Франции в Москву. Между нами завязалась переписка, из которой я узнала кое-что о жизни Александры и её родителей.

Александра рассказала, что после переезда во Францию из США в 1956 году она вначале жила у бабушки Марии в Париже, а родители устроились в Воскрессоне (15 км от Парижа). Потом она переехала в Воскрессон и там поступила в католическую французскую школу. В этом городке семья прожила несколько лет. Затем они недолго жили в Сель-Сен-Клу, и Александра перешла во французскую государственную школу. Потом был переезд в Лувесьен (18 км к западу от Парижа). Они жили там несколько лет. Александра поступила в Американскую школу в Париже. После этих нескольких переездов из маленьких городков, находящихся недалеко к западу от Парижа, семья поселилась в Шату – очень близко к Парижу. Александра училась в Американской школе с 1966 по 1970 год.

В 1968 году в Американской школе была организована экскурсия на корабле «Соединённые Штаты» в США. Александре в то время было семнадцать лет. Она поехала в туристическую поездку вместе с другом Полом Строком и своей самой близкой подругой Клаудией Карридди. Поехали и родители подруги. Корабль вышел из Гавра (Франция), пересёк Атлантический океан. В США посмотрели города Арлингтон, Бостон и несколько дней провели в Нью-Йорке. Сохранилась фотография Александры на корабле вместе с друзьями за обеденным столом.

* * *

Мать Александры Дасия говорила, что развелась с первым мужем Джеймсом из-за того, что он часто выпивал. Отец Джеймса Хью был очень властным и грубым человеком. Во время развода он угрожал Марии Валентиновне Шаляпиной депортацией из США.

Когда семья Шуваловых жила в Лувесьене, из США приехал Хью – сводный брат Александры. Она много о нём рассказала и сообщила дату его рождения – 19 января 1940 года. Он окончил в США Оберлинский колледж (штат Огайо) по классу музыки. Хью не был высоким. Он был среднего роста. Хью переехал в Фонтенбло, где учился в Американской консерватории. Директором этой консерватории в период 1953–1977 годов была Надежда Буланже (1887–1979). Она происходила из музыкальной семьи. Её матерью была русская певица. Обучение в консерватории было платное. Хью окончил её и вернулся в США с женой Анной (урождённой Дорнин) в городок Сьюикли в штате Пенсильвания. Это было уже после отъезда семьи Шуваловых в США из Франции. Семья Хью жила вместе с родительской семьёй его жены. Хью писал авангардную музыку и дирижировал оркестром. Когда Хью учился в Фонтенбло, он участвовал в музыкальном фестивале 1968 года в Монако, где получил награду от Игоря Стравинского (1882–1971).

В 1970 году Александра и её родители покинули Францию. Александра поступила в США в Новом Орлеане в колледж, где изучала иностранные языки – испанский и французский. Она окончила колледж и переехала в Монтерей (Калифорния), где жили больные родители. После смерти родителей Александра переехала в Сан-Луис-Обиспо (Калифорния), где прожила сорок лет, а потом переехала в Модесто. Сейчас она живёт вместе с семьёй старшего сына Николаса, которому тридцать пять лет. Внуку Оливеру – сыну Николаса, в этом году исполнится десять лет. Младшему сыну Александры – Эндрю, сейчас тридцать три года.

*Свадьба Александры в Монтерее.
Дасия и Пётр Шуваловы в центре.
Жених Джоэл – крайний слева.
Александра – крайняя справа.
1972 год*

была комната Шаляпина. Там было много шаляпинских вещей. Среди них – его рисунки, чёрный рояль и сувениры. В комнате Александра стояла около бабушки, и ей не разрешали самостоятельно ходить. Потом комнату опять закрыли. Вероятно, иногда эту комнату показывали некоторым гостям. Подъём на верхний этаж, где была квартира, осуществляли на лифте. Лифт сильно дрожал при подъёме, и Александра очень боялась ездить на лифте. Была она в гостях в семье Стеллы (1904–1998) и Жана (1887–1976) де Лимюр, которая жила на одном из нижних этажей. Их сын Иван (р. 1937) был очень красивым. Когда у Александры заболел зуб, его стала лечить дантист Людмила Кострицкая (1905–1990), которая жила в этом доме. Это было очень больно, так как она не делала обезболивания. Александра плакала от боли. Отец отвёз её к американскому дантисту, который с обезболиванием вылечил зуб.

Сейчас Александра носит обручальное кольцо своего отца. На этом кольце выгравирована дата «1 октября 1947 года». Дата указана по-русски. Это день свадьбы супругов Шуваловых.

Александра, как и её мать Дася, любит животных. Она подобрала двух диких котят, назвала их Теодор и Аманда. Теперь приучает их к жизни в доме.

Александрке больше нравится рассказывать об американской жизни. Она прислала мне фотографию, снятую в 1972 году на её свадьбе с Джоэлом Шабраном (американцем немецкого происхождения). Фотография запечатлела и родителей невесты – Дасию и Петра Шуваловых. Впоследствии пара Александра и Джоэл развелась, но бывшие супруги остались друзьями.

Ещё одна фотография, присланная Александрой, запечатлела семью Шуваловых после вручения Петру Шувалову награды на Губернаторском острове (остров находится в Нью-Йоркской бухте и является военной базой армии США). Полковник Дональд Такерей вручил Первую Армейскую Грамоту майору Петру Шувалову за решение проблем обучения языку. Под фотографией напечатано, что после 13-летней службы в американской армии Пётр Шувалов собирается в отставку. Александрке на этой фотографии около трёх лет.

Интересна фотография Дасии с американским пианистом польского происхождения Артуром Рубинштейном (1887–1982), снятая в Монтерее в Армейской школе в середине 1950-х годов. Артур Рубинштейн на фото крайний справа.

Дасия рассказывала Александрке о кончине Шаляпина. Она сказала, что перед самой кончиной Шаляпин встал, подошёл к открытому окну и спел для прохожих на улице. К сожалению, что он пел, Александра не помнит, говорила ли ей Дасия, или нет.

Мария Валентиновна уехала из Парижа в Италию к дочери Марине, когда Александру было около десяти лет. Через два года Мария Валентиновна заболела. У неё был рак желудка. Возможно, что эта болезнь была следствием многолетнего курения для похудения. Зная об этом заболевании, Мария Валентиновна пригласила семью дочери Дасии и семью дочери Марфы в Венецию. Это был прощальный визит дочерей к матери. Александру в Венецию не взяли, а Хью поехал вместе с матерью и отчимом.

В гостях у младшей дочери Ф. Шаляпина Даси (справа первая) и её мужа Шувалова, героя войны. Шату (под Парижем). Май 1970 года. Фото из книги «Между сердцем и временем»

Александра рассказала и про семью дяди Ивана в Париже. Пётр Шувалов практически не контакти-

ровал с ним, потому что считал его предателем из-за его поведения во время войны. Он сотрудничал с немцами. У Ивана была жена Марина и дочь Александра, названная также в честь бабушки. Семья Ивана только один раз была в гостях в Шату. Это было уже после инсульта у Петра Шувалова. У дочери Ивана Александры потом в Париже родилось двое сыновей. Отношения с семьёй Александры в Париже Александра не поддерживает.

У Александры есть золотой медальон, сделанный для Дасии. Он имеет надпись «Даська папа. 1922».

Александра прислала изображение крестильного креста Шаляпина. Эта реликвия находится сейчас у неё и перешла ей по наследству от её матери – Дасии. Но доказательств принадлежности креста Шаляпину нет.

Я послала Александре изображения семи почтовых марок, которые имеют отношение к Шаляпину. Это четыре марки, вышедшие в СССР и России в 1965, 1973, 2012, 2023 годах. Их дополняют три марки, вышедшие в Болгарии в 1970 году, в Никарагуа в 1980 году и в Монако в 2018 году. Александру они заинтересовали, и у неё появилось желание приобрести все шаляпинские марки.

В Санкт-Петербурге в музее-квартире Шаляпина на улице Графтио висит портрет Дасии – матери Александры, выполненный в США художником Савелием Сориным (1878–1953) в середине 1940-х годов. Портрет был привезён в СССР в 1973 году вдовой художника Анной Сориной (1904–1991) в составе картин для передачи их по завещанию художника. Я послала Александре изображение этого портрета. Он ей нравится. Она видела его раньше, но изображения его у неё не было. Александра была довольна, что портрет её матери висит в музее и интересовалась художником.

Сейчас, помимо Александры в США, в Швеции в Стокгольме живёт другая внучка Шаляпина. Это Наталья Фиерфилд (р. 1930) – дочь Марфы (1910–2003). Третья внучка – Екатерина Гарднер (р. 1950) – живёт в Англии в Ливерпуле. Она тоже дочь Марфы. Трое внушек – англоязычные потомки от второго брака Шаляпина.

Александра написала, что у Екатерины есть сын Робин Манби – правнук Шаляпина, который родился 11 января 1991 года и сейчас живёт в Испании. Его день рождения совпадает с днём рождения её младшего сына Эндрю.

Сопrotивление Даси перезахоронению отца имело значение только при её жизни. Она умерла в 1977 году. Позже, когда встал вопрос о перезахоронении, все сыновья и дочери певца согласились с перенесением праха Шаляпина в Москву. Это удалось сделать в конце октября 1984 года. Дочь Шаляпина Ирина Фёдоровна (1900–1978), которая жила в Москве, в это время уже умерла.

В 2024 году исполнилось сорок лет переносу праха Шаляпина на Новодевичье кладбище в Москве с парижского кладбища Батиньоль. За эти годы установлено десять памятников Шаляпину и открыто несколько музеев в разных городах России. Такое количество памятных мест известного человека показывает большой интерес на родине к его жизни и искусству.

Берега Новороссии

Юрий Хоба

Место обитания – Донбасс. Полтора километра от линии фронта. Автор семи сборников прозы, Золотое перо Донбасса. В прошлом – помощник капитана судов заграничного Азовского морского пароходства.

ГАНСИХА

Рассказ

- Колян, мы на том свете или на этом?
- Какая тебе, Гринь, разница? Таким, как мы, везде хреново. А чего вдруг спросил?
- Потому, что смерть вижу.
- Где?

– Вон, на бугре, где мины ставили. А где ты такое видел, чтобы человек по минному полю шастал и ему хоть бы хны?

– Видно, ты после вчерашней бомбардировки памятью повредился. Сам предложил мины на боевой взвод не ставить. Вдруг через бугор драпать придётся.

– Всё равно жутковато. Не бывают же люди такого роста. Разве что наш Василь... Но почему тогда на нём балахон?

– Может, то наш Василь и есть.

– Якого дидька сердяге там делать? Он сейчас там, где все наши хлопцы. Или убитый, или на другой берег речки через брод сдрыснул.

– Тихо... Зовёт кого-то?..

– А я тебе говорю – смерть. Нас ищет.

– Захлопни хлебало, не мешай слушать...

Уткнулись подбородками в растоптанную берцами траву. Слушают, не раздастся ли опять зов.

Но контуженные обстрелом барабанные перепонки из всех звуков воспринимают лишь один – треск поджариваемых на огне автоматных патронов.

Слава богу, глаза ещё не утратили способность воспринимать этот мир. В том числе – великана на фоне полночного светила, которое жидким мёдом заливает вывернутую наизнанку землю. Плывёт косогором, опираясь то ли на посох, то ли на косу.

Увидишь такое, руки-ноги пупырешками возьмутся, власа на затылке вздыбится загравком дикого зверя. Первым не выдерживает Гринь. Совсем уйдя подбородком в траву, бормочет молитву, пересыпая имена святых матерными словами.

– Богохульствуешь, раб Божий? – усмехнулся Колян, хотя у самого в сердёвке так же бесприютно, как на захлёстываемом позёмкой кладбище. – Не боишься, что небеса обидятся?

– Пусть боится тот, кто только на Бога надеется, а сам пальцем не пошевелит... Вот скажи, если бы я не предложил устроить схрон за пределами батальонного опорника, где бы мы сейчас были? Там, где Василь... Понёс торбу комбату, а тут «Градами» накрыло.

Колян промолчал, тем самым признавая правоту собрата по оружию. С пролетевшего вчера вечером беспилотника, конечно, засекли вырытую на отшибе землянку, однако, учитывая мизерность фортификационного сооружения, не сочли нужным сообщить артиллеристам его координаты.

Зато расположившиеся в капонирах боевые машины пехоты, взводные блиндажи и устроенный в железнодорожном контейнере продсклад указали предельно точно. И теперь всё это перемешано со скудной, какая только бывает на приречных холмах, почвой.

Уцелела лишь землянуха да одна из двух банок малосольных огурчиков. Вторую вдребезги разнесло осколком, и теперь к смраду сгоревшей взрывчатки добавился робкий аромат укропа.

Банки – дар бабушки третьего обитателя схрона Василия, который за четверть часа до артналёта понёс комбату банку точно таких огурчиков и то, без чего данный продукт мужиками не употребляется.

По этому поводу Гринь разразился гневной тирадой, из которой можно сделать вывод, что долясука благоволит начальству, зато простой народишко предпочитает держать в чёрном теле.

– Поимей совесть, – одёрнул Колян товарища. – Тебе же сполна отгрузили водки, колбасы, пирожков и прочего. Вот вернётся Василий, и помянем убиенных.

Однако поминки отменила новая бомбардировка. Ещё более жестокая, нежели вчера. А весть о ней на своих крыльях принёс беспилотник. Сделав пару кругов над опорником, он удалился под автоматную пальбу и вскоре сумеречное небо разродилось полымям. Казалось, там, на востоке, вновь вошло солнце. И тут же холки поросших кермеком холмов вздыбились от ужаса.

В итоге численный состав батальона вчера сократился на треть с хвостиком. Хвостик – шестеро убитых, остальное – подавшиеся в бега солдатики, которые, к великой радости местных мужиков, усеяли окрестности рябыми штанами и казенного цвета футболками.

– Колян, слышишь?..

– Патроны рвутся, в ушах звенит. А что ещё?

– Беспилотник шарманку завёл. Давай от греха подальше...

Уползли в землянку. Лица, даже при медовом свете видно, серые, как у всякого, кого судьба загнала под землю.

* * *

На войне атеисты не водятся. Это знает каждый, кому довелось пережить бомбардировку в придорожной канаве. Когда фугасы спрессовывают воздух в громокипящие тюки, к стопам Всевышнего припадает даже тот, кто прежде упоминал имя Богородицы вперемешку с бранью. Более того, если петух клонет в маковку, он на полном серьёзе примется утверждать, что бредущее минным полем существо есть сама Смерть.

Но Смерть одна, а войн на земле множество. Поди умаялась, сердешная, махать зазубренной косой и посему готова передоверить обязанности другой старухе. Пусть она тоже узнает – каково пересчитывать убиенных, и заодно поищет внука, который накануне бомбардировки понёс гостинец комбату.

Тем более у старухи фамилия подходящая – Смертина, по уличному прозвищу – Гансиха, и вдо-бавок ко всему соответствует образу той, которую если кто и видел, то никому уже не расскажет.

Метр девяносто росту, под вольного края балахоном сплошные угловатости, глаза, как у колхозной клячи, которую по причине преклонных лет хоть и не берут в работу, однако постоянно забывают подбросить лишнюю охапку лугового сена.

На такую если и озарится какой старикашка, то исключительно после литра водки. Или – под общим наркосом.

Однако же не далее как сегодня случилось то, что бывает с молодойкой, если та по неосторожности окажется на одном гектаре с охальником.

Правда, Гансиха толком не разглядела вынырнувшего из зарослей кукурузы лихого человека. Всё застил зрачок направленного в солнечное сплетение автомата. Лишь по запаху казенной обуви догадалась, что это солдат.

– Ты кто? – приглушённо рявкнул охальник, и зрачок автомата нарисовал в воздухе знак вопроса.

– Бабка Гансиха... Ой, нет... Это – уличное прозвище. А по паспорту – Смертина Марьяна Григорьевна.

– Кто ещё есть во дворе?

– Одна я... Внучок Васятка обещал забежать. Хотела ему молоденькой кукурузы сварить, да вот... А вы, может, знаете его? Он в части, которая за селом окопалась, служит. Васятка Смертин...

– Да по мне – хоть Могилкин, – хмыкнул служивый и повёл автоматным стволом сверху, словно пересчитывая пуговицы на бабкином балахоне. – Раздевайся, пока я добрый. Да не вздумай орать, пристрелю!

– Бог с тобой, солдатик! Неужто на бабушку позарился?..

– Кому сказано – вытряхивайся из сарафана. Косынку тоже сюда давай, и ведро... А теперь вали отсюда, кошёлка драная...

В беспамятстве метнулась через картофельные грядки, а в голове одна-единственная мысль: «Только бы не увидел кто! стыдобушка какая!.. И трусишки, как на грех, заштопанные».

Захлопнув за собой составленную из двух половинок, верхней и нижней, входную дверь, нажала валерьянки, затем добыла из комода новый балахон и только после всего отважилась подойти к распахнутому навстречу погожему дню окошку.

Но за стенами крытого греческой черепицей домишка всё было спокойно. Потревоженная картофельная ботва тужилась вернуться в исходное положение, иволга на шелковице примеряла роль Соловья-разбойника, серенькая кошечка у дровяного сарайчика намывала гостей.

И только вдали, на приписанном к полезащитной полосе большаке, виднелась фигура в её косынке и балахоне. Издали поглядеть, топает по своим делам очень пожилая женщина. Правда, балахон на ней малость длинноват. Но где такое видано, чтобы встречные-поперечные удостаивали взглядом старух?

Не услышала, сердцем почуяла появление внука.

Вошёл без стука, как и положено вернувшемуся домой. Всё такой же, под потолок, веснушки божьими коровками обсели щёки.

– Привет, бабуль, чего это у нас больничкой пахнет? Прихворнула никак?

– Годы мои такие, чтобы хворать. Мои руки и за стол. Жаль, кукурузы не сварила...

– Спасибо, сыт. Мы с Гринем и Николаем по сухпайку склевали. Да и спешу. Комбат к фермеру Дмитричу с запиской послал. Просит «петушок» на пару часов выделить.

– Окопы рыть, что ли?

– Хуже, бабуль. Братскую могилу. Вчера «Градом» шестерых насмерть положило.

– То-то мне вчера так тревожно было. Хоть и успокаивала себя, что это учебная стрельба, а всё равно беспокоилась.

– И ещё просьба, бабуль. Мы с ребятами скинулись на поминки. А комбат нашей продавщице приказал, чтобы водку солдатам не продавала. Ты уж не сочти за труд...

– Схожу, конечно. Колбасы с хлебом куплю, потом пирожки поставлю.

– Ты, бабуль, просто золото. Вот только выглядишь сегодня... Лицо в красных пятнах.

– Лицо в соответствии с годами. И здоровье тоже.

Ничем не дала знать о случившемся поутру. Зачем, спрашивается, грузить сродственную душу? Лучше уж промолчать. Или увести разговор в другое русло. Как делала это раньше и продолжает делать сейчас.

Однажды Васятка спросил:

– Бабуль, почему в нашем селе народ мелковатый, вроде деда Белены? А мы с тобой вон какие вымахали.

– Коль желаешь узнать, сходи в колхозную дубраву... Говоришь, много раз бывал?... Значит, должен был заметить, что там двух одинаковых деревьев нет. Так и люди. Кто – головой под облака, кому лужа – море глубокое.

Замолчала, со страхом ожидая следующий вопрос: почему бабушку Гансихой кличут? А не дождавшись, с благодарностью подумала о земляках. Всё-таки хватило умишка утаить от парня, что его прабабка Лукерья в одна тысяча девятьсот сорок седьмом году была изгнана из рядов комсомола за связь с Гансом Прютце, который с бригадой таких же военнопленных строил коровники. А может, за давностью лет просто забыли об этом.

Правда, оставленные Прютце гены периодически пасовали перед местными. Так, Марьяна в пятом классе обошла ростом считавшуюся очень высокой учительницу физики, а мать Василька – копия папаши, который утопил трактор и утоп сам. Такая же мелкотравчатая и гулёна почище бабушки Лукерьи.

Вернувшись из города с дипломом повара и младенцем, спустя неделю завербовалась на остров Шикотан – пристанище помятых жизнью молодаяк.

Впрочем, Гансиха не таит обиды на беспутную дочь. Грех корить того, кто подарил тебе опору на старость и смысл жизни.

Конечно, можно было ещё раз попытаться семейного счастья. Приданого-то с избытком: свиньи, птица разная, мотоцикл, ордена Трудового Красного Знамени, медали ВДНХ.

Однако не хотела повторения того, что имело место при первом замужестве. Супруг сразу после свадьбы поставил условие: «Если куда идём, я – первым номером, ты – в кильватере. Не желаю, чтобы народ хихикал».

Да и зеркало отбивало всякую охоту о замужестве. Это в городе бабы-ягодки, а колхознице приличествует первая половина выражения: «Сорок лет – бабий век».

И когда глядеть в зеркало с внуком на руках? Спасибо Господу, малец шалостями не огорчал, с младых лет пособлял по хозяйству. Бывало, Гансиха возвращается с сенокоса за рулём мотоцикла, который издали кажется ползущей по улице копной, а ворота уже распахнуты, на летней печке картошка варится.

– Заруливай, бабуль! – тоном старшего повелевает внук. – И пойдёшь приляг. А я тем временем сено перетаскаю.

И – поделчивый. Угостят пряником, половину бабушке несёт.

Ну как здесь не порадоваться такому сокровищу? Одно беспокоит Гансиху: придёт время, заграбастают парня в армию. При этом не интересуются – чем кормила, сколько поклонов отбила перед иконами, умоляя Богородицу послать исцеление съедаемому горячкой мальцу?

Чего опасалась, то и произошло. Едва исполнилось восемнадцать, принесли повестку из военкомата.

Вместе с внуком засобирались в райцентр и Гансиха. Была надежда, что начальство войдёт в положение одинокой старухи. Однако военкома не впечатлили прищипленные к серой кофтейке ордена и медали колхозной доярки.

– Не расстраивайся, бабуль! – утешал Василий. – Через год вернусь, вновь оседлаю у Дмитрича свой трактор, и заживём лучше прежнего.

Но вернулся раньше обещанного. Взиравшие прежде равнодушно на клокотавший в Киеве майдан земляки бабки Гансихи очень изумились при виде нового сорта саранчи. Уж больно смахивали на прожорливых насекомых юркие броневики и боевые машины пехоты.

Одна кулига железной саранчи, протарахтев под окнами крытого греческой черепицей домишка, позавчера осела за околицей и тут же принялась уничтожать дубраву в стиснутой приречными холмами долине.

Узнав о потраве, Гансиха так опечалилась, что радость от внезапно возникшего на пороге внука почти не отразилась на её лице. И она, вместо того чтобы выяснить, каким ветром занесло Василька, огорчённо спросила:

– Что ж такое творится на белом свете? Всем селом копали ямки для желудей, воду для полива вёдрами таскали с речки, а опосля стар и млад в той дубравушке первомайские праздники встречали... Господи, о чём это я? Вместо того, чтобы радоваться...

– Считай, бабуль, твои труды в дело пошли, – перебил внук. Ещё сильнее вытянувшийся, весь пропахший соляром и пылью просёлочных дорог. – Нечем было перекрывать блиндажи, вот комбат и приказал рубить. Но ты не переживай. После заварушки новую посадим. Будет где праздничную чарку поднять.

– Это уже без меня, – провела ладонью по лицу, слово паутину смела. – Я к тому времени в другое место уберусь... Ладно, мой руки, как наперёд знала – зелёного борща большую кастрюлю сварила. Ещё горячий. А ты рассказывай: надолго ли и откуда? Я так понимаю, с этим войском прибыл?

– Так точно. Стояли в танковом городке на реке Самаре, а неделю назад по тревоге подняли. Четыре дня мыкались по родимой стороншке. Куда ни поткнёмся, отовсюду гонят. А те, которые баррикад везде понастроили, смотрят так, будто выбирают – куда сподручнее вилами пырнуть. Поэтому и отаборились за селом.

– Чем заниматься будете, когда дубраву на блиндажи изведёте? – спросила Гансиха, вытирая белой тряпицей чистую, без единой помарки столешницу.

– Комбат сказал, вас защищать.

– А разве на нас кто-то напал?

– Комбат говорит, мариупольцы бунтуют, в Славянске банда какого-то Стрелка свирепствует... И вообще, бабуль, я – солдат. Что приказали, то и выполняю.

– Получается, не научила тебя жить своим умом? Впрочем, армия, наверное, не то место, где принято размышлять... Борща добавить?

Отрицательно мотнул головой, ложкой орудует споро, как и всякий, кто оголодал на казённых харчах.

А у Гансихи от жалости тоскливо сделалось под сердцем. Чтобы утихомирить задрожавшие веки, вновь провела ладонью по лицу, убирая всё ту же приставучую паутину.

– Кушай, кушай. Дома-то ведь и солома едома.

– Спасибо, бабуль. Ещё бы хлебал, да челюсти притомились... Мать даёт о себе знать? – спросил равнодушно, будто то была дальняя родственница, которой нет приюта в памяти, а тем более – в сердце.

– В кои веки пообещала в гости приехать. Может, и увидишь мать. И сестричку свою. Невеста уже...

– Позвонит, скажи, чтобы погодили с гостеванием. Наши говорят, большая заварушка намечается. Ладно, побегу... На выходные отпрошусь у комбата, он мужик вроде ничего, добрый. Черепица возле дымохода потрескалась, дровяной сарайчик без меня почти до дна подчистила.

Однако заявился в буден день, когда Гансиха только-только отошла от потрясения.

Да и по внуку видать, что минувшая ночь оказалась не самой спокойной в его жизни. Даже жутко представить, какво было парню, когда в селе земля ходуном ходила.

– Я к Дмитричу, – напомнил внук. – А когда пригоню трактор на место, забегу за торбой. Если есть огурцы малосольные...

– Будут и огурчики, и пирожки поминальные будут, – пообещала Гансиха. – На всё войско, конечно, не наготовлю, но твоим друзьям-товарищам и начальству угодить постараюсь.

Замесив тесто, убрала под добытую из того же комода новую косынку цветом постroje сивые лохмы и тоже подалась со двора.

– Стереги тут, – велела серенькой кошке. – А я схожу в церковь, поставлю две свечки. Одну – во здравие Василька и нас с тобой, другую – на помин рабов Божьих. И опосля – в магазин.

Однако кошка на приказ хозяйки никак не отреагировала. Наверное, размышляла: шугануть ли с шелковицы иволгу, или подождать, когда та уберётся по собственной воле?

Церковь – бывшая колхозная контора. О её принадлежности к храму Божьему можно догадаться по венчавшему крышу кургузому куполу и подвешенному к перекладине на столбике колоколу, который периодически напоминал землякам Гансихи о существовании души.

Но в самой церкви светло, как на приречных холмах. А ещё здесь пахнет тёплым воском и пылью расцветающего в канун Троицкого дня серебристого лоха.

На двери каморки, горделиво именуемой свечной лавкой, замок. Однако Гансиху это не огорчило. Две восковые свечи она позаимствовала из запасов, которые каждая уважающая себя старуха готовит к смертному часу.

Пожелав Васильку здравия, а убиенным солдатикам царствия небесного, возвращалась домой кружным путём. Через футбольное поле, где паслись козы с глазами падших ангелов, мимо школы и дальше – к продовольственному магазину на сельской площади.

Всё-таки негоже Васильку с товарищами поминать одними пирожками. А если собранных ребятами денег будет маловато, на свои купит хлеба, колбасы и конфет.

Возле магазина десятка полтора мужиков. Одни в качестве третьей точки опоры уже используют велосипеды времён восхождения на престол Никиты-кукурузника, другие ещё не достигли кондиции. Но и те и другие внемлют похожему на жука-долгоносика деду Белене, который почему-то нарядился во всё солдатское.

– Марьяна! – орёт издали дед. – Зацени прикид! Отныне я не задрипаный пенсионер, а целый сержант! Где взял?.. У себя во дворе. Кто-то снял с бельевой верёвки мои штаны, бабка накануне постирала, а взамен оставил мундир... Так что жди, вечером приду свататься.

– Вначале подрасти, – отрезала Гансиха, – потом женихайся. И вообще, мужики, поимейте совесть. Горе у людей, а вы зубоскалите...

– Так мы по ним поминки и справляем, – продолжал балагурить дед Белена.

В ответ Гансиха лишь повела плечом, словно убрала с пути то, что мешало пройти. Не нашлось у неё слов, чтобы осадить человека, которого Господь хотя и создал по своему подобию, но взамен божественного начала вложил детскую погремушку.

Тем более не до пустых разговоров Гансихе. Дома тесто созрело, ещё не куплено то, без чего на Руси ни одни поминки не обходятся.

В этой связи вспомнила любимое выражение мужа-покойника: «Всё зробим, разве только не успеем». Прибаутка, конечно, так себе, однако Гансиха старалась, чтобы намеченное на сегодня, сегодня же было и исполнено. Иначе ощущение недоделанного будет тревожить, подобно затесавшейся под одеяло хлебной крошке.

И таки управилась. К возвращению внука испекла последнюю партию пирожков, уложила в холщовую сумку банки с огурчиками, водку, хлеб, колбасу и прочее.

– Предали земле как полагается? – спросила, пробуя на вес сумку – не тяжело ли будет Васятке?

– Предали временно... Как сказал комбат, до лучших дней, когда можно будет ребят отправить по месту прописки в цинковых гробах.

– А когда они, эти лучшие дни, наступят, комбат не говорил?

– Он, бабуль, вроде пыльным мешком прибитый. Его если не посадят, то наверняка разжалуют.

– Помилуй, Господи, нас грешных, – вздохнула Гансиха и перекрестилась на чёрную от времени и созерцания человеческого горя икону Богородицы.

– Побегу, бабуль, с твоего позволения. Ребятам обещал в темпе обернуться. А у комбата полюбому отпрошусь. Ведь старался, за «петушком» бегал, могилу рыл... Черепицу поправлю, дровами займусь.

– То всегда успеется. Главное – береги себя.

Проводив внука до калитки, занялась работой, которая на селе работой и не считается. Накормила серенькую кошку, поросят, гусей, кур. Павшую с крыши стайку воробьёв гнать не стала. Последнее дело лишать голодную птаху хлебной крошки или зерна.

Она ведь тоже тварь Божья. И вечный труженик. От зари до темна добывает пропитание для чад малых. А грядёт зима, совсем худо горемыке. Коль мороз пощадит, сокол-деревник с пушистой от инея ветки сшибёт. Словом, живи, чирикай да не забывай оглядываться.

Человеку тоже следует всего остерегаться. Лихие людишки, вроде беглого охальника, на Руси есть и будут. Обидел, супостат, старуху. Чуть не померла от страха и стыдобушки.

Правда, занозившее душу и тело унижение сейчас кажется ей таким же далёким, как многое другое из прежней жизни. Прошлое потускнело обронённой монеткой, которую лень поднять, тем более – очистить от дорожной пыли.

А всё потому, что утреннее происшествие оказалось лишь началом грозных событий. Никогда ещё беда не подступала в последнее время так близко к порогу крытого греческой черепицей домишка.

Чем бы ни занималась, мысли исключительно о Васятке. Заодно ругает себя последними словами. Всё-таки следовало убедить внука, что его место здесь, но не там, где падают снаряды.

Тем более Васятке незачем вытряхивать кого-либо из одежды. Слава богу, кроме спортивного, есть и другие костюмы. Ну а если кто попытается забрать внука, тот узнает, что вооружённая вилами бабушка будет пострашнее старухи с косой.

– Решено, – молвила вслух, – ежели Васятка отпросится у начальства, обратно за порог не выпущу. А нет, достану из комода приготовленные на смерть деньги и пойду к командиру... Неужто он откажет старухе в последней, может быть, просьбе на этой земле?

Но не ради красного словца сказано: человек строит планы на завтрашний день, а управляющие его судьбой высшие силы эти планы ломают о колено. Уже в сумерках, когда иволге наскучило строить из себя Соловья-разбойника, Гансиха услышала, а спустя минуту увидела окрашенный киноварью уходящего солнца самолётик. Тот самый, который вчера кружил над селом и приречными холмами.

И хотя крылатая игрушка вскоре утонула в накатывающемся с востока сумраке, на село пала тишина. Такая же тревожная, как и скулёж забытого на пастбище телёнка.

Но хозяевам было явно не до просившейся на ночлег скотинки. Земляки бабки Гансихи уже знали, что самолётик, подобно вещему сычу, накликает беду.

И вскоре беда пришла. Она расцвела окоём всполохами, а спустя минуту на месте сведённой под корень дубравы вздыбился такой гремучий лес, что створки распахнутого с утра окошка захлопнулись сами собой. Наверное, решили оградить хозяйку от рукотворного грома.

Только оконное стекло – слишком хрупкая защита. И уж тем более ему не дано уберечь человека от потрясения.

Бабка Гансиха как полоскала в тазике на кухонном столе посуду, так и замерла половицким идолом с поварёшкой в правой руке.

– Господи! – взмолилась обмершим голосом. – Матерь Божья! Обороните внука от лютой погибели, не отбирайте у меня последнее.

И силы небесные дали знать старой женщине, что слова её приняты к сведению. Правда, отреагировали не так, как хотелось того Гансихе. Огненный бич хлестнул по сельской околице. Заодно он погасил растыканные по присутственным местам уличные фонари и лампочку, при свете которой Гансиха полоскала посуду.

– Этого ещё не хватало, – пробормотала она. – Только собралась позвонить Васятке, а электричество пропало. И с ним, как всегда бывало, связь. Наверное, в трансформатор угодило...

Тем временем половицы под ногами продолжали вздрагивать от новых толчков. Беспокойно было и под звёздами.

Казалось, там, на сгустившемся до могильных сумерек небе, играют двое. Угрюмый контрабасист и пьяненький барабанщик, который после каждого взмаха колотушкой роняет на пол медные тарелки.

И под эту адскую музыку старуха Смертина, подобно нищенке с церковной паперти, просила милостыню у Бога:

– Господи великий и всемогущий, – взывала она. – Снизойди к рабам твоим, которые по глупости творят неведомо что...

Наверное, ей следовало начать с главной молитвы всякого, кто попал в переплёт. Но Гансиха помнила лишь начальные строчки – всё, что слышала от бабушки, которая по вечерам зажигала лампадку в красном углу.

Маленькой Марьяне нравились эти вечера. Нравилось глядеть, как от жёлтого огонька теплеют строгие лики святых, нравился шёпот дождя за оконными стёклами.

– Бабушка, – попросила Марьяна, – научи и меня молиться.

– Обязательно научу. Как только вместо выпавших вырастут новые зубки. А то ты сейчас так шепелявишь, что Богородице трудно будет понять, что именно ты у неё просишь.

Однако обещание не выполнила. В один из благодатных вечеров, вымаливая прощение беспутной дочери Лукерье, ушла туда, откуда ещё никто не вернулся. Маленькая, в вылинявшем одеянии, делавшим её похожей на снопик прошлогодней ржи.

Канонада, как и последняя бабушкина молитва, оборвалась на полуслове. Пьяненький барабанщик раз-другой ударил колотушкой и тут же свалился на пол вместе с тарелками. И только сейчас Гансиха заметила, что продолжает держать в правой руке поварёшку.

– Прости, Господи, дуру бестолковую, – повинилась старая женщина. – Из-за этой поварёшки даже лоб не удосужилась перекрестить.

Только не до молитв ей сейчас. На них время ещё будет. От околицы до дубравы полтора километра да плюс две улицы с переулками. Топай себе, общайся по дороге с небесами.

По давней привычке состоящую из двух половинок входную дверь завязала тряпицей. Так сказать, оставила знак – скоро буду.

Ощупью отыскала в дровяном сарайчике черенок от метлы. Будет на что опираться, если устанет. Да и пёс деда Белены натурой в хозяина. Такой же шалопутный.

Однако опасалась напрасно. После столпотворения притихли даже самые скандальные дворняги. Угомонился и дед Белена, мимо двора которого идёт Гансиха.

Вначале даже испугалась: уж не преставился ли шебутной старикашка? Вытянулся во весь росточек на скамье у калитки, медовый свет беспрепятственно льётся в распахнутый рот.

Ан нет, живее всех живых. Просто принял лишнего с дружками, вот и прилёг отдохнуть. Благо время летнее.

Крепко спит дед Белена. Так крепко, что его не в силах разбудить колотушка барабанщика. Но ещё крепче сжимает в скрещенных на груди ладонях начатую бутылку водки. Может быть, бабка Белениха и пыталась реквизи́ровать спиртное, однако с таким же успехом могла вырвать говяжий мосёл из пасти голодного пса.

Дом деда последний в ряду. Сразу на нем – степь. Вырвавшаяся из тесноты сельской улицы полевая дорога разделяется на два рукава. Более наезженный ведёт к артезианской скважине, второй ниспадает в овраг с пологими склонами и течёт дальше, мимо построенных военнопленными немцами, а теперь заброшенных коровников и дичающего колхозного сада.

В своё время саду пытались вернуть статус пашни, однако корчеватель из земляных глыб, корневищ и яблоневых стволов наворотил такие баррикады, что обосновавшаяся здесь волчья стая чувствует себя так же безопасно, как защитники пресловутой линии Мажино.

Но дикие звери страшат Гансиху меньше всего. Волк – не продавшийся за корку хлеба пёс, за версту обходит человека. Да и откуда сирому знать, что в руках старухи черенок от метлы, а не ружьё?

Не страшна Гансихе и ночь. Три десятка лет подряд топтала дорогу к коровникам, зачастую в сплошной темноте доярка и кавалер многих наград Марьяна Смертина.

Нет, не суждено заблудиться тому, кто наизусть изучил тропинки своей малой родины и у кого есть общее с перелётными птицами и штурманами дальнего плавания.

К тому же луна продолжает заливать медовым светом сторожащие обочину куртинки шалфея поникшего, трухлявые стропила коровников и забившуюся в мелкий окоп у дороги боевую машину пехоты.

– Люди! – окликает Гансиха. – Есть кто живой? – И, не дождавшись ответа, шагает дальше. Туда, где за приречным холмом начинается спуск к батальонному опорнику.

В былые годы дубраву тревожила пернатая мелочь да гармошки, под которые земляки бабки Гансихи выводили «У с-саду, у-у моём рас-сцветает с-сирень г-галубая» такими натужными голосами, будто помогали паре колхозных кляч втащить на гору грузённую снопами арбу.

А теперь здесь звучат другие песни. И от них, этих песен, веет погибелью.

– Господи, – взмолилась Гансиха, отмеряя путь посохом, – если надо, забери меня, старуху ничемную, только внучка сохрани живым. Я и на том свете буду благодарить тебя ежечасно! Господи, не лишай меня смысла жить на земле...

Спешит бабка, постукивает черенок от метлы о полевую дорогу. Узрела впереди на медовом полотне ночи чёрные космы пожарищ, и поэтому ей кажется, что степь утратила присущие ей запахи.

Поднявшись на холм, остановилась, словно у ног разверзлась забитая льдом полынья. Там, на месте умерщвлённой рощи, было сумеречно от чада догорающей техники и вывернутой наизнанку земли.

А небеса, застыдившись содеянного человеком, пытаются прикрыть потраву ползущим ложбиной туманом. Ещё малость, и он подомнёт опрокинутый набок вагончик на автомобильном ходу, перебитый пополам корявый шлагбаум и лежащего ничком солдата.

И хотя убитый показался малорослым, Гансиха перевернула его на спину. Но не только для того, чтобы окончательно развеять сомнения. Если солдатик задубеет в скрюченном положении, ему придётся рыть двухместную могилу.

Пособляя похоронной команде, Гансиха сложила руки на залитой чем-то липким груди солдата и распрямила согнутые в коленях ноги.

– Прими, Господи, душу раба твоего, – молвила скорбно, словно уронила в раскрытую могилу горсть сырой земли.

Вскоре Гансиха потеряла счёт напутствиям, которыми живые провожают мёртвых в последний путь. Спотыкаясь о пни и разбросанные ящики, она продолжала укладывать погибших так, чтобы те без помех помещались в гробах, и липкой от крови ладонью закрывала им веки.

В обрушенные блиндажи не совалась. Лунный свет хоть и сродни медовому, однако путь в подземелье ему заказан. Лучше уж дожидаться рассвета.

А пока останавливалась у входа и окликала:

– Есть кто живой?

Но подземелья продолжали хранить могильный мрак и молчание. Тот, кому удалось выбраться из этого ада, сейчас далеко, а мёртвые, как известно, ещё дальше.

Возле раздутого изнутри и продырявленного осколками контейнера запуталась в вязкой, с режущими зубчиками проволоке. Пока освобождалась, изорвала подол балахона и щиколотки. Пришлось пустить на бинты косынку.

Перевязку делала под клетот знакомого моторчика. Наощупь затягивая узелки, подняла голову к небу, откуда продолжал ниспадать медовый свет.

Однако беспилотник, эта вещая птица, описав круг над поверженным опорником, улетел за новой добычей.

А Гансиха продолжала бродить по вывернутой наизнанку земле, пытаясь отыскать внука, а заодно облегчала похоронной команде её скорбный труд.

Правда, порой возникали сложности. Как, например, быть с солдатиком, которого в три погубили согнуло рядом со сгоревшим броневиком? Тронешь, а он рассыплется крошкой головешкой.

Другая бы на её месте прошла мимо. Уж коль не похож очередной бедолага на Васятку, пусть дожидается могильщиков.

Только Гансиха к любой работе привычна. Сама, без посторонней помощи, обрядила мужа-утопленника в последний путь. А скольких старух, от которых разлагающейся требухой попахивало, довелось обмыть, так и пальцев не хватит.

Да и чего мёртвых опасаться? Они в душу не плюнут, а всё, что имели, оставляют живым. Пусть пользуются на здоровье и за чаркой иногда вспоминают.

Тела же солдат пока не тронуты тленом. К тому же запах крови напрочь глушит смрад сгоревшей техники. Такой едкий, что его не в силах разбавить заливаемое медовым светом степное разнотравье.

Правда, Гансиха растерялась, когда чуть не наступила на оторванную голову с сигаретой в зубах. Наверное, бедолага пытался прикурить, однако помешал бритвенно-острый осколок.

Секунду-две поразмыслив, опустила находку в изодранный подол и отправилась на поиск обезглавленного тела.

– Вместо того, чтобы внука искать, таскаюсь как с украденным на колхозной бахче арбузом, – проворчала Гансиха и, набрав в лёгкие чадного воздуха, в тридцатый или сороковой раз окликнула Васятку.

Однако ей ответил чужой, чем-то похожий на шёпот умирающего костерка голос:

– Ты кто? И зачем здесь?

– Старуха я. Внука ищу.

– Подойди ближе. Только на ноги не наступи. Они где-то рядом... оторванные валяются.

Впрочем, ноги солдатика были на месте. Да и руки тоже. Зато брюшина вместе с защитного цвета футболкой была испорчена до самой груди.

– Перевязать тебя надобно, – предложила Гансиха, опускаясь на изодранные колени.

– Надобно было перекрытия блиндажей делать из шести, не из трёх накатов... А в перевязке не вижу смысла... Скоро отойду в страну вечной охоты...

– Грех так говорить, солдатик, – осуждающе молвила Гансиха, выискивая взглядом, куда положить оторванную голову.

– Не солдатик я, бабка... Был комбатом... Теперь вроде сторожа при мёртвых... А грех мой в том, что привёл своих бойцов сюда на погибель... Многие мальчишки совсем.

– О внуке моём что знаешь? – со страхом в голосе спросила Гансиха. – Ростом с меня. Васятка Смертин.

– Правофланговый первой роты?... Так это он от тебя гостинец передал?... Жаль, не успел твоих пирожков отведать...

– Ты за внука скажи. Живой он, или как?

– Сие мне не ведомо... Очнулся, рядом никого. Только шприц валяется... Кто-то вколол обезболивающее... Теперь ничего не болит... Только душа... Ребят погубил, дочери-погодки сиротами останутся... Я слышал, как ты звала... Но думал – мерещится...

– «Скорую» бы вызвать, только связи нет. Как за околицей ударило, так и пропала. А перевязать тебя следует. Могу свой балахон на бинты пустить. Из одного поутру меня уже вытряхнули.

– Иди с Богом, добрая душа... У тебя сейчас дела поважнее. Да на бугор не суйся... Заминирован...

Предупредил и умолк. Похоже, небеса пожалели мающегося душой и телом человека. Наслали на него беспамятство.

И здесь Гансиха вспомнила приписываемую Никите-кукурузнику фразу: «Грядёт час, и живые будут завидовать мёртвым». Да и как не позавидовать комбату, который не видит стоящую перед ним на коленях старую женщину и оторванную голову своего подчинённого?

Зато Гансиху грызут тяжкие мысли, а подсознание рисует одну картину страшнее другой. Она пытается гнать видения прочь, однако те продолжают роиться в воспалённом воображении.

– Господи! – взывает Гансиха. – Яви милость, убереги внука от гибели и увечья! Господи, подскажи, куда идти мне?..

Спотыкаясь об разбросанные ящики, бродит между раздавленными чирьями блиндажей, каждую минуту осеняя себя липкими от чужой и своей крови перстами.

А зародившийся у реки туман уже почти вытеснил золотой свет из долины. Ещё чуток, и в распахнутые люки сгоревших панцирников потечёт могильная прохлада.

Но ещё раньше тумана к ящику с сигнальными ракетами добрался огонёк зажжённого войной костерка.

Первая ракета, заставив Гансиху присесть на корточки, влетела в изрешечённый контейнер и, теряя трескучие перья, заметалась пойманной жар-птицей.

Другие ушли круто вверх, явив обезображенную землю во всей её наготы.

Поэтому старая женщина, смежив веки, терпеливо ждёт, когда приречные холмы вновь обнимет ставший привычным медовый свет. И тогда она продолжит укладывать мёртвых так, чтобы им не было тесно в гробах, а заодно поищет внука, без которого жизнь её на земле утрачивает всяческий смысл.

* * *

– Колян, слышишь?..

– Что именно?

– Какой-то пидер ракетами балуется.

– Наверное, они сами по себе. Из живых на опорнике, наверное, только ты да я.

– А вон то, на смерть похожее?

– Думаю, просто старуха. Может быть, даже бабушка Василия. Окликнуть бы её, да сами не ведаем, куда он подевался... Ладно, потопали отсюда. Как говорят у нас на Полтавщине, до ридной хаты... Я возьму торбу, а ты банку уцелевшую захвати. Что ж это за поминки будут без малосольного огурца?

Ушли окольным путём, оставив по правую руку растерзанный опорник, а спустя четверть часа туманное половодье пополнило список без вести пропавших ещё двумя бежавшими с поля боя солдатами.

Берега прочтения

Сергей Пылёв

Сергей Прокофьевич Пылёв (1949–2026) – прозаик, журналист, член Союза писателей СССР (ныне – России); редактор отдела прозы литературного журнала «Подъём» (Воронеж), печатных изданий (газет и журналов); лауреат премии «Кольцовский край», дипломант журналов «Берега» и «Сура», а также VII Всероссийского конкурса русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба»; широко публиковался в центральных и региональных литературно-художественных журналах, в Москве и Воронеже издано более 10 книг рассказов, повестей и романов.

РАДОСТНОЕ ДЫХАНИЕ ТАЛАНТА

Эссе на тему творчества С. А. Собакина

Сергей Анатольевич Собакин (псевдонимы Серёжа Собакевич, Серджио Собатини) уверенно занимает своё место среди нынешних молодых литераторов, напряжённо стремящихся к обретению новых форм сюжетосложения и стиля. Особенно это чувствуется в нынешней молодой поэзии, перенапрягшейся от поисков необычности, раскованности, смысла бессмысленности.

Прозу молодых такое поветрие ещё не вполне захлестнуло, но процесс, как говорится, пошёл. В области искривления языкового и сюжетного пространства. Однако Сергей Анатольевич, тоже будучи автором молодым, тем не менее во всей этой борьбе за звание самого главного отрицателя основ стоит в достаточной степени особняком. Для него не характерно низвержение авторитетов, хотя он и не принадлежит к тем авторам, кои бдительно соблюдают заветы литературных отцов.

Основанием такой его особой позиции служит то, что Сергей Анатольевич счастливо обрёл свою собственную тему и свой собственный угол зрения. Герои и темы у него абсолютно свои. Прямо говоря, с такими темами, то есть с таким видением особой зоны нашего бытия, в литературу ещё никто не приходил в этом веке.

Думается, не обошлось в его формировании без наследного влияния Салтыкова-Щедрина и Зощенко. Чехов, уверен, к нему присматривается. Достоевский прищурился с заинтересованностью в сторону нашего Сергея Анатольевича. Не знаю, насколько они сами довольны такому соучастию в его литературной судьбе и насколько он сам осознаёт, кому обязан своей оригинальной направленностью, однако более результативно будет такой вывод учитывать, чем с порога отвергнуть.

Я поначалу принял Сергея Анатольевича за одного из авторов новой православной волны. Но чем более читал его произведения, тем очевидней мне становилось, что он внутренне тяготеет к жанру абсурдной сатиры. Только этот жанр под его пером приобретает достаточно непривычные черты. У Сергея Анатольевича наглядно сформировалась собственная литературная позиция: образно говоря, офорты Гойи являются их духовной подпиткой. Обыкновенно сатира даже в лучших щедринских и зощенковских традициях вольно или невольно унижает человека, выставляя перед ним искривлённые зеркала. Но у Сергея Анатольевича сюжет не ломает личность, а, напротив, наглядно испытывает её дух на значимость, на право с пользой присутствовать в этом мире.

Каков высший смысл таких напряжённых испытаний для героев Сергея Анатольевича? Ответ прост: дать читателю увидеть глубинные и мощные пласты возможностей даже самого маленького и самого, казалось бы, «запущенного» человечка. Порой уже загнанного в угол, чуть ли не замурованного в некую незримую, но несокрушимую стену. Однако так или иначе обретающего в итоге свой, пусть маленький, Олимп. Или Преисподнюю.

Итак, отрывок из рассказа Сергея Анатольевича «Тревожные люди» (публикация в журнале «Берега» – № 2(54)-2023) с весьма характерным для его стиля эпиграфом:

«В 1926 году к известному психиатру пришёл изнурённый до дистрофии пациент, судя по манерам – “из бывших”, с жалобой на беспричинную тоску и апатию, из-за которых он совсем не может есть и спать. Осмотрев его, врач посоветовал ему читать юмористические рассказы:

“Лучше всего, батенька, возьмите томик Зоценко. Может быть, вам покажется простовато, этак по-пролетарски. Но смешно! Этот Зоценко – большой весельчак”. – “Доктор, – грустно вздохнул ипохондрик. – Я и есть Зоценко”».

А теперь дадим слово вышеназванному рассказу Сергея Анатольевича:

«Дело в том, что Антон Павлович стал первым человеком, у которого обнаружили частицы золота в... кишках. Точнее сказать – в аппендиксе».

Сатира? Абстракция? Нет, это квинтэссенция сути жизни 98 % землян. Итак, нашего Антона Павловича, как и следовало ожидать, перевели в закрытую экспериментальную клинику. *«В итоге на консилиуме неравнодушных учёных и медиков, – пишет автор, – они заключили (у каждого из присутствовавших, естественно, был свой мотив), что нужно, дескать, срочно извлечь мученика от его золотой ноши и, разумеется, провести неотложную полостную операцию, дабы извлечь из кишок страждущего предмет его страданий, – целый килограмм чистейшего драгметалла. На что, ясное дело, Антон Павлович ответил категорическим отказом».*

Каков же итог?

«...пациент разродился тремя килограммами драгметалла и стал самым известным и богатым человеком в мире, который побил все мыслимые и немыслимые рекорды, ибо собрал всевозможные награды и премии (и всё это без учёта вознаграждения от государства; гонораров за различные интервью и передачи прав для постановок и экранизаций своей биографии); а также удостоился звания самого выдающегося представителя человечества, который останется в летописи как “Золотой человек”».

Далее рассказчик говорит, что вслед его герою появилось очень много лжеипохондриков, которые хотели во что бы то ни стало также прославиться на весь мир и также неслышанно разбогатеть. *«И даже появился такой психиатрический термин, как “синдром золотого человека”, при котором люди сходили с ума в попытках найти у себя хотя бы грамм золотой ноши: “исследователи” истязали собственный организм так, как если бы это было не их собственное тело, а взятый напрокат костюм человека... Но это уже совершенно другая история, дорогие читатели... О которой, возможно, будет совсем иной рассказ».*

На фоне этого рассказа вернёмся к Зоценко. Наследование духовное этому автору прослеживается только в «Тревожных людях» Сергея Анатольевича? Не только. Но явного ученичества мы не увидим. Человек нынче другой пошёл... Как-никак столетие промчалось над нами. Не зря век назад Зоценко говорил о себе так: «Я пишу на том языке, на котором... говорит и думает улица». Только сейчас улица не говорит и не думает. Она играет, забавляется, купается в картинках смартфонных... В связи с этим Сергеем Анатольевичем, первично торящем свою литературную стезю, с опорой на классиков, но тем не менее вполне самостоятельно создан свой особый стилистический и сюжетный мир, в котором пребывают (но не живут) герои, кои показывают нам истинное лицо современного человека, как бы он не прятался за своими мечтами относительно забав и лёгких денег.

Истинный человек остаётся человеком и одновременно дорастает до небес, когда он открывает в себе НЕВЕДОМОЕ и значимое. Герои Сергея Анатольевича взяты из той жизни нынешней, в которой люди живут неизвестно зачем, но только чтобы не созидать, не мечтать, не верить во Господа.

Сергей Анатольевич Собакин (псевдонимы Серёжа Собакевич, Серджио Собатини) родился 1 декабря 1983 года в Москве. Окончил НОУ ВПО «Дербентский институт искусств» по специальности «культуролог». Прозаик, публицист, поэт-песенник, композитор, звукоимитатор; член Совета молодых литераторов Союза писателей России (г. Москва), ЛИТО им. Ф. Шкулёва (г. Видное, Московская обл.).

Участник VI Всероссийского совещания молодых литераторов Союза писателей России (Химки, 2023); лауреат I Всероссийского литературного фестиваля «Литературная карусель», посвящённого детской и юношеской прозе и поэзии (РСПЛ, 2023).

Финалист II Международной литературной премии им. А. И. Казинцева для молодых прозаиков (журнал «Наш современник», 2023), Всероссийской литературной премии им. В. П. Астафьева в номинации «Иной жанр» – публицистика (журнал «День и ночь», 2023), литературной премии Губернатора Курской области «Курская битва – 80» (СПР, 2023), Областной литературной премии поэзии и малой прозы им. И. А. Бунина (МОО СПР, 2023), общественно-литературной премии «Тэффи», посвящённой сатире и юмору (МОО СПР, 2023).

Лауреат I степени VII открытого областного литературного конкурса «Звёздное перо» им. Г. Н. Кольцова (МГО СПР, 2023), лауреат III молодёжного межрегионального литературного православного конкурса «Волжский благовест – 2023» в номинации «Поэзия» (СМЛ СПР Ульяновской области по благословию митрополита Симбирского и Новоспасского Лонгина).

Автор романов, рассказов и повестей в жанре мистического реализма, антигрязного реализма, духовно-психологической (православной) прозы, сатиры и трагифарса, детской литературы. Публикуется в журналах «Москва», «Берега» (Калининград), «Наш современник», «Волга – XXI век» (Саратов), «Артбухта», «Профессиональная психотерапевтическая газета» и др.

Работал писателем в продюсерском центре при Фонде защиты сирот, внештатным журналистом газеты «The Moscow Times», а также газеты «English» – учебно-практического издания для студентов и преподавателей филологических вузов, в котором писал статьи и литературные произведения на английском языке.

Многие годы являлся членом Ассоциации делового сотрудничества со странами Африки и Латинской Америки. Работал со звёздами отечественной эстрады и зарубежными артистами в качестве поэта-песенника, аранжировщика и вокального продюсера. Долгое время выступал как профессиональный танцор. Участвовал в театральных постановках и шоу. Работал хореографом. Лауреат I степени Второго межвузовского фестиваля студенческого творчества «Паруса надежды». Призёр многочисленных танцевальных конкурсов.

Пел в церковном хоре. Служил алтарником в храмах Александра Невского и прп. Андрея Рублёва. Посещал занятия в Школе православного миссионера. Несколько лет был прихожанином Сретенского монастыря.

Член Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги (ОППЛ). Два года учился в РНИМУ им. Н. И. Пирогова – II медицинский институт, а затем непродолжительное время в Московском институте психоанализа (МИП) и в Российском православном университете святого Иоанна Богослова (изучал психологию светскую и христианскую) – в качестве вольного слушателя. Работал лаборантом-переводчиком в центре китайской медицины. Последователь метода клинической психотерапии – терапии творческим самовыражением (М. Е. Бурно).

Православный христианин. Живёт в городе Видное (МО).

Теперь, как говорится, во всеоружии обратимся к рассказу Сергея Анатольевича «Случай» (публикация в журнале «Берега» – № 1(59)-2024).

«Альберт Исаакович Шпильрейн, молодой, но уже достаточно известный психиатр-психотерапевт, занимающий должность главврача и генерального директора сего заведения, сидел в своём кабинете в стёганом кресле горчичного цвета за массивным дубовым столом и, подперев голову костлявыми руками, тревожно вслух размышлял:

– Я так измотан... Боже, мне так плохо... Эта неврастения точно сведёт меня в могилу. И почему я ничегошеньки не делаю для себя любимого, а только для этих, – неблагоприятных, вечно ноющих пациентов-невротиков?..

...Внезапно раздался отрывистый и настойчивый стук, больше похожий на дробь, чем на просто одиночные, мерно следующие друг за другом деликатные удары костяшек о деревянную дверь... Через мгновение в кабинет зашёл человек средних лет. С виду бизнесмен или звезда – с первого взгляда было не разобрать. <...> Незванный гость – маленький толстячок со здоровым румянцем на щеках – был весьма доволен собой и, видимо, жизнью в целом. Весёлый, опрятный и при этом спокойный, он производил скорее хорошее впечатление, что, конечно же, было не свойственно людям, которые обращались за помощью к доктору Шпильрейну – молодому дарованию в области психотерапии. Клиентами-пациентами Альберта Исааковича обычно становились невротики, ипохондрики, истерики и иже с ними – личности весьма беспокойные и тревожные, которые для обывателя, относительно здорового человека (если есть таковые, в принципе), далёкого от новомодного увлечения психотерапией и психологией, были что ни на есть настоящими сумасшедшими.

– Здравствуйте... – в замешательстве ответил врач. – А с кем я имею?.. Простите, а вы уже были у меня на приёме?..

– Док, ну ты чё, не признал-таки меня, что ли?! В натуре! Ха-ха, вот умора! Ха-ха-ха! – рассмеялся собеседник. – Эт ж я, Святослав Карлсберг!

– Святослав Рувимович?.. – опешил психотерапевт. – Неужели это вы?.. Какие, однако, разительные изменения с вами произошли... Вас не узнать... Ни по внешним признакам, и уж тем более по внутренним...

– А то ж! – самодовольно воскликнул пухляш. – Я-таки полностью поменял свою жизну и, следуя, между прочим, твоим ценным указаниям, док, исправил-таки свою бета-реальность! Сечёшь? Ха-ха! И прошу, дружище, называй меня отныне – Сэм. Это моё погоняло такое. Ну, в клубе миллионеров прозвали так, короче...»

В итоге в психиатрической больнице происходит переворот. Бывший больной занимает место главного врача.

Если читателя спровоцирует желание расценить такой сюжет как забавную миниатюрку, хохмочку, то он глубоко ошибётся. За всем этим бездна смыслов и противоречий нашего сегодняшнего дня, но более всего путь, указующий на будущее нашего сошедшего с ума человечества. Кто возглавит наше дерзкое шествие в 22-й век? Не такие ли Святославы Рувимовичи?..

Напоследок предлагаю вам заценить рассказ Сергея Анатольевича с весьма скромным, простодушным и вполне милым названием «Алёшка» (публикация в журнале «Берега» – № 1(59)-2024).

Начинается он в добрых традициях русской классической прозы:

«Светало. Будильник прозвенел ровно в отведённое время. На циферблате было пять часов утра. Отец Илия, слегка приоткрыв глаза, смотрел на белёный потолок и думал о несправедливости бытия...»

Далее, когда батюшка заканчивал *«свою заунывную и малосодержательную речь пастыря... двери храма распахнулись настежь, и с паперти донёлся истошный крик местного юродивого, дурачка Алёшки:*

– Вас ждёт знамение! Будьте бдительны и готовы! Грядут перемены, покайтесь!

Народ в ужасе заохал и стал жаться ближе к алтарю. Отец Илия, не медля ни секунды, прыгнул с амвона и быстрым шагом направился к выходу...

– А ну-ка, пошёл отсюда, дуралей безмозглый!..

...После этих слов разъярённый батюшка что есть мочи пнул юродивого. Тот, хватаясь за края рясы священника... кубарем покатился с лестницы.

С того самого дня никто больше не видел блаженного дурачка Алёшку, чему отец Илия был несказанно рад...»

Каков же итог сего рассказа, казалось бы, заряженного простодушной поучительностью и добрыми наставлениями во имя любви к ближнему? С батюшкой во сне начинаются всевозможные и вовсе невозможные духовные испытания, само собой, через нестерпимые мистические мучения.

Наконец объявляется очередное утро.

«Светало. Первые лучи солнца озарили крышу на избе отца-настоятеля... “Стоп! – подумал священник. – А где же сейчас Алёшка? Надо немедленно разыскать его!”

Он выбежал из дома и отправился напрямик в храм. Домчавшись до церковной ограды, завидел сидящего на паперти Алёшку и что есть мочи закричал:

– Лёшка! Родненький, прости! Молю тебя!

Батюшка бросился к юродивому, обнял его и стал целовать, а потом ещё целый час просил у местного дурачка прощения.

...Увидев это, народ дивился и приговаривал:

– Эвона как бывает! Батюшка-то наш... совсем того, видать! Из ума выжил! Вчера дурачка пинал почём зря, а сегодня, смотри, что делается: руки и ноги ему целует! Похоже, у нас на селе теперь два блаженных будет!»

Поставить здесь точку – значит написать лубочный рассказ на тему спасительного милосердия.

Да только морализаторство и прочие откровенные поучения во имя добра и всеобщего всемирного счастья-радости далеки от прозорливого видения мира Сергеем Анатольевичем.

И тут-то он и являет нам главную свою писательскую и человеческую правду о том, что есть на самом деле этот мир и как нам в нём себя не утратить, не раствориться в нём бесследно.

*«Не обращая внимания на зевак, отец Илия помог юродивому подняться и направился вместе с ним в баню, а потом и в трапезную, а после, ближе к вечеру, и вовсе повёл местного дурачка к себе домой. Так и стал блаженный сначала жить у отца Илии, а потом и в алтаре прислуживать. **Вско-***

ре Алёшка прослыл не просто дурачком и юродивым, но и провидцем-целителем, который мог предсказывать события и врачевать разнообразные душевные и телесные недуги. Узнав о святом человеке, многие страждущие и нуждающиеся из соседних селений, а впоследствии и за пределами оных, возжелали узреть чудотворца своими глазами и поспешили обратиться за помощью. Деревушка и маленький сельский храм в мгновение прославились, и у отца Илии более не было повода для уныния и печали, ибо Господь позаботился о чаде Своём, и отныне пребывал в сердце священника во все времена...»

Обретение высшего смысла бытия человеком «маленьким, забитым, искорёженным» есть главная задача и боль автора. И более всего Сергея Анатольевича волнует, как идут они к нему, этому счастью, эти люди простые, измученные нелёгкими обстоятельствами своего загнанного в тупик существования. Тем самым Сергей Анатольевич даёт возможность понять себя как автора, понять его литературных героев, само собой вовсе не героями являющихся, а первыми страдальцами во имя высшего всечеловеческого счастья всех и вся, включая своих читателей.

Вот такие прорисовываются источники и составные части прозы Сергея Анатольевича. Талантом скреплённые. Что и есть самое главное в любом виде искусства. В том числе литература, как бы её не кромсали по живому нынешние патолого-модернисты. А там, где он, талант, есть, всегда радостно дышится.

23.11.2023

Берега прочтения

Людмила Воробьёва

Людмила Воробьёва – член Союза писателей Республики Беларусь, литературный критик, лауреат международных и всероссийских премий и наград: «Серебряное перо Руси», им. С. Есенина «О Русь, взмахни крылами...», им. Н. Лескова «Левша», обладатель «Золотого Диплома» Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» и др. Автор книг: «Душа слова» (2015), «Время жизни, любви и подвига» (2016), «Единство вечных истин» (2018), «Миг надежды, чуда, вдохновенья» (2022), «У истока светлых дней» (2025). Живёт в Минске.

ОТКРЫТЫЙ ГОЛОС ПРАВДЫ И ЛЮБВИ

О книге поэзии Натальи Егоровой «Сиянье мира, бьющее за край» (Смоленск, 2026)

Мы всем должны – и бабочкам и пчёлам...
Мы всем должны – и травам и цветам...
Всему земному – городам и сёлам...
И вечности, сопутствующей нам.
Мы должники – и как же расплатиться?
Кто красками, кто словом, кто числом...
Но главное, но главное – смириться,
Что Божье всё, а не твоё кругом.

Геннадий Иванов

Говорят, что времена большой поэзии прошли. Компьютерная эпоха активно приветствует всё искусственное, сиюминутное. Но есть и часы настоящей поэзии, и солнечные дни, которые нам дарит литературное искусство! По мысли Заболоцкого, книги ищут человека сами, и в том, что его выбирают конкретно те книги, а не другие, заключён особый смысл. Так произошло и с новым поэтическим сборником, безусловно, выдающейся русской поэтессы нашей современности Натальи Егоровой.

Её книга «Сиянье мира, бьющее за край» (2026) составляет 344 страницы текста и включает в себя семь тематических частей, завершаясь семейным фотоархивом. И это по нынешним временам лёгкого чтения и тотального духовного опустошения! Сюда вошли старые стихи и то, что писалось в последнее десятилетие, а также давние произведения, ещё нигде ранее не опубликованные. К тому же весомую значимость данному изданию придаёт вступительное слово известного поэта Беларуси и России Анатолия Аврутина.

Удивительно: Наталья Егорова и в зрелом периоде творчества не перестаёт раскрываться как большой и яркий поэт. Что, без сомнения, является качеством истинного и редкого таланта! Таланта художника, не останавливающегося в поэтическом совершенствовании. Кроме того, мы имеем дело с очень необычным, можно сказать, философским художником слова, обладающим насыщенным, разнообразным творческим наследием. Наталья Егорова – уникальный, самобытный поэт, открывающий в отечественной литературе свои индивидуальные миры. Её поэзия полна сердечной таинственности, кроткой прелести, когда стихи не загадочны, а именно таинственны, ибо в широте и глубине суждений зовут к размышлению, в эмоциональном духовном пламени – к чувственному сопереживанию.

Когда я вышла в путь в рассвете детства раннем,
Гудел седым холмам морей глубокий вздох,
И маленькой душе привиделся бескрайним
Поющий шар Земли в подпалинах дорог.

По сути, это стихотворение – признание в любви, гимн жизни и ответственность художника перед Творцом: «И я шагнула в свет – в развёрстый трепет дали, / В лавинный ропот роц, в лебяжью стаю лет, / В широкий шорох волн, где всех веков печали / На золотом песке чертили лёгкий след». Какая беззащитность пред миром и какая внутренняя отвага! Наталья Егорова откликается в своей поэзии на всё, что происходит с нами. И здесь не только собственная история, не только личная судьба. Тут нерасторжимое родство со всем в мире. Напрасно думают, что поэт, если пишет от первого лица, всегда имеет в виду одного лишь себя. Как видим, поэтесса ведёт с нами доверительный неспешный разговор, и читатель вступает в мгновенный контакт с автором. Очевидно, что уникален вообще всякий талантливый художник прежде всего – как человек, а не только как художник.

Я полюбила вас – старухи в нищих хатах,
Студенты и бомжи в столичной тьме огней.
И стала я, как Крез, пожизненно богата
Тревогами ветров и вольностью дождей.
И я вместила весь мой мир в рассвете раннем –
Лесов протяжный шум, морей солёный вздох,
Тяжёлые дымы проснувшихся окраин,
Клубящуюся пыль полуденных дорог.

На поэзии Натальи Егоровой лежит отблеск высокого пафоса человечности. Она любит человека, сострадает ему в горе и несчастьях, радуется его победам и верит в добрые начала души. Это и есть способность к любви ко всему живому, способность к милости и участию. А иначе зачем нам литература без сострадания и милосердия? Анатолий Аврутин находит этому точное определение – «ножевая боль». И полностью прав, когда говорит о том, что подобные стихи не назовёшь лаконичными, скорее, раздумчивыми, но соединяющими несоединимое, ибо невероятно «сильно изречённое ею поэтическое слово». В стихах поэтессы огромный русский мир, старый и новый, который начинается от Древней Руси и продолжается сегодняшней российской глубиной. Выражая сложность чувств и глубину личных переживаний, Наталья Егорова создала совершенно особую поэзию.

В подтверждение сказанному обратимся к самому первому стихотворению в начале сборника, где есть такие тревожные, настораживающие строфы:

И вдруг нас настигает, словно гром,
Открытый голос правды и вины.
Мы поднимаем головы – и ждём
Ответа напряжённой вышины.
Над храмом разорённым облака.
И город в новостройках и пыли.
И душит сердце смертная тоска,
Как будто мимо главного прошли.

Цена жизни – всепрощение. Каждому из нас нужно разгадать свет предназначения! Сокровенная полнота жизни земной и небесной, бескорыстие и благостная молитва, молитвенное слово и молитвенная исповедальность, соединяясь воедино, органично вливаются в традицию и современность, придавая строке великую тайну бытия. Но лишь у Творца, скажет поэтесса, тайн «от творения нет». Наталья Егорова изначально фиксирует наше внимание на вещах целостных, глубинно-сущностных:

И опять упаду я в кислицу и мхи
И вдохну этот запах, понятный до слёз,
Будто плакал ребёнок, слагая стихи,
Да слова потрясённые ветер унёс.
И пойду я туда, где мурашек следы,
Где погладит черёмуха по голове,
И дурманом фиалки пахнёт от воды,
И пронзительно ландыш запахнет в траве.

Она призывает любить этот мир, любить Божественный поэтический космос, природу, одинокую человеческую душу, охваченную трагедией и светом, правдой и виной, надеждой и верой... «И открыты миры этим духам лесов, / Этой речи без слов, этой вечной любви. / О, как множится в чаще число голосов! / Как свободны в таинственной жизни они!» – человеку бы достичь этой столь совершенной гармонии!

Культура и композиция сборника «Сиянье мира, бьющее за край» таковы, что отвечают эстетической культуре самого автора, его тематической необозримости, тем архетипам и хронотопам пространства и времени, о которых писал Бахтин.

«И раскроется древняя книга...»

Стоит признать, Наталье Егоровой свойственна традиционная поэтическая палитра: объёмная, многообразная, способная поражать невероятной широтой охвата литературного материала. Не будем забывать, что любая книга – это живой организм с отдельной историей и судьбой. В произведениях поэтессы постоянно проступает фон XIX, XX века, что крайне важно, – он почти исчез в современной литературе, как исчезла вместе с ним и та необозримая прежняя Россия. Однако каким-то таинственным образом автор нам возвращает и преломляет в своём творчестве качества того времени.

Сюжеты её стихов пронизаны историко-философским ощущением ушедшего. И ей не надо ничего выдумывать. Слово из недр памяти рождается поэзия и правда жизни. Сохранить бережное отношение к памяти рода – значит, преодолевая эпохальные десятилетия, совершить неведомый подвиг души. Ивану Ефимовичу Евфимову, священнику деревни Ельша Поречского уезда Смоленской губернии, расстрелянному за веру в 1937 году, как хранительница рода посвящает Наталья Егорова своё стихотворение «Прадед» (1998):

Где ты, прадед, русский поп усталый,
В святцах Неба – мученик простой.
Вновь горит на чёрной рясе алым
Крест церковный, чисто золотой.
.....
Мы до сей поры не знаем точно,
Где искать твой неотпетый прах.
Увели тебя чекисты ночью,
Расстреляли в заполярных льдах.
Век мы ждали вести. Век искали
След твоей судьбы – да не нашли.

Перед нами предстаёт исторически значительный образ, в нём соединились приметы и обычаи семьи, исконные черты старинной патриархальности, черты служителей церкви, бытие которых протекает в Боге, стало быть, в абсолютном добре. Родовая память – прочная корневая система жизни поколений – незабвенный след тех, кого уже больше нет. Автор размечает евангельскими вехами тернистый путь прадеда, поистине святого мученика. Историк, возможно, сухо скажет, но поэт, чувствуя божественно-поэтический язык, пронзает наши сердца вселенской болью, тоскливой пустотой безвозвратной потери: «Где ты, Русь? Колодец сгнил у стога. / Чёрны избы. Луч зари угас. / Только ангел посреди острога / Всё поёт: “Помилуй, Боже, нас!”» Вот это, пожалуй, и есть историческая память своего народа, вобравшая в себя более полувека гонений, страданий и смирения.

Или обратимся к возвышенно-трепетному произведению «Маме» (2022), где сосредоточена целая человеческая жизнь, от рождения и до смерти:

Мама моя, из-под тихих седин
Глянь своим синим сияньем огня,
Ибо не вырвать тебя из глубин
Сердца – не вырвать тебя из меня.
Жизни не вырвать – что жизнь без любви?
Смерти не вырвать – калеке слепой.
Мама моя, говори, говори!

Гладь мои волосы тихой рукой!
Плод твой, таимый до одного дня
В древней, открытой мирам глубине –
Как ты носила когда-то меня,
Так ты сегодня созрела во мне.

Нерасторжимая взаимная любовь и такая же пронзительная жалость... Но тревожно извечное поле битвы – две стихии – смерть и любовь! Вопреки всему продолжает жить только любовь:

И смерти ответить нам нечем
По-прежнему, кроме любви,
И горю ответить нам нечем
По-прежнему, кроме забот,
Пока о прощанье и встрече
Тот ангел продрогший поёт.
Тот ангел, как лунь, сизокрылый,
И жизнь повидавший, и смерть,
Поёт над родною могилой:
«Не может любовь умереть!»

Поэт верит в силу слова, способного преодолеть смерть, расстояние и отчаяние. Притягательна глубина погружения в столь полнокровный, метафоричный текст. Весьма огромен диапазон тем, образов. Сюжеты художнику диктует сама действительность, как это происходит в других стихах «Папин колодец» (2017). В них аналогично сама категория памяти исключает историческую смерть.

Скрипели стволы, обрастая корявой корою,
А кроны смыкались, мерцающей вязью легки.
И вырыл отец мой колодец под старой ветлою,
Ведь ивы живут там, где бьют из земли родники.
Он пот вытирал фронтовою рубахой с исподу,
И ладил лопату под руку – как с детства привык.
И землю носил, и вычёрпывал вёдрами воду.
И сруб золотился. И бил потаённый родник.

Жизнеутверждающий лад бытия, которого нам так не хватает. Главное в поэзии – подлинность и чистота. Чтение Натальи Егоровой требует и собственной, не только высокой культуры, но и читательской чистоты. Утраченной чистоты. Мы слышим и ощущаем густой, сочный, проникнутый внутренней энергией голос. Звучит поэзия судьбы, вызывающая в душе некий ретроспективный трепет. Стоит внимательнее всмотреться и в давние семейные фотографии, которые в этой книге вовсе не случайны, в которых застыли свои неповторимые смыслы, отражающие стиль эпохи, глубину времени, а ещё – скрытое предчувствие грядущего. Наталья Егорова умеет отыскать естественно-доверительную интонацию, искреннюю, ясную. Сквозь общую гражданскую слезу проступает слеза личная, выстраданная: «Но знаю я точно – под кучами веток и сора / Есть тайный родник, не иссякший за годы утрат». Это и понимание места человека на земле. Что остаётся после нас? Вероятно, краткая история каких-то отдельных моментов, в конечном итоге – не так уж много. Быть может, что-то рукотворное, сделанное человеком, дом, сад, колодец, приметы времени, или те же незабвенные лица людей, высеченные в камне, нарисованные на полотне, либо, как у Натальи Егоровой, пожелтевшие снимки в памятном альбоме, по всем законам, создающие образ портрета. Более того, мы оживляем его в себе.

Мне снится под утро, что детство, и есть ещё папа,
И входит лопата в суглинки небесных пород.
И есть ещё – сад. Есть – колодец небесного свода.
Есть – вера и ум. Есть – упрямая твёрдость руки.
И жажду я, Господи. Жажду – как жаждет природа.
И память отца говорит мне, где бьют родники.

Кто из русских и мировых классиков не писал о детстве? Но под просторным небом детства эти стихи Натальи Егоровой обретают своё уникальное значение. Сказка и детство – точно подмечено – всегда идут рядом. Причём у неё любимое время года – зима. Магия чудес! Нечто Божественное! Святое Православие, какое мы впитывали с детства вместе со сказками Пушкина, в книге «Сиянье мира...» однажды возвращается к нам теми же сияющими словами:

Отведи меня, дедушка, в детство за белой горой
По тропинке из вечного снега, что лёг между нами.
Там летят рысаки в алых лентах сквозь парк городской,
И с лотков расписных бабы в шубах торгуют блинами.
Там дымят самовары. В аллеях стоят терема.
Праздник Русской зимы – и лепные фигуры из снега.
Там царевич и волк, а на ветке жар-птица сама.
И герой-космонавт рядом с пушкинским вещим Олегом.

(2022)

Небывалая интенсивность красок, и забытое детство становится явью! Небесные голоса создают мелодию счастья. Вспоминаемое автором бесценно и ёмко. Внучка и дед – крепнет меж ними благословенная вязь. Несмотря на время, забвения нет. Поразительное равновесие бытия: Снег – Зима – Космос – метафизика пространства как вечная метафора Руси. Ясный, крылатый дар поэтессы вызывает чувство благодати и сопричастности. Именно в детстве много трогательнейших, милых вещей, даже на первый взгляд глупых и нелепых, но лишь отчасти. Наталья Егорова эти детские секреты, большие и маленькие, где «тайна и таинство – рядом», пытается не столько разгадать, сколько понять их философичную природу:

Бил в цветное стекло переменчивый свет.
В давнем детстве, где вечное – в силе,
Зарывали в песок свой наивный «секрет»
И таинственно, свято хранили.
И, не ведая смертного зова земли,
В бой вступали легко и бесстрашно.
Умереть наяву и воскреснуть могли
За ромашку, бумажку, букашку.

Открытость её беспредельна и жертвенна – и тогда и сегодня. Жить здесь и сейчас. Честность художника – вещь трудная. В ней должны быть правда завтрашнего дня, правда будущего. Жить или умереть – категорично, но иного не дано. Истинность чувств и поступков – то, что отличает нас прежних от нынешних. Так гениально задуман Творцом человек, предназначенный любить, верить, надеяться на волшебство:

Перегонит Пегас златокрылый рассвет.
(Божий дар – не Горгона Медуза!)
Ото всех сохрани свой ребячий секрет,
О моя терпеливая муза!
Сможешь нынче, как в детстве далёком могла –
Друг Наташка, душа нараспашку –
Положи и зарой под осколком стекла
Маргаритку, ромашку, бумажку.

(«Секреты», 2009)

Оглядываясь назад, она соединяет в себе жизнь этих маленьких наивных миров, что освещают всё оставшееся, отпущенное ей Господом время. Богатейшая по содержанию фактура текстов говорит о том, что читатель имеет дело с востребованной поэтической книгой. На мой взгляд, исключительно оригинальное стихотворение, можно сказать, роман в стихах, посвящённый поколению двадцатого столетия, которое появилось на свет спустя чуть более десятилетия после войны:

В коричневых платьяцах выше колена
Застыли у школы в сиренях и сини
Морозкина Оля, Крещенская Лена,
Садковская Лена и я вместе с ними.
– Что будет? – спросила Крещенская Лена.
– Всё будет! – Морозкина Оля сказала.
А мне показалась судьба сокровенной,
И я, засмуцавшись, в ответ промолчала.

Будто исподволь автор приоткрывает в человеческой судьбе нечто скрыто-таинственное. Самое удивительное, что похожее затаённое чувство присуще только людям, знающим цену жизни. Да, Наталья Егорова знает и цену искренней школьной дружбе: произведение пропитано памятью – и – воображением, верностью – и – иллюзией. Сквозь годы пронесла она лучшие воспоминания юности, когда «много любилося и много прощалось»:

А трудно ли было всё это осилить?
На этот вопрос мы ответим едва ли.
Но жизнь мы прошли и сложили Россию,
Какую мы знали и понимали.
Простую Россию – с недолей и долей,
Охапкой сирени, крестом небосвода,
Со всем, чему вряд ли научишься в школе,
Но это и есть бытие и свобода.

(2016)

Казалось бы, обычная литературно-бытовая история, но и здесь поэтесса способна увидеть изнанку жизни. Поэзия и реальность соединяются в одно неразделимое целое. Примечательно то, что память ведёт автора к древним истокам Руси. Подобно ветхому свитку раскрывается её «Берестяная грамота»:

Вскинешь голову – полночь, прохлада.
Звук неясный... Невнятная мысль...
И сплит белизною и ладом
Рябь стволов, уходящая ввысь.
Словно букву, под веяньем мига
Метку чёрную тронет рука,
И раскроется древняя книга
В мерном шелесте березняка.

(1998)

Всевластно время и всеохватна идея космического Дома: Русь – Россия – Бог – Мироздание – Природа. Небо и звёздный терем. Причём вот что любопытно: сочетание древнего и современного. Старо-бытные христианские легенды, предания, вся Русь, что «пролегла – от Бориса до Глеба», предстаёт в стихах: «В огне любви сгорели дни и даты. / Но в час, когда предельно больно мне, / Я вспоминаю в пламени заката / Пробитый купол храма на холме» (2017). Испокон веков Русь олицетворяет храм на холме, белый храм с позолоченными куполами. Там горят свечи, блестят драгоценные оклады икон, тепло и торжественно мерцают святые лики... Но есть, напишет Наталья Егорова с чувством боли, и боли неподдельной, другие храмы «среди развалин родины моей», которые тоже видны Христу. Как виден Его взору «пробитый купол храма на холме». Сложное обретение истины, ибо ничего человеку не даётся в готовом виде. Необъятная космичность поэтессы берёт свои истоки от древней культуры, от русских глубин иконописи, церковности. Только так можно стереть контраст между внутренним и внешним мирами.

Стоит отметить просто невероятную бездонность русскости, наполняющей книгу «Сиянье мира...». Русь издревле живёт в многовековых преданиях и мифах. Пожалуй, Наталья Егорова от-

носится к тем немногим, кто обнаруживает собственную поэтическую природу. Поэтический Космос книги имеет в виду разностороннюю доминанту её творчества: личность автора, духовную функциональность, нравственные основы, задачи, степень лексической свободы, свой собственный художественный язык, стиль, свою эмоционально-смысловую насыщенность каждого слова, магию текста и завершённость своего лирического сюжета. Вековые традиции, патриархальный уклад жизни, прочные законы бытия на этой грешной земле современным человеком и городом давно забыты, напроочь отторгнуты. Чистая и неподкупная в своей чистоте душа автора с чувственным восторгом воспеваает ушедшее, к примеру, в стихах «Церковь Петра и Павла XII века», «Икона», что хранит знаки старорусского письма. И строки «...Моей Руси святой иконостас...» сравнимы с могучим образом Православия. Иконописный архетип Руси явственно проявляется и в символическом произведении «Андрей Рублёв»:

Ты видел здесь – трубу сгоревшей хаты,
В спалённых градах – мёртвые тела.
Ты видел там – бой ангелов крылатых
Над бездной вулканического зла.
Но где нашёл ты синь и охру эту
И дух, такой высокий и святой,
Что ни один из мастеров планеты
По силе не сравняется с тобой?

Неразрывное триединство – всевластная метафора, вокруг которой из века в век вращается мироздание. Права поэтесса, простому смертному остаётся положиться лишь на Создателя и «забыться в триедином постиженьи / Родной земли при свете Божества». Благоволение к миру, к людям, к жизни... Без этого чувства поэтом быть нельзя, справедливо считала Татьяна Глушкова, когда писала о творчестве русского песнопевца Есенина.

Как планетарного художника Наталью Егорову манит бердяевская Россия, загадочная широта русской души, простор, космическая метафизика пространства, которое никогда и никому не преодолеть, где нет места человеку. Зима, снегопад, метель, безмолвие равнин и полей – суть земли русской. Всё это сошлось и слилось в её гениальном стихотворении:

Чай подаст проводник. За окном промелькнёт семафор,
Полустанок, фонарь. А потом закружит, завихрится,
Загудит во всю ночь белым снегом великий простор –
Не безумен, так смел, кто посмел здесь однажды родиться!
Будто тройка летит – городов затоптав огоньки!
Правит вольный ямщик – никому его не оконфузить!
Да не зря говорят, что мы русской душой широки!
И не зря отвечают, что нас не мешало бы сузить!

Неизменные символы русской жизни: сугробы, снег, холод, буран, бескрайнее поле, белая равнина, ямщик, чудо движения, жизнь, смерть, гибель, противостояние, и путь через русскую метель, когда нужно идти своей дорогой, прямо, путём своей судьбы, идти бестрепетно, непреклонно. Не потеряться и остаться! В этом и заключается смысл жизни – как преодоление преград! Господь хочет, чтобы мы поняли, зачем он нам подарил этот мир, ведь все мы созданы по образу и подобию Божьему: «И не сузишь меня! Кто там слабую руку простёр? / Подойди, легковёр, и пустым мудрованьям последуй! / И во мне, заклубясь, шевельнётся великий простор, / И душа понесётся лесами, полями и снегом». Бесконечная забота о просторе – один из решающих признаков именно русского искусства, и прежде всего литературы: «Здесь играет тобой то, что больше пролесков и гор, / Больше вольной мечты, больше мизерных сил человеческих. / И не может душа уместить этот белый простор! / И не может душа потерять эту снежную вечность!» (2020). Мы видим красочный сплав живописи и литературы. Вероятно, кому нравится в поэзии архиживописный жанр, тот полюбит эту книгу. Насколько же колоритна палитра красок! Строки играют всеми звуками и цветовыми оттенками. А где-то рядом нет-нет да и появится прекрасный лик Рогнеды, навсегда вошедший в народные предания и легенды, Гореславы, величаво называет её поэтесса. Светлый и горделивый лик, подобный Руси, плывёт на древней ладье сквозь эпохи, века и столетия.

«В большой стране, которой больше нет...»

В своём творчестве Наталья Егорова в характерной лишь ей художественной манере, преломляя феномены нашего бытия, переосмысливает те или иные периоды в истории Родины. Ушедшая Россия Тютчева, Фета, Чехова, Толстого, Достоевского, советская Держава, новая Россия... Не стало некогда единой страны, а пришедшая ей на смену не оправдала наших надежд. Значит, галерея неудачников, описанная автором, вовсе не случайна. Очевидно, в условиях сегодняшней реальности далеко не всем удалось сложить собственную жизнь. И тем не менее малая родина осталась. Российская глубинка – необойдённый образ в поэтическом зрении, точно обозначающий место. Но разве родина бывает малой? В сущности, провинциальная окраина поэтессы на протяжении всех времён огромна и неизменна:

Окраина. Околица. Судьба.
Уткнусь в стекло упрямой гладью лба.
В окне вагона – грязь дорог размытых.
А над забором свет – округи ось –
Рябина держит алых ягод гроздь,
Как тышу солнц окраин позабытых.

И этим всё сказано! Ни убавить, ни прибавить.

И всё в тебе от сотворенья – есть.
И мы упрямо выживаем здесь –
В колодцах городов и сёлах древних.
И в полноте бескрайней бытия
Никак не можем осознать себя –
«Россия, глушь, околица, деревня...»

Не нужно искать иной судьбы, вдумайтесь: «в русской провинции тайна, в русской провинции свет». Отчасти она «мала» и вместе с тем никому не удавалось вместить её в себя! Провинция делила с народом пополам радость и горе:

А жизнь течёт, светла в самой себе,
Пустого не мечтая о судьбе,
Не замечая злую скудость быта.
Но как назвать окраинной судьбой
Распахнутую вечность над тобой –
Любви и бытия переизбыток?..

(2018)

Поистине, настоящему русскому человеку дороги сокровенные последние уголки исчезающей России, той, которая осталась в книгах, романах, в тургеневских «снах дворянского сада». Благодаря любви поэта к русским местам, исчезающая культура дворянства, поместных усадеб не оставляет никого равнодушным: «Старый флигель из выжженной фарами тьмы / Надвигается мощной лавиной. / Сны дворянского сада, / сиреней дымы / И – руины, руины, руины». Тут всё твоё, коренное: флигель, книги, голоса забытых литературных героев, душистый и нежный запах влажной утренней сирени... Бунин, Набоков. Отблеск утончённого Серебряного века. На чужбине ничего подобного не отыскать. Печальная песнь былой России, так пронзительно воссозданная Натальей Егоровой, во многом возвращает те благословенные золотые времена, соединяя и примиряя прошлое с настоящим:

Но, устав от себя, я никак не пойму
На дороге, брошенной старой:
Почему ты, Россия, уходишь во тьму
В миг, когда зажигаются фары?
Вихрем давнего бала плывёшь в темноте,
Вещим вальсом роялей старинных,

Недоступная с детства слепившей мечте,
Затаившись от нас – во глубинах?

(2017)

Вполне закономерно, что заметная роль в книге отведена исторической судьбе России. Судьбы Отечества – тема разнообразная и многоликая. Само понятие «судьба» сочетает позитивное с негативным. Невзирая на то что судьба жёстка и требовательна, автор бесстрашно принимает этот вызов, одновременно зная меру в спорах с судьбой. Национальной катастрофой страны стал период перестройки. Наталья Егорова метко назовёт свои стихи «Разбитое сердце» (2016).

Не стало державы – жила на руинах.
Все в землю ушли – и любимый и враг.
Разбитое сердце мечтаний старинных,
Как сладко тебе от наивных укоров!
Ты счастливо за полчаса до страданья
Не зная, что придётся жестокой порою
Держаться за горестный хлеб выживанья –
И выжить. И сердце поднять над землёю.

Подняться над болью и разочарованием, над суетой дней, подняться над собой и светить людям! Быть выше этой неподдельной ненависти и неподдельной боли. Не просто выжить, постоянно теряя привычную родину, сколько раз Россия была на грани разлома. Но что-то спасало, быть может, спасало самое важное:

Как жила я, чтоб выжить? Да в этом ли суть?
Этой драмы простые слова не про вас.
Только жалко – что юность уже не вернуть.
Жаль – стареющих слов медоносный запас.
Но всегда и повсюду была я собой,
Не прося у судьбы: «Быть собой разреши!»
И за толику счастья в пучине земной
Я не продала ясность простую души.
Я не продала голос, и пламя высот,
И цветы на столе, и печаль на челе.
Пусть мгновенный успех поднимает и жжёт –
Есть важнее любовь – к разорённой земле.

Любить и прощать. Выстоять. Превозмочь. Таков ответ Натальи Егоровой на трудные и неразрешимые вопросы. Кроме того, не стоит искать в поэте ужас происходящего либо неземную красоту, нужно искать в нём поэтическую правду жизни. Напряжённый драматизм, сплетение вины, ответственности, боли. Эталон патриотизма – не только любовь к благополучной и сытой стране, а любовь прежде всего к разорённой, разграбленной, а ещё вера и надежда. Не зря Иван Аксаков провидчески писал дочери известного поэта Анне Тютчевой: «...надо, чтобы Вы увидели Россию, как она есть, и остались верны своей любви к ней и веры в неё, несмотря на безобразную подчас действительность». Потерянная родина – народная трагедия. Потерянная общечеловеческая традиция. Тупики истории. Стихи Натальи Егоровой – восстановление справедливости по отношению к прошлому. Как случилось, что великой стране стали не нужны её люди?! Хотя они – знак времени, его отпечаток в сознании, след, бесспорно, присутствующий, но никуда уже не ведущий.

Мы видим в книге интерес и симпатию к «маленькому человеку». Чудаки и неудачники мира – её герои. Она на них отводит свою душу, снимая с неё невыносимый груз реальности, вовлекая в эти безыскусные истории внимательного читателя и сердечного друга. В русле нашей темы как раз уместно привести стихотворение: «Я ненужных люблю – кого мир нам любить не велит. / Неудачников тихих и дурней, за правду побитых. / И цветы – под ногами, и улицы – в жёлтой пыли, / И собак – в подворотнях, и бабок – давно позабытых» (2015). Люди должны любить людей. Две тысячи лет минуло

со смерти Христа, а люди по-прежнему не научились любить друг друга. Несмотря на новый век, который утрачивает признаки человечности, душа Натальи Егоровой создана именно для такой бескорыстной любви. Бедные, богатые, горемычные и счастливые – бесконечное разнообразие женских судеб являет поэт читателю. Яркий наглядный пример – произведение «Нищенка с голубями» – неоднозначная, противоречивая история одинокой женской доли:

На соборном дворе крыши белых церквей
 Плавят золотом синь голубую.
 Облепили убогую сто голубей –
 Плечи, руки – поют и воркуют.
 Восседают, как ангелы на облаках, –
 Божьей стае легко и счастливо
 На корявых руках, на убогих платках,
 На кофтёнке, заштопанной криво.

На страницах книги Натальи Егоровой нашли приют довольно разные персонажи, взятые из нашей хаотичной действительности: бомжи, ночующие под мостом, челночницы, покидающие дом, семью, детей ради быстрого заработка, брошенные на произвол судьбы безработные, вынужденные просить подаянье нищие пенсионеры и ветераны войны, – вот она, по мысли автора, суровая и обнажённая правда жизни, правда литературы. Продолжая галерею «лишних и обездоленных», поэтесса поднимает и ссыльнокаторжный пласт поэзии, прямо касающийся сталинской эпохи, тяжелейшего периода репрессий. «Спит в снегах убиенная Русь без имён» – страшно безутешные интонации, бесконечно-мучительные – точная авторская характеристика того чёрного времени. Белый снег, будто белый погребальный саван. Там до сих пор все людские сокрушённые иллюзии накрыты вечными русскими снегами. Хотя жажда преображения человеческих душ и искоренения зла, пороков у Натальи Егоровой настолько велики, что даже вера отступает. Маленькая поэма «Самородок» (2006) – ещё одна невыдуманная история, воочию подтверждающая, «куда ведёт нас рок событий». Маленькое произведение о большом людском горе и большой душе, стремящейся к любви.

Рассказывала мне моя подруга:
 В посёлке ссыльных, смерти обречённых,
 Где Лена мыла золото на камни,
 Где зэки жгли далёкие заимки
 И князь якутов резал русских жёнок
 За веселящий душу чистый спирт,
 Она нашла огромный самородок.
 Она кричала детям: «Посмотрите,
 Что я нашла!» – и хвасталась без меры
 Удачливостью детского похода
 От зоны смерти – к сытым берегам.
 А Лена мыла золото на камни,
 И дети одобрительно глядели
 И трогали сияющий металл.

Но справедливости в кровавом прошлом нет. И быть не может. Там ценность человека – вещь довольно относительная. «Твердит закон: не сдашь сегодня слиток – / Пойдёшь в тюрьму. А если не вернёшься / До часа комендантского в посёлок – / Пойдёшь в тюрьму. Но как вернуться в срок?...» – извечная коварная дилемма: золото и душа – что выбрать? Всё-таки героиня не продала душу дьяволу. Важно само отношение автора к нравственному закону – то, что присутствует в этом художественном произведении, – кантовский неизменный императив, пронизывающий всю русскую и мировую литературу. В поэме показана жизнь обычного человека под интересным и драматичным ракурсом. При всех сложностях жизни всегда есть выход и есть выбор, единственно правильный. Герои Натальи Егоровой совершают этот выбор.

С тех пор моя подруга: верить счастью –
 Ребячье хвастовство и взрослый грех.
 Всё вывернет завистливая сила,
 Всё подчинит слепым своим законам,
 Всё хвастовство, все детские желанья,
 Все взрослые бессонные труды,
 Всю веру, всю надежду, всю любовь...

Философская категория проблемы выбора тесно переплетается не только со свободой воли человека, но и с чувством вины, всепрощения, греха, покаяния. В этом ключе написаны сильные стихи, взывающие к нашей совести: «Припомню друзей и устало прикрою глаза» (2021). Пройденный опыт показывает, что прошлое не исчезает бесследно, и воспоминания, и наша память призывают к ответу, заставляют многое переосмыслить:

Мы шли не туда – или время пустыней вело,
 Мы что-то не поняли и не успели куда-то,
 И если везло – до конца всё равно не везло!
 Безмерно и горестно все мы во всём виноваты!
 Безверия дети, мы вспомнили Бога и храм
 В наивном, наследственном, миром вручённом незнание.
 Покаяться б нам! Но как будто не выдали нам
 И горьких, нечаянно поздних плодов покаянья!

Лики и картины прошлого вспыхивают с новой силой, чтобы уже не исчезнуть. Суровая ответственность и долг художника-гражданина никогда не отменяются. Человек возрождается в смирении, и покаянии, и в любви. Несмотря на жизненные трудности и обилие тьмы, среди бесчеловечных бурь мы видим в обстоятельствах и людях главное – свет и его красота непобедимы. Тогда поэзия, наполненная прощающими голосами, пронзает очерстевшие души чувством вины. Поразительно: автор как бесценный дар буквально по строчкам собирает и творит свою Россию. Стихотворение «Посмотришь ввысь...» – не просто красивое признание в любви, явленное не на показ, не ради славы и очередного патриотизма – это жизнь и судьба самого поэта, посвятившего себя Родине, стране, народу, терпеливому служению писательского дела. Поэта смелого, не боящегося правды, что не каждому по нутру, в то же время поэта, который и в плохом, отрицательном отыщет что-то светлое и щедро переплавит всё лучшее в подлинный золотой самородок:

Россия! Кто тебя такую знал,
 Тот ощутил в груди немое жженье,
 Тот пил тебя взахлёб – и вновь алкал
 Твоей любви – до головокруженья!
 Тот ощутил невольный сердца сбой
 В потоке благодати неделимой:
 Чтоб быть собою, надо стать тобой,
 Уйдя подспудно на твои глубины –
 Где льёт за ворот, плещет на траву
 Твоих столетий чёрная водица,
 И всё, что было – словно наяву.
 И снова пьёшь – и жаждешь вновь напиться!

(2024)

Унаследовав традиции высокого профессионализма Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Некрасова, Бунина, Рубцова и других великих творцов, Наталья Егорова создаёт удивительные пейзажные стихи. Её художественное, образное воплощение природы просто ни с чем не сравнить, оно сугубо индивидуально. Прекрасное всегда единично – незаменимо, истинно важно и всеобще. Отсюда более всего книге подошёл бы помимо эпического, драматического иной жанр: пейзаж души. Автор по праву замечательный пейзажист. «Чтобы измерить тяжесть детских слёз – / Найду ли в мире меры

и весы? / Мы с бабушкой бродили вдоль берёз / У железнодорожной полосы» (2013) – человек и природа – единство корней – как ощущение себя неотъемлемой частью мира. Наверное, жизнь, поэзия, творчество, исполненные достоинства и покоя, так же незыблемы и могут прорасти в нас прочными корнями, напоминая те же явления живой природы. «Но бабушка однажды умерла, / А рощу порубили топором», – случилось страшное: детские мечты о прекрасном были разрушены. Более того, земля содрогается землетрясениям, войнам, ураганам. Она уже не выносит деяний венца творения – человека: «Идут на землю за весной весна, / Но та весна мне снится вновь и вновь – / Узнала я, что кровь берёз красна / И горяча, как человечья кровь».

Как видим, русская поэтическая традиция отвечает творческим устремлениям поэтессы. «Русский дуб» (2015) – классическое произведение-символ, написанное высоким библейским слогом, восходящим к поэзии Державина, Пушкина. «У Мамврийского дуба в поющем дупле / Блещут царства, и звёзды текут по стволам. / Тыщи лет он стоял на иссохшей земле / Там, где Бога однажды узрел Авраам», – вот так бы и людям стойко держаться не одно тысячелетие! Природа, деревья и человек – вечные спутники, чья связь пронизывает всю историю и культуру нашего мира. Эта взаимосвязь, то гармоничная, то конфликтная, находит своё отражение и в литературе. Главная цель даровитого автора – осветить и раскрыть внутреннюю духовную жизнь этих вечных спутников нашей жизни. Задача не из лёгких, но большею частью даровитый автор удачно справляется с нею. Только в отличие от людей деревья способны возрождаться из праха и тлена, словно волшебная птица Феникс. Сколько же дуб повидал на своём веку, а новая эпоха, казалось бы, сгубила, иссушила кору и корни его. Однако старый дуб выстоял и дал новые побеги, олицетворяя Россию, человека, само величие Божественной природы:

И в видении, чьё толкованье мудро,
Вдруг увидел мальчишку. Москвы воробей –
Тот просил подаянья в снегу у метро
И молился в слезах о России своей.
И летел в его шапку сияющий снег.
И о Боге Мироздан он не знал ничего.
Гнал мальчишку безвестного гибельный век –
Но три ангела пели в молитве его!
Те же ангелы пели – сквозь грохот и грязь,
Так же пели – в нахлынувшей мерзости лет.
И ожил, долгожданному чуду дивясь,
Русский дуб – и росток появился на свет.

Сия мудрая аллегория даёт нам успокоение и надежду. Искусство не бывает злободневным. Зато искусство бывает актуальным, то есть созвучным человеческой душе, природе. Известно, что наибольшей тонкостью самовыражения обладает именно лирическая поэзия. В творчестве Натальи Егоровой представлены все виды поэзии: эпическая, драматическая. По мнению Белинского, лирическое произведение должно быть коротко. Меж тем у поэтессы оно выходит из глубочайших недр творческого духа, нарушая эти определённые установленные каноны традиционности. Автор как бы разрушает сложившиеся принципы о «правильном» в литературе. В ней живёт нравственное стремление к самосовершенствованию. Здесь в первую очередь господствует событие, человек, трагедия и душа. Да, у Натальи Егоровой свой лирический полёт в непознанное, своя космическая романтика, своя космическая энергия, что, собственно, является сквозным мотивом почти всех произведений этой книги. Самозабвенная и созидаящая любовь, странная, обречённая «в вечной жизни любить без оглядки», переполняет лирико-философские стихи: «Сад созревший знобит. То ли холодно, то ль одиноко» (2015). Мир целостный – одного целого, который важнее всех его отдельных моментов – тот редкий случай, когда утончённую натуру поэта отличает умение ничего не упустить и раскрыть их смыслообразующую природу. Органичность этих образов делает произведение прозрачным для русского читателя. Невольно всплывают в памяти тютчевско-фетовские мотивы, и мы вновь узнаём тот же прозрачный лиризм, ту же рассудочность и противоречивость:

Может, в этом и есть тайна жизни созревшего плода –
 В вечной жажде отдать всё, что есть, – до травинки любой?
 В вечной жажде любить без оглядки, тревог и исхода,
 В вечной жажде забрать всё, до малой песчинки, с собой?
 Но, вобрав этот мир, уходи и не требуй пощады.
 Зрел твой солнечный плод – да спасёт тебя Яблочный Спас!
 Всё сошлось и сбылось. Значит, всё, тебе данное, надо.
 Значит, всё тебе надо, что скрыто до срока от нас.

(2015)

Наталья Егорова открывает читателю мир тончайший и светлый, мир ослепительного разнотравья поэзии. Природа требует напряжённой духовной работы, пронизательного авторского взгляда. Вместе с тем в книге поэтессы открывается и волшебство русского языка, классическая простота слова. Мы испытываем читательскую благодарность за радость столь редкого поэтического путешествия, что заставляет молодо биться сердца.

«Бог открывает путь к другим мирам»

Не секрет, что среди образов, объединяющих поэзию Натальи Егоровой, особенно заметны космические, астральные символы – звёзды, планеты, огненные вспышки комет, далёкие галактики, Млечный Путь. Оставив своего читателя наедине с книгой, она отправляется покорять другие миры. Судьба поэта напоминает взрыв звезды – непрерывный полёт в бесконечность... Дороги, которые мы выбираем, должны быть благословенны.

В простор претворяйся, любви и огня волшебство
 С извечною русскою чаркой всемирной печали!
 Нас ввергли в пространство – и мы покорили его,
 Навеки своими назвав бесконечные дали.
 В характере нашем поют «никогда» и «всегда»
 Весёлой надеждой, что всюду мы – странники – дома.
 И небо горит нам, и русская светит звезда.

Что примечательно и парадоксально: Бог и Космос – эти две философские ипостаси в стихах Натальи Егоровой стоят рядом – как единое и неразрывное целое. Откровенно державинские мотивы и интонации проступают в её гениальном стихотворении: «Ни зги не видно в глубях ночи тёмной... / И снова беспредельную огромность / Земного мира – выявляет мрак» (2016). Заметим, что сам Пушкин отдавал предпочтение Державину, считал, что великому поэту-художнику, поэту-реалисту и поэту-философу нет равных. Белинский по праву называл его отцом русской поэзии. Ода Державина «Бог»: «О ты, пространством бесконечный...» (1784) – широчайшее полотно, отражающее суть Мироздания, Космоса, Бога и Человека. Наша современница осмелилась по-своему описать неопишное, объяснить необъяснимое, ещё раз показать, как велик русский язык, как космически всемогущ. Представьте себе: ночной небосклон, рассыпающиеся по нему звёзды, пути-дороги космических трасс, тонущие в текучих огнях, в горячем сиянии. В центре всего мироздания – Создатель:

А в кронах сосен, в черноту воздетых,
 Ещё громадней всей земли обочь,
 Летят планеты, движутся кометы,
 Мерцают, звёзды шествуют сквозь ночь.
 Равнины спят. Материи унылой
 Уже не встать над смертным в полный рост:
 Ты, Космос, – Царь. Но беспредельной силой
 Связал тебя спасающий Христос.

По-державински звёздно сияет это сильное произведение поэтического искусства: подлинный планетаризм мысли, отражающий Божьи звёзды: «И потому над речкою и полем / В разумной, шеве-

лящей звезды мгле / Огромною, безбрежной Божьей волей / Всё движется на небе и земле». И человек – песчинка среди плывущих огромных миров: «А я – песчинка – говорю с Тобою / Сквозь шелест крон над далью вековой, / И благодать прощенья надо мною / Сильнее смертных звёзд над головой». Это тот дуализм, что сталкивает и объединяет милосердие с разумом, гуманизм с абстрактным, Космос с Богом, Землю с Небом. Невероятное чувство космического родства, которое присуще поэтессе, передаётся и нам. Звёзды – непреходящие образы Вселенной, где «огромное небо беседует вместе с тобой», где «космос глаголит огнём остывающих звёзд», где «хвостатые гости – шальные ночные кометы!». Так или иначе душа стремится в заоблачные выси, зовёт в полёт романтическая космическая дымка. На пересечении Млечного Пути непременно встретятся «древний Космос и наша Земля». Таинственную космичность русской зимы хранят старинные города: Устюг, Смоленск, Чухлома... Лишь любовь спасает в городском одиночестве. И память детства – исторический Гжатск. Стихотворение «В Гжатске» (2020) возвращает всё на круги своя, возвращает триумфальный полёт в космос, туда, где «к Небесному Царству взлетят корабли...».

Наталья Егорова, как никто другой, верит в божественную природу и божественную силу человеческого слова. Понимание Божественной миссии слова – особое поэтическое свойство, ведь поэзия прежде всего служит духу, подчиняется вдохновению. И она, пожалуй, главная героиня в том грандиозном спектакле собственной жизни и творчества, автор которого – Сам Господь Бог. Её Бог осмыслен разумом и принят сердцем. В книге «Сиянье мира...» предстаёт новоявленный образ Создателя, мы ощущаем вполне реальное восприятие Бога. Нечто близкое, родное, по-человечески тёплое. Преодолевая тяжесть прожитых лет, преодолевая непреодолимое, поэтесса ищет и находит свою единственную истину. Мы принимаем этот философско-нравственный, философско-религиозный диалог, требующий от каждого из нас осмысленного выбора.

При всём при том произведения Натальи Егоровой, обращённые к Господу, – не уроки богословия, а искренний поиск постижения смыслов христианской жизни, где всегда стоит рядом образ человека и Бога, где существует тесная связь между этими двумя мирами, предполагающими некий мистический опыт. Вина, прощение, покаяние, а ещё живое противоречие бытия прочитывается в произведении:

Дочь поколений, выросших во тьме,
В безбожном, холодящем сердце мраке,
Я всей душою приросла к земле,
В земной глуши Небес читая знаки.
Восходит страсть земная надо мной –
Вплетать цветы в слова и слушать лиру.
Но с посохом и нищею сумой
Забросив мир, мне не пойти по миру.
Придут другие – новых нив посев,
И не прельстятся лирой голосистой,
А к Богу, от неправды уцелев,
Легко пойдут душой простой и чистой.

Иисус предстаёт в разных ликах: Бог – судья, Бог – искупитель. Система бытия не меняется, но человек, насыщенный неожиданными превратностями и поворотами жизни, вынужден перестраиваться. Библейские образы глубоко вошли в мироощущение автора. Кажется, что Сам Творец говорит человеку-художнику: «Сосредоточься, поскольку перо никому не даётся для праздности». И поэтесса в прямом смысле слова исполняет призыв Самого Господа Бога. Мало того, целое Небесное Воинство идёт ей на помощь: святые отцы, паломники, калики переходящие, одинокие странники. Только в нынешнем веке их уже не увидеть. Их просто нет. Но они остались в русских преданиях и легендах, и сквозь свет и сумрак времён, гонимые всеми – эти таинственные личности продолжают идти по пустынным дорогам святой Руси. Облик божеского человека правды показывает автор в стихах «В Оптиной пустыни» (2024). Слово Правда в трудах святых отцов – одно из имён Божьих. Великие испытания выпали на долю оптинского старца Амвросия. Недаром это православное место по праву считают сакральным, намоленным. За верой, надеждой, чудом приходят сюда тысячи паломников: «Солнце Оптиной. Охра и просинь / Среднерусских печальных равнин. / И таинственный старец

Амвросий / Смотрит в душу из вечных глубин». В тихой обители Оптиной пустыни время замедляет ход, а душа, впитывая молитвенное слово, обретает покой. Здесь можно испить воды из целебных источников и ощутить ту самую благодать, о которой, излечиваясь от горя и душевных недугов, писали Гоголь и Достоевский. Пока жив человек, пока он ходит по земле, вечны проповедь и молитва, творящие в стихах Натальи Егоровой чудеса. Спокойно, естественно – как истинное откровение – входят в сердце трепетные строки, звучащие самой сладкой колыбельной, что подобна ласковой и бескорыстной молитве:

Поглядит Серафим с почерневших икон –
И опять ты ребёнок, и Богом прощён.

.....
Он насквозь тебя видит и ясно твердит
С камня тысячи дней неустанных молитв
В лепет детства, в сияющий свет бытия –
Бесконечное, тихое: «Радость моя!»

(2016)

Душа, приобщившаяся Святого Духа, душа, впускающая в себя тусклый свет буден или непроглядную темень мрачных дум, вопреки всему полнится этой несказанной радостью. Некоторые максимы Натальи Егоровой можно сравнивать с Божьими заповедями. К примеру, возьмём такую: «Смирись – и вспыхнет солнце над тобой». Слаб человек, боясь незащищённости перед лицом смертности, зла, бед, любых несчастий. Молитвенное слово-прощение, по мнению автора, – пожалуй, лучшее духовное лекарство.

Так или иначе, но «терпеливая Муза» Натальи Егоровой требует от неё проникновенного воплощения и передачи поэзии в Слове, повелевает следовать высокому чувству творчества. Нужно отдать дань глубинной основе её произведений. Читая и перечитывая многие стихи автора, не перестаю удивляться сосредоточенной в них поэтической силе и подлинности. Причём гениальное терпение художника не имеет границ. Но даже если и бывает оно утомлённым, то рано или поздно спасение будет:

Зазвучит в тишине Иоанн Златоуст –
Золотое свеченье польётся из уст.
Золотые слова – разгоняют печаль.
Загорится сильнее золотая свеча.
Златоклювая птица засвищет в горсти
Золотому «люби!» – золотое «прости!».

Пусть язык, как река, остаётся полноводным, привольным и чистым. Мы постигаем искусство простоты и ясности, искусство образной речи. Наталья Егорова – тонкий и умный лирик, впитывающий народную мудрость, знающий цену добру и злу, правде и кривде.

«Для всех влюблённых в городе любви»

Творчество Натальи Егоровой рождено любовью к человеку. Оно представляет собой сильную систему: земные и небесные токи поэзии звучат в наших сердцах в унисон слову художника. Есть центр, который как бы сводит к себе весь остальной мир её поэзии, оказывается её основным нервом, её идеей и принципом. Это одушевляющая любовь. Огромная и непостижимая. Всё в книге «Сиянье мира...» освещено одним источником света, исходящего из доброй и возвышенной души автора. Человек и новая человечность.

Когда-то Герцен говорил, что женщина изначально «загнана в любовь» – таково извечное противоречие и такова природа женской души. Но Наталья Егорова показывает возможность выхода: её пронизательные, волнующие стихи – настоящее поэтическое открытие. Это выход из любви-страсти к подлинной вселюбви для людей и к людям – как объединяющее нас космическое чувство. Как же быть? – спросите вы. Жить, читать, думать, любить... С годами приходит понимание настоящей

и единственной ценности любви. На сей счёт у автора есть пронзительное и точное произведение «Июль лишь начался...» (1987). Именно избранная любовь всеильна во всём своём божественном проявлении:

И говорю: «Есть смысл в крутой напасти,
Что рвёт сердца тоской неумолимой.
Уже становятся разрозненные страсти
Любовью вечною и вечно неделимой.
Уже становится любовь не вечной мерой,
А небом, хлебом и водой – нуждой насущной.
Уже становится любовь спокойной верой
И в высший смысл, и в вечный свет, и в день грядущий».

Пребудет мир таковым! Вероника Тушнова – одна из лучших советских поэтесс в жанре любовной лирики – пророчески писала: «...из дальней дали мне в сердце смотрит вечная звезда». Да, её звезда была по-своему неповторима. Но, быть может, сюда стоит добавить и слово современное – и этими иными повторениями не менее богата поэзия Натальи Егоровой. Поэзия, освещённая новой космической звездой! И для ума внимательного и сердца, чуткого, открытого правде и любви, так же нет земных границ и пределов. Ещё одно ёмкое стихотворение из книги «Сиянье мира, бьющее за край», которое заканчивается библейски:

Любовь и Слово – вместе вы всегда –
Двойная путеводная звезда,
Великий гром из глубины молчанья.
И я стою под проливным дождём,
Давно забывши напрочь обо всём
И онемевши перед Божьей Тайной.
А миру гром грохочет вновь и вновь,
Как школьнице на ухо – про любовь! –
И мир во сне вздыхает виновато.
– Любовь! – из молний ласточка кричит.
А слово грозовой слезой горчит –
И падает божественным раскатом!

Без сомнения, книга Натальи Егоровой состоялась. Настоящая поэзия из жизни не уходит, но пока поэт жив – всегда существует вероятность нового, почти неожиданного подарка. И не кончается строка...

Берега прочтения

Эдуард Анашкин

Член Союза писателей России, член Международной академии русской словесности.

«...ЗА ПРАВО ЛЮБИТЬ И МЕЧТАТЬ...»

О книге Юрия Баранова «Строчки на крови»

...Нам драться за право и жить, и любить. / Мы землю родную должны защитить. / Пусть знают заклятые наши враги / В нас сила Сибири, Байкала, тайги.

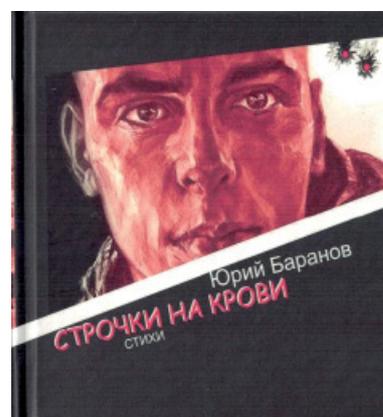
Таким эпитафием можно предварить работающий в Иркутске проект «Воины Байкала». Поэтическая цитата взята из сборника стихотворений «Строчки на крови» – книги, где «единым фронтом» идёт галерея портретов современных ребят-фронтовиков СВО и патриотическая лирика. Портреты воинов написаны заслуженными художниками России Натальей и Аркадием Лодяновыми. А стихи принадлежат перу Юрия Баранова, главного редактора литературного журнала «Сибирь», художественного руководителя и вдохновителя проекта «Воины Байкала».

Вот как сам Юрий Иванович Баранов поясняет идею этого издания, где через живопись и поэзию бьётся пульс непростого нашего времени: «...Мужественные и простые лица бойцов, выросших на берегах Байкала... несли такой эмоциональный заряд гордости и боли, что говорить об этом можно было только стихами... В этих стихах, по моему разумению, должно быть мало места вычурной и искусственной метафоричности, которой сегодня страдают многие маститые поэты, не видевшие откровенной грязи и крови войны, не представляющие окопный быт и вид оторванных человеческих конечностей. Так появился творческий проект “Воины Байкала”. Сборник стихов “Строчки на крови” следует рассматривать как часть этого проекта. Особо хотелось бы сказать о фотографиях и портретах наших воинов в сборнике. Фотографии из семейных фотоархивов... должны подчеркнуть неразрывность поколений и ещё раз показать истоки патриотизма, который рождается и бережно сохраняется в семьях...»

В сцепке жизни и литературы во времена военные именно жизнь берёт первенство, когда действительность, как бы трагично неприглядна она ни была, словно говорит литературе: «Давай обойдёмся без особого эстетства, потому что правда жизни сегодня превыше художественной правды». Когда воин лежит в окопе под вой снарядов, ему, поверьте, не особо есть дело до ярких метафор. Прямая речь, даже самая резкая, – вот мужской разговор в окопе!

«Я говорю под свист и вой снарядов. / И дрон жужжит, как будто, надо мной. / Страшнее всех вергилиевских адов / С тобой разлука, бой очередной. / Споём “Землянку”, но не станет легче. / Такая не похожая война. / Хотя любовь, по-прежнему нас лечит. / Мы верим: ждёт любимая жена... / ... Сомнений нет. Покончим с этой мразью. / Мы видим, что оставил этот враг: / Мешает кровь святую с чёрной грязью / Бандеровец и НАТОвский чужак... / Стальным крылом, сибибая повсеместно, / Хвалёных “леопардов” чугунки, / В который раз, шагая полновесно, / Несут Победу русские полки!»

Кто воюет – имеет позывной. Погибших называют по имени, которое они обессмертили своей доблестью. Никаких траурных рамок нет в книге, хотя понятно, что многие из этих великолепных портретов молодых и постарше людей – посмертные. Но на портретах они все живые – светоносные улыбки пробиваются даже через печать усталости. Но защитники Родины для нас живы и останутся живыми, пока живы мы. И между прочим – защитниками Родины порой бывают не только мужчины! Это суровая, но высокая данность жизни России: погибший за Отечество живёт в вечности. А потому

хочу пожелать, чтобы те, кто проходит в книге под позывными, вернулись домой не только с Победой, но и со своими позывными!

«Когда-то Спас построен на крови, / Как символ жизни, отданной за Веру. / Сегодня время строчек на крови. / Россия новую открыла эру. / ...Останутся навечно, навсегда, / Погибшие за други и Отчизну. / И пусть взойдёт победная звезда / Над нашей, кровью освящённой жизнью...»

Обладатель позывного Гюрза смотрит на нас с первой страницы книги, и взгляд этот пробирает до мурашек. В этом взгляде и вопрос, и вера, и мужество... И так хочется проговорить в этом эссе имена тех, чьи портреты украшают книгу. Игорь Литвиненко, Иван Гордеев, Иван Гарбузов, самый молодой Герой России Эдуард Дьяконов, Николай Исламов, Дмитрий Попов, Сергей Золотухин, Павел Калинин, позывной Казань, Иван Зверев, Глеб Пороков, Артур Хананов, Евгений Сериков, позывной Сибирь, Николай Кожокар, Иван Балаханов, Андрей Олейник, позывной Матрос, Юрий Максимов, Цырен-Доржо Цыренжапов, Павел Ковпак, Евгений Марченко, Николай Мкртчян, позывной Малой, Дмитрий Анищук, позывной Байкал, позывной Пастырь, Вячеслав Солуянов, Максим Коложный, позывной Гаврюша, Дмитрий Беляков, позывной Балу, позывной Питон, позывной Була, позывной Соболев, Роман Ветров, Николай Шумицкий, Николай Асламов, Николай Прокопьев, Алексей Пестов, Дмитрий Кузнецов, Сергей Брагин, позывной Добрый, Сергей Гартованный, Максим Денисов, Эдуард Нифонтов, Александр Стогов, Илья Филиппов, позывной Тарзан, позывной Кельт, позывной Малыш...

Уже один перечень фамилий заставляет вспомнить слова легендарного генерала Василия Маргелова: «Неважно, кто ты – бурят, мордвин, русский, татарин, удмурт... Для врагов мы все – русские!» Красивые, молодые, но уже с печатью взрослости на лице ребята. На некоторых фото из семейных фотоальбомов они запечатлены с мамами, жёнами, в мирной жизни. Цвет нашего народа!

Воины Байкала... Сталин не зря в самые отчаянные дни Великой Отечественной войны так надеялся на сибиряков, так ждал подкрепление из Сибири. Комдив Кошевой со своими сибирскими орлами спешил на помощь Москве, когда гитлеровцы уже рассматривали Кремль в бинокли. В самарском музее «Бункер Сталина» можно увидеть уникальные кадры кинохроники, как сибирские солдаты, одетые в добротные полушубки, проездом, спеша в Москву, тем не менее проходят парадом по улицам тогдашней военной столицы – города Куйбышева, прежнее название Самары. Такой показательный парад для тогдашних дипломатов, сосланных в военную столицу СССР Сталиным. Идут молодецким шагом, дабы у той же Японии и мысли не возникло открыть второй фронт. После этого парада сибиряков она и не возникла! И прямо с парада солдаты-сибиряки посажаются в вагоны, и поедут в сторону Москвы, и защитят нашу столицу от фашистов...

Сибиряки тогда спасли Москву, откинув полчища врага. Всё чаще сегодня говорят историки («...лицом к лицу лица не увидеть, большое видится на расстоянии»), что перелом в Великой Отечественной войне произошёл уже тогда, в битве за Москву. Спасение Москвы не умаляет подвига защитников Сталинграда, Прохоровки, Курской дуги. Но говорит о том, что дух нашего многонационального народа был таков, что стал основой главной победы над фашизмом – победы духа! Хотя война не мать родна, всегда выбирает и часто, к сожалению, забирает лучших.

«А мне бы жить, встречать рассвет / И слышать утром голос мамы. / И видеть неба синий цвет, / А не воронок чёрных шрамы. / Но жить в покое я не мог, / Когда кровят Отчизны раны, / Когда пожаров дым и смог / И метастазы от майдана. / Когда над Родиной чума, / Я сердце подставляю пулям. / Чтоб рухнула, исчезла тьма, / И лихолетье утонуло. / От предков мне досталась жизнь, / Доверен меч, заветы деда: / Воюй за Родину, держись, / Тогда придёт в страну Победа!»

Сегодня фактически идёт очередная попытка коллективного Запада уничтожить Россию, вроде бы и коммунизма уже нет, который им якобы помешал во времена Второй мировой войны. Вспомнилось лукавое высказывание: «Целились в коммунизм, а попали в Россию». Не надо вранья, господа! Вы всегда целились в Россию, а ещё точнее – всегда нацеливаясь на огромные ресурсы нашей страны. Всегда. Когда и коммунизма в помине не было. То через французов заходили во времена Бонапарта. Потом через немцев в Первой мировой войне. Потом социализм российский вам мешать стал, – вы Гитлера поддержали не только на словах. Ну а теперь украинскую карту решили разыграть, сделав ставку на недобитых во времена СССР бандеровцев...

Рассказали мне на днях уже похожий на анекдот, но реальный случай. Муж жене говорит, мол, если будут звонить незнакомые, скорее всего это аферисты и почти наверняка – с территории Украины. Ты, жена, спроси звонящих, мол, чей Крым? И сразу настанет момент истины. Жена согласилась, но перепутала немного. Звонят странные люди, просят сообщить какие-то коды, жена спрашивает:

«А чей Киев?» В ответ пауза и впережку с матом восклицание, что, мол, «русня» вконец берега попутала, не идёт навстречу потомственным бандеровцам...

А я подумал вот что – надо было бабёнке спросить, а чей Рейн, чей Потомак? Прямо как в стихотворении поэта-лётчика Юрия Баранова:

«Дойдём до Рейна, Потомака, / И не умрём, и будем жить. / И мир освободим от мрака, / Чтоб людям быть, любить, творить. / Мы в этой чёрной карусели / Не потеряли доброты. / Мы крещены в святой купели, / И наши помыслы чисты».

Фактически Юрий Баранов продолжил патриотическую поэтическую традицию, заложенную ещё поэтом-фронтовиком Павлом Коганом. Коган ушёл на Великую Отечественную войну добровольцем со студенческой скамьи Московского литературного института, погиб на войне, как многие молодые фронтовики. Но в своём, полном романтического порыва стихотворении «Лирическое отступление» почти сто лет назад написал:

«...Но мы ещё дойдём до Ганга. / Но мы ещё умрём в боях. / Чтоб от Японии до Англии / Сияла Родина моя...»

Война не самое лучшее время для отступлений, даже лирических. Сугубая жестокая военная правда тому причиной. Но идут войны России веками на войну вовсе не ради войны, а чтобы защитить родное и любимое, как в стихотворении Юрия Баранова «Сирень»:

«И снова уходят мальчишки / Родную страну защищать. / Сирень, палисадник, домишки, / За право любить и мечтать».

Переключка поэтов, переключка эпох. Практически о том же писал советский поэт-фронтовик Великой Отечественной войны:

«Да, можно выжить в зной, в войну, в морозы, / Да, можно холодать и голодать, / Идти на смерть... Но эти три берёзы / При жизни никому нельзя отдать...»

...Юрий Баранов, автор «Строчек на крови», не особо склонен к метафорическим фейерверкам и лирическим отступлениям. Быть может, главная художественная сверхзадача поэзии в военное время – это отсутствие художественной сверхзадачи, постановка её в подчинение суровой жизни на войне, суровой правде войны... А Юрий Иванович военной теме уж никак не чужой, лётчик, подполковник в отставке. Автор гимна лётчиков Дальней авиации, традиционно многие годы звучащего на построениях полков Дальней авиации. Офицер! А бывших офицеров, как известно, не бывает! Военные люди имеют профессиональное право говорить резко, не впадая ни в какие лирические отступления. Хотя лирика с привкусом горчинки и ностальгии по былому славянскому единству и братству всё равно прорывается сквозь суровость. Ощущение славянского братства, как и накрепко засевший в наш менталитет советский интернационализм, отменить нельзя:

«Шевроны Азова и оселедец. / В мёртвых глазницах застывший вопрос. / Но для меня ты не чужеземец. / Ведь ты на соседней улице рос. / Рядом сидели за партией в школе. / Вместе учились читать по слогам. / Оба буряк собирали в поле. / Позже грустили по общим друзьям. / Как же возникла меж нами пропасть? / Кровь размывает теперь берега. / Батько Бандера – злоба, жестокость. / Раздета Украина вся донага. / Ты променял нашу дружбу, счастье / Общего дома, большого пути / На европейскую ложь и участие / В этой войне, где от пуль не уйти...»

Сохранить для потомков суровую подлинность войны – главная художественная задача таких книг. Их, конечно, должно быть как можно больше, потому что «сердца, не занятые нами, займёт наш враг». Нельзя отдавать наше подрастающее поколение на заклятие западным ценностям. Время уже показало, насколько чужеродны эти ценности душе России. Может, европам они и самое то, но у русских (а для врагов мы все – русские, вспомним завет генерала Маргелова!) своя правда. За право русского человека иметь свою правду сейчас и воюют лучшие наши мужчины и женщины на Украине.

Радует, что в августе прошедшего года в Иркутском Доме литераторов состоялся круглый стол по проблемам патриотического воспитания молодёжи, в котором приняли участие многие граждане и общественные деятели многих иркутских городов – Ангарска, Черемхово, Тулуна, Слюдянки и др. Чётко прозвучала мысль, что тираж книги (300 экз.) ничтожно мал для издания с такими смыслами. Во времена военных лихолетий неизмеримо возрастает ценность правдивого поэтического слова о своём времени. Эта книга – воплощённый документ нашей непростой и противоречивой эпохи. Иркутяне обратились к министру культуры Иркутской области с просьбой о допечатке тиража. Разве мог министр культуры отказать в такой просьбе? И книга «Строчки на крови» получит право вторичного воплощения, чтобы занять достойное место на полках библиотек и напоминать нам о неизбежности нашей Победы.

Берега прочтения

Алёна Шипицына

Журналист, поэт, член Союза писателей России (Иркутск).

ИНТЕРВЬЮ С ВЛАДИМИРОМ СКИФОМ

А. Ш.: Вашу семью, без сомнения, можно назвать литературной династией. Расскажите, кто ещё, кроме Вас, одарён литературным талантом?

В. С.: Слово династия в нашем случае объединяет несколько литературных семей, которые связаны родственно. Это очень близкие, родные семьи: семья Молчановых во главе с известным писателем Иваном Ивановичем Молчановым-Сибирским, создателем и руководителем на протяжении 25 лет Иркутской писательской организации. Семья Распутиных, где центральная фигура – великий русский писатель Валентин Григорьевич Распутин. И третья семья Скифов-Молчановых-Николаевых, где я оказался в её главе – поэт, секретарь Правления Союза писателей России, автор 35 книг и собрания сочинений в семи томах.

Лично в нашей (третьей) семье есть одарённые члены семейства: это музыканты-преподаватели, есть художник, скульптор, но профессиональных писателей, кроме Владимира Петровича Скифа, больше нет. Хотя опубликовала замечательные воспоминания о своём отце И. И. Молчанове-Сибирском его младшая дочь Евгения Ивановна Молчанова, чьи мемуары похвалил даже В. Г. Распутин.

Недавно, уже вторым изданием, вышла в свет книга воспоминаний «Жить в полную силу» о Светлане Ивановне Распутиной, в которой проявила свои литературные способности наша старшая дочь Екатерина Николаева, написавшая яркие воспоминания о Светлане Ивановне, и там же опубликованы воспоминания Евгении Молчановой «Моя старшая сестра».

Пишет довольно интересные стихи мой сын, ныне известный в Иркутске художник, иконописец Игорь Владимирович Смирнов, который со своим братом, музыкантом и композитором Евгением Смирновым создали гимн Иркутского авиационного завода к его 90-летию.

А. Ш.: В какой семье Вы родились и выросли, чему научили Вас Ваши родители?

В. С.: Наша деревенская семья знаменита только тем, что моя мама Надежда Прокопьевна и отец Смирнов Пётр Алексеевич создали большое надёжное братство из восьмерых детей, в котором пять сестёр и трое братьев. Отец немного рисовал, с детства помню обыкновенный большой кусок фанеры с изображением цыгана в красной рубахе на вороном коне. Других работ не помню. Да и не до искусства ему было. Десять ртов, включая себя и жену, не просто было прокормить, а потом грянула война и он ушёл на фронт.

Чему в такой не простой, но всё-таки радостной жизни нас научили родители? Держаться стенкой и помогать друг другу выживать, защищать слабых, отбиваться от настырных сверстников в борьбе за твёрдые позиции в истинно русской жизни.

А. Ш.: Сколько у Вас детей и внуков? Какие ценности формировали Вы с Евгенией Ивановной у своих детей, внуков? Случались ли споры по поводу воспитания?

В. С.: У нас четверо детей, считая дочь моей жены Екатерину, моего сына Игоря и двух общих детей Дарью и Александру. У нас семеро внуков: Мария, Василий, Аглая, Авдотья, Леонид, Анна, Мирон.

Привилегии в нашей семье всегда были отданы музыке и литературе. Музыка – это русская и зарубежная классика, хоровые песни, музыкальные занятия. Евгения Ивановна – преподаватель фортепьяно. Наверно, поэтому все дочери получили музыкальное образование, а младшая дочь Саша занималась композицией у известного музыканта и композитора Лидии Янковской. Саша сочиняла песни и романсы на стихи Пушкина, Евгения Боратынского, Тютчева, Бунина, Арсения Тарковского.

А. Ш.: Какая литература формирует правильное мировоззрение? Кого нужно читать, а кого категорически противопоказано?

Вся семья Молчановых

С Валюшей

В. С.: Перед нами не было другой альтернативы, кроме русской и хорошей зарубежной классики. Когда дети были маленькие, мы читали им сказки Пушкина, басни Крылова, русские народные сказки, рассказы Льва Николаевича Толстого, прозу Михаила Пришвина, Константина Паустовского, а позже – Валентина Распутина, Василия Белова, любимыми становились Булгаков и Шукшин, Владимир Солоухин и Виктор Лихоносов. А Леонид Бородин с его настольной книгой для детей «Год чуда и печали» – это действительно – чудо! Леонид Иванович даже бывал у нас в гостях и, подписывая мне книгу, адресовал младшей дочери Саше несколько сердечных слов: *«Володе Скифу, по-сибирски истинному – от земляка и коллеги со всяческими добрыми пожеланиями. 11-X-94 г. Бородин. Иркутск. Особо – Саше с благодарностью за внимание к повести, которую писал сердцем, а не рукой. Бородин».*

Разве подобное можно забыть? Вот кто, кроме нас с женой, формировал мировоззрение детей и внуков. А Валентин Распутин, которому наши дети были родными племянниками, тоже не обходил их стороной. Приведу автограф Распутина, адресованный лично дочери Даше: *«Даше Смирновой в день достижения ею первого юношеского возраста и чтобы почитала маму, папу и Валюшу. В. Распутин. 2 ноября 1987».*

С самого раннего возраста шло общение наших детей с писателями и их произведениями. Ещё один автограф, оставленный моему сыну Игорю, когда ему исполнилось девять лет: *«Игорю Смирнову от дяди Вали. Расти, Игорь, большим и добрым, и помни, что нет ничего на свете милей Родины. В. Распутин. Октябрь 1981».*

Мы, вся наша семья – категорические противники русофобской, антирусской литературы, развенчивающей нашу великую историю, наши православные традиции и русские национальные ценности. Я сам – как поэт и духовный сеятель русского слова – пишу об этом стихи и читаю их чужим и своим детям:

Как хорошо идти по свету,
По краю звёздного пути,
И славу русского поэта
Державной поступью нести.

Как хорошо служить России
И знамя чести поднимать.
Как горестно своё бессилье
В служенье этом понимать...

А. Ш.: Как, на Ваш взгляд, должны распределяться обязанности в семье? Помогали ли Вам в воспитании Ваших детей бабушки и дедушки?

В. С.: Разговоры о распределении обязанностей в семье уже набили оскомину. Достойным примером для нас и наших детей должны быть бабушки и дедушки с их колоссальным воспитательным опытом. Они всегда были незаменимы в семьях, как у нас самих, так и у наших детей.

Я здесь представлю одну из фотографий, где моя мама Надежда Прокопьевна сидит среди своих детей и внуков. Их очень много, но это ещё не все, их в два раза больше! Посмотрите на маму и на лица сидящих рядом с ней детей и внуков. В этих лицах сияет одно солнце и, как будто бы, одна на всех – улыбка радости и близкого родства. Все присутствующие на этом снимке – нечто одно целое

по отношению друг к другу – это любовь и почитание старших, верность русскому языку и русскому слову – и, конечно, быть рядом и вместе, что и является нашим спасением в нынешних непростых жизненных условиях.

Отдельно хотелось бы сказать о бабушке Виктории Станиславовне Молчановой, супруге И. И. Молчанова-Сибирского, и о её влиянии на своих детей и внуков, которых было тоже немало – шестеро детей и девять внуков. Виктория Станиславовна – человек любящий, лёгкий, энергичный, внимательный ко всем и всему, такой она запомнилась мне с первых дней нашего знакомства в доме Молчановых. Многому мы учились у неё. В семейной жизни она была действительно ярким примером для нас. В своих воспоминаниях об отце «Передавая сердца трепет» («Сибирь» № 2–2003, с. 98–125) младшая дочь Евгения Ивановна пишет о матери, вспоминая, как она ещё довольно молодой женщиной ездила с тремя детьми на свидание к мужу на фронт:

«Забота о семье, о жене, о детях не оставляла его (И. И. Молчанова-Сибирского. – В. С.). В письмах к маме, своей “родной и любимой Витеньке” (полное имя мамы – Виктория), он настойчиво просил сообщать о каждом достижении своих малышей, о каждом новом слове, о первой улыбке, позже – об успехах в учёбе. Его интересовали бытовые условия жизни: будь то посадка или уборка картошки, заготовка дров, получение продуктовых карточек. Особенно папу волновало состояние мамино здоровья – ведь рождение и воспитание детей в военное время – занятие не из лёгких».

Разлуку переносить было тяжело, и в 1944 году мама с тремя детьми получает разрешение на поездку в Чойбалсан, чтобы хоть какое-то время побыть рядом. Думаю, что после прощания и родились такие строки:

Минуты бешено летят,
Пора и нам поторопиться.
Перед разлукой невпопад,
Не то, что надо, говорится.

На ум приходят пустяки,
Порой нелеп и жалок лепет,
Но помогает дрожь руки,
Передавая сердца трепет.

1944 г.

Виктория Станиславовна Молчанова сохранила литературное наследие своего мужа, и, благодаря её тщательному и чрезвычайно важному отбору писем и материалов архива, мы сумели издать трёхтомное юбилейное издание Молчанова-Сибирского к его 120-летию. Исходя из этого, хочу сказать, что наши дети и внуки воспитывались на ярком жизненном примере любви и верности, труда и светоносного отношения к родной Отчизне, к Сибири, к русским семейным и православным традициям.

А. Ш.: *Чем занимаются Ваши дети? Кем из них Вы гордитесь?*

В. С.: Выделять кого-то и выискивать «любимчиков» не намерен. Всех ценю и всех люблю необыкновенно! Старшая дочь Екатерина Николаева православный, воцерковлённый человек, как и вся её семья: муж Николай, дочь Мария, сын Василий. Она знает и любит музыку, окончила Иркутское музыкальное училище им. Шопена. Написала правдивые, горячие воспоминания о своей тёте Светлане Ивановне Распутиной, которые опубликованы в книге «Жить в полную силу».

Сын Игорь Смирнов – художник, иконописец, книжный иллюстратор, занимается художественной росписью храмов, которых насчитывается уже семь: Свято-Серафимо-Покровский храм в Ленинске-Кузнецком, храм Державной иконы Божией Матери в посёлке Хужир на Ольхоне, Покровский храм в посёлке Пивовариха, храм Ксении Петербургской в Иркутске, Спасо-Преображенский храм в Усолье-Сибирском, храм Рождества Христова в городе Улан-Удэ, храм Иннокентия Московского в посёлке Горячий Ключ под Иркутском.

У него уже прошло несколько персональных выставок. Работы Игоря Смирнова находятся в Третьяковской галерее, в Иркутском, Красноярском и Томском художественных музеях.

Дочь Дарья Тимкович, ныне жена скульптора Евгения Тимковича, мать двух замечательных детей Ани и Мирона, преподаватель английского и французского языков и активный помощник своего мужа-скульптора.

Дочь Александра Седых работает в юридической фирме «Ваше право», помогает неудачливым должникам спастись от долгов. Открыла творческую студию по эпоксидной смоле.

А. Ш.: *Что для человека семья?*

В. С.: С раннего детства помню книгу французского писателя Гектора Мало «Без семьи», рассказывающего о жизни и приключениях найдёныша Реми, который попал к бродячему актёру Виталису и вместе с ним скитался по всей Франции, испытывая горести и невзгоды на протяжении долгих лет. Книга поразила моё воображение, и я вспомнил, как мы ехали с отцом по ночной тайге из посёлка Каранцай и я спал у него на коленях, а утром он остановил водителя и в необозримой таёжной красоте вынес меня из кабины и показал токующего на огромной сосне красавца-глухаря. Как радостно было чувствовать сильные руки отца и в это пронзительное алое утро понять, что такое быть рядом с отцом.

И второй случай, о котором хочется рассказать. У меня есть стихотворение о моих дочерях, написанное в 2001 году, в год рождения самой младшей дочери Саши:

Екатерина, Дарья, Александра –
Благословенны ваши имена.
Цветок Екатерининского сада –
Екатерина, тайна, тишина.

Вторая – свет и музыка движенья,
Волна аккордов мощных и тугих.
Додумалась до смелого решенья:
Быть самой дорогой из дорогих.

А третья – вся стремленье, средоточье
Восстать и закрепиться на земле.
О, Александра – крохотная дочка
Ещё в пелёнках, в гнёздышке, в тепле.

Звенит капель, проклюнулась рассада.
Над миром – долгожданная весна.
Екатерина, Дарья, Александра,
Благословенны ваши имена!

Однажды я прочитал это стихотворение в женской аудитории города Усолье-Сибирское, и вдруг одна из женщин заплакала, а после моего выступления сказала: «Извините, не сдержалась... Мои дети, мальчик и девочка, остались без отца, и они никогда не знали отцовской ласки, они ею обделены, чего в семье не должно быть. Материнская любовь – это одно, а отцовская забота и пример для подражания – это другое... Ваши дочери, конечно, счастливы и живут в полноценной семье. Храни Господь вашу семью!» Я подарил ей свою книгу с поклоном ей и её детям.

И ещё одни стихи. Это стихи о нашей деревенской семье из посёлка Лермонтовский, где мы жили среди родительской заботы и ласки. Переоценить существование крепкой семьи невозможно. Ею надо быть!

С внучкой Аней на даче, 2014 год

Мама с внуками

С внучкой, женой и дочерьми, 2010 год

Во мне, как память, дремлет среди минувших лет
Далёкая деревня – мой незакатный свет.
Вдоль памяти грибные раскинулись леса,
Лучистые, сквозные сияют небеса.

Родительский, родимый плывёт в тумане дом.
Вкус памяти – сладимый – напомнит мне о том,
Как мы большим семейством справляли сенокос
В полях и перелесках среди живых берёз.

Как пел и пил глотками свою зарю – петух.
Из «папиной пекарни» струился хлебный дух.
За утренней прохладой парное стадо шло,
И было столько лада в тебе, моё село!

И дудочка играла, и громыхала клеть,
И мама собирала в мешок заплечный снедь.
Мы поднимались рано, жевали пироги
И в драные карманы совали оселки.

Кричал на поле грачик. День поднимался, креп.
И коркою горячей нас грел отцовский хлеб.

А. Ш.: *Не мешает ли семья творческому росту?*

В. С.: Истинная, настоящая семья обрамляет творческого человека, добавляет ему забот, но и вдохновляет, настраивает на особенный лад, где он чувствует этот зовущий к деятельности тыл из детей и внуков во главе с любимой женщиной, достаточно много делающей для творческого роста и становления писателя. Но писать всё-таки лучше в одиночестве, на Байкале, особенно осенью, что я и делаю, и мой спутник по жизни – любимая женщина – мне в этом помогает, не докучая мне иными заботами, когда струится, как легчайший свет, вдохновение и совершаются скифские набеги в неведомое и заповедное – поэтические миры!

А. Ш.: *Разверните, пожалуйста, фразу «Семья Молчановых, Скифов, Распутиных – это...»*

В. С.:

Сёмьи Молчановых, Скифов, Распутиных – это...
Суть вдохновенья, любви и байкальского света!

...Это свечение военной зари у Большого Хингана,
Всплески реки Халхин-Гол и озёрные блески Хасана.

Это заблудший японец с лицом пулемётного диска,
Жуков Георгий и с рифмой Молчанов-Сибирский.

...Это Матёра утопшая, но, словно мать – живая,
Слово Распутина, вьётся иглою, Отчизну сшивая.

Слово его, как набат или штык у горячей винтовки.
Болью полны и, как пули, – свистят у статей заголовки.

...Рядом мой стих, пригвоздивший врага, лихоимца и вора.
Прячет себя от расправы – чиновных преступников свора,

Кто у России грядущую – лучшую жизнь отнимает...
Слово моё над Отчизной победный штандарт поднимает!

С внучками Машей, Аней, Глашей и Дуняшей, 2014 год

С семьёй Сергея Распутина (в центре), дочь Дашей и внучкой Аней (справа)

Семья Смирновых, 2000 год

Берега прочтения

Ольга Ефимова

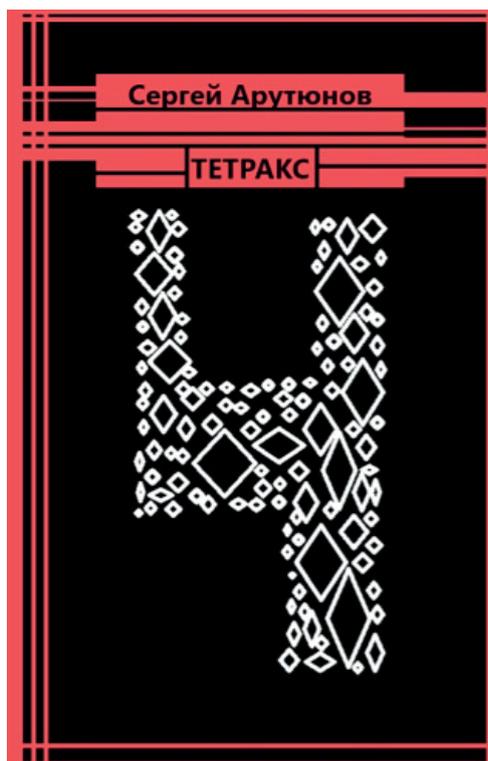

Ольга Ефимова – поэт, прозаик, литературный критик. Окончила экономический факультет МГПУ по специальности «менеджмент в сфере образования». Публиковалась в журналах «Урал», «Наш современник», «Дети Ра», «Цветные строчки», «Зинзивер», «День и ночь», «Зарубежные записки», альманахе «День поэзии», газетах «Экслибрис НГ», «Литературные известия», «Поэтоград». Родилась и живёт в Москве.

ЗАМЕНА СЧАСТИЮ

Сергей Арутюнов. Тетракс (четыре книги, втиснутые в одну).

Новокузнецк: Союз писателей, 2026

Первое, что хочется сказать: нам дали гораздо больше, чем обещали. Была заявлена одна книга, а по факту под обложкой – полноценный квартет. И хотя под порядковыми номерами книг и не проставлены даты их написания, по содержанию мы легко угадываем, о каком времени идёт речь: эта поэзия – о злободневном, о том, что четыре года гложет каждого более-менее честного человека (и не видно этому процессу конца и края). О нас сегодняшних и о личном. А ещё о том, что неизбежно: изредка отвлекаясь от мучительного анализа окружающей действительности, от рефлексии, балансирующей на грани покаяния и признания себя ничтожным, Сергей Арутюнов переходит на возвышенную, библейскую лексику и в своих духовных стихотворениях отрывается от земли. Ненадолго. Искренне. Трогательно. Чтобы снова вернуться в обычную жизнь, где его лирический герой «огребает» как от постоянства трагизма человеческого бытия, так и от его переменчивости (при этом к самому себе он относится критически):

Угрюмый, недоговорной,
Охочий до кровопусканья,
Я имя, сколотое с камня,
Я буква, смытая волной.

Это состояние не ослабевает: оно устоявшееся, выстраданное, годами обуревающее лирического героя и ставшее его второй кожей. Строфа представлена простым четверостишием, а главное, что нам следует знать о человеке, мы узнаём из двух последних строк. Смысловый акцент стихотворения направлен на определение авторской идентичности, которое реализуется посредством метафорических образов имени и буквы. Имя выступает как символ индивидуальности, её сути, стойкости натуры и приверженности убеждениям, в то время как буква олицетворяет нечто малозначительное, уязвимое, легко подверженное влиянию извне. Внутренний конфликт усиливается жёсткостью характера («охочий до кровопусканья»). Надо ли говорить, что в обществе победившего капитализма такой человек, прямо скажем, неудобен?..

Пространство вокруг него такое же неудобное. Вот осень, зябкий пейзаж:

И так эта вся нежилая окрестность продута,
 Что на дух теперь не выносит она политоту,
 Читаясь урывками, словно бы письма оттуда,
 И парусом никнет, и не подлежит переводу.

Как будто человек говорит «в нос» и насморк у него длится не первые сутки... Это определяется ударением на второй слог каждого двусложного стопового элемента («про-ДУ-та», «на ДУХ», «не вы-НОСит», «ЧИТА-ясь»). А всё из-за амфибрахия: поскольку русский язык склонен к естественным словесным оттенкам именно на втором слоге, автор словно общается с нами «как в жизни», приближаясь к естественной коммуникации. И разговор выходит невесёлый, тоже как будто «простуженный»: образ поникшего паруса, едва намекнув на простор и свободу, «подкашивает» наши ожидания, погружая в промозглый пейзаж – сиди, не рыпайся, почти физически ощущая опустевшее пространство (шикарно причастие «продута» – аж поехала!). О политике рассуждать не будем: окружающая среда (обозначаемая словом «окрестность») устала от этой шумихи («на дух не выносит она политоту»), да и сил не осталось на переливание из пустого в порожнее...

...Наступает зима. Казалось бы, картина должна поменяться: всё же в русской поэтической традиции белый снег издавна символизирует чистоту и обновление. А вот и нет! Поэт показывает нам страшную вещь – притупление сознания, когда не радуется и то, что по природе своей должно восхищать:

И в этой полу-яви-полу-тайне,
 Утратившей желанье быть собой,
 Слепящей белизны преобладанье
 Неразлично в серости скупой.

Арутюнов даёт самой простой, обыкновенной жизни восторжествовать над красотой идеально чистого, заснеженного пространства. У поэта есть все основания считать, что такая монотонность, повторяющаяся изо дня в день, способна адаптировать человека к любым обстоятельствам. Без новых впечатлений, без информации, без понимания происходящего – такова реальность. Мы воспринимаем окружающее как должное и продолжаем существовать в этом режиме, со временем превращая все наши действия – неважно, хорошие, плохие или несущественные – в автоматические привычки. Вся жизнь становится набором привычек, в сумме которых и сам человек мутирует в одну большую привычку, ту самую, пушкинскую «замену счастью». При этом автор не жалеет и «слепящую» сторону: слишком ты «беззубая», нельзя быть такой беззащитной... Дочитав это стихотворение до конца, большинство людей сочувственно кивнёт: ну да, так и есть. Но есть и те, у кого эти строки вызовут внутренний протест: нет, я так не хочу. На энергии стихийного внутреннего протеста человек способен на многое, и дай-то бог, чтобы она, как говорится, была использована в мирных целях... Нельзя оставаться равнодушным к данному состоянию: если ты замотан повседневностью, проще с ним внутренне согласиться, поскольку нет энергии на борьбу. Но если осталось хоть немного пороха в пороховницах... Просто почувствуйте, как в груди поднимается острое неприятие привычки: нет. Так я жить не буду. Хочу света. И счастья. А наутро ударит похолодание, и погода переменится, и будет, опять же, по Пушкину, «мороз и солнце»...

Впрочем, встряхнуться – это только начало.

В христианстве четыре – число тела, тогда как три символизирует душу. «Четвёрка» – полнота и воплощённая системность: четыре основных направления, четыре ветра, четыре сезона... Увы, порядок, изначально задуманный Богом, человек доводит до абсурда. Установка «будь как все» пронизывает существование нашего современника: он должен вбить себе в голову, что от него ничего не зависит. Информационный поток транслирует это как данность изо дня в день, а чего стоит фраза одного из чиновников в духе «мы должны воспитывать идеального потребителя»? Ничего своего у потребителя быть не должно: пусть ест что дают и не булькает...

Как выжить в таких условиях и сохранить себя?

Можно подстроиться, хотя бы физически, частично, как и положено выживать в капиталистической системе человеку, поставленному в то или иное положение. Что творится у тебя в душе – никого не волнует, давай, шире шаг, спину ровнее. Жутковато звучит напутствие, завершающее стихотворение «Молебен»:

Идём же, как все идут, кто медленней, кто быстрее,
Да будет весь облик твой продуман, мастеровит,
А ну-ка, не подводить, собаки, ни слух, ни зреньё,
А там уж кого куда грядущее сохранит.

Чередование мужской и женской рифмы несколько смягчает чеканный шаг трёхсложной стопы, и даже ругательство «собаки» (угроза агрессии, опасность!) вписывается в общий настрой движения – не «в ногу», но в заданном направлении. Сергей Арутюнов смотрит вперёд с опаской, не обнадеживая, но и не страшая: будет так, как будет, как Бог даст... Размытость контуров будущего рождает зыбкость, и после финальной точки остаётся ощущение недосказанности: нельзя сказать, что автор холоден, но напряжённость не покидает его. Эта настороженность глушит душевное смятение, однако её маловато для того, чтобы стать источником силы.

Но когда дело касается основополагающей ценности человека – причастности Родине, поэт «взрывается», являя нам ожесточённую гражданскую лирику:

Ликуй, оживлена, стройна,
За пригоршню рублей,
Спляши на мне, моя страна,
Утешь меня. Убей.

Здесь мы видим три ударных слога, и это троекратное повторение подобно ударам молотка. Враждебные друг другу глаголы «утешь» и «убей» сталкиваются лбами, а повелительное наклонение откровенно бунтует против «нормального» функционирования. Представление страны в виде одушевлённого субъекта, способного к «танцу», акцентирует взаимосвязь индивидуума и государства, а также раскрывает эмоциональную связь автора с родной землёй. «Моя страна» – в данном контексте звучит горько, но именно «моя»! Сугубо личная, а не собирательно-нейтральная «наша». И ни в коем случае не «эта», как любят выражаться некоторые... Так «срываются» только на любимых, на близких, когда терпение лопается от бессилия как-либо изменить ситуацию: да что ж ты творишь, такая-сякая?!..

Покажется ли это стихотворение кому-то чересчур «плакатным»? Да и ладно, важно другое: как бы мы себя ни убаюкивали, внутри живо отторжение к спокойному воспроизводству сытой, раз и навсегда отлаженной жизни. Как можно быть спокойным, когда... ну, вы сами понимаете. Предельная экспрессивность человеческого голоса в короткой строке – прямой призыв обрести свободу через смерть. Доведённого до отчаяния гражданина опасно успокаивать – столь сильное чувство можно только выплеснуть. Только так можно восстать против капиталистической рутины: огрызнуться, сбросить морок, пребывая в боевой готовности к любому исходу...

...И внезапно – лёгкие, почти воздушные строки, вдобавок написанные от лица женщины:

У волчьих римлян хомо люпус эст –
Восток от Рима мало отличим...
Я видела, как Он взошёл на крест
Всему своим и никому ничьим.

С тех самых пор последнее отдам,
Одежду, украшения сниму,
Чтоб не забыть, как я стояла там
И как душа моя рвалась к Нему...

Да здравствует классический русский ямбический стих!.. Сколько здесь всего: и цитата из латинской поговорки, и отсылка к Древнему Риму (отметим, что повадки «волков» за много веков не изменились), и намёк на сходство Востока и Запада в их имперских аппетитах, и христианская жертвенность, голос которой звучит открыто и честно. Личность трепещет перед великим событием, и описать такое не каждый сдюжит: экзальтация здесь неуместна, а если нечаянно проберётся в текст хоть капля скепсиса, то стихотворение погибнет. Немного смятения в последних строках – это дань человеческому началу, тогда как первые представляют собой безусловное, священное благоговение перед Христом:

Ответь же иль совсем не говори,
На той горе стоим иль не стоим,
И отчего вся музыка внутри
Зовёт в небесный Иерусалим.

Это что, тоже Арутюнов?.. Как будто писал другой человек: отшельник, инок, для которого смирение – норма жизни. Всё та же зыбкость, всё то же отсутствие твёрдой точки опоры («стоим или не стоим») и тот же немой запрос к пространству, рискующий остаться без ответа. Но звучание стихотворения (сколько тут мягких звуков, открытых гласных и кроткого «эль»), его мелодичное течение («музыка внутри» – такое редко услышишь от автора!) – разве это не восхитительно?! Духовные стихотворения Сергея Арутюнова – настоящие жемчужины, и жаль, что подлинно религиозной, очищенной от налёта социальности, в этой книге так мало: нельзя же всё время глядеть в небо, нужно и под ноги смотреть, а то не ровен час, извините, навернёшься. Да и если вчитаться, ни одно из представленных в этой книге произведений не является полностью «земным»: свет Творца прорывается в образах природы, христианские мотивы исподволь наполняют текст и поэт показывает нам человека: с одной стороны, он рвётся к Создателю, с другой – бывает подвержен унынию (силён лейтмотив «я же говорил, что всё будет плохо»), и только вера с переменным успехом противостоит этому мрачному духу...

Размышляя о том, что происходит в мире, поэт намеренно не сглаживает углы. Он бьёт наотмашь, до синяков, и меняться не собирается:

Так добивают лучших, потом скорбят,
Главный убийца стонет, как сивый мерин...
Можно и оступиться сто раз подряд,
Но от себя отступаться я не намерен.

Драматичность судьбы лирического героя не только не смягчена, но, напротив, акцентируется с ещё большей силой. Слава богу, хотя бы многоточие оставляет небольшую «лазейку» в этой мрачной истории: ведь случиться может всё что угодно. Это звучит трагически. И очень здорово.

Как же он прав. Как же хочется, чтобы ошибался. Стихотворения Сергея Арутюнова привлекают внимание не только благодаря отточенной форме, но и проникновенному психологическому наполнению. И да, я всё-таки из тех, кого они понуждают не опускать рук. Пока есть те, кто не оступается от себя, хочется верить, что однажды, когда нас уже на земле не будет, человек наконец поймёт, кто его настоящий Отец, и тогда...

...Наносное схлынет, а вечное останется.

Свет изначальный.

Бережок

Ольга Флярковская

Ольга Флярковская – родилась в Москве. По образованию театровед, с отличием окончила ГИТИС им. А. В. Луначарского. В настоящее время работает на телевидении и заведует отделом культуры и искусства в литературном альманахе «Гражданинъ». Автор шести поэтических книг, критических и литературоведческих статей, член жюри многих российских и международных фестивалей. Основатель и многолетняя ведущая творческого клуба «Чернильная роза» при МИКК «Особняк Носова» в Москве. Лауреат нескольких литературных премий. Член МГО Союза писателей России.

РОМАШКИНЫ СНЫ

СНЕГОВИК

Посадила на скамейку
своего снеговика –
у него без шарфа шейка
и без пальчиков рука.

И торчит на месте носа
просто маленький сучок.
У него ко мне вопросы...
Бедный мой снеговичок!

СНЕЖНЫЙ ВАНЯ

Кружит снег над головой,
Льётся свет из жёлтых окон.
Здесь стоит как часовой
Снежный Ваня одиноко.

На него глядит звезда
Из космического мрака.
Рядом с Ваней никогда
Не кусается собака.

К Ване в гости ходит кот
На морковную пирушку.
Утром Ваня подаёт
Клюшку седенькой старушке.

Рядом с Ваней тает грусть,
Не морозит зимний вечер.
Он любой тяжёлый груз
Взять готов себе на плечи.

Снежный Ваня день и ночь
Занят добрыми делами...
Он готов и вам помочь,
Убедитесь в этом сами!

ХРАМ ДЛЯ МАМ

Сегодня мама едет в храм,
Такой особый храм для мам.
С собой везёт пелёнки,
Ей там дадут ребёнка.

И лучше бы мальчишку,
Давно хочу братишку,
Но можно и девчонку,
Согласен на сестрёнку.

Меня когда-то в этом храме
В подарок тоже дали маме.

СОСУЛЬКИНЫ СЛЁЗКИ

«Сосулькины слёзки» назвали капель.
Сосулька заплакала:

– Скоро апрель!

Травинки росинки нанижут,
Но я их уже не увижу.

– Сосулька, твоя поправима беда,
Смотри-ка, что падает с крыши? Вода!
С самим океаном в недалеком родстве,
Ты будешь сверкать
На траве и листе,

И даже, в оправе зелёной,
Весну увенчаешь короной!
А всё потому, что сосульки слеза –
И дождь, и река, и туман, и роса!

ПТИЧИЙ ЗАВТРАК

Апрель простудился, апрель занемог,
Поэтому снег неожиданно лёг,
И птицы, что с юга вернулись,
Сегодня в тревоге проснулись.

В полёте они исхудали,
А им и букашки не дали!

Пойдём на прогулку
к знакомой кормушке
И завтрак накроем
голодным пичужкам!

РОМАШКИН СОН

Однажды ромашка рассвет проспала.
Случаются с каждым такие дела!
Ромашку пчела разбудила:
– Где ты в сновиденьях бродила?

– Я розой цвела в неизвестном саду,
Неспешно качаясь у всех на виду,
Но позже – о ужас! – велели меня
Под корень подрезать средь белого дня!

Сочувственно лапки сложила пчела,
Она впечатлительной с детства слыла.
Ромашке в глаза поглядела
И только гудела, гудела...

Умылась ромашка прохладной росой
И, скромной своей просияв красотой,
На солнце зажмурилась было...
И сон свой ужасный забыла.

Ромашке шепнула, прощаясь, пчела:
– Я рада, что ты среди нас расцвела!
В лесу на поляне в тиши голубой
Так важно всегда оставаться собой.

КОПИЛКА

Копила монетки копилка-свинья,
Свинье помогала большая семья.
Однажды копилку придётся разбить...
Опасно для жизни копить и копить!

МЫШКА

На день рожденья мышке
Мы подарили книжку.
Странички полистала –
От чтения устала.

А после наша мышка
Насквозь прогрызла книжку.
Для мышек книжки эти
Вкусней всего на свете.

ХОМЯКИ

В норы тащат хомяки
Здоровенные мешки.
Не судите по щекам,
Как живётся хомякам!

Их стратегия верна:
Умножать запас зерна.
В зиму будут при зерне
В их хозяйственной стране.

МЕДВЕДЬ

У медведя вырос флюс.
– Что стряслось, Медведь?
– Укус...

Я повадок диких пчёл,
К сожаленью, не учёл.
При добыче мёда
Пострадала морда...

Мне зачем-то яду
Выдали в награду.
По ошибке, видно...
Всё равно обидно.

ЛЕКАРСТВО

У старого Барбоса
Закапало из носа.
Задам ему вопрос:
– А чем ты лечишь нос?

– Бессильны все таблетки,
Мой нос спасут котлетки! –
Подумав, на вопрос
Ответил умный пёс.

Наши друзья

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdchxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.rusklina.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Журнал «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»
Журнал «Сибирь», Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/o-nas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздня, Вильнюс
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргамак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина», гл. ред. Тамара Малеевская, Австралия: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛИТЕРА», гл. ред. Владимир Фёдоров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», Белгород, гл. ред. Сергей Бережной
Журнал «Невечерний свет», гл. ред. Владимир Хохлев: vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html
Альманах «Под часами», Смоленск

О приобретении журнала

Поддержка и приобретение журнала «Берега»
осуществляется перечислением на карту Сбербанка по номеру телефона 89118630467.